

**Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок**

ХАНТЫЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебная хрестоматия

Часть III

**Ханты-Мансийск
2010**

УДК 821.51
ББК 83.3 (2Рос=Хат)
X 19

ISBN 978-5-9611-0061-7

Издание выпущено при финансовой поддержке Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Рецензенты:

Л. А. Андреева – кандидат филологических наук

В. Н. Соловар – кандидат филологических наук

В. И. Сподина – кандидат исторических наук

X 19 Хантыйская литература: учеб. хрестоматия : [в 4-х частях] : часть III / сост. Е. В. Косинцева. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. – 361 с.

Сборник содержит тексты произведений писателей-ханты и задания к ним, которые помогут освоить основные направления развития хантыйской литературы, выявить индивидуальные особенности творчества каждого автора. Хрестоматия предназначена для школьников, студентов и всех, кто интересуется хантыйской литературой.

УДК 821.51
ББК 83.3 (2Рос=Хат)

ISBN 978-5-9611-0061-7

© Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2010

© Югорский государственный университет, 2010

© Оформление, ООО «Доминус», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
РОМАН ПРОКОПЬЕВИЧ РУГИН	
Ранний ледостав.....	5
<i>Вопросы и задания</i>	95
Счастливые деньки на Шум-Югане.....	96
<i>Вопросы и задания</i>	162
В ожидании сына.....	163
<i>Вопросы и задания</i>	263
ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА МОЛДАНОВА	
Касания цивилизации.....	264
<i>Вопросы и задания</i>	304
«Средний мир» Анны из Маланга.....	305
<i>Вопросы и задания</i>	335
ТИМОФЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МОЛДАНОВ	
Мое первое слово.....	337
Город между двумя реками.....	338
Моей тете Марии посвящается.....	339
Мужчина Юнльска.....	341
Почему я в большой город переехал.....	342
Разных земель, разные женщины.....	344
Мансийские девушки.....	347
Девушки с косами.....	349
Одинокое дерево береза.....	350
В Берёзово.....	351
Имена потерявшие земли.....	352
Курьёхские бора.....	353
Ненецкая женщина.....	354
<i>Вопросы и задания</i>	359
Литература.....	360

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели! У вас в руках – вторая часть учебной хрестоматии, в которой представлены известные и менее известные тексты поэтов и прозаиков хантыйской литературы. Книга бесценна сама по себе, так как в ней сосредоточены знания и талант людей, формирующих своим мастерством историко-литературный процесс целого этноса.

В третью часть учебной хрестоматии вошли произведения таких авторов, как Р. П. Ругин, Т. А. Молданова, Т. А. Молданов.

В книгу включены поэтические и прозаические произведения авторов, а так же представлена литературная обработка фольклорных текстов.

Каждый раздел книги, разделенной по персоналиям, завершается вопросами и заданиями, которые помогут:

- * освоить основные направления развития хантыйской литературы;
- * выявить общие тенденции ее развития;
- * проследить индивидуальные особенности каждого автора;
- * раскрыть своеобразие жанра на материале хантыйской литературы;
- * представить разнообразие тем и мотивов хантыйской литературы;
- * проанализировать систему образов и язык произведений.

Отдельно следует сказать слова благодарности рецензентам – к. фил. н., доценту В. Н. Соловар, к. фил. н. Л. А. Андреевой, к. ист. н В. И. Сподиной, – которые своими отзывами поддержали столь важное и нужное начинание.

РОМАН ПРОКОПЬЕВИЧ РУГИН

РАННИЙ ЛЕДОСТАВ

1

Утром, после большой перемены, вместе с учительницей Анной Михайловной в класс неожиданно вошел председатель колхоза Ай-Ваня, а за ним следом и председатель сельсовета Ярасим. Ребята насторожились: столь высокие гости бывали в школе не часто.

Ай-Ваня сдернул с головы неблюевую шапку с длинными ушами, поправил широкий военный ремень на линиялой гимнастерке и, поставив поудобнее ногу с протезом, щекотнул указательным пальцем кончик носа – так он обычно начинал все свои речи.

– Большой разговор у меня к вам, ребята! – торжественно объявил Ай-Ваня. – Можно сказать, – государственной важности. План у нас, ребятки, горит, вот она, штука какая. А с огнем ведь как? Туда дров только и подбрасывают. Вот и нам плану подбросили. Двести пятьдесят центнеров... Чуете?

Ребята зашевелились, заерзали на местах. Ведь у каждого из них отец или старший брат были рыбаками, и что такое двести пятьдесят центнеров сверх плана, да еще осенью, когда реки и озера вот-вот льдом закует, поселковые школьники, конечно, «чуяли».

– Путина по открытой воде к концу подходит, – деловито продолжал Ай-Ваня. – Трудной она у нас нынче была, сами знаете...

– Знаем, знаем, – дружно отозвались семиклассники. – Вода большая стояла все лето...

– Ну, худо-бедно, а тысячу двести центнеров мы все же дали. Это вы тоже знаете. Однако война, ребятки... Мало, ой как мало. Тысяча двести центнеров по нынешним временам... Еще нужно... Вот штука какая... Как и справимся... – Ай-Ваня опять пощекотал кончик носа. – Дела на воде, прямо скажу, туго идут. Мох на запоры гонит, течение шибко крутит... На сорах уже по-

срывало запоры... Не дай Бог, здесь, подле поселка, последние рухнут – где тогда рыбку возьмем, а? – Ай-Ваня с надеждой посмотрел на притихших ребят. Анна Михайловна, учительница, спросила робко:

– А на Оби? Разве нельзя? Ведь пока она станет, еще не один месяц пройдет...

Анна Михайловна приехала в поселок недавно, очень хотела быть в курсе всех местных дел, старалась, чем могла, помочь колхозу, однако по молодости, по неопытности ничего не понимала в рыбалке.

Семиклассники засмеялись. Улыбнулся снисходительно и Ай-Ваня, подмигнул парням.

– Обь, Анна Михайловна, нам сейчас не помощница. Ну будем мы осенними ночами с неводом по реке таскаться – что наскребем? Центнеров десять – пятнадцать, не больше, да и то только ершей да шурогаев. Это ж разве рыба? Мусор! – И, заведя руку с растопыренными пальцами за спину, Ай-Ваня изобразил колючего ерша.

Ребята так и покатались со смеху.

– Но! – Ай-Ваня вскинул вверх правую ладонь. – Выход у нас есть!

– Какой?! Какой?! – наперебой закричали школьники. А учительница, стушевавшись, слегка покраснела.

Ай-Ваня снова поправил ремень и разгладил складки на подоле гимнастерки.

– Нужно собрать молодую, крепкую бригаду, которая поедет на верховья дальнего сора. За протокой Пор-Ехан. Там рыбы много. И там ее можно взять, ребятки. Вот ведь какая штука, чуете? Беда в том, однако, что опытных рыбаков у нас нет. Каждая пара рук на счету... Словом, колхоз на вас крепко надеется, на вашу помощь... Ну как, поможете?

– Поможем!

– Когда ехать-то?

– Наша северная рыбка стране нужна, фронту – нам тут, в тылу, дремать некогда! – вставил слово и Ярасим. – Нам за двоих, за пятерых работать надо, чтоб нашим солдатам помочь!

Не успел Ярасим и рта закрыть, как на середину комнаты выскочил Тикун:

– Ай-Ваня-аки! Яраким-аки! Можно я поеду на сор?!

– А почему только ты?! – ребята повскакивали с мест, закричали, перебивая друг друга.

– И я!

– Я тоже поеду!

Небольшая классная комната ходуном заходила. От ребячьего гвалта, казалось, рухнут стены.

– Ребята! Ребята! Успокойтесь! – всполошилась Анна Михайловна. – Разговор серьезный. Вы же не дослушали председателя!

Ай-Ваня опять потянулся к кончику носа.

– Я вижу, все вы готовы помочь фронту! Молодцы! Так и надо! Но ведь кто-то должен и в школе учиться, верно? На сор мы возьмем только самых старших и самых выносливых. Комсомольцев в первую очередь. Тех, кто умеет управляться с колданкой, орудовать тяжелыми гребями. Знаете, как осенью на воде? Холод до костей пробирает, вот-вот морозы грянут, белые куропатки в воздух взлетят.

– Я! Я поеду! – голоса не смолкали, вверх тянулся частокол рук.

Ярасим и председатель, улыбнувшись, переглянулись. Затем отвели в сторону Анну Михайловну и о чем-то тихо заговорили с ней. У Опуня в этот момент едва не оборвалось сердце: вдруг взрослые передумают и не станут брать школьников на сор? Или возьмут Тикуну, а его, Опуня, нет?

Но вот Ай-Ваня поднял руку, успокаивая «разбушевавшуюся стихию».

– Мы подумали, посоветовались и решили: в молодежную бригаду берем Ямру Карапа, Ребася Тикуну и Опуня Хартанова.

...Что и говорить: домой Опунь мчался, как на крыльях! Сам председатель признал его смелым и сильным! С этой минуты он не просто какой-то там школьник, а помощник настоящих рыбаков, ему доверено важное государственное дело! Щеки его полыхали румянцем цвета спелой брусники, глаза лихорадочно блестели. Плетенную из сухой травы сумку с учебниками и тетрадями он, вбежав в комнату, с размаху зашвырнул в угол.

– Ты чего это так рано явился? – подняла голову отдохавшая после обеда мать. – Что случилось-то? Как раскаленный камень, так жаром и пышешь!

Опунь скинул отороченную собачьим мехом малицу, бросился на тахар* рядом с матерью и, захлебываясь обуревавшими его чувствами, рассказал ей о просьбе председателя.

– Тоже мне, добытчики! – засмеялась Еля. И махнула рукой в сторону окна, за которым желтела в неярком осеннем солнце маленькая березка. – Сперва дотянитесь затылком до веток! Кому вы нужны? Рыбакам только мелюзги и не хватает...

– Во-первых, какая это мы мелюзга? В седьмом классе? – обиделся Опунь. – А во-вторых, Ай-Ваня сам сказал: без нас им не обойтись...

– О, Господи! – вздохнула Еля. – На сор – это значит в тайгу. А тайга – не игрушки: зверье, комарье, кругом ни души. Спят ли наш председатель, что ли?

– Но мы же не одни поедем, мама! Старый Ансем-аки с нами... И я, между прочим, не маленький. Мне ведь семнадцать скоро, забыла? Я уже в девятом мог бы учиться, а ты меня все еще ребенком считаешь!

– Ладно, ладно, не кипятись, – улыбнулась мать. – Конечно, ты мог бы учиться в девятом, – но что поделаешь, коли в нашем поселке школу позднее, чем в других, открыли? И все равно ты еще молод, чтобы рыбачить наравне со взрослыми. Работа эта тяжелая, надорваться можно. Много ли ты умеешь?

– Как не умею? – снова обиделся Опунь. – Что я, не на реке вырос?

Еля устало прикрыла глаза: взрослеет сын, разве его теперь дома удержишь? И все же подумала: «Может, самой вместе с Опунем к рыбакам податься? Только вот с кем младшенького, Тавета, оставишь?»

Еля, повязав на голову цветастый платок, собралась на поле убирать картофель и уже в дверях наказала сыну:

– Никуда не бегай. Дождись брата из школы. Покорми его. Сам поешь. В дорогу я тебя вечером соберу.

Оставшись один, Опунь огляделся. На железной печурке остывала в чугунном котле уха. У окна стоял хуван** с кусками ап-

* Тахар – циновка, плетенная из травы.

** Хуван – деревянное корытце для рыбы.

петитного муксуна. За короткий обеденный перерыв Еля успела позаботиться о сыновьях. Опунь услышал ароматный дух свежей ухи и тотчас почувствовал такой голод, что понял – Тавета ему не дожидаться. Он достал с полки ломоть черного хлеба, приготовил для рыбы рассол. Затем налил себе полную миску ухи; придвинув столик к хомтэпу,^{*} принялся за еду. Уха золотилась в деревянной плошке, источая вкусный нежный запах. Куски муксуна Опунь почти машинально макал в рассол и отправлял в рот. Он вроде и не замечал ни вкуса, ни аромата того, что ел. Мысли его были заняты предстоящей поездкой на сор.

Завтра! Неужели завтра утром он уже будет в пути на Пор-Ёхан? В тех краях ему еще не приходилось бывать, хотя от отца и двоюродного брата Иприня он не раз слышал о большом соре за этой протокой. Окрестная тайга там – сплошь мощные кедрачи да высокие лиственницы. Отец Опуня обычно ходил туда белковать. Богата тайга вокруг сора. В распадах там водится соболь, в близлежащих озерах – ондатра, завезенная сюда из Канады еще в тридцатые годы. В самом соре, в ямах осенью скапливается множество рыбы – и муксун, и щекур, и сырок... Однако рыбачить здесь не так-то просто, да и улов вывозить далеко... Ипринь, вспомнил сейчас Опунь, рассказывал, что на русле сора, на протоке полно мелей, колданку частенько приходится подтаскивать на руках. Вот потому-то колхоз и не занимался там промысловой добычей. Только зимой те, кто охотились в этих краях, ставили в живунах-ямах небольшие сети, ловили понемногу себе на уху.

Опунь лежал на тахаре и думал, думал, невольно вспоминая о том, как нынче утром Ай-Ваня повел в контору трех счастливых, как разговаривал с ними всерьез, на равных.

– Смотрите сюда, – председатель ткнул пальцем в карту, висевшую на стене его кабинета. – Вот здесь – вершина сора. Здесь нужно поставить крепкий запор. Пока не начался ледостав, будете ловить ставными неводами. Это первое. Второе – всю вы-

* Хомтэп – обструганный брус, отделяющий в жилых помещениях хозяйственный отсек от спальных мест.

ловленную рыбу нужно будет пересадить вот в это озеро – видите? – Ай-Вань показал на карте небольшое озерцо, что неподалеку от сора. – Пусть она там до морозов гуляет. Потом вы опять выловите, а зимой, когда рыба заледенеет, мы ее вывезем. Ясна задача? Учтите – она не из легких, не из тех, что на доске мелом решаются... Тут и попотеть, и померзнуть придется! Ну что, добровольцы, не струсите? Не подведете колхоз?

– Не струсим!

– Не подведем!

– А когда ехать-то, Ай-Ваня-аки?

– Завтра утром. В проводники дам вам Ансема, он рыбак опытный. Учитесь у него, набирайтесь ума-разума... Такая вот штука, ребятки! Ну, с Богом, как говорится! Бегите по домам да снаряжайтесь в дорогу!..

2

Дома тепло, небольшое окошко изнутри все запотело. Тавета пока нет, и можно раскинуться на тахаре, положив под голову мягкую подушку. «Надо подогнать детальки», – думает, лежа, Опунь.

«Подогнать детальки» – это любимое выражение отца. Тот, прежде чем приступить к какому-нибудь делу, обдумывал его в мельчайших подробностях.

Опунь кладет ногу на ногу – так тоже любил делать Охур – и прикидывает, что взять с собой. Ну, конечно, побольше теплой меховой одежды. Отцовские бродни. Алюминиевую кружку. Несколько книг, а может быть, и тетрадку: вдруг придется что-нибудь записать!

Неожиданно в эти деловые мысли впутался один совсем вроде бы неделовой вопрос: ну, хорошо, он, Опунь, уедет в далекую таежную глухомань, станет заправским рыбаком... А как же Тутья? Что с ней будет? И как он, Опунь, без нее обойдется? Всю радость словно ветром сдуло. И как это он раньше о ней не подумал? Эх, Тутья, Тутья... Черноглазая одноклассница Тутья... Опунь знает ее с самого детства. Они и в Шурышкарах вместе в интернате жили, и здесь, в поселке, в одном классе учатся. Тутья чуть старше Опуня, ей уже семнадцать. И до чего ж она хо-

роша... Самая красивая девушка во всей округе... Встанет из-за парты – словно вспорхнет легкокрылая бабочка, в глаза тебе заглянет – теплым летним солнцем озарит. Стройной красавицей-нельмой, только что выпрыгнувшей из воды, кажется Опуню Тутья. Рядом с ней он даже дар речи теряет и сам же корит себя за свою неловкость: «Вот глупый осетр! В сети запутался!»

Это чувство гнетет Опуня, связывает по рукам и ногам. То ли дело раньше? Раньше он болтал с Тутьей о чем угодно, мог и за косу ее дернуть, и посмеяться над ней, и рожу скорчить... А сейчас, едва завидев ее, краснеет, даже спотыкаться начинает, будто земля у него из-под ног уходит! Чтобы совсем не пропасть, Опунь старается избегать девушку, не попадаться лишний раз на ее пути. Зато на уроках, в школе, он научился незаметно скашивать глаза в ее сторону и любоваться красиво уложенными на голове косами, тонкими смуглыми руками, быстро-быстро перебирающими страницы учебника или тетрадки.

По характеру девушка была бойкой, отчаянной, в обиду себя не давала, умела подыскать острое словцо. И от этого еще больше нравилась Опуню. Иногда, обернувшись, она дерзко и насмешливо взглядывала на него и бросала громко, на весь класс:

– Чего на меня уставился?!

Опунь в таких случаях готов был под парту залезть. Вконец терялся, отводил взгляд и начинал бормотать в ответ что-то невнятное на потеху ребятам.

А как он ее ревновал! Прямо ко всем на свете!

Тутья, конечно, знала о тайной страсти Опуня и частенько жестоко подшучивала. Или назло ему на виду у всех подолгу болтала с кем-нибудь из парней, весело хохотала.

Особенно терзался Опунь, когда Карап с важным видом разъяснял Тутье задания по математике. «Могла бы и у меня спросить! – обиженно думал он. – Я бы гораздо быстрее все рассказал. Не хуже Карапа учусь. А тот талдычит в ухо по десять раз одно и то же, будто рыбу в лодке из одного ящика в другой перекладывает!» Разнервничавшись, Опунь принимался бегать по классу, а один раз даже не выдержал, стукнул кулаком о край стола, за которым сидели Тутья и ее «учитель». Кто-то из ребят засмеялся, а Карап, усмехнувшись надменно, спросил:

– Что это с тобой, Опунь?

И посоветовал остальным:

– Эй, отстаньте от человека. Не видите, он словно печка, докрасна раскалился.

Чтобы не затеять драку с этим нахалом, Опунь вылетел из класса на улицу и вслед услышал:

– Правильно! Беги, поостынь маленько!

И, что самое обидное, за спиной его раздался веселый смех Тутьи.

Но ей Опунь прощал все, а вот ненависть к Карапу накапливалась и уже походила на таежное озеро, готовое по весне от притока талых вод выйти из берегов. У этой ненависти была и еще одна причина: отец Карапа, старый Митри, был давним приятелем отца Тутьи, того самого Ансема, которого председатель Ай-Ваня снаряжал сейчас с ними на сор. Дома Митри и Ансема стояли рядом, не более одного броска аркана отделяло их. Все праздники соседи отмечали вместе: Митри любил повеселиться, знал множество старинных песен и часами мог распевать про мойпара, про своих быстроногих оленей или прославлять собственный род и в особенности единственного сынка – Карапа. А прошлой весной Опунь однажды слышал, как слегка подвыпившие дружки – Ансем и Митри, усевшись в обнимку на выездной нарте, горланили свадебный напев. А Митри даже сымпровизировал похвальбу своему Карапу, из которого, дескать, выйдет неплохой жених для соседской дочки.

Пять резвых оленей
Он в нарту впряжет,
Невесту-красотку
С собой увезет!..

Опунь так и застыл тогда на месте, словно его ледяной водой окатили.

Но, к счастью, старики тут же повздорили.

– Кой! – вдруг вскинулся Ансем. – Какие такие пять оленей? Откуда они у тебя?

– Есть у меня пять оленей! – оскорбился Митри.

– Да ведь для сватовства нужны белобокие хоры,^{*} а у тебя только пегие!

На этот неопровержимый довод Митри не нашелся что ответить. И Ансем с укоризной покачал головой:

– Язык твой, сосед, как пустой невод в реке болтается!

У Опуня немного отлегло от сердца, но разговор тот он помнил и все время боялся, что близкое соседство Тутьи и Карапа обернется когда-нибудь для него бедой.

И все же совсем не Карап был главным соперником, и не о нем думал сейчас Опунь. Карап – что, мальчишка... Это отец хочет его женить, а сам он о сватовстве и не помышляет. Вот Ляля, сын оленевода Махсарова – дело другое...

Говорят, ранили его на фронте, всего и повоевал-то месяца два, теперь в госпитале лежит и вот-вот домой вернется. Полгода назад, когда Лялю в армию забирали, Махсаров уже засылал сватов к Ансему...

Опунь тот день на всю жизнь запомнил. Весть тогда принес ему закадычный дружок Оська. Дома никого не было, Опунь только.

– Ты тут сидишь, а Тутью замуж хотят отдать! – закричал Оська прямо с порога.

От этих слов у Опуня руки-ноги задрожали, он чуть не выронил зайца, которого в тот момент свеживал.

– Откуда ты знаешь? – спросил чуть слышно.

– Мать говорила.

– Что она говорила?!

– Что сватов Махсаровы к Ансему-аки засылали. «Интересно, – спрашивала, – по старинным обычаям свадьбу справлять будут или по новым?» А может, выкрадут ее, как твою сестру Палаш? – выпалил Оська.

– Но, но, ты Палаш не трогай! – прикрикнул на друга Опунь. Ему неприятно было вспоминать недавнюю нашумевшую историю. Опунь очень любил Палаш, скучал без нее. Рослая, сильная, она рыбачила летом наравне с мужчинами, ловко управлялась с муксуновой сетью, метала сено в стога, работала на лесозаготовках... Палаш никогда не унывала, даже самую тя-

^{*} Хор – олень-самец.

желую работу делала легко, с улыбкой... Хорошо было дома с Палаш...

И вот однажды (в Месяц Весенних Ручьев это было) Опунь проснулся утром, откинул меховую ягушку и привычно окликнул сестру:

– Палаш, а Палаш! Светает уже. Вставать будем?

– Будем, будем, – отозвалась вместо нее мать. – Сейчас я растоплю печку, сынок, накормлю тебя...

– А Палаш где?

Мать почему-то замялась, ничего не сказала, молча загромыхала пустым чайником. «Странно, – подумал Опунь. – Неужто сестра уже ушла на работу? Даже не завтракала...»

– Палаш на работу ушла?

– Нет... Нету ее, сынок...

– Как это – нету?

Мать тяжело вздохнула.

– Увезли нашу Палаш, сынок. Выкрали.

– Выкрали?! – Опунь вскочил с постели. – Кто выкрал? Я убью его!

– Не шуми, успокойся, – заулыбалась мать. – Всякая девушка рано или поздно покидает свой дом. Ведь Палаш наша... давно уж невеста. Вот и нашелся для нее суженый.

– Какой еще суженый?

– Панка, охотник. В соседнем поселке живет. Ондатру, говорят, хорошо промышляет.

– А почему он сам к нам не приехал?

– Он Тылтам Нэ ко мне прислал, мы с ней все и уладили.

– Что уладили? Да расскажи толком!

– Ну, что Панка нашу Палаш украдет.

– Мама, что ты говоришь!

Еля засмеялась. А Опунь чуть не заплакал, так жалко ему стало сестру.

– Глупый ты еще у меня, как молодой олешек! Так исстари в наших краях делалось. Время-то сейчас какое? Военное, трудное. Панке тоже нелегко живется. Чтоб свадьбу по обычаю справить – деньги нужны, мяса много, рыбы. Где нынче взять? Вот и решили свадьбу потом как-нибудь справить, а пока, с мое-

го согласия, конечно, Панка нашу Палаш к себе увез. Что тут плохого? Пусть живут!

Обидно стало Опуню, что сестра вот так, тайком от него, уехала, не попрощавшись даже. Не так ему виделось ее замужество...

В тот же день весь поселок узнал, что Палаш украли. От стыда Опунь сквозь землю готов был провалиться, на одноклассников и взглянуть не смел. А когда после уроков заглянул по делам в сельсовет да ненароком услышал разговор Яра-сима с секретарем Дмитрием Коневым, то и вовсе загоревал.

– Слыхал новость? – спросил Ярасим. – Опять похищение устроили! Говори им не говори, а они все по-своему делают!

– До чего хитрый народ! – вздохнул секретарь. – Знают ведь, что в сельсовете их не распишут: невесте-то еще нет восемнадцати, полгода не хватает. Надо бы поостороже с ними...

– Ладно, Дмитрий Ильич, чего уж. Еля, конечно, поторопилась, да ведь и парня понять можно. Один мыкается, мать парализована, отец на фронте погиб. А на Севере как без хозяйки жить?

– Это верно... Только ведь не положено, по закону-то... В районе узнают, по головке нас не погладят. Вон какой шум был, когда Нерку из поселка Лангнвош в шестнадцать лет замуж выдали. Жених чуть под суд не пошел, помнишь, поди?

– Помню, конечно. Твоя правда, Дмитрий Ильич. Только и Еля права по-своему. Рада, что хорошего человека для дочки нашла. Говорят, Панка в наш колхоз перебраться хочет, а он мужик стоящий, работающий... Нам такие нужны... Да и Елю с детьми новый зять не оставит – и дровами, рыбой поможет... Трудно ей одной с двумя пацанами...

– Это так, – снова вздохнул Дмитрий Ильич, – только я все равно с матерью поговорить должен... Если все закон нарушать станут, что делать будем?

Должен – поговори! – улыбнулся Ярасим. – Я разве мешаю?

Опунь тихонько выскользнул из конторы и помчался домой.

– А ты, оказывается, противозаконное дело затеяла! – строго сказал он матери. – До восемнадцати Палаш отдала замуж. За чем так сделала?

Еля побледнела, стала оправдываться перед сыном:

– Палаш любит Панку. И Панка ее любит. Они же четыре го-

да вместе в Шурышкарской школе за одной партой сидели! А уж как ждали, ждали, бедные, когда Палаш восемнадцать исполнится... Да и Панке тяжело одному управляться. Мать у него болеет, отца нет, а двух младших братишек и накормить и обстирать нужно. Палаш извелась вся, Панку жалеючи...

– Что-то я этого не замечал, – буркнул Опунь.

– Мало ли чего ты еще не замечаешь, – усмехнулась мать. – А я-то все знала. Думаешь, мне легко с такой дочерью расставаться? – Еля утерла глаза кончиком платка. – Ну да может, после ледостава, когда Палаш восемнадцать будет, свадьбу сыграем, и оба они сюда переедут. А там, глядишь, и детки у них пойдут. Будут у меня внуки, а у тебя племянники...

...Оська, принесший весть о сватовстве Махсаровых, продолжал тараторить, стоя в дверях, а Опунь, вспомнив о своей сестре, мучительно думал теперь о Тутье. Вдруг и она выскочит замуж против закона?

– Люди говорят, Ляля уже здесь. В стада к отцу подался. Скоро на оленях прикатит, невесту забирать.

– Как забирать?! – Опунь подскочил к приятелю, схватил его за ворот малицы. – А ты не врешь?!

– Чего мне врать-то? – обиделся Оська.

– А Тутья? Тутья-то что? Согласна?

– Почему я знаю? Отпусти ворот, давит.

Опунь отошел в сторону, отвернулся к замерзшему окошку. На душе у него вдруг стало темно и пусто, как в дупле трухлявого дерева. Неужто Тутью отдадут другому? И никогда, никогда ему даже не помечтать о том, как промчится он с ней на белоснежных свадебных хорах, правя выездной нартой...

– Слушай, Оська, – задумчиво проговорил Опунь, все еще стоя у окошка. – Я тут кое-что придумал. Поможешь?

– Землю для тебя есть буду! – преданно отозвался приятель.

– Чудак! – улыбнулся Опунь. – Какой толк от того, что ты себе рот песком набьешь? Лучше беги сейчас в сельсовет к Ярасиму, он там, я из школы шел – видел, его лошадь во дворе стоит.

– Ну? – не понял Оська. – Зачем мне Ярасим?

– Беги и скажи, – продолжал Опунь, – Ансем, мол, дочь замуж отдает, а ей еще нет восемнадцати...

Оська засопел, запереминался с ноги на ногу, удивленно таращась на друга. Он был на два года моложе Опуня и любовных терзаний еще не ведал.

– Чего вылутился? – прикрикнул на него Опунь. – Беги скорее! Только никому ни слова о том, что это я тебя подослал!

Понял?

– Понял...

– Тогда – дуй!

Оська тряхнул своей лохматой головой и помчался в сельсовет. Поручение друга выполнил, потому что спустя полчаса Опунь увидел в окно, как Ярасим с озабоченным видом прошагал к дому Ансема.

А Ляля и в самом деле вскоре объявился в поселке, но так ни с чем и уехал обратно в тундру: отказали ему или отложили свадьбу, этого Опунь точно не знал.

Оська хоть и не выдал друга, не назвал его имени, но о своей необычной миссии все же проболтался. Тутья после этого даже в школу ходить перестала. Анна Михайловна еле уговорила ее.

А еще Оська сообщил Опуню (он якобы своими ушами слышал), – Тутья, мол, подружке рассказывала, что замуж ее хотели насильно выдать.

...Опунь встал с тахара, налил себе из ведра холодной воды. После соленого муксуна сильно хотелось пить. Да, завтра в дорогу, но как же быть? Тутья ведь останется здесь. И кто знает, что ей взбредет в голову, пока его не будет в поселке...

С кружкой в руках Опунь расхаживал из угла в угол по комнате. Надо бы повидаться с Тутьей... Но как? Не может же он просто так, без всякого дела, взять и прийти к ней в дом...

Так Опунь терзался и мучился до тех пор, пока не заявился школьный товарищ – Тикун.

Тикун, предвкушая завтрашнюю поездку на сор, уже щеголял в отцовской рыбацкой робе, в брезентовых броднях. Наброшенный сверху гусь поблескивал сухими рыбьими чешуями.

– Ты чего это так вырядился? – засмеялся Опунь.

– Хочу до ближнего запора сгонять. Рыба, говорят, нынче хорошо идет. Давай со мной? Повожаним!

– Хм, – задумался Опунь. Ведь и Тутья после обеда час-
тенько ездит на сор помочь отцу. А вдруг удастся там ее пови-
дать? – Ладно, Тикун, поеду. Ты на колданке?

– Ага.

– Иди, я тебя догоню.

Опунь надеялся, что на берегу он отыщет Тутью и сможет
перемолвиться с ней наедине. Может, она еще не уплыла к отцу
на забор, возится с лодкой. О чем он будет говорить с девуш-
кой, он и сам толком не знал... Знал только, что поговорить не-
пременно должен.

Опунь быстро обулся, обмотав ноги теплыми сухими пор-
тянками, надел старую малицу с вытертым мехом, суконный
гусь и выскочил вслед за приятелем. Тикун спустился к реке,
сел в колданку и оттолкнулся веслом от берега. Лодка Тутьи
чернела на отмели: значит, девушка еще здесь!

Пока все складывалось как нельзя лучше. «Надо подождать,
– сказал сам себе Опунь. – Забор никуда не денется, как стоял
так и будет стоять, а вот Тутья... Скоро ли она придет?..»

Он направился к берегу. Спустился с крутизны, поросшей по-
желтевшей уже травой, и начал нервно вышагивать по мелкому
прибрежному галечнику. Колданочка Тутьи зарылась носом в
песок – река за ночь отступила. Опунь взялся обеими руками за
корму и столкнул лодку в воду: девушка придет и увидит, что
никого не надо звать на помощь, колданка уже на плаву.

Опунь снял гусь, сложил его и бросил на сиденье своей лод-
ки. Тутьи все не было.

Э-э-э-й! Опу-у-у-нь! – донесся до него голос Тикун. – Давай,
греби сюда-а-а-а!..

Еще немного помедлив, Опунь сел в лодку и оттолкнулся от
берега. Он неторопливо работал веслами, все еще надеясь уви-
деть девушку.

«Я скажу ей... – думал Опунь. – Я скажу, что она лучше и
красивее всех девушек на свете. Что я люблю ее... Я спрошу, что
она думает про сватовство Ляли... И еще спрошу, напрямик, что
она думает обо мне... Нравлюсь я ей или нет...»

– Опу-у-нь! – снова раздался над рекой голос Тикун. – Я
зде-е-е-есь! Ле-ве-е-е бе-ри-и-и!..

«А если не нравлюсь?..»

От этой мысли Опунь весь съезжился. Затем воображение нарисовало ему высокую ель, стоявшую на вершине холма на дальней окраине поселка. Она так могуча, так высока, что кажется, будто подпирает макушкой небо. Как ни набрасываются на нее Овас Вот – северный ветер и Кев Вот – ветер с Урала, не удастся им согнуть это дерево, поломать его ветви. Ель эта для местных жителей – священна...

Опунь вдруг увидел, как он, подобно резвому соболю, взбирается на самую вершину дерева. Внизу суетятся люди, такие маленькие. «Что ты собрался делать, Опунь?» – кричат они.

– Я, – отвечает Опунь, – возьму сейчас и спрыгну вниз!

– С ума сошел! Разобьешься... Слезай, слезай скорее!

«Не слезу! – думает Опунь. – Ни за что не слезу, пока Тутья меня не попросит!»

Вот он нашел взглядом девушку, но та, дернув плечиком, молча отворачивает свое лицо. И тогда... Тогда Опунь размыкает пальцы... и камнем летит на землю, прямо к ногам Тутьи. Женщины вокруг плачут, мать с рыданиями бросается ему на грудь. «Постойте! – говорит дружок Оська. – Кажется, у него тут записка!» Он склоняется к Опуню, достает из-за пазухи бумажку и громко читает: «Прощай, Тутья! Я тебя любил!»

И тогда девушка со слезами на глазах припадает к нему, гладит ладонью его волосы... А Опунь вдруг открывает глаза, улыбается и говорит ей:

Значит, и ты равнодушна ко мне? Видишь – я жив, ель-то священная!

Он встает, обнимает Тутью за плечи и на виду у всех ведет ее в свой дом...

В воде плеснулась рыба. Размечтавшийся Опунь от неожиданности чуть не выронил весло. Неужели Тутья еще дома? Он взгляделся в далекий берег. Колданочка, которую он спустил на воду, по-прежнему темнела под кручей.

За песчаным плесом начиналось русло вытянутого в длину сора. Вдали замаячил силуэт Тикуна, орудовавшего вожак. Опунь остановился, прислушался и... уловил чуть слышные всплески весел.

«Тутья! – захолонуло сердце. – Наконец-то!»

Он застопорил гребни и резко повернул лодку. Колданка Тутья приближалась. «Чишь-чишь, – шелестели в воде весла. – Чишь-чишь...»

Опунь заволновался. Все слова, которые он заготовил для девушки, мигом испарились. Ладони у него повлажнели; его бросило в жар.

«Чишь-чишь, чишь-чишь...»

Опунь решил сделать вид, что ремонтирует уключины. Достал из деревянного чехла, подвешенного к поясу, нож и принялся постукивать им по металлическим гнездам. Западный ветер потихоньку гнал лодку вдоль русла длинного сора.

Колданка Тутья уже почти поравнялась с Опунем. Парню казалось, что Тутья слышит, как бьется его сердце. Она, конечно, сразу поймет, что он ее тут караулит, еще, чего доброго, поднимет на смех...

«Чишь-чишь, чишь-чишь...»

Вот она, совсем рядом... Опунь готов броситься вниз головой в ледяную воду...

Вместо того чтобы поздороваться с девушкой, он сидит нахохлившись и стучит ножом по уключинам.

– Что у тебя случилось? – спросила Тутья. – С гребями что-нибудь?

– Голос ее прозвучал так приветливо, так нежно, что Опунь чуть осмелел. К нему даже дар речи вернулся. Да вот... заедает маленько. У тебя веревки не найдется?

– Сейчас посмотрю.

Порывшись на дне колданки, Тутья отыскала отрезок шнура.

– Годится? Держи.

Она протянула над водой руку, и Опунь стал медленно причаливать правым бортом к ее лодке.

«Скажу! Все ей скажу! Сейчас или никогда!» Но прекрасные, гладкие, как дуга радуги, слова, еще недавно так складно звучавшие в его душе, рассыпались, будто ягоды из опрокинутого туюска. «А что, что говорить?!»

И тут вместо того, чтобы взять протянутый ему шнур, Опунь вцепился обеими руками в носовую перекладину колданки и стал подтягивать лодку к себе.

– Ты что делаешь? – испугалась Тутья. – Отпусти!

- Не отпущу!
- Пусти, говорят!
- Постой, Тутья! Постой! Я... Я... Мне нужно у тебя спросить...
- Тогда спрашивай – чего мямлишь?
- Не сердись...
- Говори скорей, я к отцу тороплюсь.
- Скажи мне... Только одно слово скажи...
- Какое такое слово?
- Я... Я... Можно мне... надеяться?

Опунь разжал руки, и колданка Тутья стала медленно отдаляться по тихой воде. Девушка молчала, отведя взгляд в сторону. Затем она посмотрела задумчиво и чуть заметно качнула головой.

Да или нет?

Ответ был неопределенным.

Опунь налег на гребни и так рванул лодку, что едва не вывалился за борт.

- Эй! – услышал он за спиной. – Шнур! Ты забыл шнур!..

Возьми, понадобится!

Но Опунь даже не обернулся.

3

Рыбалка с Тикунном не задалась.

Опунь вернулся в поселок. Возле пристани покачивалась на волнах бударка старика Семко, неподалеку, словно рыбина, уткнувшаяся носом в песок, лежала на боку колданка Ай-Вани. Но ни председателя, ни Семко поблизости не было. И это обрадовало Опуня. Ему никого сейчас не хотелось видеть.

Опунь уселся на грубо сколоченный ящик для рыбы и стал смотреть на видневшийся вдали мыс Порах Нел. «Одноплечим», то есть одиноким мысом, зовут его местные жители.

Ни да, ни нет...

«Неужели и я останусь одноплечим? – с грустью подумал Опунь. – Ведь, кроме Тутья, мне никто не нужен...»

Выглянувшее из-за облаков солнце осветило верхушку мыса. Опунь усмехнулся, ему вспомнилась легенда, связанная с Порах

Нелом, которую он слышал еще в детстве. Самое удивительное, что героиню этой легенды звали Тутья!

...Когда-то, в давние времена, гласила легенда, жил на еще безымянном тогда мысу смелый охотник по имени Нятама. Быстрыми были его ноги, крепкими руки. Самого сильного лося мог затропить он в снежную пору, одной стрелой мог сбить летящего гуся, а капканы на зверя ставил так хитроумно и ловко, что ни осторожной лисе, ни разбойнице-росомахе не удавалось их обойти. Своим хулты-пуном.* Нятама не раз вылавливал из Оби больших осетров, а о прочей рыбе и говорить нечего – она сама так и шла к нему в сети. Всего у Нятамы было вдоволь: и запасов съестных, и мехов драгоценных. Одного не хватало удачному охотнику – счастья. Не было у него ни жены, ни невесты. Один он жил, бобылем. Тоска съедала его сердце.

И вот однажды сидел на мысу Нятама, печально глядел на бегущую мимо реку. И вдруг увидел парус чьей-то бударки. «Чей это парус?» – подумал охотник.

Когда суденышко подошло к берегу, он увидел, что правит бударкой мужчина, а на корме сидит нарядно одетая молодая девушка.

Внезапно налетел сильный ветер и понес бударку на каменный перекат. словно вставшие на дыбы медведи вспенились волны, ударил гром, и kloкочущий водоворот в одно мгновение поглотил лодку. Только дно ее мелькнуло в ревущих бурунах!

Когда Нятама подбежал к воде, мужчины уже не было видно, а девушка, как-то вынырнув, еще цеплялась руками за борт разбитой перевернутой лодки. Охотник спустил свою высокую листовенничную колданку и поспешил ей на помощь.

– Кто ты? – спросил Нятама спасенную девушку.

– Я невеста того человека, который погиб, – ответила она и заплакала. – Он увез меня из селенья Порават. Мы собирались с ним пожениться.

– Как твое имя?

– Тутья...

* Хулты-пун – ловушка для рыбы.

Нятама взял ее, обессиленную, на руки и понес в дом. Развел огонь, дал девушке сухую одежду, напоил горячим чаем, настоянным на брусничных и смородиновых листьях.

– Как ты красива, Тутья, – сказал он. – Никогда прежде не видывал я такой красоты!

Девушка и в самом деле была удивительно хороша. Нежнее первого весеннего цветка была ее кожа, ярче алой зари похлал на щеках румянец.

На следующий день девушка заболела. Она бредила и стонала, металась в страшном жару. Словно малого ребенка, выхаживал ее Нятама: отпаивал травяными отварами и давал ей медвежью желчь, готовил сытную пищу.

Когда Тутья поправилась, Нятама спросил:

– Скажи, Тутья, могла бы ты стать моей женой?

Нелегко было вдове-невесте ответить на этот вопрос. Долго думала она, не одну чашку чая выпил за это время в сильном волнении храбрый охотник. Наконец Тутья сказала:

– Спасибо тебе, Нятама, за все! Ты жизнь мне спас, разве смею я тебе отказать? Но ведь я любила своего жениха... И не знаю, смогу ли полюбить тебя... Смогу ли принести тебе счастье...

– Но, может, со временем сердце твое сжалится надо мной?

Разреши мне пойти на берег. Я буду стоять там семь дней и ночей, прощаясь с душой моего жениха. А потом... отвечу тебе согласием. Ты же... всю эту неделю не приближайся ко мне.

Тутья встала у самой воды и устремила свой взор на речную глубь.

Так она провела семь дней и ночей. Солнце и дождь сменяли друг друга, а Тутья стояла не шелохнувшись. Ветры несли на берег песок и мелкую гальку. Всю неделю не пила и не ела девушка, только дождевыми каплями, попадавшими ей на лицо, утоляла иногда свою жажду.

На седьмое утро, решив, что запрет уже кончился, охотник побежал на мыс... И увидел: девушку занесло песком – с правой стороны по самое ухо, с левой – до плеча. Принялся он ее откапывать, а она уже не дышит...

Так и осталась прекрасная Тутья верна своему жениху.

С тех пор мыс и прозвали Порах Нел, что значит «Одноплечий».

...Тутья, Тутья! Чернокошая одноклассница Тутья! Зря, наверное, Опунь задал ей свой вопрос, поспешил он со своим признанием, поступил необдуманно. И вот теперь не знает, чего ждать в будущем, на что надеяться.

Вдруг Тутья все-таки ждет Лялю? Что ему, Опуню, известно об их отношениях? Но ведь слышал же Оська собственное признание Тутьи, что отец хотел выдать ее замуж насильно! А еще рассказывал Оська, как был недавно с матерью в доме Ансема. Мать увидела Тутью, развешивавшую во дворе юколу,* сказала хозяину:

– Хорошая у тебя дочь выросла, Ансем. Словно молодая березка, налита соком.

– А разве у меня может быть плохая дочь? – улыбнулся довольный Ансем.

– Не может, конечно. Твоя правда. Скоро, наверное, украсит она чей-нибудь дом, а?

– Украсит. Давно я об этом думаю...

– А люди говорят, Ансем, сваты Ляли Махсарова от твоего порога ни с чем уехали?

– Уехали, – буркнул Ансем. – Тебе-то какое дело?

– А в поселке болтают, будто ты Ярасима испугался.

– Я?! Попридержи свой язык, Сяня Нэ! Больно длинный! Смотри, как бы тебя самое не хлестнул!

– А в поселке болтают, – не унималась Оськина мать, – что у тебя с Махсаровым все слажено было, и калым они тебе большой обещали...

Ансем, по словам Оськи, с досады крякнул и тут же хватанул стакан водки.

– На Махсаровых свет клином не сошелся, – якобы ответил он. – Жених для моей Тутьи всегда найдется...

– Найдется, как не найтись! – поддакнула Сяня Нэ. – Зачем в ста уголках земли шариться? Вон у нас сколько добрых парней подрастает.

* Юкола – вяленая рыба.

– Кто, например?
– Ну, кто-кто... А вот хоть бы Елин старший сынок – Опунь.
Ладный парень...

Ансем подергал себя за короткие косички.

– Э, смеешься ты надо мной, соседка, что ли?

– Я не девчонка, чтобы смеяться попусту. Дело тебе говорю.

– Какое дело? Подумай сама! Знаешь, сколько моя дочь стоит? Самое меньшее – двадцать отборных оленей. Вот какова ей цена!

– Да, оленей у Ели нет, это верно. Да ведь время сейчас другое, Ансем! Негоже дочь-то свою продавать...

– Э, чего ты ко мне пристала? – обозлился Ансем. – У меня и так голова кругом идет!..

Вот какой разговор слышал Оська, притаившись в углу. «Я не верю, что Тутья на оленей польстится, не верю, – думал Опунь. – Не верю, что ей нравится Ляля... Она ведь не сказала мне «нет»... И как странно поглядела мне вслед... Совсем не так, как глядят на человека, от которого хотят избавиться. Что-то такое мелькнуло в ее глазах, потаенное, невысказанное...»

Опунь вспомнил, что и раньше, бывало, смотрела она на него точно таким же взглядом. И чего только не делал Опунь, чтобы заслужить такую награду! На уроках физкультуры, зимой, когда они катались на лыжах, он первым срывался вниз по крутому склону. В тридцатиградусный мороз колот дрова для пекарни, а пекарня в поселке – как раз против Ансемова дома. Засучив рукава малицы, он лихо справлялся со здоровенными чурками, и силы его утраивались от одной только мысли, что Тутья может его увидеть. В осеннюю пору, когда начиналась охота на глухарей, Опунь вставал ни свет ни заря, отправлялся в тайгу. И, возвращаясь, нарочно делал крюк, проходил под окнами Тутьи. А вдруг она заметит его? Вдруг увидит, что его охотничья сумка набита дичью?

Иногда Опунь принимался фантазировать, изобретая разные ситуации, героями которых оказывались Тутья и он. То на нее, отправившуюся в соседнее селенье, напали бандиты, и он, в самый последний момент, спасал девушку от неминуемой смерти. Потом брал на руки и нес к дому старого Ансема, рассказывал о случившемся. Тутья, очнувшись, дарила ему ласковый,

нежный взгляд... То он видел свою одноклассницу в утлой лодчонке – река бушует, колданку переворачивает, но никто не решается прийти ей на помощь. Только Опунь смело бросается в волны и спасает Тутью, словно храбрый Нятама из легенды об одноплечем мысе. И снова получает в награду ее нежный, ласкающий душу взгляд... И при всем этом, конечно, присутствует Ансем. Отец Тутьи видит, что старший сын Ели – парень стоящий, несмотря на то, что нет у него жирных оленей...

...На берегу было холодно, дул резкий, пронизывающий ветер. Опунь, все еще сидевший на ящике, сильно замерз. Взяв из колданки гусь, он уныло побрел к поселку. Тяжелые отцовские бродни вязли в песке.

Возле колхозного ледника Опунь увидел Ай-Ваню. С листком бумаги в руках тот подошел к поселковой доске показателей, где ежедневно сообщалось о результатах лова, и стал вписывать туда свежие данные. Никого не хотел сейчас видеть Опунь, но председатель сам окликнул его:

– Эй! Ты чего такой снулый? Случилось что?

– Ничего не случилось, – буркнул Опунь.

– К рыбакам, что ли, ездил? – спросил председатель, глянув на Опуневы бродни.

– Да так, повожанил маленько. Хотел к ужину чего-нибудь наловить. Мать велела накормить Тавета.

– Ну иди, корми брата. Да смотри, в дорогу соберись хорошенько.

– Соберусь.

– А все-таки ты унылый какой-то, – вздохнул Ай-Ваня. – Такая вот штука. Небось о матери беспокоишься, как она тут без тебя управится?

– Ага! – соврал Опунь. – Беспокоюсь. – Хотя на самом деле он думал сейчас только о Тутье.

Председатель снова вздохнул и положил на плечо Опуню ладонь.

– Эх, ребятки! Тяжело вам приходится... Да что поделаешь? Всем сейчас нелегко. Мои сорванцы тоже целыми днями одни дома маются – мы с женой на работе, за ними и присмотреть некому. А у Ярасима? Детей мал мала меньше, жена болеет –

ноги в реке застудила... Война, брат...

– Скорее бы она кончилась, Ай-Ваня-аки!

– Кончится, сынок. Вон в газетах пишут – погнали наши фашиста... А от отца-то как, все еще ничего?

– Нет... ничего нету...

Председатель нахмурился, помолчал: Юхур, отец Опуня, пропал без вести. Желая утешить юношу, Ай-Ваня сказал:

– А я верю, найдется Юхур... Обязательно... Вот кончится война, победят наши, он и объявится!

– Мать тоже верит... К ней гадалка приходила, зырянка. Говорит: «След твоего мужа куда не замело! Выходит, живой он!»

– Жив, непременно жив! – горячо откликнулся председатель.

– И ты тоже верь, Опунь!

– Я верю...

– Ладно, беги домой. Уже смеркается. Дел у нас с тобой много. Вечерком, попозже, когда Ансем с рыбалки вернется, еще раз встретимся. Приходи в контору, кое-что обговорить надо.

– А сколько времени мы в верховьях пробудем, Ай-Ваня-аки? – спросил, все еще занятый своими мыслями, Опунь. – Месяц? Или больше?

– Кто его знает? – почесал в затылке председатель. – Может, и больше. Пока план не дадим. Я ведь утром вам говорил... – Ай-Ваня ткнул пальцем в доску показателей. – До ледостава, кровь, как говорится, из носу, центнеров двести взять надо. Такая вот штука!

4

Когда оранжевый шар заходящего солнца уселся на оленье рога тальников, видневшихся на противоположном берегу Оби, маленькая бригада собралась в новом бревенчатом доме, где располагалась контора. Подвернув под себя полы малицы, парни уселись на пол. Старый Ансем, то и дело подправляя пальцем заложенный за нижнюю губу табак с утлапом – мелкой стружкой из тала, зорко оглядывал будущих своих помощников. От него сильно пахло спиртом, так как табачное крошево он обычно сдабривал чем-нибудь горячительным: для «крепости», как он сам объяснял. Крепость иногда бывала столь ощутимой, что Ансем сжигал себе слизистую оболочку рта. Именно

по этой причине в конторе он всегда сидел у дверей, чтобы можно было время от времени выскакать на улицу и сплевывать месиво.

Ай-Ваня табак не жевал, но зато беспрестанно смолил свою трубку. Курил он и сейчас, откинувшись к стенке и покачиваясь на табурете. Так он, намотавшись за день, видимо, отдыхал:

– Где запор будешь ставить, Ансем? – спросил председатель.

– В районе Кедр Шапки, однако, – степенно отозвался рыбак.

– Почему там?

– Дело к зиме идет, председатель! – повысил голос Ансем. – Сам, что ли, не знаешь? А возле Кедр Шапки избушка есть. Зимовье.

– Правильно, есть. Но от зимовья до запора километра два каждый день топтать придется. Об этом ты не подумал? Может, запор у острова Ём-Пухар сделать? Там удобнее.

– А где жить станем?

– Эко дело! Новую избушку срубите. Что, леса в тайге вам не хватит?

– Леса хватит, конечно. Времени у нас маловато! Или дом строить, или рыбу ловить! – сказал, как отрезал, Ансем.

Ребята на полу переглянулись. Опунь не ожидал от старого Ансема такой решительности. Она внушала ему не только уважение, но и некоторые опасения. С таким отцом Тутье, наверное, трудножиться.

– Ладно, быть по-твоему, – улыбнулся Ай-Ваня. – Кедр Шапка так Кедр Шапка. Место, конечно, хорошее.

Потом взрослые толковали о том, как лучше пересадить выловленную рыбу в ближайшее к сору озеро, как ее зимой взять неводом и заморозить; говорили о снаряжении бударок, о том, кто с кем поедет в одной лодке.

– Карапа я к себе возьму, – заявил вдруг Ансем.

У Опуня внутри все похолодело.

«Это неспроста! – подумал он, – Значит, Ансем от Ляли отказался, а с Караповым отцом Митри о новом сватовстве сговорился».

Ай-Ваня встал, давая понять, что совещание окончено.

Ребята вышли на улицу.

– Ура-а! – крикнул во весь голос не умеющий сдерживать своих чувств Тикун. – Ох и порыбачим на воле! – Обхватил Карапа за пояс, крутанул его и бросил на землю. Оба расхохотались. Потом принялись прыгать через коновязь, стоявшую у конторы. В другой раз Опунь непременно составил бы парням компанию, но сейчас ему было не до забав. В конце улицы показалась Тутья.

«Мне нельзя, нельзя о ней думать! – сказал себе Опунь. – Вот возьму сейчас – и отвернусь!»

Но не отвернулся. Наоборот, сделал несколько шагов ей навстречу. Поравнявшись с ним, девушка – или это ему лишь показалось? – слегка улыбнулась.

– Эй, Опунь! – окликнул его стоявший на крыльце Ансем. – Ружье завтра с собой возьми.

– А что? – оживились Карап и Тикун. – Охота будет?

– Водится, однако, в тайге еще кое-что! – усмехнулся Ансем. – То лось забредет, а то и мойпар из берлоги вылезет.

– Ура-а! – опять завопил Тикун.

«И чего орет? – подумал с раздражением Опунь. – Делать ему нечего!»

– Спускайтесь к амбару! – позвал их завхоз Туонен. – Снаряжение возьмите!

В холодном, словно погреб, амбаре бригада получила двести метров мережки с тридцатимиллиметровой ячейкой, несколько мотков веревки, курьевой невод, пустые мешки, нитки. Затем Ансем повел всех к пекарне и магазину. Здесь они взяли продукты – черный хлеб, сухари, комковой сахар, муку, соль и прочую бакалею. Все это сложили в сарайчик на берегу реки, поближе к лодкам.

Тем временем уже совсем стемнело. Солнце скрылось за отрогами Полярного Урала. Тикун и Карап отправились по домам. Ансем ушел еще раньше, он к сарайчику не спускался. Пора было возвращаться и Опуню, тем более что наказ матери накормить младшего брата он не выполнил. Но Опунь все медлил – уж так получалось сегодня, что ему нужно было побыть одному...

Не в силах унять вновь охватившее его беспокойство, Опунь принялся вышагивать вдоль берега. Мощное дыхание реки остужало его разгоряченную голову. На дальнем тальниковом островке зажегся маяк и сразу высветил похожий на спину гигантского осетра песчаный голец, высунувшийся из воды. Из-за темных облаков вынырнула луна. «Эх, повидать бы еще разок Тутью!» – подумал Опунь.

Но не только мысли о Тутье одолевали его теперь. Как-то сложатся его отношения со старым Ансемом? Сумеет ли он завоевать его уважение? Если Опунь понравится старику, шансы заполучить Тутью могут сильно повыситься. «Буду работать день и ночь! – твердо решил Опунь. – Пусть Ансем-аки увидит, на что я способен».

В поселке Ансем слыл опытным рыбаком, но прижимистым, жадным до денег хозяином. У него было пять дочерей. Тутья родилась третьей. Старшая уже давно была замужем за пастухом, который считался в округе многооленным. Поговаривают, что он вручил тестю немалый калым: десятка два важенок или что-то около этого. Вторая дочь пока еще сидела в девках. Сватались к ней не раз, но Ансема женихи не устраивали – то он объявлял, что они староваты, то, мол, недостаточно работящи. Но, скорее всего, за вторую дочь давали меньший калым. Хотя в точности никто этого утверждать не мог: Ансем был осторожен и о своих личных делах обычно помалкивал. Приверженец старых хантыйских обычаев, он хорошо понимал, что времена настали совсем иные и болтать о калыме не следует.

Односельчане прозвали Ансема «Ат Тарамлы» – что значит «ненасытный». У этого прозвища была своя история. Когда-то давным-давно Ансем рыбачил вместе с Шолтыкупом на плавных песках Калнанг Пан. Перед последним заметом он сдал всю выловленную рыбу приемщику, чтобы получить побольше денег, даже на еду ничего не оставил.

– погоди, – пытался остановить его напарник. – Не сдавай улов подчистую! Оставь на ужин! Хоть муксунишку на малосол!

Но Ансем сделал по-своему. И, как назло, в последний замет они ничегошеньки не поймали. И хлебали вечером пустой чай. Шолтыкуп пришел в ярость и в сердцах крикнул Ансему:

– Ах ты, жадюга! Настоящий ат тарамлы! Сиди теперь голодный!

С тех пор прозвище это и прилипло к Ансему.

Но как ни посмеивались над скуповатым рыбаком в поселке, Опуню ясно было: без согласия отца Тутья и шагу не сделает. Таковы в их доме обычаи. Здесь ждут богатого жениха для третьей дочери, им нужен человек с оленями или, по крайней мере, с положением. А кто такой он, Опунь? Просто мальчишка! Сын безоленной Ели, у которой муж пропал без вести.

Правда, Ансем мог бы вспомнить, что на реке нет Опуню равных среди молодежи в гребле, он даже не раз его за это похваливал.

- Хорошо бударку разгоняешь! Молодец! Есть в руках сила! Мог бы припомнить и то, как в один из ненастных дней, когда на Оби вовсю гулял южный ветер Нум Вот, Опунь с Тикунном пришли к нему на помощь. Ансем тогда слишком далеко закинул сеть, и она зацепилась за какую-то корягу. Штормило так, что никто из поселка не осмелился выехать на подмогу. И наверняка пришлось бы Ансему резать сеть, если бы не Опунь. Опунь догадался спустить в воду якорь, пошарил им по дну и вытащил затонувшую лесину. Ансем тогда здорово благодарил парней, улыбался, в особенности ему, Опуню.

«Интересно, – подумал Опунь, – догадывается ли Ансем-аки, что я люблю его дочь?»

В вечерней тишине послышалось громкое ржание лошади. Приглядевшись, Опунь увидел на мыске, поросшем осокой, своего любимца – колхозного коня Чалку. И неожиданно для самого себя, обратился, по древнему обычаю ханты, с мольбой к духу лошади:

– Эх Чалка, милый мой Чалка! Где, в каких краях витает сейчас твой дух-идол? Пусть он поможет мне, Чалка! Твой дух это умеет. Он может быстро, на волшебных крыльях залететь в сердце Ансема. Может внушить ему добрые мысли... Сделай так! Попроси своего духа-идола! Вспомни, как я кормлю тебя летом сочной травой, как купаю в жару в прохладной реке! Пусть Ансем-аки получше ко мне приглядится, а уж за мной дело не станет, ты ведь знаешь меня, Чалка!..

Опунь не заметил, как ушел по берегу далеко от поселка. А когда очнулся наконец от своих мыслей и вспомнил, что так и не накормил брата, заспешил к дому.

Мать, когда он вернулся, поглядела на него с укоризной.

Похлебав уши, Опунь решил сразу лечь спать. «Соберусь утром», – решил он, вспомнив слова отца, который всегда вставал очень рано: «Поднимайся до зари и тогда увидишь, сколько человек за день может успеть!»

– За день человек и родиться может и умереть! – вторила мужу Еля. – Это и мой отец говаривал...

И еще одно дело отложил Опунь до утра. Утром, едва закуряется над поселком дымки, девушки пойдут по воду. Пойдет, конечно, и Тутья. Если встать часов в шесть, можно ее перехватить на реке и еще раз поговорить с ней.

Уснул Опунь – как в бездонную яму провалился.

Когда проснулся, утренняя заря за окошком уже начинала медленно поднимать свой парус. Опунь вскочил на ноги, натянул холщовую рубаху, штаны. Нашарил у печи отцовские бродни.

– Куда ты в такую рань? – удивилась мать.

– Хочу маленько в лесу побродить. Вдруг глухарь подвернется... – ответил Опунь, снимая со стены ружье.

– А-а... На Аншанг Соям пойдешь, где лиственницы?

– Туда.

– Долго не ходи. Тебе ведь ехать надо...

Опунь выскочил на крыльцо и, ежась от утренней прохлады, сбежал к реке. За ним тотчас увязалась соседская лайка Кутюв.

Еще по-настоящему не рассвело. В утренней мгле лежащие на песке рыбацьи лодки походили на спящих лосей. Опунь нашел свою колданку и присел на корме.

Появится Тутья или нет?

Соседский Кутюв зашелся пронзительным, хрипловатым лаем. Ему тотчас ответили поселковые собаки. Из-за угла прибрежного, рубленного из толстых плах колхозного амбара выскочил Налтув, лайка старого Ансема. Звякнули пустые ведра. Тутья!

Одетая в легкие унты из оленьего меха, она неторопливо спускалась к реке.

Унты обрадовали Опуня. Ага! Ведь чтобы набрать чистой воды, нужно зайти по колено в реку. В меховых унтах этого не сделать. Значит, Тутье потребуется помощник. А он – вот он, здесь! Выпрыгнув из лодки, Опунь поспешил навстречу девушке.

– Доброе утро, Тутья!

– Здравствуй, – тихо ответила она и встала как вкопанная, словно чего-то вдруг испугавшись.

– Ты за водой?

– А за чем же еще? – усмехнулась Тутья.

Опунь растерялся, топчась на влажном песке в своих тяжелых брезентовых броднях. Подходящих слов, словно монет в пустом кармане, не находилось.

– А ты чего здесь делаешь? – спросила Тутья. – Меня подкарауливаешь?

Это был удар, как говорится, «под дых». Хорошо, что в темноте никто не разглядел бы, как вспыхнули у будущего жениха уши!

– Я?.. Да я так... – промямлил Опунь. – Что-то не спалось сегодня...

– Это почему же?

– Ты не вздумай в воду лезть! – вдруг выпалил Опунь. – Она ледяная. Давай твои ведра!

– Что я, воды сама не наберу, что ли? – насмешливо отозвалась Тутья.

Присев на край одной из лодок, она принялась стаскивать унты.

– Без резиновых сапог?! Ты же простудишься! А ну дай сюда ведра! – голос Опуни прозвучал властно и твердо. Не обращая внимания на Тутью, он шагнул в реку и, наполнив оба ведра до краев, поставил их рядом с девушкой на песок.

– Вот! Идем, я помогу тебе донести.

Но не зря же Тутья славилась бойким своим язычком! Заглянув в ведра, она разочарованно протянула:

– А илу-то сколько!.. Словно специально для меня поставили. Разве такую воду можно пить? Если только собакам...

Опунь пнул ведра броднями и опрокинул на прибрежную гальку. Затем снова схватил их и ринулся в свою колданку. Не успела Тутья и рта раскрыть, как он уже греб к середине реки.

Через несколько минут с девушкой снова стояли наполненные ведра, но теперь вода в них была кристально чистой. Запыхавшийся Опунь подтягивал колданку к берегу.

Тутья надела на ногу снятый унтик.

– Спасибо! – сказала она. – Только я сама смогла бы набрать.

Опунь оглянулся – девушка с улыбкой смотрела на него, и взгляд ее был приветливым, добрым.

Смутившись, он молча переминался с ноги на ногу. И, не зная, что сказать, пробормотал:

– Вкусная будет вода. Настоящая!

«Какие глупости я говорю! – пронеслось у него в голове. – Что Тутья обо мне подумает? Решит, что я просто хвостун!»

– Да, вода ничего! – подтвердила девушка.

Это ободрило Опуня.

– Придешь еще раз? Я тебя подожду. Или поднимусь с тобой на пригорок, а потом мы вместе к реке спустимся.

– Да куда мне столько воды! – засмеялась Тутья. И, подхватив оба ведра, быстро пошла к дому. Опунь не решился ее догонять, лишь проводил взглядом, пока она не скрылась за углом амбара. Тем более что навстречу девушке уже спускалась по воду мать Тикуня, а за ней, конечно, потянутся и другие женщины. И вряд ли удастся улучшить минуту, чтобы побыть с Тутьей наедине.

Опунь тоже направился в поселок, досадуя, что не сумел как следует воспользоваться моментом и сказать Тутье еще раз что-нибудь о своих чувствах. «Растяпа я, растяпа! – корил он себя. – Вечно у меня так. Когда надо говорить – язык немеет, как у кушочки весной».

И все-таки настроение у него было отличное!

Тутья улыбнулась ему, подарила свой ласковый взгляд, к тому же удалось хоть немного, но все же помочь ей.

Вот теперь можно отправляться на сор.

5

Бригаду Ансема на берег Оби пришли проводить председатель колхоза Ай-Ваня, Ярасим, родители. Опунь втайне надеялся, что придет и Тутья – как-никак отец уезжает надолго, – но девушки не было: наверное, она в школе. А жаль! Не мешало бы

ей поприсутствовать на этих проводах! Пусть бы поглядела, на какое важное дело отправляются ее одноклассники!

– Что ж, – сказал на прощанье Ай-Ваня, пожимая руку Ансему, – пора трогаться! Сорок километров – путь неблизкий. Не сорок шагов. А к вечеру вам надо быть на месте. Пока устроитесь да первый огонь разведете, попотеть придется. Такая вот штука, товарищи! Будь здоров, Ансем. И вам, ребята, всего хорошего. Я надеюсь на вашу ударную бригаду. Не струсите?

– Да вы что, Ай-Ваня-аки! – рассмеялся Тикун. – Мы же к воде и работе привычные!

– Все будет в порядке! – заверил председателя и Опунь. И поглубже надвинул на лоб капюшон малицы.

– Тогда – в дорогу!

Ай-Ваня с Ярасимом оттолкнули груженную продуктами колданку Опуня. Затем лодку Ансема, в которой восседал сияющий Карап.

Опунь резко рванул гребни, и колданка легко заскользила по темно-зеленой осенней воде. За ним двинулась лодка Тикунa. Замыкала флотилию бударка Ансема, бугрившаяся смотанной мережей, неводом, охотничьими лыжами, походной нарточкой и прочим промысловым снаряжением.

Через пару часов, у входа в устье большого сора, остановились передохнуть.

– Устали? – спросил Ансем у ребят.

– Нисколечко! – выпалил Опунь, хотя глаза ему заливало потом.

Ансем усмехнулся и посоветовал парням размяться – поделать плечами круговые движения, чтобы снять напряжение в спине.

От запора сор расширялся и поворачивал на север. Поднявшийся свежий юго-западный ветер был очень кстати – он поддувал лодкам в корму. И все же идти против течения было трудно: вода, мутная от глинистого ила, бурлила на перекатах, струи ее, сопротивляясь лодкам, будто скручивались жгутами.

– Будем ставить парус! – распорядился Ансем. – Ветер попутный. Добрые духи нам, видать, помогают. Теперь быстро доберемся.

Карап, не меньше ребят уставший от гребли, но, как и они, радостный и довольный, стал быстро разматывать парус, лежавший на носу бударки.

– Аи спасибо! Аи спасибо! – благодарил неизвестно кого повеселевший Ансем. – Повезло нам с ветром! Теперь-то мы полетим, как на крыльях. Видите, как спадает вода. Словно на длинных ногах уходит. Вода-то нас больше всех и торопит.

– А почему торопит? – спросил Карап.

– Почему? А как же? Сам подумай. Рыба тоже мозг имеет. Уходит вода из сора, и ей нужно убираться. Вот нам и надо успеть поставить запор на вершине. Пока вся рыба оттуда не скапала.

– Так можно было рыбу здесь задержать и выловить.

– Что ты, Карап! Видишь, сколько моху вода гонит, как жерди на запоре погнуло. Через день, самое большое через три – сорвет запор. И рыба тогда, как из мешка, вывалится. Попробуй удержи ее!

Парус наполнился ветром, и бударка Ансема легко заскользила вперед. Колданки Опуня и Тикунa шли за ней на буксире. Можно было дать рукам передышку.

Ансем, откинувшись на корму, вытянул ноги и достал из кармана деревянную табакерку. Насыпал на ладонь табачного крошева с утлапом и заложил его за нижнюю губу.

Вдали, словно клюв гигантской гагары, уже виднелся остров Ём-Пухар. Ребятам было весело. Их радовал быстрый бег лодок, подернутые синеватой дымкой берега родной реки и, главное, – предстоящее мужское дело, рыбалка! Тикун, любивший попеть, завел «Катюшу», Опунь и Карап, как умели, подтягивали ему:

– Расцветали яблони и груши,

– Поплыли туманы над рекой.

– Выходила на берег Катюша,

– На высокий берег, на крутой!..

– А вот и Кедр Шапка! – взглянув вперед, сказал Ансем. – Ай спасибо тебе, ветер! Помог ты нам нынче. Здорово подсобил. Кабы не ты, и полпути бы еще не прошли.

Опунь пристал к берегу первым. Рядом приткнулась колданка Тикунa.

Берег был здесь пологим, кусты тальника и ольхи подступали почти к самой воде, по которой, кружась, плыли опавшие листья – желтые иголочки лиственниц, еловые и кедровые шишки. За прибрежными кустарниками темнела тайга.

Ансем молча побродил взад и вперед, придирчиво осматривая окрестность.

– Выгружайтесь! – наконец распорядился он. – Запор здесь будем ставить. – И еще раз повторил: – Место хорошее! Молодец, Опунь. Глаз у тебя острый. И ширина сора тут подходящая, и глубина в самый раз.

Ребята принялись переносить на берег мережку, мешки с продуктами. Солнце стояло еще высоко.

– Собрать дровишки для костра? – спросил Карап.

– Э-э, погоди, парень. Сначала дело сделаем! – сказал Ансем. – Рубите колья для запора. Навесим мережку, тогда и лясы у костерка поточим. «Сделал дело, гуляй смело» – такую поговорку я от русских людей слышал.

И Ансем подмигнул Опуню.

– Верно я говорю, а?

– Верно, Ансем-аки! – горячо поддержал его Опунь. Схватив топор, он первым ринулся в тайгу, сучья под его ногами так и затрепали – словно в лес вломился молодой лось.

Карап недовольно скривился.

– Чайник из лодки принеси, – попросил Ансем.

Карап пошел к лодке. Неосторожно ступив, он увяз броднями в глинистой жиже. Пришлось ему вылезать из сапог и, прыгая зайцем, добираться до сухого места.

– Куда ж ты смотришь? – упрекнул его Ансем. – Скачи обратно, сапоги спасай. Потом воду из них выльешь, сухой травы подстелишь.

Карап кое-как вытащил увязшие бродни.

– Оставайся на берегу, – недовольно проворчал Ансем. – Готовь костер. Чай кипятит, пока мы колья рубим.

– Ансем-аки, а вы говорили, что возле острова Кедр Шапка избушка есть. Что-то ее не видно, – сказал Тикун.

– Есть избушка, – подтвердил бригадир. – Вечером туда пойдём. Ночевать в ней будем. Если, конечно, какие-нибудь без-

дельники не сожгли зимовье. Случается иногда и такое. Вот запор сладим и пойдем.

– А не заблудимся? – сказал, всматриваясь в сплошную стену тайги, скисший Карап.

– Э-э, не бойся, парень! – рассмеялся Ансем. – Я в этих местах каждую тропинку знаю, каждое деревцо на моих глазах выросло! Старый человек, вроде меня, в тайге не пропадет!

Ансем направился к опушке, где Опунь уже вовсю махал топором. За ним побрел и Тикун.

Старик подошел к Опуню, молча посмотрел на его работу и одобрительно крякнул:

Крепко за топориче держишься! Есть в руках сила! Молодец! Только суетишься много. Смотри, как старый человек делать будет!

Поплевав на ладони, Ансем взялся за свой топорик. Но не спешил рубить. Сначала побродил по лесу, приглядываясь к елкам, к березкам. Наметив два-три дерева высотой не более трех метров, он ловко, в несколько взмахов, свалил их наземь. Затем, передохнув, спокойно, даже как будто медленно, очистил стволы от сучьев, обрубил вершины, а уж потом заострил комли. Выбрал еще два-три дерева, срубил, раскряжевал, заострил...

Умело хозяйничал в тайге отец Тутьи, ничего не скажешь! Опунь невольно залюбовался его работой. Вот бы и самому так научиться!

– Я еще порублю, а вы колья на берег носите, – велел старик.

Поначалу колья показались Опуню совсем легкими. После топора эта работа была чем-то вроде отдыха. Но Ансем быстро углублялся в лес, расстояние до воды все увеличивалось, и парни почувствовали, что рубахи под малицами мокры от пота.

– Ничего, потерпите, скоро кончим, – подбодрил их старый Ансем. – Сотня кольев уже есть. Наверное, хватит. Забирайте последние да пойдем чай пить.

– Ура! – крикнул Тикун.

– Рано радуешься, – пресек его Ансем. – Главное дело у нас впереди. Речку перегораживать, на замок ее запирать, – вот тут мы посмотрим, на что вы годны, какие из вас работники!

– А что? – улыбнулся Опунь, вытирая влажный лоб. – И посмотрите, Ансем-аки!

– Посмотрим, – хмыкнул старик.

6

После еды работа пошла веселее.

Колья погрузили на бударку и отчалили от берега. Выбрав место для будущего запора, установили первые колья, связав их с вершинами так, чтобы получилась своеобразная крестовина, или, как назвал ее старик, – «козлина».

– Крепко стоит! – сказал, потрогав козлину руками, Опунь.

Никакое течение такую не свалит, – улыбнулся Ансем. – Ставьте козлины поперек всего сора. Только осторожно, не упадите в воду.

Ребята распределили обязанности так: Тикун поддерживал бударку на месте, а Опунь с Карапом поочередно втыкали колья.

Поглощенный работой, Опунь не сразу заметил, как солнце уже коснулось лучами лиственничных вершин на острове Ём-Пухар. Ветер утих. От воды веяло свежестью и прохладой. Ставить запор они почти закончили, но главное было еще впереди: предстояло навесить «занавес».

– Таскайте из лодок кирпичные таши,* – сказал Ансем. – А кто-нибудь пусть дерна нарубит.

Опунь тотчас схватился за лопату.

Скоро на берегу уже лежала кучка аккуратно выкопанных земляных кубов. Таши и дерн привязали к нижней подборе. Затем завесу перекинули поперек течения и верхнюю подбору привязали к козлинам.

– Ф-ф-ф-у! – облегченно вздохнул Ансем, когда все было закончено. – Взнуздали речку!

Парни обрадовались, запрыгали на песке.

– Ладно, не шумите! – посмеиваясь, добродушно проворчал Ансем. – Еще неизвестно, какой улов возьмем. Рано скакать-то. Давайте пока повыше запора воткнем сетку, на уху наловим. На одном чае далеко не уедешь.

– Тикун, пойдём! – позвал друга Опунь, доставая из мешка сеть.

* Таши – грузила для невода.

– Удачи вам, – напутствовал Ансем. – А мы с Карапом пока поглядим, что с собой в зимовье тащить. Подгребайте потом к стоянке.

Опунь направил колданку вдоль берега. Не успели воткнуть второй кол ставной двадцатипятиметровой сети, как в ней заиграли поплавками две большие черноспинные рыбины.

– Вот это да! – восхитился Тикун. – Широкие, словно доски!

Когда они со своей добычей пристали к берегу, Ансем уже успел собраться в дорогу.

– Ансем-аки, глядите! – похвастался Опунь, поднимая вверх муксунов.

– А-а! Няр хул! – разулыбался бригадир. – Свежая рыба! Няр хул есть, значит, быть на ужин ухе! Щедрая тут вода, хорошо одарила нас. Спасибо!

Взяв поклажу, ребята тронулись вслед за Ансемом по узкой тропе, тянувшейся вдоль воды среди густых зарослей тала. Потом свернули вверх по склону пологого холма, поросшего кедрачом, среди которого белели отдельные березки, облепленные чагой.

– Долго еще идти, Ансем-аки? – взмолился Карап. – Может, передохнуть? Ноги устали!

– Скоро придем, не ной, – прикрикнул на него старик. А Опунь подумал: «Хорошо, что я промолчал, хотя ноги и у меня гудят».

Наконец за густым невысоким ельничком показалась охотничья избушка.

– Мой отец ее когда-то построил, – сбрасывая на землю мешок, сказал Ансем. – Лариван его звали. Белку здесь зимой промышлял, соболя. Рыбу в живунах вылавливал.

Зимовье оказалось полуразвалившимся: перекосившаяся дверь болталась на одной петле, ступеньки на крыльце прогнили.

– Ничего! – подбодрил приунывших парней Ансем. – Главное, была бы крыша. Не пропадем!

– Не пропадем, Ансем-аки! – первым отозвался Опунь и прислонил к бревенчатой стене зимовья двустволку.

Тикун и Карап с облегчением сбросили на кусты багульника малицы – оба в дороге изрядно упарились.

Ансем открыл скрипучую дверь избушки, оглядел полутемное помещение, затем слегка стукнул кулаком о дверной косяк:

– Кей, кей, домик-старичок! Просыпайся! Люди к тебе пришли! Не замышляй против нас дурного, слышишь, домик-старичок?!

– Для чего он все это говорит? – шепнул Опуню удивленный Тикун. – Разве у дома есть уши? – и засмеялся.

– Тише ты! – прикрикнул на него Опунь. – Не мешай, старик знает, что делает.

Ансем обернулся к парням.

– Может, надо с домом разговаривать, может – не надо, никому не известно. Только в старину всегда в наших краях так делали. Зачем нарушать обычаи предков? Верно я говорю?

– Верно, – поспешил кивнуть головой Опунь и заметил: бригадир взглянул на него одобрительно. Это был еще один маленький шаг к Тутье, о которой он продолжал неотступно думать.

Продукты, котелки, посуду, оленьи шкуры сложили в углу зимовья. Опунь наломал в лесу веток и подмел пол.

– Однако еще раз к берегу придется вернуться, – вздохнув, объявил Ансем. Он достал табакерку и присыпал табаком возле стены, обращенной к востоку, на восход солнца. Лишь за тем заложил щепоть себе за нижнюю губу.

Тикун, опять хихикнув, пихнул в бок Карапа, у которого слипались глаза: охотнее всего тот, наверное, завалился бы сейчас спать прямо под крылечком, завернувшись в теплую малицу.

– Неужели еще надо куда-то идти? Может, завтра за остальными шмотками сходим? – вяло протянул Карап.

– Э-э, да я смотрю, ты лентяй! – сказал Ансем. – Какой из тебя таежник? Вещи все надо перенести – на душе спокойней будет.

– А что с ними станется? – огрызнулся Карап. – Тут же ничего на полета верст кругом нету.

– Пошли! – строго сказал Ансем, не удостоив Карапа даже взглядом.

На берегу еще оставались мешки с мукой, хлебом, сухарями. Карап схватил что полегче – сухари, а прочее оставил товарищам. Опунь взвалил себе на плечи муку. Плотный, тяжелый мешок больно надавил на спину.

– Не надрывайся, – посоветовал бригадир. – Лучше вдвоем с Тикунном возьмитесь. Сделайте из колец носилки.

– Да я донесу, Ансем-аки! Что я, маленький? Сколько рыбы дома перетаскал – по центнеру случалось поднимать за раз...

– Слушай, когда тебе старый человек говорит! – нахмурился Ансем. – Надорвешься, а мне потом отвечать?

Когда вновь подошли к зимовью, на небе уже посыпались звезды. Лохматые ели и плечистые кедры казались в темноте таинственными идолами, стоявшими на страже вокруг избышки.

Растопили ржавую железную печку, зажгли свечу. Ансем разделал муксунов: одного сунули в котелок, на уху, а второго слегка присолили. Усевшись вокруг низкого столика, бригада принялась ужинать. Ел старик с нескрываемым аппетитом, даже, можно сказать, с жадностью. Прихватив пальцами пласт мякоти, он слегка прикасался куском к лежавшей на бумажке соли, затем макал его в сочившуюся из надреза в хвостовой части рыбины кровь, клал себе в рот и у самых губ молниеносным движением отсекал излишек острым ножом. Причмокивая и прижмуриваясь, он наслаждался едой, ничего не видя и не слыша вокруг. Отведав шевелящейся от стекающего жира спинки муксуна, взялся за печень. Обглоданные кости он, не смущаясь, сбрасывал в котелок с дымящейся ухой.

«Такой за жирный кусок и дочери не пожалеет! – с неприязнью подумал Опунь. – А я еще хочу ему понравиться!» Стараясь не смотреть на Ансема, он уткнулся в миску с горячей ухой.

Напившись чаю, заваренного чагой, и расстелив на деревянных нарах оленин шкуры, легли наконец спать.

– Первый день у нас не худо прошел, – сказал, задувая свечу, Ансем. – Запор наладили, речку перекрыли. Посмотрим, что сети нам утром покажут: есть на Кедр Шапке рыба или нет.

– Да ее здесь полным-полно! – воскликнул Карап. – Вон как муксунов сегодня поймали. Р-раз – и готово!

– Гляди-ка, какой быстрый! – усмехнулся Ансем. – Две рыбки на ужин – это одно, а полтора центнера – совсем другое.

Есть рыба под водой, нет ее – кто знает? Глаз своих мы туда не спускали. – Он, тяжело вздыхая, заворочался на нарах. – Спать, однако, пора. Завтра подниму рано.

Через минуту бригадир уже захрапел.

Заснули и Карап с Тикунном. Только Опуню почему-то не спалось, он, уставясь в маленькое окошко, долго следил за падающими звездами, которые то здесь, то там вспыхивали на небосклоне.

Наконец сон одолел и его.

7

Наутро первое, что услышал Опунь, это скрип двери. Затем раздался голос Ансема:

– Эй, ребята! Э-гей! Верхушки елок уже давно в солнцекупаются!

Опунь, преодолевая желание полежать еще, вскочил, принялся будить товарищей.

– Кончай дрыхнуть! Чайник на печке пляшет!

На широких кедровых плахах подметенного вчера пола забегали солнечные зайчики. Тикун и Карап, кряхтя, словно старики, сползли с нар и отправились умываться. Опунь, сев к столу, разглядывал избушку, где им предстояло провести не одну неделю. Да, зимовье совсем ветхое. Однако видно, что простоит оно еще долго, еще не раз послужит таким вот промысловикам, как они. Стены его сложены из толстых кедровых бревен, внутри насквозь прокопченных. Опунь хотел было написать на стене имя любимой, но вовремя отдернул руку.

Печка стояла на каменных «подножках» в углу, со всех сторон ее окружали специальные вешала для сушки одежды. Под нарами пылились заготовленные кем-то распорки для ондатровых и горностаевых шкурок. Над подслеповатым окошком был вбит здоровенный гвоздь, на котором висело своеобразное ожерелье: нанизанные на бечевку медвежьи и волчьи когти, клыки. Когти еще одного зверя – россомахи – валялись на подоконнике. Лосиные рога ветвились в углу возле входа. Сквозь открытую дверь на лесной поляне виднелось кострище. На пожухлой осенней траве белели олени кости и черепа...

В зимовье не было никакого уюта, но Опуню здесь нравилось. «Расскажу про все это Тутье! – подумал он. – Все-таки избу строил ее дед».

Тем временем Ансем приготовил завтрак: заварил кипятком чагу, зажарил на сковородке остатки вчерашних муксунов, положил на стол несколько юкол. Вернулись в дом Карап и Тикун.

– Что делать сегодня будем, Ансем-аки? – спросил за завтраком Опунь.

– Невод ставной поставим на запоре. На озеро пойдем. Осмотрим его хорошенько.

– Какое озеро? – зевая, поинтересовался Карап.

– То самое, куда нам выловленный улов спускать придется.

Еще не достигнув берега, они услышали резкие крики обских чаек-халеев.

– Я-а! – насторожился бригадир. – Кажется, не зря мы вчера речку перегородили.

– Да, похоже на то! – сказал Тикун. – Халеи попусту кружить не будут: чуют добычу.

Ребята прибавили ходу, но старый Ансем их все-таки определил: столь велико было его рыбацкое нетерпение!

Над запором гомонил целый птичий базар. То и дело халеи пикировали вниз, где стояла выставленная вечером сеть.

– Я-а! Я-а! – радовался бригадир. – Думаю, с уловом нынче будем. Найдется, что в озеро перевозить!

Карап и Тикун сели в лодку. Оттолкнул от берега свою колданку и Опунь. Сеть, словно живая, извивалась и трепетала; почти из каждой ячейки торчала голова или хвост то муксуна, то щекура.

– Вот это да! – восхищенно прищелкнул языком Опунь. – Красота!

– Выпутайте из сети рыбу, – велел Ансем. – Мы кое-какие припасы себе сделаем.

На дне лодок прыгали, разбрасывая слизь, серебристые муксуны.

Выкинули улов на берег. Опунь и Карап принялись разделывать тушки, старый Ансем делал в них с внутренней стороны два продольных надреза, Тикун подсыпал крупной соли. Не ус-

пел бы, наверное, вскипеть на костре чайник, как на подстеленных ветках тала уже лежали свежепосоленные муксуны и щекуры.

– Ну вот, ребята! Без ухи теперь не останемся. Вечером я вам жира рыбьего натоплю. Хорошее блюдо к чаю будет. От него, знаете, какая сила в кровь идет? В старину мы здесь ни какого масла и в глаза не видывали, только рыбьим жиром и обходились, – сказал довольный Ансем.

– Мать у меня тоже все на рыбьем жиру готовит, – вставил Опунь. – Вкусно.

Тикун с Карапом переглянулись. Они уже успели заметить, что их приятель всегда первым спешит согласиться с бригадиром, и понимали, что это неспроста. Опунь увидел насмешку, блеснувшую в их глазах. Неприятно, но что поделаешь? Ему необходимо завоевать расположение старика! От этого зависит многое! От этого зависит его жизнь!

Бригада подъехала к запору ставить невод. Непростая это была работа. Надо было смастерить огромную ловушку, чтобы улов не ушел.

– Осторожней! Внимательней! – приговаривал бригадир, давая указания парням. – Следите, чтобы не было ячей порванных. Коля покрепче в дно всаживайте. Не то рыба хвостом вильнет – только ее и видели!

– Да куда она денется? – с досадой буркнул Карап, его раздражала суетливость старика и постоянный догляд.

– Найдет куда! Не понравится ей наш невод, крутанется – и обратно в живуны уйдет. Ищи их потом по всему сору, ямины эти!

– То есть как это не понравится? – засмеялся Опунь. – Разве может рыбе что-то нравиться или не нравиться?

– Глупый ты еще! – нахмурился Ансем. – Думаешь, рыба ума не имеет? У нее ума побольше, чем у нас с тобой.

Карап с Тикунуном развеселились, слыша, как бригадир отбрил Опуня. Ансем вздохнул:

– Кому вообще-то в невод попасть охота? Вы вот зубы скалите, а сами небось в ловушку не сунетесь. Так и рыба. Очень

даже может от нас уйти! Потому нечего заранее улову радоваться. Всякое на реке бывает.

К обеду у запора, на двухметровой глубине, стоял прочный невод с просторной горловиной и двумя карманами-крыльями.

– Теперь – на озеро! – командовал бригадир.

Снова пошли вдоль берега по тропе среди тальников, вниз по течению.

– Видите кедр? – спросил Ансем. – Вон тот, который на острове?

– Видим, Ансем-аки.

– Смотрите, какая у него округлая пушистая вершина. Словно меховая шапка. Потому и остров так называется – Кедр Шапка. Сколько себя помню, дерево это тут стоит. Его еще мой дед заприметил.

– А долго нам идти? – уныло спросил Карап.

– Недолго, ребятки. Озеро близко.

Раздвинув руками тальник и сухой пырей, Ансем исчез.

– Идите сюда! – позвал он из зарослей.

На расстоянии броска аркана от кромки берега сверкало в солнечных лучах круглое озеро, шириной, наверное, не более ста метров. Вода в нем казалась глубокой и темной. С северной стороны озеро окаймлял густой лес. Ели подступали почти к самому берегу.

– Хорошее озерко, а? – любуясь, весело спросил Ансем. – В самый раз рыбу сюда упрятать.

– Ничего себе – упрятать! – усмехнулся Карап. – На руках, что ли, таскать ее будем?

– Как потребуется, так и будем! – резко одернул его бригадир. – Что ты все ноешь?

– Я посмотрю озеро? – предложил Опунь.

– Я сам посмотрю, а ты иди к запору, колданку сюда пригоди. Надо глубину промерить.

Скинув на песок суконовый гусь, Опунь побежал за колданкой.

Когда он вернулся, Ансем в задумчивости стоял возле пересохшего русла небольшой протоки, соединявшей в половодье озеро с речкой.

– Вот, однако, где первый след проложим, – сказал он. – Са-

мое место. Тальника почти нет, лодка легко пойдет.

– Да мы с Тикунном в одну минуту ее перетащим! – хвастливо заявил Опунь. – Здесь до озера три шага.

Ансем, закашлявшись, рассмеялся.

– Гляди-ка, шустрый какой! Пустую колданку я и один пере-тяну. А вот как в ней рыбка заиграет да вода заплещет...

– Вода заплещет? – удивился Тикун. – А для чего в озеро во-ду таскать? Ее тут хватает...

– Ты без воздуха можешь жить? – прикрикнул на него Ан-сем.

– Нет, конечно!

– Так и рыба без воды. Задохнется и поплывет по нашему озеру вверх брюхом!

– Кой, кой! – схватился за голову Тикун. – Поработать притя!

– Так ведь мы сюда не играть приехали. План давать!

– Верно, Ансем-аки! Разве мы чего говорим? – поспешил ус-покоить старика Опунь.

– Где колданка-то?

– Сейчас.

Опунь с Тикунном, вцепившись руками в поперечину на носу лодки, переволокли ее по высохшему руслу к озеру.

– Дорожки разровнять нужно, – глядя на усилия ребят, заме-тил бригадир. – Няши подсыпать, пырей повыдергать. Накатает-ся волок, легче будет... – И, нагнувшись, первым ухватил серый голыш, торчавший из колеи, выбитой днищем лодки.

Проложив путь для будущих перевозок, Ансем присел от-дохнуть – привалился спиной к травянистому обрыву и заложил себе за нижнюю губу махорочное крошево с утлапом. Опунь сразу определил, что табачок сдобрен спиртом. Где старик его прячет? Ведь никто из ребят, пока переносили вещи с берега к зимовью, никакой бутылки не видел.

Переведя дух и даже маленько вздремнув, Ансем велел сво-им помощникам срубить в лесу подходящую жердину метра в три длиной и поплыл на колданке по озеру, время от времени тыча шестом в воду. На середине жердь едва доставала дна, по краям было помельче.

– В самый раз будет! – крикнул бригадир ребятам. – Хватит нашей рыбке воды. Есть где разгуляться. И корм, я смотрю, найдется. Хорошее место!

Солнце тем временем скатилось почти к самому горизонту. Ансем подогнал колданку к берегу.

– Домой пойдём? – спросил Карап.

– Не спеши. Дорогу нашу еще оглядеть надо. – Старик придирчиво стал рассматривать русло. Что-то ему там не понравилось, и он достал из-за пояса походную лопату. «До чего же у Тутьи отец предусмотрительный! – с уважением подумал Опунь. – Все у него под рукой!»

Ансем кое-где подровнял края углубления, подсыпал земли.

– А если мы еще жерди по кромке колеи с двух сторон положим, чтобы упираться можно было? – предложил Опунь.

– Дело говоришь, – согласился Ансем. – Действуй!

Польщенный похвалой, Опунь старался изо всех сил, на косые взгляды приятелей он не обращал никакого внимания. Натаскав из лесу веток, добавил к ним еще и таловый сухостой. Теперь уже, если тащить груженую колданку, ноги почти не проваливались даже в глинистый грунт.

– Молодец! – похвалил его еще раз бригадир, и сердце Опуня счастливо екнуло. А вдруг Ансем расскажет о его работе своей дочери?

Тутья!.. Тутья!.. Чернокожая красавица Тутья! Если бы знала она, как тоскует по ней один из членов маленькой рыболовецкой бригады, заброшенной в верховья дальнего сора, где на сто верст кругом нет ни души!..

Едва подумал о ней Опунь, как тотчас увидел в розовых отсветах вечернего солнца ее лицо. Мелькнуло на долю секунды – и растаяло в легкой дымке, поднимающейся над водой... Сколько дней и ночей им еще предстоит «давать план» председателю Ай-Ване?

«Не Ай-Ване, а всем людям, фронту! – поправил сам себя замечтавшийся Опунь. – Что это со мной? Хватит!»

– А ну, попробуем протащить здесь колданку! – сказал Ансем. – Тикун, Карап, поднимайтесь!

Парни ухватились за поперечину.

– Нет, нет! – запротестовал бригадир. – Не так! Воды в лодку начерпайте. До половины. Надо все проверить как следует.
Колданку заполнили водой.

– Опунь, потяни, попробуй!

– Опунь рванул на себя колданку: она сдвинулась на самую малость и встала.

– Ох, нелегко нам будет, – огорчился Тикун.
Ансем лукаво сощурился.

– Сделайте легкой. Ну чтобы колданку одной рукой можно было тащить. Словно пустую!

– Как пустую, Ансем-аки! – удивились ребята.

– Догадайтесь!

– Не знаем...

– А вот у меня сейчас уточкой проскочит! – засмеялся Ансем. – Смотрите!

Подойдя к лодке, он зачерпнул ведерком воды и плеснул на глинистую канавку. Затем легко перетянул колданку от озера к речке. Плеснул еще – и снова, без особых усилий, двинул ее в обратном направлении.

Сжав губы, Опунь пристально следил за действиями бригадира.

– Догадался! – наконец заявил он. – Вижу!

– Что видишь?

– Днище у лодки в глине измазано. По мокрому, как по рыбьей слизи, скользит.

– Правильно. Голова у тебя, парень, работает, – и Ансем хлопал его по плечу.

– Подумаешь! – обиженно сказал Карап. – Невелика премудрость. Сообразить нетрудно!

– Невелика, но ты не сообразил! – засмеялся добродушный Тикун. – И я тоже.

– Ладно, – улыбнулся Ансем. – Пора нам к дому. Еще разок сеть возле запора проверим.

Рыбы в ячеях опять было много. Выбрали ее и засолили. Отдельное ведро наполнили истекающими жиром рыбьими внутренностями.

– Хороша варка будет! – потирая руки, радовался Ансем. Настроение у него было приподнятое. – А видели вы, ребята, как вода над нашим ставным неводом кругами ходит? Думаю, кое-что там уже есть. Завтра ловушка даст нам ответ – зря мы старались или не зря.

Подхватив за жабры подсоленных муксунов, бригада наконец тронулась к избушке. Им, уставшим за день, развалюха показалась вдруг родным домом.

Неутомимый Ансем, едва они вошли в жилище, взялся хозяйничать. Впрочем, кухонной работы хватило всем. Бригадир самолично разделывал рыбы потроха, выскабливал желудки, затем резал их на мелкие части. Ребята, ошкерив несколько рыб, распластали их на куски.

– Приступаем к варке! – торжественно объявил Ансем. – Костер у нас жарко горит?

– Жарко, Ансем-аки! – поворошив угли, сказал Опунь.

– Давайте котел!

В большой казан сложил нарезанную рыбу, подплывшие жиром рыбы желудки. Вскоре над зимовьем поплыл щекочущий ноздри аромат рыбной варки, как называл готовящееся блюдо Ансем. Сам он, вооружась деревянной ложкой, время от времени осторожно помешивал в котле горячую рыбную массу.

– Вот это еда! – отведав варки, воскликнули ребята. – Вы просто мастер, Ансем-аки!

– Кто такой еды поест, того никакие болезни не возьмут, – сказал довольный бригадир. – А сил у него будет – ого-го-го!

Крепко спалось в ту ночь маленькой бригаде после такого ужина!

8

Предположения Ансема оправдались: утром в ставном неводе рыба ходила ходуном. От темных спинок щекуров и муксунов вода казалась черной. Били упругими хвостами, разбрасывая серебряные брызги, муксуны, щекуры, сырки, пыжьяны – словно крылья диковинных птиц, трепетали в воздухе их плавники. Невод бурлил так, что дрожали крепко вбитые в грунт колья.

Какое зрелище для глаз рыбака!

– Я-а, ребята! – хлопнул в ладоши Ансем. – Что я вам вчера говорил? Будем с рыбкой! Теперь гоните сюда скорее колданку...

Опунь подгрел к неводу.

– Заливай водой до половины, – распорядился Ансем. – я пересаживать буду.

Через пару минут и колданка вскипела от трепещущей в ней рыбы.

– Правь к озеру, Опунь, – сказал Ансем, когда они загрузили лодку. – А Тикун берегом пойдет. Осторожней езжай, не перевернись. Мы с Карапом следующую колданку наполнять будем.

«С Карапом», – отметил про себя Опунь и метнул исподлобья ревнивый взгляд в сторону одноклассника.

Примостившись на коленях на сиденье колданки, осторожно работая гребями, Опунь поплыл к озеру и вскоре пристал к месту, откуда начинался подготовленный вчера волок. По примеру бригадира они смочили канавку водой и потащили лодку.

Это было уже потруднее, чем перебросить пустую колданку! Первый рывок дался им с огромным трудом, правда потом «сработала» мокрая глина и дело пошло веселее. У самой береговой кромки озера колданку перевернули, и свежий улов, взрывая воду неистово бьющимися хвостами, ринулся на глубину.

Одиннадцать раз в этот день пришлось ребятам перетаскивать груженую лодку. С каждой ездой становилось все тяжелее. Облепленные скользкой глиной, жерди скользили под ногами. Опунь даже упал и расшиб себе нос, ударившись о корму. Нижняя одежда насквозь промокла от пота, а верхняя – от водяных брызг. Перевернув последнюю колданку, Опунь и Тикун как подкошенные рухнули в густой пырей. У обоих кружилась от перенапряжения голова, онемели руки и ноги. Опунь, откинувшись на какую-то кочку, неподвижно смотрел в небо. Даже облака, проплывавшие в вышине, казались ему сейчас похожими на рыб.

– Как ты думаешь, сколько мы сегодня рыбы в озеро выпустили? – спросил Тикун.

– Не знаю. Много. С тонну, наверное. Или больше.

– А сколько еще надо?

Опунь не ответил, он задремал и во сне вдруг увидел главного идола рода Хартановых – священную лошадь, похожую на

Чалку. «Проси у меня, Опунь, что хочешь», – сказала она человеческим голосом. И Опунь, ни на минуту не задумываясь, изложил главному идолу свое заветное желание: «Я хочу показать себя в работе настоящим мужчиной! И хочу, чтобы отец Туты это увидел, и мысли его повернулись в мою сторону». – «И-и-и-и!» – звонко заржала в ответ священная лошадь. – «И-и-и!»

– Спите, значит? – услышал Опунь над ухом голос Ансема и с трудом разлепил сомкнутые веки. Рядом протирали глаза ослепевший Тикун – он тоже успел заснуть.

– Отдыхайте, отдыхайте, – улыбнулся бригадир. – Знаю, тяжело с непривычки.

– Нет, ничего, Ансем-аки, – сказал Опунь. – Мы не устали. Правда, Тикун?

– Правда, – не очень уверенно протянул тот. – Мы так пока...

Ансем, присев на торчащее из земли корневище, подзаправился своим табаком. Подняв вверх кривой указательный палец, он чутко прислушался.

– Слышите, рыбка наша плещется в озере? Новый дом обживает. Хорошо, хорошо... Если и дальше так будет, дадим план! Только рыбу все же побыстрее взять нужно. Не дай Бог, обратно в живуны уйдет! Пожалуй, надо сегодня еще один ставной невод наладить. Как вы думаете, ребятки, а?

Карап печально вздохнул, а Опунь кивнул головой:

– Нужно – значит поставим.

– С двумя неводами мы вдвое больше возьмем. Тогда и домой вернемся скорее!

«И я раньше увижу Тутью!» – подумал Опунь и тут же вскочил на ноги.

– Я готов, Ансем-аки! Идемте!

– Ладно, ладно, не спешите. Отлежитесь немного. Поедим. Чайку попьем. Часа три еще будет светло. Успеем.

Бригадир уже позаботился об обеде: на берегу речки потрескивал костерок, а рядом с ним на траве лежал разделанный трехкилограммовый муксун.

Упрашивать никого не пришлось: аппетит у ребят был прямо-таки зверский – огромная рыбина исчезла в один момент.

Второй невод поставили быстро – сказывался уже пусть небольшой, но все же опыт. Солнце еще не коснулось макушки величавого кедра, а у них уже стояла новая ловушка.

– Ура! – забив последний кол, крикнул Тикун. – Все!

– Пусть этот невод будет Караповым, – хитро подмигнув, сказал Ансем. – Посмотрим, каково у него рыбацкое счастье...

Такое неожиданное предложение бригадира повергло Опуня в уныние: вот тебе и на! Стараешься, стараешься, а все внимание лентяю Карапу! Даже невод ему Ансем решил «подарить»... Неспроста это, нет – неспроста... Опунь помрачнел.

– А почему, Ансем-аки, невод только Карапу? Мы же его все вместе ставили? – спросил тоже, видимо, недовольный такой щедростью бригадира Тикун.

– Обиделся? – засмеялся Ансем. – Не обижайся! Первый, вчерашний невод пусть будет твоим и Опуня. А сегодняшний не только Карапа, но и мой...

У Опуня немного отлегло от сердца. Однако не совсем: почему Ансем решил «поделить» невод именно с Карапом?

9

Когда взошло солнце, Опунь еле-еле заставил себя подняться с нар. Ломило спину, плечи, икры ног, пальцы на руках казались деревянными. Хорошо, что он проснулся первым и никто не видел, как он сползает на пол, кряхтя, словно столетний дед. «Ничего! – успокоил он сам себя. – После тяжелой работы такое бывает. Я знаю. Это пройдет. Вот разомнусь немного – и все будет в порядке».

Опунь вышел на крыльцо, плеснул в лицо холодной воды. Стало и в самом деле полегче. На нарах в избушке уже, поставившая, ворочались Карап и Тикун. Только старый Ансем поднялся легко, как ни в чем не бывало.

Пошли к запору.

Внезапно Опунь, шедший по тропе первым, вскрикнул:

– Ой! Здесь кто-то был! На песке следы!

Все поспешили на берег.

– Кой-кой! – покачал головой Ансем. – Плохи наши дела!

– А что такое, Ансем-аки?

– Вор к нам наведывался. Росомаха! Надо скорее наш малосол посмотреть – цел или нет?

Опунь белкой вскарабкался по обрывчику, где они вчера спрятали свой рыбный запас.

– Вся трава разворочена! – объявил он сверху. – Росомаха тут пировала! Кой-кой, вот разбойница!

Ансем, Карап и Тикун поднялись к Опуню.

Вокруг хранилища всюду валялась обглоданная рыба. Часть малосола росомаха оттащила в сторону, к лесу, где попыталась зарыть, натаскав прошлогодних листьев и сучьев.

– Эх, капкана у нас с собой нет! – загоревал Ансем. – На сторожить бы на эту ворюгу. Ведь не успокоится, пока не прикончит всю рыбу. Я ее повадки знаю!

– А если петлю поставить? – спросил Тикун. – Петли же у нас есть.

– Есть, но на зайцев. А росомаха зверь сильный, сорвет петлю, как тоненький волосок.

– Что же тогда делать?

– У меня ведь ружье! – стукнул себя кулаком в грудь Опунь. – Я ее подкараулю.

– Не так это просто, парень. Росомаха человека издалека чует. Ладно, соберите рыбу. Придумаем что-нибудь.

– Что здесь можно придумать? – пожал плечами Карап.

– Можно! – хитро прищурился Ансем. – А ну, тащите сюда свои походные сумки! А ты, Тикун, сучьев да сухой травы набери.

Порывшись в мешках, старик отобрал несколько ненужных тряпок. Из сучьев соорудил что-то вроде каркаса. Замаскировал его травой и тряпьем.

– Глядите-ка, человек получился! – воскликнул с удивлением Карап. – Только уж больно страшный.

– Настоящее чудище! – засмеялся Тикун.

– Не чудище, а чучело, – поправил его Ансем. – Сейчас мы его к нашей рыбе приставим. Думаю, росомаха больше сюда не сунется. Лишь так ее запугать и можно, ворюгу лесную!

Ребята засмеялись, только Опунь, отойдя в сторону, помалкивал. Сын опытного охотника, он в такие игрушки не верил. Какой прок от тряпичного страшилища? Росомаха зверь ко-

варный, смелый. Она обязательно снова найдет путь к их запасам. Помочь может только ружье. Его, Опуня, двустволка, из которой так метко стрелял отец...

В ставных неводах рыбы и сегодня оказалось много. Двенадцать раз пришлось перетаскивать тяжеленную кол-данку к озеру. К полудню первый ставник был вычерпан.

– Отдохнем! – распорядился бригадир. – Пообедаем здесь же, на берегу, чтобы не терять времени.

Ребята сварили жирную нельму, до отвала наелись ароматной ухи. Потом, немного поспав, принялись выбирать второй невод. Теперь, по совету Ансема, колданку на озеро возили втроем. Так дело двигалось чуть быстрее. Но все же после обеда, хоть они и плотно поели, силы были уже не те. Опунь не чувствовал ни рук, ни ног. Все чаще приходилось присаживаться, чтобы перевести дыхание. Они разговаривали между собой, двигались, словно в каком-то полусне. Опунь откинул капюшон малицы: волосы на голове были мокры от пота. Превозмогая усталость, он тем не менее старался за двоих.

– Вижу, парни, тяжело вам! – успокаивал их бригадир. – Но ничего, потерпите. Скоро дневную норму выполним. Совсем немного осталось. Я-а!

– Может, завтра закончим, Ансем-аки? – взмолился Карап. – Не могу больше!

– Так ведь и рыба больше не может! Тесно ей в неводе. До утра вся задохнется. Что тогда делать с ней будем? Выбросим?

– Нельзя выбрасывать! – сказал Опунь. – Председатель Ай-Ваня говорил: фронту наша рыба нужна. Для победы. Мы сейчас, Ансем-аки, передохнем только...

– Хорошо, – согласился бригадир. – Перекур!

«Перекуривал» в бригаде он один, а ребята в своих облепленных глиной броднях просто повалились на землю. Комок грязи, случайно поддетый ногой Карапа, угодил Опуню в лоб.

– Ты что, ослеп? – в ярости заорал он на приятеля: уставший и взмокший, Опунь уже не владел собой.

– Чего кричишь? – с таким же раздражением вскинулся на него Карап. – Я же случайно.

– У тебя все случайно! Сухарики легкие подхватил, когда приехали, тоже случайно. Дрыхнешь утром дольше всех – и это случайно. Мы с Тикунем вдвоем до сегодняшнего дня с колданкой надрывались, а ты у бригадира в бударке сидел, лясы точил – и это, скажешь, случайно?!

Маленькие глазки Карапа вспыхнули рысьей злобой.

– Тебе не нравится, что я с Ансемом-аки разговаривал! А сам?! Только и мечтаешь, как бы к нему подлизаться! Думаешь, я не вижу? Не понимаю, в чем дело?!

Сжав кулаки, Опунь бросился на Карапа. Но Тикун опередил его, остановил приятеля.

– Вы что, ребята? С ума посходили? Подумаешь, комочек глины не туда отлетел! Меня тоже задело. Не в классе же мы – на рыбалке. Карап просто ногу не так поставил... подвернулась нога...

– Не так, не так, – пробурчал, отступая, Опунь. – Знаю его! Все у него не так...

Обошлось без драки. К счастью, и Ансем, покуривавший за ближним мыском, перепалки не видел.

Перекур окончился, бригадир снова взялся за сачок. Ребята, с трудом поднявшись, пошли к наполненной рыбой колданке. Ансем посоветовал перетягивать ее с помощью брезентовой лямки, потому что у всех, особенно у Опуня и Тикуня, ладони давно уже покрылись кровавыми волдырями. «Бурлаки» впряглись в груженую лодку и поволокли ее к озеру. Легче не стало, но так, по крайней мере, можно было дать роздых саднящим ладоням.

Сделали еще с десяток ездов.

Начало темнеть.

– Ладно! Кончай! – крикнул наконец Ансем. – Хватит на сегодня.

В изнеможении ребята сели на землю и тупо уставились на речку. Перед запором вода словно кипела. То и дело выскакивали, изогнувшись дугой, маленькие нельмушки, со свистом проносились взад и вперед зубастые щуки, закручивая над собой воду воронками, толклись на одном месте мускулистые щектуры.

– Видеть ее не могу, – указывая пальцем на рыбу, признался Тикун.

– Чего это она разбушевалась? – спросил Карап.
– Выхода ищет. Нереститься пора, – пояснил Ансем. – Вот и торкается в невод, как безумная. Нет, нам времени терять ни минуты нельзя! Жаль, что уже темнеет. А то бы еще поработали...
– Ой, Ансем-аки! – только и вздохнул в ответ Тикун.
А Карап встал и уныло побрел в сторону зимовья.
– Подождет до утра. Никуда не денется, – бросил угрюмо через плечо.
– Куда ты торопишься? – окликнул его Опунь. – Постой. Дай послушать разговор старого человека. Умник нашелся!
– Ладно, Опунь, – вмешался Ансем. – Не ругайтесь. – Он слегка кашлянул и поправил косички на голове. – А вот насчет рыбки – как знать! Все, что впереди, ребятки, темно.
– Почему? – спросил, не поняв, Опунь. – Раз рыба собирается на нерест, она на наш запор все время идти будет.
– Она-то будет, а вот запора может уже не быть, – вздохнул Ансем. – Дождь пойдет, вода поднимется. Течение все сметет на своем пути. Раз – и нет нашего запора.
– Ко-о-ой, – протянул Опунь. – Значит, зря мы старались?
– Почему зря? Может, и не случится такого... Большие осенние дожди вроде уже прошли. Ну, берите по муксуну, пошагали!
Закинув за плечи промокшие насквозь гуси, побрели к зимовью. Со стороны протоки Сэзынг Соям мохнатой медвежьей шкурой наползал холодный густой туман.
– Я-а, – прошептал тихо Ансем. – Зима, кажись, к нам торопится. Утром, наверное, иней ляжет...

10

На следующий день Опунь снова поднялся раньше всех – такое «задание» он дал себе еще с вечера. Одевшись, снял со стены отцовскую двустволку и тихо выскользнул за дверь.

Как и предсказывал старый Ансем, тайга за ночь закуржавела. В кустах багульника, на ветвях деревьев – всюду поблескивал, серебрился иней.

Зарядив ружье дробью, Опунь стал спускаться к речке. Не доходя до берега, остановился. Откуда сегодня дует ветер? Кажется, с северо-запада, навстречу. Это хорошо: россомаха не

сможет его учуять. Было тихо. Лишь изредка потрескивала под ногой ветка прибрежного тала.

Подойдя к обрывчику, где хранились запасы малосолевой рыбы, Опунь огляделся. Растопыренное чучело грозно возвышалось над пустынным берегом.

«Неужели россомаха все-таки испугалась и не придет больше? – разочарованно подумал он. – Эх, и зачем только Ансем-аки такую штуку придумал?»

Но вот со стороны речки послышались частые всплески.

«Здесь она!» – решил Опунь и, затаив дыхание, стал медленно стаскивать с плеча двустволку.

Зверь был где-то возле запора. Сильные широкие лапы били по воде, как лопасти гребей.

Пригнувшись, почти на четвереньках, Опунь подкрался поближе к воде. Скрылся в густом ольшанике и прислушался: бульканье и шлепки в реке продолжались. Опунь вытянул шею, надеясь разглядеть, что же там происходит. Вот возле невода мелькнула чья-то черная мокрая голова...

Опунь почувствовал, что у него слегка дрожат колени. Охотничий азарт все больше и больше овладевал им. Проверив еще раз ружье, он выскочил из ольшаника.

Барахтавшийся в реке зверь, почуяв опасность, громко рыкнул. «Да это медведь?!» – опешил Опунь.

Ладони у него сразу стали влажными. Пришлось опустить ружье.

Меж тем медведь, выдернув лапу из ячеи ставного невода, отфыркиваясь, поплыл к противоположному берегу.

«Медведь... Медведь... – твердил про себя ошеломленный Опунь. – Сот хоятпи ляль... Сот хоятпи ляль...» Почти машинально он называл сейчас хозяина тайги древним именем: «Сот хоятпи ляль» означало по-хантыйски «Зверь, имеющий силу ста лучников».

Медведь доплыл до ближайшей отмели, выбрался на песок и отряхнулся. Затем пристально поглядел на Опуня и длинными прыжками устремился в тайгу.

Опунь стоял на месте как вкопанный. Удивление и даже суевверный страх сковали его. Но вдруг взгляд его уловил какое-то мельтешение возле ставного невода.

«Это же рыба уходит! – с ужасом понял Опунь. – Медведь разорвал мережу!»

Опунь бросился к лодке и, прежде чем сесть за гребни, поднял ружье и выстрелил в воздух. «Пусть медведь напугается и убежит подальше». Все-таки в этих пустынных местах в такой ранний час Опуню было жутковато.

Медведь и в самом деле распорол невод. В образовавшуюся прореху серебристой подвижной цепочкой уходил их улов. Опунь вытащил тонкий шест, которым поднимали и опускали нижнюю подбору. Мережа была здорово попорчена. Уже за те мгновения, что он разглядывал проделанную медведем дыру, десятка два горбоносых щекуров, взрывая воду хвостами, вырвались на свободу. И вообще, рыбы в неводе было гораздо меньше, чем вчера. «Все, что впереди, ребятки, темно», – вспомнились слова бригадира. Выходит, снова прав оказался осторожный старик! Будто чуял опасность...

Отыскав в рыбном ящике большую иглу, подтянув к себе на колени порванный невод, Опунь стал зашивать его суровой нитью. «Ну и силища у медведя... Крепкую мережу, словно паутинку, порвал!» Наконец Опунь снова опустил в воду шест и расправил залатанную снасть.

– Порядок! Вовремя я успел! – Он развернул было бударку к берегу, как вдруг заметил на воде какие-то шевелящиеся круги. Вот мелькнул в воздухе черный плавник... Значит, еще дыра?

Опунь нагнулся к самой воде и увидел, как сырки, пыжьяны, величественные муксуны торопливо исчезали в глубине.

Опунь сунул руки по локоть в реку, крепко зажав в пальцах иглу. Сделал несколько стежков наугад, все время чувствуя удары и покалывания суetyщихся рыб. В ледяной воде руки тотчас онемели.

Уже совсем рассвело, и солнечные лучи золотыми искорками вспыхивали на верхушках деревьев. Речка переливалась разноцветными бликами, будто всю ее осыпали чешуей.

Опунь на секунду-другую откинулся затекшей спиной на корму. Красота осеннего утра поразила его. Куржак на прибрежных березках походил на хрустальную сеть. Заиневевшая трава казалась седым ягелем. И среди этой белизны особенно ярко выделялась свежая темная зелень елок и кедров.

Но расслабляться было нельзя. Размяв окоченевшие пальцы, Опунь снова полез в воду, на этот раз опустив руки до самых плеч. Сколько он провозился, затягивая прореху, Опунь не знал. Ему казалось, что возился он целую вечность и еще казалось, что промерз настолько, что до берега уже не добраться. Но он все-таки зашил дыру! Щекуры и пыжьяны, повертевшись у лодки и не найдя больше выхода, успокоились. Теперь-то уж они никуда не денутся! Все будут тут, в неводе!

Подогнув бударку к берегу, Опунь снова привязал ее к коряге. Потом набрал заиндевелей травы, скинул малицу и растер себе руки и плечи. Стало немного теплее. На прибрежном песке отчетливо виднелись большие медвежьи следы. «Ну и сила! – снова подумал Опунь. – Вот это лапища! Шириной с мои две ладони, а то и больше!» Опунь поежился: его вдруг охватил озноб, то ли от холода, то ли от ощущения еще близкой опасности. Пожалуй, надо поскорее вернуться в зимовье.

В избушке уже проснулись. Дымила печка, закипал чай.

- А-а, вот он, пропащий! – улыбнулся Ансем. – Мы уже тут тревожимся: куда парень делся?

Опунь молча поставил в угол ружье.

- Это он за росомахой бегал, – подмигнул Карапу Тикун.

- Прославиться хочет, – съязвил тот. – Чтобы девушки им восхищались...

- Заткнись! – буркнул Опунь.

Ансем налил ему чаю, подвинул рыбную варку.

- Пей! Замерз?

Опунь отхлебнул из кружки горячего кипятка, заваренного чагой, и стал рассказывать обо всем, что произошло на запоре. Тикун слушал разинув рот, а Карап небрежно заметил:

- Вранье! Никакого медведя там не было.

- Э-э, парень! – замотал головой старый Ансем. – Зачем не веришь человеку? Он правду говорит! В тайге какого только зверя не встретишь! Особенно в этих глухих местах. «Старик»* вполне мог наш невод проверить... Только я думаю, – здесь Ансем вдруг повысил голос, – просто так он приходил. Ради шуток!

* Старик – так ханты иносказательно называют медведя.

– Ради шутки? – удивился Опунь. – Хороша шутка! Он в двух местах ставник попортил. Сколько рыбы ушло!

– А я говорю – пошутил он! – прикрикнул Ансем и нахмурился: – Не спорь, когда старый человек разговор ведет!

Опунь примолк, не желая навлекать на себя гнев отца Тутьи, но вместо него высунулся Карап:

– Но почему все-таки медведь пошутил, Ансем-аки?

– Хочет, чтобы о нем поговорили, чтобы не забывали о том, что в лесу есть хозяин! Вы что думаете, рыба ему наша нужна? Осенью еды в лесу много.

– А вернуться он может?

– Вроде зла ему никто не сделал... Незачем ему больше приходить, – не очень уверенно ответил Ансем.

– У, проклятая зверюга! – не сдержался Опунь, вспомнив свои утренние мытарства.

– Тихо! Тихо! – испуганно замахал руками Ансем. – Ему нельзя угрожать! Нельзя о нем говорить плохо!

– Почему? – спросил Тикун.

– А потому, что он все слышит!

– Что-что? – не поняли ребята и с недоумением переглянулись. Но Ансем только махнул рукой и встал из-за стола: что им объяснить, этим молокососам! Разве поймут они всю сложность отношений человека со Стариком, которую прежде каждый ханты постигал с детства? Сейчас времена иные. Древние поверья уходят в прошлое. Начнешь растолковывать – только язык зазря устанет!

– Ладно, – проворчал Ансем. – Собирайтесь, на запор пора. – И, улыбнувшись, похлопал Опуня по плечу: – А тебя хвалю. Собрал мерезу залатать! Это не всякий взрослый сумеет.

11

За работой дни бегут быстро.

Уже знакомой до последнего камешка стала тропа от зимовья до речки и озера.

В ставных неводах появилось больше пыжьяна, сырка. Ансем объяснял это тем, что рыба поважнее, вроде муксуна, щекура и нельмы, ушла к живунам.

Ребята привыкли к работе, окрепли; теперь они уже не уставали так, как в первые дни. Колданку с пойманной рыбой перетаскивали без суеты – каждый хорошо знал свои обязанности. Опунь впрягался в лямку, Тикун научился ловко опрокидывать лодку в озеро, Карап исправно поливал глинистую дорогу водой – в иные дни ее уже схватывало ледком. Колданка тогда скользила совсем легко. Больше всего ребятам сейчас досаждали бродни, сшитые из тяжелого брезента. Они быстро намокали, и при ходьбе вода в них хлопала, словно в переполненном бочонке, – казалось, что на ногах у ребят пудовые гири. Время от времени они скидывали бродни и работали босиком. Но тотчас начинали коченеть ноги. Приходилось натягивать оленьи кисы, согреваться хоть ненадолго, потом снова месить мокрую глину голыми пятками. У всех троих подошвы уже были сбиты в кровь.

Озерко заполнялось рыбой, как девичий сундук приданым. Довольный Ансем поглядывал, как то в одном, то в другом месте вскипала вода.

– Видите, щуки шныряют? – показывал он ребятам круги на поверхности озера. – Ну, пусть, пусть порезвятся. Все равно им наша рыбка не по зубам, придется по-прежнему окушками довольствоваться. А потом все в неводе окажутся, до единой! Может, какая из них и в мой котелок попадет? А?

И Ансем начинал смеяться своим хриловатым, дробным смешком, который почему-то раздражал Опуня.

Еще неделю назад бригадир предсказал, что реки сей год станут рано. К тому, видно, и шло. Участились заморозки. Мелкие лужицы по утрам затягивало ледяной коркой, мягкой желтой подстилкой легли на землю опавшие иглы лиственниц, оголились березки. Созревшие шишки на разлапистых кедрах ярко коричневели, словно уцепившись оскаленными зубами за ветви.

В один из морозных утренников Опунь совсем рядом с избушкой увидел сидящего на елке огромного глухаря и уложил его первым же выстрелом. На обед у них был вкусный глухаринный суп.

– Вот так еда у нас нынче! – то и дело повторял склонившийся над миской Ансем. – Приятно мясо поесть! А то все рыба да рыба. Надоело уже. – И, сыто рыгнув, размышлял: – Эх, об-

менять бы нельму или муксуна на олений бок!

– Где тут обменяешь? – тоскливо вздохнул Карап. – Пустыня!

– Для кого пустыня, а для кого и нет, – прищурился Ансем. – По этой земле не мы одни бродим. Если умом пораскинуть, можно нужных людей найти. И охотнички здесь промышляют, и пастухи забрести со своими оленями могут.

– Колхозные стада в других местах кочуют, – сказал Опунь.

– Так то – колхозные. Но и у добрых людей олешки имеются... Не все еще, слава Богу, повывелись!

И Ансем снова неприятно засмеялся.

«На что старик намекает? – встревожился Опунь. – Вдруг Лялю, бывшего жениха Тутьи, в памяти держит? Не хочет от выгодного сватовства совсем отказываться? Может, стада Махсаровых где-то тут, поблизости? И Ансем это знает?»

И, словно в подтверждение этих мыслей, бригадир вдруг сказал:

– Оленины, если поискать, раздобыть можно. Глядишь, кто с верховий Казыма до нас и доберется, на нартах, по раннему-то ледоставу!

– Да ведь Казым же далеко! – удивился Опунь. – Кто оттуда поедет?

– Кто-нибудь да поедет, – загадочно усмехнулся Ансем. – Захочет нашей рыбки отведать, вот и объявится...

И, поднимаясь из-за стола, старик, довольный, потер себе руки.

– Доедайте суп, а я пойду погляжу, какая завтра погодка нас ожидает. Думаю, недолго нам тут сидеть: рыбы много взяли – план уже, по-моему, есть! Да сверх плана еще!

– В озере? – уточнил дотошный Тикун.

– В озере. Но ведь оттуда мы уже, как из кладовки, рыбу брать будем. Главная-то работа позади.

– Сколько же раз мы колданку перетаскивали? – стал прикидывать Опунь.

– Не меньше пятисот, – вздохнул Карап.

– Ты считал, что ли?

– Считал.

– Это он часы считает, не может дожидаться, когда домой вернется! – захохотал Тикун.

От этих слов Опуня всего передернуло. «К Тутье торопится», – со злостью подумал он о Карапе. Возможно, Карап и в мыслях подобного не держал, но ревность слепа, ничего не поделаешь... Эх, знал бы наивный Тикун, какую больную струну, сам не ведая, задел во влюбленном товарище!..

Ансем вернулся в избушку, ежась от холода.

– Есть одна новость, ребятки! Речка-то наша, Пор-Ёхан, затихла. Ни рыбка не плеснет, ни льдинка не звякнет. Похоже, станет не сегодня завтра.

Это было радостное известие. Схватит речку льдом – можно будет оставить запор, перейти на озеро и брать неводом собранную там рыбу. На севере холода наступают быстро: со дня на день теперь жди морозов.

– Ура! – крикнул Тикун.

– Ура! Ура! – поддержали его приятели. От только что мучавшей злости у Опуня и следа не осталось. Все трое гордились, что сумели справиться с нелегкой мужской работой, не обманули доверие председателя, «дали план» родному колхозу.

Доволен был и Ансем. Ничего не скажешь, повезло ему нынче с помощниками. Хоть и пацаны еще, утята желторотые, а толк из них будет, от трудного дела в жизни не побегут. Пускай отдохнут немного – на речку после обеда можно и не ходить.

– Работать сегодня не будем, – сказал старик. – А на Пор-Ёхан наведемся.

– Лодки? – догадался Опунь. – На берег вытащить, пока в лед не вмерзли?

– Лодки, – подтвердил Ансем. – С ними быстро управимся. А там – гуляйте, сколько хотите.

Уже издали, пробираясь сквозь тальники к берегу, ребята увидели, как речка поблескивает серебром. Карап подхватил с земли какой-то сук и швырнул в Пор-Ёхан. Сук с легким свистом заскользил по свежему льду.

– Сейчас бы да налегке, по ледку – прямо в поселок! – размечтался Тикун. – Я по своим соскучился. По маме, сестрам, братишкам... Я б живо дотопал!

– И я тоже, – сказал Опунь, думая о Тутье. – Тебя, наверное, обогнал бы.

– Нет, я обогнал бы! – засмеялся Карап.

И Опунь опять с ним чуть не схватился, но вовремя сдержался, заметив укоризненный взгляд бригадира.

По сравнению с перетаскиванием груженой колданки очистка ото льда бортов была не работой – игрой. Через час все было готово.

– Теперь давай к озеру, глянем, что там делается, – сказал Ансем.

Озерко тоже покрылось льдом. Правда, еще прозрачным и тонким. Ребята хотели было на радостях побегать по льду, но бригадир приказал им держаться у самого берега.

Опунь расчистил покрытый мохнатым инеем пласт прибрежного льда подошвой – и замер от изумления! Под его ногами, словно под стеклом, сновали сверкавшие чешуей большие и малые рыбины. Выросший на воде, он впервые видел такое чудо.

– Идите сюда! – подозвал он приятелей. – Смотрите!

Все трое долго любовались удивительной картиной. Наконец засобирались к зимовью.

– Идите, идите, – напутствовал их Ансем. – Я еще хочу запор проверить, в лодках кое-что поискать. Меня не ждите.

Если не торопишься, любой путь кажется коротким. Вот уже избушка мелькнула за деревьями – прибыли!

– Чем займемся? – спросил Тикун. Неожиданное безделье уже начинало его тяготить.

– Хм, – задумался Карап. – Может, шишек пособираем? Вон их сколько...

– Здорово придумал! – обрадовался Тикун. – Давай мешок!

Опунь же взялся за свою двустволку:

– А я пойду посмотрю, может, еще глухарь попадетя?

«В какую сторону двинуться? – размышлял он, а ноги меж тем сами несли его обратно к речке. – Там Ансем-аки, один, мелькнуло у него в голове. – Спрошу что-нибудь о Тутье... И вообще надо поговорить с ним...» О чем говорить – Опунь опять, конечно, толком не знал, но чувствовал: он должен, должен укрепить дорогу к сердцу отца! В этом залог другой дороги – к сердцу любимой... «Я подойду и спрошу, как поживает Тутья, – думал, убыстряя шаг, Опунь. – Просто спрошу – и все. –

Но тут же понял, что вопрос глупый: как ответит на него Ансем, который сидит с ними на Пор-Ёхане, далеко от дома? Может, лучше тогда выведать, как он ко мне относится? Но как, как это сделать? Вдруг старик догадается обо всем да поднимет меня насмех? Куда, скажет, ты, безоленный, к моей дочери лезешь...»

В мучительных раздумьях Опунь остановился на небольшом мыске, начертил носком бродня на замерзшем песке большую букву «Т» и принялся ее разглядывать.

Он стоял так долго, что ноги у него заоченели. «Нужно будет завтра чижи* надеть», – подумал он машинально и, понурился голову, побрел обратно к зимовью, не решившись повидать Ансема.

Тикун и Карап всю готовились шишковать: достали мешки, вырубил себе здоровенный колот...

– Ну что, нашел глухаря? – ехидно осведомился Карап. – Или медведя встретил?

– Оставь ружье, идем с нами, – позвал Тикун.

– Пусть в избе сидит, печку топит. Видишь, какое у него лицо кислое. словно клюквы наелся. Только настроение нам испортил.

«Стукнуть его?» – прикинул в уме Опунь, глядя на ненавистного соперника. Однако драться сейчас не хотелось.

– Мои глухари от меня не уйдут, – решил отшутиться он. – А вот твои шишки могут и пустыми оказаться.

Карап сердито зыркнул в его сторону, но Тикун уже тащил его за руку к ближайшему кедрачу.

Опунь посидел на нарах, принес в избушку дров, протопил печурку. Ансема все не было.

«Поброжу еще немного с ружьем», – решил он. Насмешка Карапа все же задела его. Еще не хватало, чтоб считали его неудачником! А то и трусом! Что имел в виду Карап, когда сказал про медведя? Может, думает, что он скис оттого, что ему стало страшно в лесу?

Схватив двустволку, Опунь снова отправился в тайгу. О глухарях сейчас нечего было и помышлять – их вылет давно закон-

* Чижи – меховые чулки.

чился. Разве что выводок рябчиков попадетсЯ или, если повезет, наткнешься в березняке на косачей.

Под броднями звонко похрустывал мерзлый ягель, хлестали по голенищам цепкие ветки багульника. Эх, нет здесь собаки! Разве это охота, без хорошего пса?

Занятый своими мыслями Опунь брел кедровой гривой. Земля была усеяна расклеванными шишками – кедровки здесь потрудились на славу! «Посмотрим, много ли вы орехов собираете!» – усмехнулся про себя Опунь, вспомнив приятелей с их тяжеленным колотом. Подобрал несколько не тронутых птицами шишек, сунул их в заплечную сумку. «Угощу Карапа, если ни с чем вернется!» Настроение у него поднялось, и он с удовольствием поел подмерзшей и оттого особенно сладкой брусники, которая всюду краснела под первым снежком.

Грива вывела его на высохшее кочкастое болотце, поросшее осокой. За ним виднелся распадок. Опунь пересек его и оказался вдруг на берегу Пор-Ёхана.

Сняв с плеча ружье, Опунь шел по отмели, где темнели глубокие лосиные следы. Зверь, наверное, собирался переплыть речку, но почему-то раздумал и, вытоптав глину на одном месте, повернул обратно в лес. Вспомнилась недавняя встреча со «стариком». Опунь подавил вспыхнувший было страх и присел на вывороченный ледоходом ствол какого-то дерева. Задумался. И тотчас ему привиделась Тутья. «Как она там? Вспоминает ли хоть изредка обо мне? – думал он сквозь дрему. – Или не вспоминает вовсе, а соскучилась по Карапу? А может, ждет Лялю? Вдруг он после госпиталя приезжал в поселок, красовался там перед девушками своей выправкой и медалями!»

При мысли о Ляле Опунь стряхнул с себя подкравшийся сон. Ревность обожгла его, словно язычок пламени от костра. Но странная это была ревность! Да, Опунь очень боялся, что Тутье понравится бравый Ляля. Но в глубине-то души Ляля нравился и ему самому! Мало того – Опунь отчаянно ему завидовал! Ведь тот воевал, заслужил боевые награды! Как и его, Опуня, отец!

Подняв с земли голыш, он с силой швырнул его в стынущую реку. Эх, и почему он так поздно родился? Если б не возраст, Опунь давно был бы на фронте... Может, даже воевал бы рядом с отцом...

Опунь вдруг ощутил острую тоску по отцу. Где он сейчас? Жив ли? Почему не дает о себе знать?

Последнее письмо с фронта они с матерью получили полтора года назад. Вернее, не письмо – отец грамоты не знал. Он просто вложил в конверт фотографию, на обороте которой чьей-то рукой, наверное, однополчанина было приписано несколько слов: Юхур, мол, жив и здоров, бьет фашистов и шлет семье горячий привет.

На снимке отец был мало похож на самого себя – слишком непривычно выглядели пилотка и гимнастерка, на которой красовалась медаль. «Эту медаль "За отвагу" Юхур получил на днях, – писал товарищ отца. – А за что – прочитаете сами. По-сылаем страничку из дивизионной газеты "За Родину"».

Страничку ту мать хранит дома в самом заветном углу, а Опунь знает текст наизусть. «Когда у рядового Ю. Хартанова кончились патроны, он не растерялся. Сразив штыком насевших на него двух фашистов, он завладел немецким автоматом и начал поливать врага из трофейного оружия. Около десятка гитлеровцев уложил рядовой Ю. Хартанов в этом жестоком и трудном бою...»

Как гордился Опунь смелостью и находчивостью своего отца! Он показал заметку учительнице, ее зачитали вслух перед всем классом. В сельсовете тоже узнали об отваге земляка и не раз говорили о нем на собраниях. Знала обо всем этом, конечно, и Тутья.

Опунь невольно распрямил плечи, и темные брови его сошлись треугольником на переносице – точно так же, как у отца на том фронтовом снимке. Да, с Лялей ему, подростку, тягаться трудно, он младше, не воевал – но что из того? Силы и ловкости ему тоже не занимать, и здесь, в далеком северном тылу, он, Опунь Хартанов, постарается быть достойным сыном своего отца!»

Писем от отца больше не приходило, но окольными путями, от кого-то из воевавших ханты, дошел слух, что бойцов-северян перевели на Карельский фронт и многие стали каюрами боевых оленьих упряжек.

– Кой! – заволновалась тогда мать. – Кой! У него же, кроме шинели да гимнастерки, ничего нету. Ну, может, полушубок и

валенки дали. Только для Севера это разве одежда? Малица нужна, кисы нужны, шапка теплая, капюшон!..

И Еля побежала в контору к Ярасиму – узнать, можно ли отправить на фронт посылку.

– Можно, – сказал Ярасим. – Только номера полевой почты ты ведь не знаешь.

– Не знаю... – пригорюнилась мать. – Но малицу я все равно сошью. Из ягушки своей переделаю. День и ночь шить буду! Пошлем посылку на Карельский фронт. Не моему Юхуру, так кому-то другому достанется. Люди за нас бьются, такую тяжелую работу делают – им тепло нужно...

В тот же день Еля взялась за иглу, а за ней и другие женщины поселка. Через леса, реки, горы и тундру пустились в дальний путь к Мурманску посылки с меховыми вещами – кисами, чижамы, малицами из оленьих шкур. Пришли в ответ письма, открытки с благодарностями, из района Еле прислали Почетную грамоту за добрый почин, а вот известий от Юхура все не было и не было...

А затем принесли короткую повестку: рядовой Ю. Хартанов считается пропавшим без вести.

– Замерз... – прошептала побелевшими губами Еля. – Снегом его засыпало... Не дошла, видать, до тебя, Юхур, моя малица...

И с коротким, сдавленным криком упала лицом на постель:

– Не верю!..

С тех пор у Хартановых о Юхуре почти не говорили. Но и мать, и Опунь, и сестра Палаш продолжали его ждать, не верили, что отец погиб.

Опунь поднялся со ствола поваленного дерева и побрел вдоль берега реки. Идти было трудно. Земля подмерзла, но еще не очень сильно, ноги отяжелели от прилипающих к подошве комьев осенней грязи. Скорее бы ледостав! Тогда можно будет соорудить себе быстрые лыжи и пуститься по льду в поселок. Слетать туда хотя бы на пару часов – повидать Тутью. Интересно, как она его встретит? Пусть ничего не скажет, пусть промолчит – он по глазам поймет, рада она ему или нет!

Мечты Опуня, как всегда, резво понеслись дальше. Вот он, обессиленный от стремительного броска на лыжах – до поселка-

то добрых полсотни километров! – почти без чувств падает к ногам любимой.

– Что с тобой? – волнуется Тутья. И, протянув руку, кладет ему на лоб прохладную ладонь.

Он молчит, не отвечает ей.

И тогда Тутья припадает ушком к его груди, слушает – бьется ли его сердце. А он, очнувшись, обнимает ее и шепчет:

– Милая!.. Ты любишь меня? Любишь?..

Так Опунь, вероятно, мог бы фантазировать до самой ночи, но мысли его вдруг прервал чей-то протяжный крик.

– Помогите!.. На помощь!..

Опунь сдернул с головы капюшон малицы. Кажется... голос Ансема?!

Он помчался вверх по реке, к запору: ведь Ансем оставался именно там, у лодок.

Бежать пришлось довольно долго: дорогу то и дело преграждали разлапистые коряги, загромождавшие берег, выдававшиеся в воду мыски, лесные ручьи, сбегавшие в Пор-Ёхан. И все это время, пока бежал, Опунь слышал крики Ансема:

– Ребята!.. Сюда!.. Помогите!..

«Тонет он, что ли?» – в испуге подумал Опунь. Но вместе с испугом он вдруг ощутил и нечто похожее на радость: отец Тутьи в беде и он, Опунь, придет ему сейчас на помощь! От этой мысли силы его словно удвоились. Вскоре он, запыхавшийся, стоял у запора.

Посреди речки сразу же увидел барахтавшегося в ставном неводе бригадира. Скорее всего, тот запутался в мереже и не мог оттуда выбраться. Тонкий лед проломился под тяжестью человека, и с каждым движением Ансем все глубже погружался в ледяную воду, хотя и держался обеими руками за деревянную козлину.

– Опунь!.. Опунь!.. – застонал, увидев его, Ансем. – Замерзаю... Спасай!..

Схватив на берегу какую-то палку, Опунь ступил на лед.

– Не лезь! – заорал Ансем. – Оба утонем. Лед не держит! За кустом погонная веревка есть... Метнешь ее... Да поживей!..

В окрестной тиши было явственно слышно, как у старика клацали от холода зубы.

– Сейчас, сейчас, Ансем-аки! – заторопился Опунь. – Держитесь!.. Я мигом!

К счастью, веревку удалось найти сразу. Собрав ее в связку наподобие аркана, Опунь бросил свободный конец Ансему. Одной рукой старик обмотал себя веревкой за пояс.

– Си! Все! – сказал он. – Тащи!

Упершись ногами в ближний от берега кол, Опунь потянул изо всех сил. Ансем отпустил козлину и, не умея плавать, отчаянно забился в воде, будто муксун, попавший в сеть. Но все же он сумел добраться до кромки льда и попытался выкарабкаться. Тонкая кромка тут же под ним треснула. Он еще раз повторил попытку, и снова хрупкий лед не выдержал тяжести. Наконец Ансем, тюленем навалившись на припай, все же выбрался из воды; держась за веревку, прополз немного вперед и достиг-таки берега.

Опунь развел костер. Затем усадил старика возле огня, стянул с него сапоги, отжал промокшие насквозь чижи, укутал в свою малицу.

– Скорее... Скорее... – бормотал Ансем. – Надо идти в зимовье... Скорее...

– Пойдем, Ансем-аки, – успокаивал его Опунь. – Только согрейтесь сначала, обсушитесь маленько.

Когда они добрались до избушки, Ансем так и рухнул на нары. Сильная дрожь сотрясала его тело. Тикун с Карапом еще не вернулись – видно, увлеклись шишкованием. Домик успел выстыть. Опунь начал снова растапливать печь. Для большего жара он подбросил в топку бересты, за которой сбегал на березовую полянку. Вскоре в избушке стало тепло, как в деревенской бане.

– Там... В углу... Посмотри в моем мешке... – слабым голосом попросил Ансем.

– Что посмотреть?

– Есть... Кое-что...

Опунь порылся в бригадировой торбе и достал алюминиевую флягу.

– Дай сюда! – протянул руку Ансем. – Чего ты там возишься?

После нескольких глотков старик порозовел и сразу приободрился.

«Вот, значит, где он хранит свои запасы!» – отметил про себя Опунь.

Мокрую одежду Ансема он раскинул на вешалках возле печки. Вскипятил чайник, заварил чай. Ансем слез с нар, придвинулся поближе к огню.

– А! – выдохнул он. – Хорошо! Кажется, я ожил, – сказал он, прихлебывая заботливо приготовленный Опунем чай.

– Ансем-аки, а как вы в невод-то угодили?

– Кой-кой, – запричитал старик. – Все мои мозги, наверное, повысохли. Совсем я ума лишился! Кой!..

– Что вы такое говорите, Ансем-аки?

Ансем стукнул себя ладонью по лбу и потряхнул тоненькими, слипшимися косицами.

– Глупый я, глупый, как только что поднявшийся на крыло глухарь! За рыбой полез. Пару муксунов решил на уху взять.

– Так ведь у нас малосол еще есть.

– А мне свежатины захотелось. Подползу, думаю, тихонько по льду да несколько рыбин за жабры вытяну. Они снулые сейчас, а все равно у запора толпятся. Ну подполз. Вдруг вижу, подо льдом нельма трепыхается. Вот такая! – Старик развел обе руки в стороны. – Так и сверкает чешуей, так и играет. Appetit у меня разгорелся – как у волка! Вот, думаю, уха будет!

– Да, из нельмы уха добрая! – подтвердил Опунь. – Я ее тоже люблю.

– Ну вот. Взял я багор и давай лед долбить. Потом стал ждать, когда моя нельма в лунке окажется.

– А она скоро приплыла?

– Скоро. Куда ей из ловушки уйти? Я руку протянул, хочу ее схватить, а она увертывается, не дается.

– А вы?

– Ладно, думаю, я тебя, окаянную, все равно достану! Сунул в воду багор, да, видно, неосторожное движение сделал. Ну и провалился сам под лед. Глупый старик с заплесневевшими мозгами!

Ансем еще отхлебнул из фляги.

– Не забуду я, парень, что ты мне второй раз на помощь пришел! Будет случай – отблагодарю.

– Ничего мне не нужно, – забормотал покрасневший до ушей

Опунь. – Несчастье со всяким случиться может. – А сам подумал: «Может, заговорить с ним про Тутью?» – Но так и не смог – язык словно льдом сковало.

– Нет, ты все-таки молодец! – продолжал расчувствовавшийся Ансем. – Добрые духи тебя в такую минуту ко мне послали. При глазах Матери огня говорю! – И старик ткнул кривым пальцем в полыхавшую топку раскалившейся печки.

В избушке стояла невыносимая жара.

– Открой двери, – вернувшись на нары, попросил Ансем. – Упарился я совсем.

Опунь исполнил его просьбу, а сам вышел из домика. Ему тоже было жарко. Лоб покрылся испариной. Пригладив влажные волосы, Опунь присел на дрова, сложенные у стены зимовья. «Дурак я, дурак! Таким случаем не воспользовался! Старик ведь растаял, стал мягким, как нежная рыбья печень. Все сейчас готов был для меня сделать! Спросить бы хоть об одном: думает он Тутью замуж отдавать или нет? А если думает, то за кого? За кого именно?»

– Вот возьму сейчас и спрошу! – неожиданно для самого себя выкрикнул вдруг Опунь. – Чего мне бояться?

Вскочив, яростно дернул полуотворенную дверь, чуть не сорвав ее с кожаных петель. Когда он вошел в избушку, вид у него, наверное, был так безумен, что Ансем, приподнявшись на нарах, спросил испуганно:

– Что с тобой, парень? Щеки огнем горят. Может, напугал тебя кто? Говори! Здесь всякое померещиться может – тайга!

Опунь, опустив глаза, отрицательно покачал головой.

– А в чем тогда дело? Если мучает что – расскажи. Посоветуйся со стариком. Одному и колданку с места иной раз не сдвинуть, а двоим она легче пуха покажется.

«С чего бы начать? – лихорадочно думал Опунь. – Хоть бы какую-нибудь зацепочку придумать!» Взгляд его упал на сшившуюся одежду.

– Я... Я... – начал он, запинаясь, – про завтрашний день думаю.

– Про завтрашний день? – удивился Ансем. – А чего о нем думать? Можно еще, пожалуй, и отдохнуть. Выходной устроить.

Словно молодой неуклюжий беляк, робкая мысль Опуня выбиралась вверх из заветных глубин души.

– Мне... Я... Беспокоюсь, высохнет ли до утра ваша одежда?
– Высохнет.
– Но ведь малица и чижи покоробятся. Их разминать придется.
– Разомнем.
– Размять-то разомнем, – притворно вздохнул Опунь. – Только ведь у нас как следует не получится. Здесь женские руки нужны, нежные.
– Да, женские, конечно, были бы лучше, – улыбнулся старик.
– Одежда – бабье дело, известно. Моя Сантара быстро бы управилась. Хоть и немолода уже, а проворна, как белка. Ансем знал, кого в жены брать! – и старик хвастливо приосанился, спустив ноги на пол.
– А... а... дочка ваша?..
– Которая? – насторожившись, спросил Ансем.
– Тре... Третья... Тутья... Я с ней в одном классе учусь. Она... Она... тоже проворная?
– Кой! – рассердился старик. – Зачем такой вопрос задаешь? У Ансема все дочери работающие. Я никому спуска не давал. Все делать умеют. И малицу сшить, и оленью шкуру размять, и еду приготовить. Нет, моя Тутья перед будущим мужем в грязь лицом не ударит.
Опунь тревожно вскинул глаза.
– А... А кто... будущий муж?
Ансем недовольно наморщил лоб.
– Больно ты любопытен, парень. Зачем тебе это знать?
– Да так... Просто...
– Просто... Просто... – проворчал Ансем. – Не знаешь разве наш обычай: пока невеста порога в новом доме не переступила, о ее замужестве не говорят. Зачем зря языком трепать?
Сам поражаясь своей смелости, Опунь брякнул:
– В поселке говорят, Ляля к вам сватов засылал.
Ансем еще больше нахмурился, засопел сердито.
– Ляля, говоришь? – помолчав, произнес он с тяжким вздохом. – Был Ляля, да сплыл.
– Как это – сплыл? – пряча невольную улыбку, переспросил Опунь. Надо же, ведь это он, он отвел тогда от Тутьи нежеланное для нее сватовство! Знает ли об этом Ансем? Нет, конечно!

А если бы знал?

Додумывать Опунь не стал.

Разволновавшись от разговора, Ансем потянулся за табаком.

– Эх, парень! Молод ты еще, ум твой силой не налился. Что ты в таких делах понимаешь? Ляля!.. – И, снова помолчав, пробурчал себе под нос: – Один узел дважды не завязывают!..

Заправившись табачком, на который он предварительно – уже не таясь – плеснул спирта, Ансем встал у открытой двери. Видимо, желая переменить разговор, он потрепал Опуня за волосы:

– Если б не ты, кормить бы мне нынче пыжьянов! – и хрипло засмеялся. – Будем теперь друзьями! На, держи мою руку!

И Ансем протянул Опуню раскрытую ладонь. Опунь поспешил пожать ее. Стать другом отца Тутьи! О, это могло иметь далеко идущие последствия! От радости он заулыбался.

– Нет, ты и вправду стоящий парень! – продолжал нахваливать его Ансем. – Настоящий мужчина из тебя вырастет.

«Пусть добрые думы обо мне корнями дерева прорастают в твоём сердце, – колдовал про себя раскрасневшийся от смущения Опунь. – Пусть все твои чувства ко мне укрепятся! Помогите мне в этом, добрые духи! Помогите! Как я помог сегодня отцу Тутьи!»

Заметив, что губы Опуня шевелятся, Ансем настороженно взглянул на него.

– О чем это ты шаманишь, а?

«Неужели догадывается?!» Отпрянув в темный угол, Опунь сел на лавку и затих там. Нельзя, чтобы старик раньше времени узнал о его мечте! Нельзя! Так можно все испортить.

Ансем сплюнул коричневую табачную жвачку.

– Куда это Тикун с Карапом запропастились?

– Они шишковать пошли.

– Может, заблудились где?

– Я пойду поищу их, – поспешно предложил Опунь и с облегчением выскочил на улицу. Разговор со стариком измотал его.

И в то же время он был счастлив! Перепрыгивая через низкорослый кустарник, Опунь, словно молодой хор, помчался в тайгу. Теперь было наверняка известно: Ляля ему не соперник!

Известно теперь и другое: Ансем убедился, что Опунь становится настоящим мужчиной! Он сам об этом сказал!

12

Через день морозы окончательно сковали речку и озеро. Прорубив топором маленькую лунку, Ансем одобрительно цокнул языком:

– Лед подходящий! С три пальца толщиной, пожалуй, будет. Теперь по озеру ходи сколько душе угодно. Завтра же неводить начнем.

– Ура! – обрадовались ребята, уже соскучившиеся по работе. Им не терпелось приступить к серьезному промыслу, которым ни один из них еще до сих пор не занимался. За ужином они забросали бригадира вопросами:

– А не может быть так, Ансем-аки, что рыба из нашего озера куда-нибудь исчезла? – спросил Тикун.

– Дурень! – заржал Карап. – Под землю она, что ли, провалится?

– Напрасно зубы скалишь! – прикрикнул на него старик. – Бывают такие случаи. В таловых озерах. Они близко друг от друга находятся, и меж ними подземные токи иногда возникают.

– А наше озеро – таловое? – с тревогой спросил Опунь.

– Наше – нет. Не бойтесь, рыба здесь вся целехонька. Что перевезли из Пор-Ёхана, то и возьмем.

Утром чуть свет вся бригада была уже на Кедр Шапке. Ансем с багром в руках прошелся по озерному льду, припорошенному легким снежком. Разметил, где долбить лунки. Ребята взялись за пещни. Затем, орудуя под льдом обструганным шестом с прикрепленной к нему прогоночной веревкой, они протянули под всей поверхностью озера невод.

– Теперь готовьте закраину! – сказал Ансем.

Вчетвером они пробрили у берега большой «карман».

– Выбирай невод!

Ухватились за края мережи и потянули ее на себя. Уже через несколько минут в «кармане» заплескались сырки и пыжьяны, а когда показалась мотня невода, вода словно вскипела от мечу-

щейся в ней крупной рыбы. Ансем с Опунем выбрали нижнюю подбору, и весь сегодняшний улов оказался в мотне, как в мешке.

– Си! Все! – засмеялся Ансем. – Наша рыбка! Теперь только черпай ее отсюда, как уху из котла!

Он первым схватил лупах* и выбросил на лед пару здоровенных муксунов.

Взялись за сачки и ребята. Выбирали рыбу попарно, чтобы впустую не тесниться у закраины. На льду росли, похожие на свежие сугробы, кучи муксунов, щекуров, сырков. Попадались и зубастые щуки, и плоские золотистые караси.

Несколько больших нельм бригадир отложил в сторону.

– Строганинки на ужин отведаем! К концу рабочего дня они выбрали из озера тонны четыре.

– Ох! – застонал Карап. – У меня вся спина задеревенела!

– И у меня поясница словно пилой распиленная, – вторил ему Тикун.

Опунь тоже еле шевелил руками-ногами, но, верный своему желанию окончательно завоевать расположение бригадира, по-малкивал, не подавал виду.

Еще раз оглядев добытую рыбу, Ансем велел грузить мокрый невод на нарту.

– Пусть невод с нами в избушке ночью прогреется, – сказал он. – А не то он железным станет. Ребята впряглись в нарту.

– Хей, олешки! Вперед! – рассмеялся старик. – Был бы сейчас хорей, вы у меня быстро бы побежали!

Но вместо хорея в руках у него оказалась короткая толстая палка. Ею Ансем подоткнул со всех сторон похрустывающий на морозе невод, а затем, когда двинулись в путь, подталкивал сзади нарту.

Поверх невода на нарте красовались предназначенные для строганины жирные нельмы.

Дотащить невод до зимовья оказалось не так просто: он то и дело соскальзывал. Приходилось останавливаться и укладывать его снова. Но при первой же кочке невод опять сползал с нарты.

Наконец прибыли.

* Лупах – сачок.

Карап взялся растапливать печь, Тикун затащил невод в дом и разложил его в теплом углу. Опунь подмел пол.

– Ох и поедим сейчас! – зачмокал губами Ансем. – Где мой нож? Тащи, Опунь, нельму, да пожирнее бери!

– А мне кажется, рыба в озере похудела малость, – заметил Тикун. – Все же корма у нее там меньше было, чем в речке.

Нарезая длинными розовыми стружками нельму, Ансем разил:

– Нет, похудеть она не успела! Мы ее быстро взяли. Смотрите, рыбий желудок застывшим жирком, словно снегом, облеплен. Упитанная рыбина, в самый раз! Хватайте скорее стружки, ешьте!

Строганина из нельмы таяла во рту. Проголодавшиеся ребята уплетали за обе щеки. Часть рыбы Ансем опустил в котел, стоявший на печке.

– Еще и ухи похлебаем! – сказал он, облизывая пальцы. – Завтра нам много сил нужно.

13

Морозы забирали все крепче. Холод щучьими зубами покусывал щеки. На пронизывающем северном ветру мерзли пальцы, и ребята то и дело по примеру бригадира втягивали руки внутрь малиц. Там можно было сунуть их под мышки и отогреть. Коченели ноги. В броднях работать было уже нельзя – они сильно скользили, а меховые кисы в ледяной каше быстро промокали и совсем не грели. Приходилось время от времени плясать вокруг закраины, чтобы не окоченеть.

Летевшие от лупахов ледяные брызги окатывали малицы и тут же застывали. Сначала ребята пытались счищать лед с одежды, но потом поняли – усилия их напрасны. Отдираешь, отдираешь коросту, а она тотчас нарастает снова.

Целую неделю работала бригада на озере. Наконец мотня невода стала приходить почти пустой.

– Ну что ж, – подытожил Ансем, – думаю, работа наша к концу подходит. Центнеров двести пятьдесят мы взяли, больше даже. Есть план! Да сверх плана не один лупах наберется!

Всю сложенную на льду рыбу Ансем тщательно укрыл еловым лапником, а сверху еще и снежком присыпал – это чтобы не заветрила, не потеряла вкуса.

– Вижу, вижу, утомились вы, парни, – сказал Ансем. – Молоды еще для такой работы, ну да ничего, справились. Так Ай-Ване и доложу: ударно школьники потрудились!

«Нечего подчеркивать, что мы школьники, – с обидой подумал Опунь. – Мы, конечно, ходим в седьмой класс, но по возрасту уже не дети. Не наша вина, что школу у нас поздно открыли».

Работу на озере бригада закончила. Оставалось только отправить рыбу в поселок. Нужно было кого-то послать к Ай-Ване: пусть готовит подводы, посылает сюда людей. Они свое дело сделали.

Но Ансем почему-то медлил.

– Чего нам спешить? – отвечал он на нетерпеливые взгляды ребят. – Можно теперь денек-другой и отдохнуть, пожить в свое удовольствие...

Вставали они теперь поздно, весь день топили печку да щелкали кедровые орехи, которые набрали Тикун с Карапом, лакомились строганиной, ухой из карасей – их брали в другом озере, поменьше, неподалеку от топографической вышки.

Тикун и Карап ходили шишковать, решив запастись орехами на всю зиму. Опунь бродил по тайге с двустволкой, добывая рябчиков. Вечерами Ансем, напившись чаю с рыбной варкой, рассказывал им всякие охотничьи и рыбацкие истории.

– Спешить некуда, – повторял он. – Хорошо! А выловленная рыбка не улетит – она ведь не птица! Думаю, скоро в поселке про нас вспомнят. Кто-нибудь да приедет. Подождем маленько.

Время от времени они наведывались на озеро – посмотреть, не подобралась ли к рыбе жадная росомаха или еще кто-нибудь из лесных жителей. Но пока все было в порядке.

На четвертый день, утром, угревшийся на нарах Опунь – он еще толком и глаз не продрал – услышал вдруг в избушке чей-то незнакомый голос. Выглянув из-под оленьей шкуры, он сразу увидел гостя. Это был мужчина в ладно сшитой неблюевой ма-

лице, подпоясанной широким кожаным ремнем, на котором висели богатые украшения: медвежьи и волчьи клыки.

«Откуда он взялся?» – подумал Опунь. И вспомнил, что Ансем как-то заговаривал об оленеводах с верховий Казыма, которые кочуют в здешних местах со стадами собственных оленей. Может, один из них?

Ансем что-то тихо говорил мужчине, но, заметив, что Опунь прснулся, умолк. Затем, улыбнувшись, воскликнул:

– Я-а! Вставай, вставай, парень! Что-то ты разоспался нынче. Совсем они у меня разленились без дела, Ольсан, – подмигнул он гостю.

Незнакомец Ольсан метнул на Опуня быстрый, настороженный взгляд. И тут же заговорил:

– Хорошо у вас здесь, – голос у него был высокий, почти как у женщины, – тепло! А я от своих отбился, ночью метель поднялась, вот я и заплутал маленько. Был у речки Шобам-Ёхан, а теперь у Пор-Ёхана оказался. Сам не знаю, как такое случилось!

– Не беда, Ольсан, – сказал Ансем. – Светлеет уже. Найдешь дорогу.

– Днем-то, конечно, другое дело, – гость закивал головой. – Глаза и ноги сами к дороге тянутся.

– Вставай, вставай, Опунь! И Карала с Тикунном буди. Завтракать будем! – заторопил ребят бригадир. – Я уже котелок с ухой на печку поставил. Сегодня в поселок пойдете, хватит тут торчать. Домой пора.

– Кто пойдет?! – тотчас соскочил с нары Опунь.

– Я пойду! – мигом проснулся Карап.

– Нет, я! – закричал Тикун.

– Ладно, ладно, не спорьте, – засмеялся Ансем. – Поднимайтесь живей. Дело это серьезное, потом решим. Сперва поесть надо, почаевать. Ольсан в дороге промерз.

Ребята наспех умылись, вырывая друг у друга из рук комочек хозяйственного мыла и потрепанное, довольно замызганное полотенце. Уселись за стол. Опунь украдкой изучал Ольсана. Мужики было, наверное, лет шестьдесят. Плоский широкий нос напоминал клюв утки-соксуна. Под густыми бровями поблескивали серые хитроватые глазки. Длинные космы волос спадали на плечи.

Когда Ольсан встал, чтобы бросить на освободившиеся нары свою неблюевую малицу, сверкнули расшитые бисером и яркими цветными полосками меховые кисы.

«Многооленный хозяин, – отметил Опунь. – Богатый. Другой разве станет в будничные день в таких кисах щеголять?»

Ансем приоткрыл крышку котла, и зимовье наполнилось ароматом карасевой ухи.

– Вкусно едите! – поцокал языком Ольсан.

– Так мы ж рыбаки, – улыбнулся Ансем. – Вот рыбкой и пробаваемся. У кого что: у пастухов – мясо, а у нас – нельмочка!

Ансем водрузил котелок с духмяной ухой на стол, деревянным черпаком разлил по плошкам. Потом каждому положил по куску карася с зернистой желтой икрой. Ольсан снова поцокал от удовольствия языком.

После ухи пили горячий чай. Наконец Ансем перевернул свою кружку вверх дном и объявил:

– Мое решение такое: в поселок пойдут двое – Тикун и Карап.

Опунь опечалился – неужели он не увидит Тутью? Карап увидит, а он – нет... И почему это ему так не везет? Однако спорить с бригадиром он не осмелился. Вместе с огорчением пришла и другая мысль: «А может, это и не так плохо, что он останется здесь с Ансемом? Будет ему единственным помощником, сумеет еще больше завоевать его доверие. Ладно, пусть ребята идут, да поскорее, чтобы не растравлять Опуню душу».

– К ночи, думаю, дома будете, – продолжал Ансем, обращаясь к Тикуну с Карапом. – Утром пойдете в контору, Ай-Ване доложите. Скажете, Ансем просит подводы готовить. День на это, конечно, потребуется. Ну, а на следующее утро обратно пускайтесь. Будем вас ждать. Ясно?

Выскочив из-за стола, ребята бросились готовить лыжи и провиант в дорогу.

– Спички не забудьте, – крикнул им в раскрытую дверь Ансем.

– Не забудем!..

Опунь вышел во двор вслед за приятелями. Прислонясь к стене, он ревниво следил за их оживленными сборами. Интересно, расскажут они в поселке о том, как он, Опунь, спас Ансема? Ему представилось, как Тутья, приоткрыв розовые губки, слушает Ка-

рапа. Впрочем, вряд ли этот хвастун будет распространяться о чужих подвигах, небось, самого себя нахваливать станет.

И Опунь размечтался о том, как Ансем, вернувшись в поселок, сам поведаст дочери о своем спасителе. Вот было бы здорово! Как всегда, воображение влекло его дальше: в полынью на Пор-Ёхане угождает не Ансем, а... сама Тутья. А он, Опунь, прямо с берега ныряет в ледяную воду и на руках выносит девушку на берег.

– Теперь я знаю, как ты меня любишь, – шепчет она. – Знаю, какой ты отважный и смелый...

– Ансем-аки, у нас все готово! – крикнул Карап. Бригадир вышел из избы.

– А чайник походный вы не забыли? – строго спросил он. – В такой путь без чайника никак пускаться нельзя. Мало ли что?

Поленившись тащить за спиной лишнее, ребята о чайнике умышленно вспоминать не стали.

– Да мы до поселка единым духом домчим! – сказал Тикун.

– Кой! Какие скорые! – проворчал Ансем. – Чаек горячий на все случаи жизни хорош: и от холода спасет, и сил прибавит. Опунь, чего, словно пень, стоишь? Тащи сюда чайник! Да еще рыбьего жиру с полки прихвати, он тоже не хуже чая согреть может.

Объяснив ребятам, где можно сократить путь, срезая мысы, и как пересекать замерзшие болота и лесные озера, Ансем махнул рукой:

– Трогайте!

Вскоре Тикун с Карапом скрылись за поворотом таежной тропы.

Ансем вернулся в зимовье, а Опунь продолжал стоять прислонившись к стене. «И все-таки кто такой этот Ольсан? – думал он. Почему-то не верилось, что тот просто заблудился. – О чем Ансем шептался с ним утром? А вдруг это новый богатый сват? Вон как он нарядно одет! Для обычной работы так не одеваются! Наверняка у Ольсана есть взрослый сын, которого пора женить...»

Опунь завернул за угол зимовья и оглядел оленью упряжку нежданного гостя. Хоры здоровые, упитанные. Пятиножная

нарта так же богато украшена, как и кисы хозяина. Что-то непохожи эти олешки на измученных дальней дорогой!

Резко рванув на себя дверь избушки, Опунь вошел в зимовье. Ансем, снова тихо о чем-то говоривший с Ольсаном, запнулся на полуслове, словно чего-то испугавшись. Глаза его плутовато забегали.

– Ты чего, парень? – с раздражением спросил он. – Забыл что-нибудь?

Пожав неопределенно плечами, Опунь опустился на чурбачок возле печки. Ансем, явно недовольный этим, заерзал на месте, ни с того ни с чего начал смеяться своим дробным, визгливым смехом. Наконец нашелся:

– Гостя, пожалуй, угостить еще надо, а? – Он подмигнул Ольсану. – Строганинкой побаловать! Знаешь что, Опунь, беги-ка на озеро, возьми там нельму... да пожирнее...

– Хорошо, Ансем-аки, – сказал Опунь, вставая. – Я сбегаяю.

– Больно-то не спеши, – посоветовал бригадир. – Ольсану, конечно, задерживаться у нас нельзя, дела ждут, но время еще есть.

Опунь пошел за рыбой. Всю дорогу какое-то неприятное предчувствие не покидало его.

День стоял солнечный, ясный, небо голубело сквозь быстрые, легкие облачка. На неглубоком, искрящемся снеге четко виднелись птичьи следы. Внезапно еще один след привлек внимание Опуня: прямо к озеру вела свежая колея нарты. Кто-то объехал вокруг рыбные кучи и снова повернул в лес. Конечно, это след оленьей упряжки Ольсана. Чей же еще?

«Что он здесь делал? – взволновался Опунь. – Может, рыбой нашей запасался?»

Но нет, весь улов был цел.

Опунь достал крупную нельму из той кучи, которую они отложили для себя, сунул ее под мышку и, насвистывая, отправился обратно в зимовье.

В избушке весело потрескивала печка, в цинковом ведре подтаивал снег для чая. Вспотевшие от жары Ансем с Ольсаном, сняв малицы, сидели на низких лавках, пожевывая табак. В избушке пахло спиртом.

Увидев нельму, гость оживился.

– Вот это еда! – воскликнул он. – У меня сразу слюнки потекли, а то в лесу все мясо да мясо. Приелось.

Старики многозначительно переглянулись, и это не ускользнуло от Опуня. «Они о чем-то договорились? – забеспокоился он. – И Тутья уже просватана?! Недаром же Ансем меня на озеро отослал...»

Приуныв, Опунь положил нельму на столик. Ансем взял топор и принялся обрубать плавники. Затем ловко ободрал кожу и острым ножом начал строгать ровные тонкие пласты.

– Давай скорее соли! – сказал он Опуню. – И хлеба нарежь.

– Недавно вроде и завтракали, – заулыбался Ольсан, – но разве от такой рыбки откажешься?

Он с жадностью накинута на строганину и вмиг опустошил добрую половину деревянной доски, пододвинутой ему Ансемом. Наевшись до отвала, откинулся на нары и прикрыл глаза.

– Подремать хотите? – спросил Ансем. – Ложитесь удобнее.

– Нет, я только на минуту. Ехать надо, – ответил Ольсан. Он и в самом деле вскоре поднялся и пошел во двор готовить упряжку.

– Ну что, парень, дадим человеку рыбки на дорогу? – подтолкнул Опуня в бок тоже разомлевший от сытной еды и тепла Ансем. – Подкинем маленько щекуров? Пусть у себя в чуме побалуется!

Выйдя к Ольсану, он что-то шепнул ему, потом поманил рукой Опуня, и все трое уселись на нарту. Здоровенные, хорошо отдохнувшие хоры резво помчали их по лесной дороге.

Когда упряжка остановилась у озера, Ансем взял дорожный мешок Ольсана и наполнил его до половины. Опунь вновь прикрыл рыбу свежим лапником, подсыпал снегу.

Ольсан, простившись со стариком за руку, вскочил на свою нарту, взмахнул хореем, и олени взяли с места крупной размашистой рысью. Вскоре гость скрылся из виду.

Ансем, задумавшись о чем-то своем, посасывал табак. Отложив лопату, которой подгребал снег, Опунь спросил:

– Чем теперь займемся, Ансем-аки?

– А! – беспечно махнул рукой бригадир. – Ничем! Хочешь – поброди по тайге с ружьем, хочешь – спать отправляйся.

Молча добрели до избушки. Ансем сейчас же полез на нарты, а Опунь, последовав его совету, взял двустволку и ушел в лес.

Ветра не было, и мохнатые кедры, легкие, убранные инеем березки, стройные ели стояли не шелохнувшись. Завороженный красотой зимней тайги, Опунь снова начал думать о Тутье. Хорошо Карапу с Тикунном! Они уже завтра побывают у председателя, и весь поселок узнает, что их маленькая бригада дала колхозу план. Услышит об этом, конечно, и Тутья. Но кто ей сможет рассказать вот об этом заснеженном лесе, о том, как сверкает под солнцем река, о громком крике взлетающего поутру глухаря? О медвежьих следах на пустынном берегу Пор-Ёхана? А вот он, Опунь, рассказал бы! Он нашел бы такие слова... такие слова, что Тутье показалось бы, будто она сама здесь побывала, будто видела все своими глазами... И почему только Ансем не послал его в поселок? «Но ничего, – утешал сам себя Опунь. – Ничего... Через пару дней придут подводы, мы погрузим рыбу, и я обязательно попрошусь на первую. Наверное, потянет лучший из колхозных коней. Может быть, Чалка... Мы украсим упряжку красными флажками, и в руке у меня тоже будет развеваться флаг. Настоящий флаг! Я сделаю его из платка, который дала на дорогу мать... Платок алый, так и переливается, так и горит на свету! А учительница Анна Михайловна скажет ребятам: «Смотрите! Из далекого похода возвращаются наши славные рыбаки! Они с честью выполнили важное государственное задание! Давайте прервем урок и поспешим им навстречу».

И первой выбежит на улицу Тутья.

Опунь тронет вожжами Чалку, тот помчится навстречу деvушке, взметая копытами снег, а когда подвода поравняется с Тутьей, Опунь, крикнув «Тр-р-р!», приостановится ненадолго, тихо скажет:

– Вот я и приехал! Ты рада?

Тутья опустит ресницы, ничего не ответит, но по улыбке, дрогнувшей на ее губах, он поймет: рада!

...Под ногами у Опуня хрустнул сучок, и он очнулся от своих мечтаний. Ну что ж, а с другой стороны, может, и неплохо, что он остался здесь с Ансемом. У ханты в брачных делах многое, почти все зависит от согласия родителей. Плохо это или хорошо

– об этом Опунь еще не задумывался, он просто знал: иначе быть не может...

«Зачем все же приезжал Ольсан? – Иглой лесного шиповника колола Опуня эта мысль. – А может, взять и открыться во всем Ансему? Не ходить вокруг да около? Прямо сегодня и поговорить по душам?»

Приняв такое решение, Опунь даже повеселел. Полдня шатался он по тайге. Раза три упустил взлетающих из-под ног глухарей, которые лакомились подснежной брусникой. Под шелест их могучих крыльев он с досадой думал, что не будь так встревожен, как сейчас, ни за что не упустил бы верной добычи. А сегодня даже не заметил глухариных следов, хотя они отчетливо видны на снегу.

Только на обратном пути, уже совсем недалеко от зимовья, в осиннике, Опунь подстрелил двух косачей, клевавших мерзлые почки.

Ансем сидел возле раскалившейся печурки, на которой пофыркивал пузатый закопченный чайник. На столе лежала горка строганины из муксуна. Видимо, рыбу с мороза Ансем принес только что: стружки еще не успели оттаять. Увидав косачей, старик обрадовался:

– Я-а! Да ты, я вижу, недаром ходил! Без супа теперь не останемся. А пока садись, поешь строганины. Только что настрогал – будто чуял, что ты на пороге.

Опунь присел к столу. Он был голоден, но ел без всякого аппетита. Он мучительно размышлял, как приступить к задуманному в лесу разговору. И настолько ушел в себя, что даже не расслышал хриловатый окрик Ансема:

– Ты что, парень? Третий раз тебя окликаю! О чем думаешь?

– О чем? – Опунь поднял глаза на старика. – О Тутье...

Заветное имя он произнес твердо, с нажимом.

От неожиданности Ансем хихикнул.

– По школе соскучился? Ты же с моей дочкой на одной парте сидишь? Или нет? На соседней? – старик отхлебнул из кружки чаю и вдруг глянул на Опуня, хитро прищурившись: – О Тутье, значит, помышляешь? Да?

Готовый провалиться сквозь землю от страшного смущения, красный, словно болотная клюква, Опунь прошептал:

– Да, Ансем-аки... Я люблю вашу Тутью... Очень люблю...
Ансем молчал, пристально разглядывая юношу.

– Я... Я... – продолжал выдыхать слова Опунь. – Я знаю, вам другого зятя хочется. Чтобы у него родня большая была, олени водились. А у меня мать, братишка да сестра, и та в другом поселке живет. Но... я...

Сердце у Опуня билось попавшей в силок куропаткой. Не в силах совладать с собой, весь вспотевший, он пинком распахнул дверь избушки и выскочил на мороз. Он сказал все, что хотел, а теперь – будь что будет!

Отбежав, словно загнанный лось, к ближайшему кедрачу, он остановился там, не зная, что делать дальше. Мысли метались в разгоряченном мозгу подобно осетру, угодившему в гимку.* «Что я натворил! – с ужасом думал Опунь. – Ансем-аки мне ничего не ответил. Он рассердился, видеть меня теперь не захочет...».

В этот момент со стороны зимовья послышался голос бригадира:

– Опу-у-унь! Опу-у-нь! Где ты? Замерзнешь!..

Ансем вынырнул из темноты. В руках он держал малицу.

– На, накинь! Выскочил из дому, словно огонь из костра. Вот чудак!

Опунь послушно надел теплую малицу. Он весь дрожал от пережитого волнения и не мог произнести ни слова.

– Будет, будет, сынок, – ласково положил ему ладонь на плечо Ансем. – Зачем так дергаешься? Любое дело спокойно надо делать. Обдумать все хорошенько. Даже чайник вскипятить не так просто, – не доглядишь, вся вода убежит, а в таких делах, о которых ты подумываешь, спешка уж совсем ни к чему.

Вспахивая кисами снег, они шли к избушке. Густо-синее небо, усеянное, как морошкой, спелыми звездами, широко простиралось над ними.

– Зачем нам с тобой торопиться? – продолжал Ансем доверительным тоном. – У дверей выездная нарта пока не стоит. Нынче ведь как? Иная дочь замуж выскочит, родителей не спросит. Времена меняются. Что я, слепой, не вижу? Конечно,

* Гимка – ловушка для рыбы или зверя.

мои дочери не такие, без моего согласия ничего не сделают. Но все же пускай она сама решает. Вот вернемся в поселок, подумаем... Один к нам уже сватался...

– Ляля? – выпалил Опунь.

– Ляля, Ляля, – засмеялся Ансем. – Мы с тобой уже о нем говорили. Знатный был жених, – ну да что о нем жалеть? Я хоть и старею, но кой-какой ум еще остался. На Ляле свет клином не сошелся. Есть и другие парни. И против тебя, Опунь, я ничего не имею. Узнал за последнее время. Вижу – надежный ты человек. От работы не бегаешь, ко всякому делу с душой относишься. А это, скажу я, поважнее богатого калыма будет. Да, поважнее. Старый Ансем еще не спятил, чтобы такого не понимать.

– Правда, Ансем-аки?! – обрадовался Опунь. – Правда?!

– Правда, сынок, правда.

Не зная, как выразить свою благодарность, Опунь бросился бригадиру на шею, чуть не опрокинув его в снег.

– Тише ты, тише, навалился, словно медведь! – улыбнувшись, сказал Ансем. – Разве так можно? Совсем меня задушил...

– А вы не раздумаете? – робко спросил Опунь, вдруг засомневавшись в услышанном. – Значит, я могу надеяться? Правда?

– Слово Ансема ясное, как цвет небесной радуги! – высокопарно произнес старик и для большей убедительности ткнул себя пальцем в грудь.

14

Наутро Опунь проснулся с ощущением, что накануне, в лесу, набрал семь туесов счастья. Хмурый нынешний день казался ему теплым и солнечным. Совсем по-весеннему пели птицы на ветвях осинки и елей. Празднично искрился снег, и особенно «вкусным» казался морозный воздух. Даже не напившись чаю, Опунь выскочил из зимовья. Сидеть сейчас на месте он просто не мог. Ему хотелось куда-то бежать, лететь, двигаться вперед и вперед... Надев лыжи, в малице с откинутым на спину капюшоном, он ринулся по заметенной лыжне в тайгу. Стройные березки, опустившие под тяжестью инея легкие ветви, казались ему похожими на Тутю. Солнце, выглянувшее из-за сизых туч, тоже походило на нее, и даже широкоплечий кедр, одиноко

вставший посреди поляны, почему-то напоминал ему черные косы любимой.

Опунь шел по распадкам, холмам, пересекал замерзшие болотца, побывал на речке, вернулся обратно в лес... Сколько он так проплутал, не чуя под собой ног? Времени Опунь не считал, но когда вдруг стало смеркаться, понял, что пора возвращаться в избушку: что подумал о нем сегодня Ансем? Наверняка тревожится, хотя и знает, что Опунь просто бродит по лесу...

Подул низовой северный ветер. Казавшаяся только что жаркой малица уже почти не грела. Опять прибавил шагу. Перед ним лежало широкое, покрытое кочками, зарослями багульника и мелкого ельничка болото. «Куда это я забрел? Неужто заблудился?» Поднялась поземка. Еще немного, и все следы в лесу заметет... «Ничего, – успокаивал себя юноша. – Уж очень-то далеко я уйти не мог. И потом, у меня есть спички, три патрона с пулями...»

Уже совсем стемнело, когда он наконец отыскал свою лыжню.

Пошатываясь от усталости, почти в полночь Опунь ввалился в избу.

– Ты что делаешь? – набросился на него бригадир, но – Опунь отметил это – не очень строго. – Разве так можно?! Я уж чего только не передумал. Тайга есть тайга, тут всякое может случиться. Где пропадал?

– Сам не знаю, Ансем-аки, – честно признался Опунь. – Утром так хорошо в лесу было, хотел прогуляться. Шел, шел, потом смотрю – места незнакомые.

– Прогуляться! – недоверчиво фыркнул старик. – Небось, зверя какого-нибудь выслеживал. Если так, то я, конечно, тебя понимаю... Сам смолоду за песцом мог на край света уйти, не знал удержу. Ни дня, ни ночи не замечал. Бывало такое. Ну так что за зверь тебя вдаль позвал? Говори! – в глазах Ансема блеснул интерес. Видно, и вправду он в молодости был азартным охотником. Нет, Ансем-аки. Зверь здесь ни при чем. Я и следа-то сегодня не видел.

– Так в чем же дело?!

– Я же сказал – сам не знаю! – засмеялся Опунь. – Не знаю – и все!

– Ладно, – проворчал Ансем. – Пей чай. На полке рыбий жир

возьми. Иначе и простудиться недолго. Зима ведь.

– Хорошо, Ансем-аки.

Опунь налил себе крепкого чаю и, взяв кружку обеими руками, стал прихлебывать обжигающую жидкость.

Старик тоже подсел к столу. Правда, на этот раз он насыпал себе не чаги, а невесть откуда взявшейся в зимовье настоящей заварки. Пил, громко фыркая и причмокивая губами.

– А-ах! Вот это чай так чай! – время от времени приговаривал он. – Попьешь такого – словно десять лет с плеч долой. Хочешь, и тебе подсыплю?

– Не-а, – замотал головой Опунь. – Я с чагой люблю. А откуда у нас такой чай, Ансем-аки?

– Добрый человек подарил, – усмехнулся старик.

«Ольсан, что ли?» – подумал Опунь, но вслух ничего не сказал: глаза у него слипались.

– Иди ложись, отдыхай, – сказал Ансем, доставая из кармана табак. – А я посижу, печку покараулю. Днем выпался, пока тебя не было.

Опунь нырнул в дальний угол нары и сразу уснул. Ему приснилось, как он вместе с бригадиром мчит по бескрайнему зимнему полю на легкой ездовой нарте. Три белобоких хора вспахивают копытами снег. Ансем поднимает хорей, и олени, послушные ему, летят вперед, как на крыльях. Ветер яростно хлещет в лицо, насвистывает в ушах: «Туть-я, Туть-я...» Вдалеке Опунь видит крутящийся снежный ком.

«Кто-то едет навстречу!» – кричит он. «Да, едет!» – кивает Ансем и вновь взмахивает хореем. Вынырнувшая из снежного вихря упряжка стрелой проносится мимо них. «Ансем-аки! Остановитесь!!! – кричит Опунь. – Ведь это же ваша дочка, Тутья! Видите?! Поворачивайте! Ее нужно догнать!..»

Опунь очнулся оттого, что бригадир тряс его за плечо.

– Ты что, парень?! Почему во сне кричишь? Страшное что привиделось?

– Нет, ничего, – буркнул Опунь. Отбросив со лба взмокшую прядь волос, он попытался снова уснуть – ведь Тутью нужно было непременно догнать, пока она не скрылась за горизонтом! – но сон больше не шел, растекался словно вода из пригоршни.

Наконец Опунь впал в дремотное полузабытье.

Сколько времени лежал так, не помнит. Наверное, можно было успеть запрячь не одну оленью упряжку. На долю секунды перед ним снова мелькнуло разрозовевшееся от быстрой езды лицо Тутьи, затем, будто в тумане, он видел Ансема, скорчившегося на скамеечке у печурки. Вот он выпрямился... встал, надел малицу... Подпоясался широким ремнем – тихо брякнули подвешенные к нему волчьи клыки... «Куда это он на ночь глядя собрался? – вяло подумал Опунь. – Может, дров нарубить хочет?» Эта мысль заставила его очнуться. Он протер сонные глаза и сладко зевнул. «Чего же я тогда разлегся? Нужно помочь старику...»

Окончательно стряхнув сон, Опунь спустил ноги на пол. Обулся в кисы и вышел на улицу.

Ночь стояла светлая. Ярко горела, похожая на медную сковороду, луна. Ветер почти утих, лишь отдельные резкие порывы заставляли вдруг шептаться деревья, и лес наполнялся протяжным стоном. Ансема на дворе не было.

«Кой! – удивился Опунь. – Куда же он так внезапно исчез? Недавно вроде бы был в избе... Или это спросонья так кажется?!»

– Ансем-аки! – крикнул, приставив ладони к губам, Опунь. – Ансем-ак-и-и!

Никто не отзывался.

Опунь вернулся в дом, оделся потеплее. Потом снова обошел вокруг избушки... Вон оно что – здесь побывал гость! На примятом снегу в лунном свете отчетливо видны были оленьи следы и отпечатки полозьев большой нарты. Они вели в лес, на ту дорогу, по которой они обычно ходили к озеру.

Опять Ольсан? Или еще кто-то из оленеводов? И почему хоров четверо? Обычно ездят на двух, реже – на трех оленях. Четвертого добавляют, если нарта сильно нагружена. Отчего Ансему ничего не сказал? Ведь он, похоже, знал, что кто-то придет... Потому, наверное, так быстро исчез... Куда они поехали?

Опуня опять терзали ревнивые подозрения. Может, Ансем, желая от него отделаться, надавал ему обманных обещаний, а сам продолжает подыскивать дочери жениха? И нарочно отъехал с незнакомцем подальше от зимовья, чтобы никто не мешал им вести переговоры?

Недолго думая, Опунь схватил ружье и, надев лыжи, устремился по следу. Луна четко высвечивала углубления в снегу, оставленные оленьими копытами. Упряжка двигалась легко, нарта явно была пустой: хоры не «зарывались» в снег, их следы темнели ровной аккуратной цепочкой.

Цепочка прямехонько вела к озеру, где стыли под луной большие рыбные кучи.

На открытом месте, у речки, порыв ветра принес снежный заряд. словно стаи белокрылых чаек замельтешили вдруг в перебивах лунного света. Видимость пропала, и дальше Опунь двигался наугад. Впрочем, тропа к озеру была ему хорошо знакома. По ней он прошел бы и с закрытыми глазами!

Вскоре ветер донес чьи-то голоса, поскрипывание льда, какие-то глухие удары.

Опунь нащупал камусом лыжи русло, по которому они перетаскивали колданку. Еще с десятков шагов – и будет озеро.

Утих ветер. Снежинки, словно белые куропатки, распластав крылья, прильнули к земле. На льду озера Опунь различил два темных силуэта.

Ансем и Ольсан?

Один орудовал лопатой, другой загружал колхозной рыбой объемистые мешки. Три мешка уже лежали на стоявшей неподалеку нарте.

Опунь остолбенел. Он не верил собственным глазам. Да, бригада брала здесь рыбину-другую для общего котла, что было естественно. Да, немножко щекуров дали недавно Ольсану в дорогу. Так принято в их краях, это тоже естественно. Но ведь сейчас исчезали десятки, сотни килограммов улова! Улова, который взят такой ценой! Государственного улова... Предназначенного для фронта! Опунь словно воочию увидел, как они месили сбитыми в кровь ногами холодную глину, как пытались растереть друг другу занемевшие руки и спины, как падали вечером на нары от свинцовой усталости... Вспомнилось суровое лицо председателя Ай-Вани и его слова: «Наша рыба фронту нужна, ребята. Такая вот штука!» Острой болью пронзила мысль о пропавшем без вести отце, которого они с матерью все еще ждали... Кого решил обмануть Ансем? Ради чего?!

Опунь подошел поближе.

В ночной морозной тиши отчетливо слышались голоса:

- Еще один наберу – и хватит. Больше мои олени не довезут.
- Раз, два, три, четыре... – пересчитал мешки с рыбой Ансем.

- Ты только своих обещаний, Ольсан, не забудь.

- Не забуду. Лучшую важенку для тебя выберу. Сюда приводить или в поселок?

Ансем на минуту задумался.

- В поселок веди. Скажешь, давно мне оленя должен.
- Ладно... Возьму еще несколько нельм. Уж больно жирны!
- Бери, бери. Жалко, что ли? Ведь не свое отдаю! – и Ансем засмеялся тем дробным хриплым смешком, который так раздражал Опуня.

Ольсан арканом привязывал мешки к нарте.

- Слушай, а где твои пацаны? – вдруг спросил он.
- Двоих я в поселок услад, ты же знаешь... Только завтра, наверное, объявятся. А третий – дрыхнет. Десятый сон, поди, видит. Весь день по тайге болтался, умаялся – пушкой не разбудить.
- Как думаешь, не заметит никто, что рыбки тут поубавилось?
- Не твоя забота, – усмехнулся Ансем. – Ты давай уезжай быстрее. Дело сделано – нечего время попусту тратить.
- А вдруг этот, третий, – как его, который спит здесь, завтра что-нибудь заподозрит?
- Не заподозрит. Ветром и снегом все заметет. А если чего и увидит – уж мне-то его бояться нечего!
- Это почему же – нечего?
- А он в зятя ко мне метит! – хихикнул Ансем.
- Ну тогда конечно... Родственник родственника всегда прикроет. На том свет держится! – заявил Ольсан.
- Табачку на дорогу? – Ансем предложил гостю свою табакерку.

Оба натолкали за нижние губы табачного крошева. Послышалось посасывание и почмокивание – старики, свершив сделку, наслаждались любимым занятием. Олени нетерпеливо топтались на озерном льду. Их ветвистые рога отбрасывали на снег причудливые тени.

Опуня било как в лихорадке. Он до крови прикусил губу. Надо, надо на что-то решиться!

Один его шаг – и дорога к дому Ансема навсегда будет закрыта! Дочери на Севере все еще покорны своим отцам. Тутье запретят и глядеть в его сторону, не то что разговаривать с ним! Не спросив ее согласия, выдадут замуж, увезут на нарте в неведомые края. И тогда прощай, любовь, прощай, мечта – ни на каких оленях ее не догонишь!..

«Никто меня не видел, – мелькнуло в голове. – Тихо отползти в сторону. Если поторопиться, можно опередить Ансема, забраться на нары и притвориться спящим...»

Но руки сами потянулись к ружью.

Подняв двустволку, Опунь выстрелил в воздух.

Ольсан с Ансемом, как пораженные громом, вздрогнули и обернулись...

– Стоять! Стоять на месте!

Опунь вышел на лед и решительно направился к нарте Ольсана...

1986 г

Вопросы и задания

1. О чем говорит название повести Р. П. Ругина «Ранний ледостав»? Поясните свой ответ.
2. Составьте характеристику Опуня.
3. Какие треугольники образуют герои в повести? Составьте их и поясните свой выбор.
4. Какую роль сыграл остров в судьбе героев?
5. Можно ли утверждать, что встреча героя с медведем подчеркнула избранность героя? Поясните свой ответ.
6. Как Великая Отечественная война изменила судьбы героев и народа в целом в повести Р. П. Ругина «Ранний ледостав»? Иллюстрируйте свой ответ цитатами из текста.
7. Определите сюжет и композицию повести Р. П. Ругина «Ранний ледостав».
8. Можно ли утверждать, что кедр с вершиной в виде шапки – это символ, раскрывающий суть Ансема в повести Р. П. Ругина «Ранний ледостав»?
9. Какие средства создания характеров, образов в повести «Ранний ледостав» использует Р. П. Ругин?
10. Можно ли говорить о том, что в повести «Ранний ледостав» Р. П. Ругин обращается к традициям рыцарской литературы? Аргументируйте свой ответ.
11. Согласны ли вы с утверждением, что народная тема стала главной в повести Р. П. Ругина «Ранний ледостав»? Обоснуйте свою точку зрения.
12. Выпишите из повести этнографизмы. Составьте их классификацию.
13. Согласны ли вы с мнением, что в повести «Ранний ледостав» Р. П. Ругин обращается к традициям деревенской прозы? Аргументируйте свой ответ.

Приложив руку козырьком ко лбу, он взглянул на небо.

– Что-то не нравится мне вон то облачко, сынок. Видишь, над мысом Елта-Пухал? К вечеру, пожалуй, может ветер подняться. Как мы тогда через сор переберемся? Знаешь какие в эту пору там волны иногда гуляют? Того и смотри, лодку перевернет.

Ляди приуныл, кусая нижнюю губу. Чтобы скрыть, что глаза у него на мокром месте, он отвернулся в сторону леса.

Отец выразительно покашлял и притворно вздохнул:

– О-хо-хо! Ну, что же нам делать? Придется, наверное, рискнуть, а? Может, наша лодка не перевернется, а? Сену на подмогу возьмем. Ты не против?

– Возьмем Сену! Возьмем! – сразу же просиял Ляди. Как можно возражать против того, чтобы с ними отправился старший брат? Только веселей будет.

– Я побегу, поищу Сену! – крикнул он отцу.

– Ладно, беги. А до протоки Сортъеха попросим Опуня нас довести. У него моторка сильная. Дальше под парусом пойдем. Или на гребях.

Купья, которому уже перевалило за шестьдесят, сам с моторами возиться не любил, предпочитал обыкновенную лодку. «Пока руки-ноги шевелятся, я на гребях куда угодно доеду, – любил повторять он. – А у мотора один винтик отвернулся, и сиди загорай в какой-нибудь глухомани».

– Эй! – крикнул он вдогонку младшему сыну. – Переоденься дома. Через полчаса и поедем. Чего откладывать?

И глаза у Купьи молодого блеснули – ведь он хотел на Шум-Юга ничуть не меньше, чем его младший сын!

Ляди вихрем влетел в дом. Тряхнув своими длинными, лезущими в глаза волосами, он подскочил к матери, возившейся на кухне.

– Мама! Где мои сапоги?

– Какие сапоги?

– Охотничьи! И куртку мне давай непромокаемую!

– Что за пожар? – удивилась мать. – Тоже мне, охотник нашелся. Волосы со лба убери. Поди в комнату, причешись.

– Мне некогда! Где Сена?

– Во дворе был. Ружье, наверное, чистит. На вечернюю зорьку идти собрался, к болоту.

Ляди выбежал из кухни. Сена и в самом деле был во дворе, сидел со своей двустволкой на старых нартах и не спеша протирал ее замасленной ветошью.

– Чего сидишь? – закричал Ляди. – Собирайся скорее! Едем в Шум-Юган!

Сена парень покладистый.

– В Шум-Юган так в Шум-Юган! Все необходимое погрузили в лодку.

Прежде чем усесться на корме, отец, смочив голову пригоршней обской водицы, произнес заклинание:

Щедрая вода! Вода-кормилица! Вновь я по тебе Поплыву теперь. Щедрая вода! Вода-кормилица! Доброго пути Пожелай теперь!

Взглянув на примолкших сыновей, отец усмехнулся. – С водой надо дружить. Шутки с ней плохи. Не приведи Бог, рассердится! Сила-то у нее ого-го какая! Один глоток – и нет человека. Долго ли захлебнуться даже и на мелком месте, если лодка перевернется? Случалось такое... Так что я перед дорогой наш древний обычай всегда соблюдаю. Может, и пустое все это, да только ведь язык у меня не отвалится, верно?

И Купья подмигнул Ляди и Сене.

– Поехали!

Лодка плавно закачалась на обских волнах. Из-за мыса пулей вылетела моторка Опуня – первенца Купьи, давно уже жившего отдельно, своей семьей. Подцепив отцовскую лодку на буксир, Опунь помчал ее к протоке Сортъех – брызги так и разлетелись рыбьими чешуйками по обе стороны лодок! У Ляди дух захватило от счастья! Наконец-то они едут в Шум-Юган! Сидя на носу, он подставил встречному ветру непокрытую голову и время от времени издавал восторженный вопль, далеко разносившийся по воде:

– О-э-э-й! О-э-э-й! Вперед! Быстрее! О-э-э-й!

А Сена в это время, задрвав подбородок, разглядывал виднеющуюся в небе цепочку уток.

– Чирки, – определил он. – На север тянутся. – И шумно вздохнул. Он был заядлым охотником и просто не мог равнодушно видеть летящую дичь.

– Вот ваш Сортъех! – крикнул Опунь.

– Вижу! – отозвался отец. – Спасибо тебе, сын. Поезжай обратно. Отсюда до Шам-Югана уже рукой подать.

Моторка Опуня, взревев, описала по сору крутую дугу и скрылась за поворотом.

– Парус! – скомандовал Купья младшим сыновьям. – На половину мачты поднимайте. С востока малость задувает.

Ляди и Сена быстро управились с парусом – недаром оба выросли на Оби. Полотнище наполнилось ветром. Лодка рванулась вперед, как беговой олень. За кормой резвыми песцами побежали белые буруны. Холодные брызги полетели в лицо Ляди.

– Ничего, пусть! – улыбнулся отец, раскуривая трубку. – На реке живем, должны вкус воды знать!

Ветер тем временем набрал силу. Купья забеспокоился.

– Что я говорю? Не нравилось мне то облако над Елта-Пухалом! Видите, оно уже в тучу превратилось. Может, вернемся, пока не поздно! – Нет! – запротестовал Ляди. – Только вперед!

– А ты что скажешь, Сена?

Сена равнодушно махнул рукой:

– А! Ну, покропит дождичком, подумаешь! Не сахарные, не растаем.

«Дождичек» обернулся грозой, да еще и с градом. Парус надулся глухариным зобом. Лодку кренило, но она упрямо мчалась к Шум-Югану.

– Левый борт! – приказал отец.

Сена и Ляди навалились на вздыбившийся бок лодки, чуть не доставая лбами до воды. Лодка выровнялась. Купья, повернув руль, направил ее вдоль русла сора, где волны были более покатыми.

– Рассердилась все же вода, – пробормотал он. – Мало я ее умиловил, наверное.

Впрочем, гроза быстро прошла. Небо прояснилось, но взбунтовавшийся сор продолжал трепать лодку.

Ляди нравилось это. Какое же путешествие без приключений?

Вскоре лодка зашла в устье протоки Щум-Юган. Купья и Сена, спрыгнув в своих высоких резиновых сапогах в воду, завели ее в тальники и надежно укрыли от ветра.

2. Первый выстрел

Кто хоть раз бывал на Шум-Югане, вряд ли забудет это дикинское место. Казалось бы, протока как протока. Таких на могучей Оби сколько угодно. Но недаром отец столько рассказывал Ляди о Шум-Югане. И недаром все ребятишки поселка мечтали там побывать. На Шум-Югане все какое-то особенное. И кедры там выше, чем обычно, и шишки на них вдвое больше, и орехи слаще. Рядом со стройными светло-зелеными лиственницами растут белоствольные березки, под которыми осенью урождается несметное количество грибов. Сама протока Шум-Юган разбегается в стороны десятками рукавов, поросших тальниками. Туда заходят для нагула косяки сырца, муксуна, щекура. Только сеть подставляй! А весной на Шум-Югане гомонят шилохвости, чирки, свиязи, гоголи, голубая чернеть и прочие разновидности уток, гнездятся дикие гуси и даже лебеди. Стоит углубиться в прибрежную тайгу, услышишь трубный голос лосся, токование тетерева. И с каждого куста смотрят на тебя ярко-красные бусины смородины, а под ногами голубеет черника и сверкает багрянцем спелая брусника!

Заповедный, удивительный Шум-Юган! Ступив на берег, Ляди захлопал в ладоши:

– Шум-Юган! Шум-Юган! Я здесь! Слышишь?!

– Слышу-шу-шу-шу... – прошелестел в ответ пробежавший по верхушкам кедрача ветер. – Слышу-шу-шу-шу-шу...

За песчаным мыском Купья и Сена развели костер.

– Сперва чайком погреемся, – сказал отец. – А ты, Ляди, сбегай вон в те камыши: я там в прошлом году маленькую колданочку спрятал. Посмотри, там она или нет?

Колданка была цела и невредима. Довольный, Купья достал шитый бисером кисет и задымил трубкой.

– Ну вот, – разочарованно протянул Ляди. – Будешь теперь сидеть и курить...

– Э, куда ты торопишься, сынок? – засмеялся Купья. – Рыбаку и охотнику спешить не надо. Следует все хорошенько обдумать да прикинуть. Садись, попей чайку. В лодке, поди, замерз?

Отколов от ближайшей березы коричневый гриб чагу, отец накрошил его острым ножом в кипяток.

– Пей! – протянул он алюминиевую кружку младшему сыну.
– Вот это чай будет так чай, не то что магазинный! Ся-а!

Ляди сунул нос в кружку, но никакой чай его сейчас не интересовал: он жаждал действия!

Сена и здесь продолжал буравить глазами небо – искал уток.

– На остров Лапат-Мойпар надо сходить, – сказал ему отец.
– Там скрадок есть. Я сам прошлую осень его ставил. Чуток подправим – и все.

– Лапат-Мойпар? – удивленно спросил Ляди. – Да это же значит Семь Медведей! Каких медведей? Почему семь?

Глаза от любопытства у него так и загорелись угольками.

– А вот почему, – ответил отец. – Сейчас расскажу. Только ты присядь, не мельтеши перед глазами.

Ляди быстренько юркнул к костру и, укутавшись в отцовскую меховую малицу, приготовился слушать.

– В далекие времена это было, – начал Купья, попы-хивая трубкой. – Жил в Шум-Югане один старик. Звали его Порака. Было у него семеро дочерей. Слава об их необыкновенной красе шла далеко по Оби. Сам Месяц хотел им понравиться и изо всех сил надувал свои медные щеки, чтобы ночью девушкам было посветлее. Само Солнце сияло на небе словно пожар, чтобы днем им было тепло. А быстрый Ветер так и посвистывал над сором, чтобы привлечь внимание красавиц.

И вот однажды Месяц, Солнце и Ветер посватались к девушкам. Но Порака не согласился ни одну из них отдать им в жены. Тогда они рассердились на упрямого старика и решили ему отомстить.

Как-то семеро сестриц отправились в лес нарезать бересты. Нагрузили полную лодку и стали грести в сторону дома. Тут-то Ветер их и подстерег. Налетел с неба как ястреб и давай раскачивать лодку. Солнце стало ему помогать – взяло и скрылось за тучами. До самой ночи боролись девушки с Ветром. Уже совсем почти до берега добрались, где их отец поджидал, а здесь Месяц возьми и спрячься за облаками. Ничего не видя, девушки снова на стремнину выгребли. Лодка их перевернулась, и черная пучина поглотила красавиц. Метался по берегу Порака, слышал крики дочерей, но не смог им помочь – ведь он тоже ничего не мог разглядеть в кромешной тьме!

Когда на следующий день встала над Шум-Юганом разноцветная радуга, старик поклялся:

– Ты, мать-природа, не пожалела моих дочерей, прекрасных, как разноцветные полосы радуги! Я тоже не пожалею тебя! Вот мой острый охотничий нож-сехар. Сейчас я поеду на остров и убью семь самых сильных медведей! Не успокоюсь, пока не принесу их в жертву моему горю! Только тогда верховный бог Нум Турам ослабит узлы арканов, стиснувших мое сердце! Только тогда дух Мултаха-Ики снимет с моих плеч тяжелый камень!

Старик сел в лодку, причалил к острову и крикнул:

– А ну, медведи! Выходите!

И эхо семь раз прокатилось по окрестным лесам.

Затрещали кусты, содрогнулась земля от поступи мощным лап, и из чащобы один за другим вышли семь огромных медведей.

И так велико было горе старика, что он уложил их своим ножом-сехаром одного за другим – каждого с первого удара! – Злые и добрые духи! – крикнул старик. – Слышите меня? Я сдержал свою клятву!

И тут Порака, обессиленный, рухнул на землю среди поверженных медведей и испустил свое последнее дыхание.

– С тех пор остров и называется Лапат Мойпар – Семь Медведей, – закончил сказку Купья.

Ляди поежился под своей теплой малицей. Что-то расхотелось ему с братом Сеной ехать на остров отремонтировать скрадок.

Снова поднялся восточный ветер. Посыпал снег.

– Кой! – глубоко зевнул Купья. – Поспать чуток, что ли? Появятся утки – разбудите меня.

Он натянул на себя свой белый, украшенный тесьмой из цветного сукна гусь и задремал.

Потянуло в сон и Ляди. Но в это время над протокой закружили две шилохвосты.

– Смотри! – толкнул он в бок клевавшего носом Сену.

Но Сена только невнятно хмыкнул что-то ему в ответ. Глаза его оставались сомкнутыми. Что делать?

Ляди не сделал в жизни еще ни одного выстрела, но охотничье ружье брата знал назубок: сколько раз он втихую разобрал и

собирал его, прицеливался, клал палец на взвод курка! Он же рос в семье охотников!

Протянув руку, Ляди схватил двустволку. Он еще окончательно не решил, как поступить, а приклад ружья уже словно сам лег на его плечо. Шилохвости стали набирать высоту.

– Улетят! – рыбой, плеснувшей в сети, трепыхнуло опасение. Ляди впился взглядом в мушку и нажал на спусковой крючок.

Бабахнул выстрел. Первый его выстрел!

– Промазал! – прошептал Ляди.

– Почему промазал? – услышал он за спиной голос отца. – Попал! В селезня угодил. Молодец, ничего не скажешь!

Купья улыбался, гордясь младшим сыном, но проснувшийся Сена был недоволен: он терпеть не мог, когда хватались за его ружье.

– Ну ладно, ладно, хватит дуться, – сказал отец. – Порадуйся лучше за мальчика! Охотник будет! Глаз у него, видать, меткий.

Шилохвость, конечно, свалилась в протоку.

Эх, и почему только они не взяли с собой собаку? Подтянув повыше свои сапоги, Ляди полез в воду.

– Обратно! – закричал Купья. – Там глубоко. Утонешь! Надо на колданке съездить. Сена, давай съезди!

– Нет, я сам! Сам съезжу! – взмолился Ляди. – Ведь это моя утка!

– Твоя, твоя, сынок! – улыбнулся Купья. – Бери маленькую колданку и поезжай. Только смотри, осторожней. Вода-то ледяная.

Но Ляди уже его не слышал: изо всех сил выгребал на середину протоки. Шилохвость упала не слишком далеко, но его все время относило волной в сторону. Потянувшись через борт, Ляди накренил лодчонку и, не удержавшись, бултыхнулся в протоку.

Холод обжег огнем.

– Держись за колданку! – распорядился отец с берега. – Сейчас я шест подам. Поделом тебе купанье – вечно торопишься, на слова старших внимания не обращаешь!

Сена собирал сушняк: в трудные моменты он был проворен. Когда дрожащий Ляди вылез на берег, у тальников уже пылал жаркий огонь.

– Иди скорей сушишь, горе-стрелок! – засмеялся отец. – Да не унывай! На реке без такой бани никто не вырастает!

– Я не горе-стрелок! – обиженно надулся Ляди. – Утку ведь я убил!

– Ты, ты, – успокоил его Сена. – Снимай куртку!

3. Щука-великан

На следующий день утром поехали осматривать сети, поставленные накануне напротив сора Васяват Лор.

Погода стояла тихая, мягкая, как будто и не бушевала вчера внезапная гроза, не сыпали град и снег. До сетей было не более полутора километров. Купья посадил на гребни младшего сына.

Ляди орудовал веслами усердно, а отец его похваливал:

– Так, так, молодец! Только не задирай гребни так высоко, над самой водой их неси. Зачем лишние силы тратить? В лесу, на реке их беречь нужно. Мало ли что?

Протока, по которой они ехали, была неширокой – с берега на берег можно аркан перекинуть. Желтела на солнце прошлогодняя жухлая трава. Из-за пружинистых кочек прибрежных болот то и дело взлетали вспугнутые человеческими голосами утки.

– Жаль, на ружейный выстрел не подпускают, – стараясь говорить басовито, сказал Ляди. – Я бы сейчас...

Отец засмеялся:

– Ну, ну, знаменитый охотник! Птица тоже глаза имеет. Да и у нас другие дела с тобой сегодня. А с утками пусть Сена управляет-ся. Он уже сидит, небось, в скрадке на острове Лапат Мойпар.

Впереди сверкал небольшой заливчик, вдававшийся в берег метров на двести.

– Прибыли! – объявил Купья. – Богатое место! Я его никому не показываю, только тебе и Сене. Запоминай, где оно расположено. Тут без рыбы весной не останешься! Гребни потише!

Отец стал осматривать сети. Деревянные балберы-поплавки наполовину затонули. Над протокой кружили обские чайки-халеи, их пронзительные крики разносились далеко вокруг.

– Эх, жадюги! – погрозил Купья чайкам. – Чуют добычу! – А сыну сказал: – Давай, Ляди, помогай. Видать, сеть полнехонька!

Засучив рукава малиц, они начали осматривать сеть. Крупные мускулистые язи один за другим падали на дно лодки.

– Ура! – крикнул Ляди. – Уха уже сеть!
– Есть, есть, – отозвался довольный Купья. – Как не быть ухе на Шум-Югане?

Внезапно колданку сильно рвануло в сторону.

– Кой, кой, кой! – забормотал озабоченный Купья. – Никак здоровая рыбина попалась? Наверное, щука!

Ляди перегнулся через борт лодки, во все глаза всматриваясь в темную воду. На какую-то секунду ему стало жутко: в мерцающей мгле вдруг загорелся чей-то круглый глаз, и тут же над поверхностью всплыла пасть гигантской зубастой щуки. Ляди так и отпрянул к заднему сиденью колданки, чуть не перевернув ее.

– Тихо ты! – прикрикнул отец. – Чего дергаешься?! Купья осторожно потянул сеть на себя. Но сила щуки-великана была такова, что их потащило в сторону вместе с сетью.

– Дай-ка мне колотушку! – крикнул Купья. – Скорее!

Ляди нашарил на дне деревянный молоток на длинной крепкой ручке, сделанной из лиственницы.

– Тяни сеть на себя! – распорядился отец. – А я попробую ее достать.

Сеть не поддавалась, но потом Ляди все же удалось немного подтащить ее к лодке. Купья молниеносным, наметанным движением послал колотушку вперед. Она обрушилась на крепкий щучий лоб. Огромная рыбина, неистово бившая хвостом по воде, тотчас присмирела и затихла.

Теперь уже не составляло особого труда вытащить ее из запутанной, продранной сети. Весила щука, наверное, килограммов десять, не меньше.

Разволновавшийся Купья чуть дрожащими руками достал кисет: ему необходимо было закурить, чтобы успокоиться.

– Да-а, – произнес он, набивая табаком трубку, – давно такой добычи мне не попадалось!

– Нам, – поправил его Ляди.

– Верно, сынок! – хрипло засмеялся Купья. – Нам! Конечно, нам! Без тебя бы я ни за что не управился.

Потом они еще раз проверили сеть. Попались еще несколько окуней да один пыжьян, наполовину уже объединенный халеями.

– Вот разбойники! – выругался отец. – И как они только этого пыжьяна достали? Всюду пролезут!

– Кыш! – взмахнул веслом Ляди. – Улетайте! Кыш!

Но чайки и не думали разлетаться. Кося круглыми в красных ободках глазами, они так и носились над колданкой.

– Ладно уж, доедайте пыжьяна! – сказал Купья и выбросил в воду растерзанную рыбину. – Ворюги!

Солнце уже стояло высоко над Шум-Юганом. Развернув колданку, они поехали обратно. Пуская колечки голубого дыма, отец чему-то про себя посмеивался.

– Что-нибудь смешное вспомнил? – спросил Ляди.

– Вспомнил, вспомнил, сынок.

– Расскажи!

– Я про чаек думал... Так вот, они однажды такую штуку учинили – весь поселок со смеху покатывался!

– Рассказывай скорее! – взмолился Ляди. Для него не было большего удовольствия, чем послушать какую-нибудь историю из уст отца, который был большим любителем поговорить. – Ты Паяла и Митри знаешь?

– Знаю, – ответил Ляди.

– Года два назад они оба вдруг рыбаками решили заделаться – надоело, видать, за оленями по тундре гоняться. Пристали к бригадиру: возьми да возьми нас на лов. Мы, мол, парни лихие, все делать умеем – хоть олешек арканить, хоть рыбу ловить! А тут как раз подъем муксуна начался. Люди позарез нужны, ну, Паяла с Митри взяли. Работа у нас закипела. Я штук по тридцать-сорок муксунов вытаскиваю, а у наших ловкачей ничего не получается. То сеть перегрузят грузилами, то недогрузят, а с муксуном ведь как? Он над самым дном идет, расчет нужен снайперский. В общем, намучились парни, хоть им со всех сторон подсказывали, как лучше делать. Но к вечеру все же двух муксунишек выловили. Довольнешенькие были они! Но бригадир им говорит:

– Людей не смешите! Разве это промысловый улов? Чтобы я вас больше на реке не видел! Берите своих муксунов и дуйте отсюда. Это вам на закуску!

Поплелись дружки в магазин, но ничего, не унывают. Мы, говорят, сейчас муксунов отварим и неудачу свою отметим! И меня приглашают. Я ради смеха пошел.

Подходим к лодке, а над ней халеев – целая ватага! Я уже чую, в чем дело, а Паял с Митри уху предвкушают. Хоть, говорят, у нас и два муксуна, но все равно ужин знатный получится!

Паял нос в лодку сунул и вдруг как заорет:

– Караул! Убили нас!

Митри тоже подскочил. Глядь, а от муксунов только хвосты остались: все чайки подчистили. Наши горе-рыбаки свой улов даже припрятать или брезентом прикрыть не догадались! Расправившиеся с пыжьяном халеи уже снова реяли над колданкой.

– Кыш! – снова замахнулся на них Ляди и тут же, не удержавшись, звонко расхохотался: представил себе круглую красную физиономию простофили Паяла и фигуру долговязого Митри.

4. Идол

В один из весенних дней Ляди подступился к отцу с одним разговором, который давно мечтал затеять. – Многие говорят, что на Шум-Югане есть такая поляна, где стоит идол. Правда это или нет?

Купья помолчал и ответил вопросом на вопрос:

– А зачем тебе это знать?

– Ну, так, интересно.

– Есть идол, верно, – еще немного помедлив и дернув себя за косицу на затылке, сказал отец. – В старые времена к нему многие ездили поклоняться.

– А ты ездил?

– Что-то ты разболтался у меня сегодня! – нахмурился отец.

– А ты его можешь найти? Место знаешь? – не унимался Ляди.

– Можно найти, почему же нет.

– Поедем на это место! – горячо попросил Ляди. – Я очень хочу взглянуть на идола. Он страшный?

– Страшный. – Отец откинул капюшон малицы и вытер вспотевший лоб. Расспросы Ляди явно привели его в некоторое смятение.

– Поедем? Возьмешь меня с собой? Я так давно мечтал об этом...

– Никуда мы не поедem, – решил отмахнуться от сына Купья.
– Мне некогда. Видишь, сколько сетей нё-латаных? Лучше бы помог с ними управиться. А то пристаешь невовремя со всякой ерундой!

Но от упрямого Ляди не так-то легко было отделаться. Он продолжал вертеться вокруг Купья.

– Ты говоришь, идол страшный. А какой он?

– Такой, что если взглянешь – ночью не заснешь! – с раздражением ответил отец.

– Почему не засну? Я же знаю, что идол невзаврадашний! Просто деревяшка. Нам в школе про таких рассказывали. И потом – я же пионер, а пионеры должны ничего не бояться!

– Смотри-ка, храбрец какой нашелся! – засмеялся отец. – А кто волков и медведей боится? А?

– Ну поедem, папа! Поедем! – канючил Ляди. – Карап, сын Паяла, уже видел идола, а ведь он младше меня на целый день! Знаешь, как он похваляется? А я только помалкиваю. Что мне еще остается?

Этот довод неожиданно подействовал на Купью: ему всегда хотелось, чтобы сын был не хуже других.

– Ладно, – улыбнулся он, – уговорил! Завтра с утра напьемся чаю и двинемся в путь. Утро выдалось солнечным. Небо голубело уже почти по-летнему. Дул свежий западный ветер. Уверенно направляя колданку, отец пристал к покрытому мелкой галькой берегу небольшого мыса.

– Здесь! – сказал он, понизив голос – Выбирайся из лодки. Пошли!

Густым ельничком по неширокой ложбине они поднялись на вершину мыса. Отсюда еле заметная в высокой траве тропинка вела в темный кедровник. Стоило в него углубиться, и ясного дня как не бывало – сумрак охватил Ляди со всех сторон, и ему сразу сделалось жутковато. Но виду он, конечно, не подал.

Шли вперед, наверное, с четверть часа. Наконец показался просвет. Купья и Ляди ступили на круглую, окруженную большими кедрами поляну.

– Ну, теперь смотри! – тихо сказал отец и протянул вперед руку.

Ляди взглянул в указанном направлении – и остолбенел: прямо на него глядело суровое человеческое лицо с узкими пронзительными глазами!

Лицо было настолько выразительным, что Ляди не сразу сообразил, что оно вырублено в кедровом стволе. Казалось, идол вот-вот заговорит.

Купья молчал, вперясь в идола, и Ляди почему-то не сразу решился его молчание нарушить. Он стал тихонько оглядываться вокруг. На поросшей пыреем земле лежали олени рога. Такие же рога были развешаны по ветвям деревьев, на сучьях трепыхались разноцветные тряпочки. Неподалеку от идола чернело погасшее ко-стровище, рядом валялись деревянные плоски, закопченный котел. На особом вешале какие-то заостренные палочки.

Любопытство распирало Ляди.

– Папа! – тронул он за рукав малицы Купью. – А палочки для чего?

– Для еды.

– Но ведь едят ложками?

– Это обычную пищу едят ложками, – ответил отец. – А здесь, возле идола Яланя, полагается брать мясо палочками.

– Какое мясо?

– Медвежье. У ханты есть поверье: медведь не станет преследовать того человека, который принесет идолу в жертву медвежье мясо.

– А при чем тут заостренные палочки?

– Они похожи на стрелы. Разве ты не заметил? Охотник прокнет кусок мяса такой палочкой – и словно пронзит самого медведя стрелой, а идол это увидит и поймет, что к нему явился храбрый человек. Тогда он запретит остальным медведям на него набрасываться. Понимаешь?

– Понимаю... – протянул Ляди, хотя на самом деле толком не понял ничего.

В траве что-то блеснуло. Не без опаски нагнувшись, Ляди поднял с земли медную монетку.

– Брось! Брось сейчас же! – закричал Купья. – Эти монеты идолу принадлежат! Люди бросают их здесь, чтобы Ялань был к

ним добрее. – И, внезапно вытащив из кармана мелочь, он сбросил ее по земле.

– Что ты делаешь, папа? – изумился Ляди. – Ведь идол же невзавравадшний!

Купья, отвернувшись, ничего не ответил сыну.

Ляди продолжал оглядывать поляну. Он заметил осетровые хрящи и лосиные кости, полусгнившие берестяные тески, в которых идолу, вероятно, приносили в жертву ягоды.

– Неужели и сейчас сюда люди приходят? – опять подступил он к ушедшему в себя отцу.

– Мы же пришли! – отшутился Купья.

– Так ведь только посмотреть!

– Конечно, конечно, – закивал головой отец. – Ну, а теперь обратно поехали. Теперь и ты перед ребятами можешь похвастаться...

– Конечно, папа! Я им все расскажу. – Ляди загоревшимися глазами уставился на отца, словно хотел спросить еще о чем-то важном. – Знаешь что?.. – Ляди явно нервничал. – Можно, я учителю скажу... Ну, чтобы Яланя для школьного музея срубили. Он же зря здесь гниет.

– Ох ты какой?! – Купья глубоко вздохнул. – А впрочем, пожалуй, можно... А то слишком много хулиганья появилось на Севере. Наткнется кто-то из приезжих на идола да осквернит его. Срубят или подожжет. Случалось такое. Пусть уж лучше идол последние годы в музее доживет. Тогда и на сердце у меня спокойнее будет. – И Купья еще долго смотрел на идола, словно навечно прощаясь с ним.

А Ляди от радости проворной белкой запрыгал вокруг отца.

5. Встреча

Теперь уже Ляди отправлялся на Шум-Юган как в хорошо знакомое место, иногда даже один, но чаще вместе со старшим братом – Сеной. Целыми днями без усталости бродили они весной среди мелких прибрежных болотцев, высматривая диких уток, не спеша переговариваясь и любуясь красотой Шум-Югана.

Как-то раз они забрались к самому верховью протоки. Берега здесь суживались так, что гребями можно было дотянуться до

суши. За поворотом Сена заметил двух связей. Метким выстрелом он уложил селезня. Ляди восхищенно присвистнул.

– Не зря поехали! – отозвался, довольный удачей, Сена. – Надо еще поискать. Может, что и подвернется.

Ляди подобрал добычу брата, и они сильнее налегли на весла. Берега раздвинулись. Показался поросший жухлой травой лужок, по краям которого корячились высохшие ели и кедры с поломанными вершинами.

– Мрачное местечко, – пробурчал Сена.

– Посмотри, там левее лаз какой-то под землю ведет, – приподнявшись в лодке и разглядывая лужок, сказал Ляди.

– Верно. Есть дыра.

– Пошли, посмотрим? Может, лисья нора?

– Ну да, лисья! – хмыкнул Сена. – В эту нору всю нашу колданку запихнуть можно. Тут другим зверем пахнет.

– Каким другим? – не понял Ляди. – Я вылезу, взгляну.

– Сиди! – удержал его Сена, – Давай-ка рванем отсюда по-добро-поздорову. Пока хозяин этой норы не появился.

Ляди не успел брату ничего ответить, как вдруг из-под земли, шурша сухими сучьями и травой, показалась огромная медведица. Вслед за ней вылезли два маленьких, тощих медвежонка.

– Тихо, не двигайся! – прошептал изменившийся в лице Сена. – Может, она сейчас обратно уйдет.

Но медведица, заурчав, побрела к берегу.

– Ружье! – скомандовал Сена. – Пулю поищи в патронташе. Да побыстрее!

Ляди протянул брату двустволку. Сена прицелился в медведицу и снова прошептал:

– Гребь вперед, только не шуми.

Ляди налег на весла. Вода запенилась перед носом колданки. Но медведица, видимо, заметив опасность и стремясь отвести ее от детенышей, в несколько прыжков достигла воды и затрусила совсем рядом с лодкой. Вновь сузившиеся берега протоки мешали колданке отъехать на безопасное расстояние.

– Ну, теперь – кто быстрее! – выдохнул Сена.

Ляди напряг мускулы. Лодка было опередила медведицу, но вдруг впереди дорогу перегородила рухнувшая когда-то давно подгнившая лиственница. Пришлось ее огибать. В какое-то

мгновение лодка почти вплотную приблизилась к медведице. Хорошо были видны ее взлохмаченная отвисшая шерсть и острые клыки, мелькавшие в полуоткрытой пасти. Глаза зверя поблескивали злобой.

– Сейчас она на нас бросится! – крикнул Ляди.

– Попридержи лодку на месте! Я попробую стрелять! – отозвался брат. Руки его заметно подрагивали.

Ляди застопорил гребни, не сводя взгляда с медведицы. Сердце у него колотилось, по спине потекла струйка холодного пота.

Внезапно один из медвежат издал жалобное ворчание: оба звереныша, путаясь в высокой траве, следовали за своей грозной матерью. На зов малыша медведица мгновенно обернулась. Поставив секунду-другую как вкопанная и угрожающе рыкнув в сторону лодки, она двинулась обратно...

– Пронесло! – опуская ружье, с облегчением сказал Сена.

Ляди был не в силах ничего вымолвить, только с шумом выдохнул воздух. Ни разу в жизни он еще не видел медведя в такой близости, как сегодня. Ему казалось, что горячее дыхание зверя пышет ему в лицо.

– Ну что, Ляди, будешь ездить по Шум-Югану? – усмехнулся Сена.

– Буду! – отозвался Ляди, вытирая взмокший лоб. – И вовсе я не испугался...

– Просто маленько страшно стало, – засмеялся Сена. – Ладно, едем к стоянке. Будет что отцу рассказать!

Медведица с медвежатами уже давно пересекла луг и теперь взбиралась на видневшуюся вдалеке песчаную гриву. Сам не зная почему, Ляди помахал ей на прощанье рукой...

Купья внимательно выслушал рассказ сыновей об их необычной встрече.

Затянувшись трубкой и что-то припоминая, он произнес:

– Сдается, что эту медведицу я знаю. Точно, это именно она!

– Откуда ты можешь ее знать? – удивился Сена. – Разве в наших краях медведи редкость? Мало ли их по лесам бродит?

– Э-э, Сена! Много-то много. Но в Шум-Югане уже много лет хозяйничает одна медведица. Многие ее берлогу знают. Только никто не трогает медведицу. И она никого не трогает. Вот и хозяйничает в своих владениях.

Выпустив клуб сизого дыма, он подмигнул младшему сыну.

– Не забыл, Ляди, как прошлым летом ездили на Эвет-Юган бересту резать? Это рядом с Шум-Юганом. Вон мыс вдаль виднеется. Еще тетка Лэвнэ с нами была?

– Не забыл, – отозвался Ляди. – Тогда кукушки утром всю куковали.

– Вот, вот. Они всегда в это время кукуют – подают людям знать, что «берестяной» месяц начался.

Дальше отец мог уже не продолжать – та, прошлогодняя, поездка вспомнилась Ляди до мельчайших подробностей.

...С утра дул небольшой северный ветер. Под парусом они быстро доехали до протоки, и, выйдя на берег, Ляди первым делом бросился собирать спелую, оранжевую морошку. Мать с отцом углубились в березовую рощу. Тетя Лэвнэ следовала за ними с острым секачом в руках.

– Ляди! Хватит лакомиться. Иди помогай! – крикнула мать. – А то до вечера не управимся.

Работа в роще закипела. Надрезанная сверху вниз белоснежная береста легко отдиралась от стволов. Ляди еле успевал подбирать прогретые солнцем пласты и складывать их один на другой. Отец сворачивал бересту в свитки, которые издали походили на связки белых оленьих шкур.

– Хорошая нынче береста! – одобрительно сказала тетя Лэвнэ. – Хорошие выйдут паласы летний чум покрывать.

– Тут и на два чума хватит, – добавила мать. – Или на один большой. Для целой семьи.

В этот момент вдруг послышался глухой рев.

– Замолчите! – прикрикнул на женщин Купья. И приложил к уху ребро мозолистой ладони.

– Никак апсие? – ахнула тетя Лэвнэ.

– Что значит апсие? – спросил Ляди. – Кто это?

– Кто, кто, – проворчала тетка. – Наш младший братец, вот кто.

– Да тише вы! – рассердился Купья.

– Младшим братом, апсие, раньше у нас медведя называли, – шепотом пояснила Ляди мать. – Считали, что он от человека происходит.

Рев повторился.

– Кой! – запричитала тетка. – Кой! Ведь сейчас лето, зачем ты за нами ходишь, апсие? Разве мало у тебя своих забот в тайге? Мы же тебя не трогаем. Ничего плохого против тебя не замышляем. За берестой приехали. ..

– Берите связки и поскорее в лодку! – распорядился отец. – Да поживее! Это медведица голос подает, я слышу. А у нее нрав особый – разгневадается, нам несдобровать. Вон, где сухие елки, голос ее раздастся. Рядом совсем.

Мать и тетка, схватив по четыре свитка, уже засемили к лодке. Ляди тоже тащил целую охапку бересты.

– Видать, сердитая эта медведица, – сказала Лэвнэ. – Как знать, что у нее на уме? Только ведь мы перед ней ни в чем не виноваты...

Мать достала из кармана табакерку, и обе женщины с удовольствием принялись заправлять за нижнюю губу табак с углапом. Теперь возле лодки можно было передохнуть.

Но в березняке еще оставалась заготовленная береста.

– Надо вернуться, – решил Купья. – Обидно бросать то, что уже нарезано.

Продираясь сквозь заросли багульника, густой ольшаник, добрались до рощицы. Ляди еле держался на ногах от пережитого волнения и усталости. Снова нагрузились берестой и пустились в обратный путь, к протоке. Первым подойдя к лодке, Ляди с удивлением увидел, что загруженные в нее недавно свитки разбросаны по отмели, а сама лодка развернута к берегу другим бортом. Неужели здесь кто-то похозяйничал в их отсутствие?

– Скорее сюда! – крикнул Ляди. – Смотрите! Взрослые, сбросив с плеч груз, поспешили к лодке.

– Ну и ну! – воскликнула мать. – Что все это значит? Купья настороженно огляделся вокруг. На Эвет-Югане стояла первозданная тишина. Даже самый слабенький ветерок не шелестел сейчас в прибрежной осоке.

– Апсие! – вдруг прошептала тетка Лэвнэ. – Видите, узор на песке?

– Какой узор? – спросил Ляди.

– След! – сердясь, ответила мать, – Какой недогадливый!

Нагнувшись, Ляди разглядел отчетливый отпечаток медвежьей лапы, оставленный неподалеку от лодки. Было тепло, но его пробрала дрожь.

– Да, медведица только что здесь побывала, – подтвердил слова тетки Купья.

– Кой, кой! – снова запричитала Лэвнэ. – Ну почему ты на нас обижаешься, апсие? Ведь мы собрались покинуть твои места!

– Это она нам знак подала: мол, убирайтесь поскорее, пока целы, – сказала мать. – Не нравится, что мы ее потревожили.

– Чего стоите? – крикнул отец. – Живо в лодку! Собрав раскиданные связки и побросав их на дно, Ляди и женщины прыгнули в лодку. Купья быстро вытянул четырехлапый якорь и сказал сыну:

– Ляди! Берись за кормовое весло!

Но весла в лодке не было.

– Не может быть, – рассердился отец. – Я сам его под сиденье клал.

– Нет его тут! – чуть не заплакал Ляди.

– Да вон же оно где! – воскликнула Лэвнэ. – Из-под коряги торчит!

Метрах в десяти и в самом деле, полуутопленное в воде, валялось кормовое весло. Медведица добралась и до него.

Мать вылезла из лодки и достала весло. Затем она оттолкнула лодку с отмели. Наконец-то они смогли отчалить от этого опасного места.

Уже обогнув поросший кедром мысок, увидели несколько связок бересты, плавающих в протоке. Купья выловил их и закинул в лодку.

– Прости, апсие! – взмолилась тетка громким, пронзительным голосом, – видно, надеялась, что иначе медведица ее не ульшит. – Мы никогда больше сюда не приедем! Вот увидишь!

И, словно откликнувшись на этот покаянный вопль, невидимая хозяйка Эвет-Югана и Шум-Югана грозно заревела в ответ. У Ляди опять мурашки по спине побежали, и он весь сжался, сидя на корме быстро удалявшейся от берега лодки.

...Купья поворошил палкой в маленьком костерке. Потрескивая, вверх полетели яркие искры.

– Да, сынки, – сказал он. – Ту самую медведицу вы в своей поездке и встретили. Не иначе! Благодарите духов, что все обошлось благополучно. Ведь мы свое обещание нарушили – вернулись в те места. Вот апсие и появилась. Хорошо, что она была с медвежатами, за них боялась, а не то...

Договаривать Купья не стал и лишь затянулся трубкой.

6. Березовый сок

В один из дней Ляди с отцом занялся сбором березового сока. В этом Ляди принимал участие впервые, хотя сладким березовым соком лакомился давно: дома ежегодно заготавливали огромную флягу этого целебного напитка.

Они остановились на колданке у обрывистого берега. Перевалили через крутой холм, поросший лиственницами, и спустились к небольшому заливику. В глазах забелело от множества стройных берез.

Купья подошел к одному из деревьев и дотянулся рукой до ближайшей ветки. Сорвал почку и протянул ее Ляди на раскрытой ладони.

– Смотри, сынок, как почка набухла. Словно глухариный зуб. Вот-вот лопнет! Самое время цедить сок.

– Ох и вкусно будет! – облизнулся Ляди, предвкушая, как он глотнет прохладного сока.

Отец выбрал высокое крепкое дерево и сделал на коре надрез. Сейчас же показались прозрачные капли.

– Ого! Дело пойдет! – сказал Купья и пристроил к стволу небольшое ведерко. К другим березам привязали три алюминиевые кружки и котелок.

– Теперь наберись терпенья, – посоветовал он Ляди. – Посиди на солнышке, погрейся. Только не дремли! Как только увидишь, что какая-то из посудин полна, – сливай в большое эмалированное ведро. А я вокруг поброжу, чагу хочу найти.

Ляди прилег на сухой брусничник и стал смотреть в голубое весеннее небо. Сквозь прищуренные ресницы солнечные лучи дробились на тысячи радужных иголок. Неподалеку тихо журчал ручеек, и березовый сок, стекая в кружки, вторил ему звонким «кап-кап-кап»...

«До чего же хорошо!» – подумалось Ляди. И он вспомнил строчку из хранившегося дома последнего письма старшего брата Микипура: «Если бы мне еще хоть раз удалось попить березового сока на Шум-Югане!»

Микипур погиб во время войны, на фронте. Ляди был тогда еще очень мал, и в его памяти сохранился лишь смутный облик старшего брата. Зато в его ушах и сейчас отчетливо звучит горестный плач матери в тот день, когда пришла к ним в дом белая, словно кора березы, похоронка... Впрочем, мать так до конца ей и не поверила – она и сейчас еще ждет Микипура.

– Может, он не погиб, а просто пропал без вести, – говорит она часто отцу. – Возьмет и вернется. И ты сейчас же поезжай на Шум-Юган за березовым соком...

Задумавшись, Ляди не заметил, что кружка уже переполнилась.

«Что же это я лежу?» – спохватился он, вскакивая на ноги.

Вскоре большое ведро было не поднять. Зачерпнув кружку ароматного сока, Ляди выпил ее до дна.

– А-ах! – выдохнул он. – Вот это да!

Купья вернулся из лесу с целым мешком чаги.

– Гляди, какая у меня добыча! – сказал он сыну.

– А у меня ведро березового сока! – похвалился Ляди.

– Молодец, сынок! – улыбнулся Купья. – Ты настоящий мощный! Что бы я делал без тебя на Шум-Югане?

7. Утренняя песня

– Хочешь послушать, как тетерева токуют? – спросил однажды младшего брата Сена.

Еще бы не хотеть! Ляди, только-только проснувшийся, мигом выскочил из теплой постели. В брезентовой палатке у них были постелены три оленьи шкуры с густой длинной шерстью.

– Я сейчас! – крикнул он. – В одну минуту! Переехали через Шум-Юган. Сена пристал колданкой

за тальниковым мысом, далеко выдававшимся в сор. Затем берегом они прошли до широкой песчаной косы.

– Спрячемся в тальниках, – шепнул Сена, – Солнце уже поднялось, сейчас они прилетят.

Ляди завертел головой – в чистом утреннем воздухе никого не было видно.

– Ну, скоро? – спросил он, с трудом скрывая свое возбуждение, – Где же тетерева?

– Вот они! Тс-с!..

И тут Ляди их увидел! Огромные птицы появились внезапно с нескольких сторон. Шумно взмахивая крыльями, они черными тенями пронеслись над тальниками и быстро снижались на отмель. При этом крылья они складывали, словно смыкали поднятые весла кол-данок, а хвосты растопорщивали парусами.

– Раз, два, три, четыре, – принялся считать тетеревов Ляди. Птиц собралось не менее десятка. Самцы важно расхаживали красуясь, а их подруги теснились в сторонке.

И вдруг послышался отчетливый посвист. К нему присоединился еще один похожий звук, потом еще... Через минуту Ляди казалось, что весь Шум-Юган звенит торжественной, ликующей песней.

Сена схватился за свое ружье.

– Что ты делаешь?! – выходя из оцепенения, в которое привел его тетеревиный хор, воскликнул Ляди. – Не надо! Не смей!

Сена скосил карие глаза на младшего брата.

– Ладно, – сказал он, откладывая двустволку, – не буду.

Они замолчали, слушая птиц.

Внезапно в небе показалась темная точка. Она быстро увеличивалась, приближаясь к земле.

– Ястреб-тетеревятник! – определил Сена. – Тут как тут, бандит!

– Дай мне ружье! – попросил Ляди и, не дожидаясь разрешения, схватился за приклад. Прицелившись, он выстрелил по ястребу.

– Попал! – изумился Сена. – Это когда же ты научился так хорошо стрелять?

Вспугнутые тетерева примолкли, но вскоре успокоились, и окрестные дали вновь огласились их утренней песней.

8. Кто ловчее

После окончания весенней охоты, когда утки начинают высиживать утят, на Шум-Югане наступает пора рыбной ловли в мелких сорах и протоках. В это время Купья обосновывается здесь надолго – почти до самой осени. Где-нибудь в защищенном от ветра месте ставился шалаш или палатка, и для Ляди начиналась раздольная жизнь. Хоть с утра до вечера носись по песчаным отмелям, поднимая брызги, хоть ищи в болотцах прошлогоднюю клюкву или свисти, подражая птицам! Никто тебе и слова не скажет.

В один из дней из-за ближайшего мыска вынырнула лодка.

– Никак к нам в гости пожаловали? – сказал Купья, приложив ладонь ко лбу и всматриваясь в приближающуюся моторку. – Э-э, да это, кажется, Валякси из Сортъеха со своим Унтари! Будет тебе, сынок, приятель для игр.

Ляди обрадовался.

– Унтари! Унтари! – закричал он, размахивая руками. – Скорее сюда! Ура-а!

– Ура-а! – отозвался толстый кудрявый Унтари. – Эге-эге-гей!

Лодка причалила. Купья поздоровался со своим старым другом Валякси и сразу потащил к шалашу – отдохнуть и перекусить. Запылал костерок, запахло жареной рыбой, поплыл к небу трубочный дымок – и пошел нескончаемый разговор об охотничьих успехах, видах на вонзевой лов и прочих промысловых делах. А Ляди с Унтари, конечно, сейчас же исчезли в тальниковых зарослях.

Через несколько минут оба уже гонялись друг за другом по песчаному берегу мелкого сора. Ляди, верткому и худощавому, без труда удавалось настичь смуглолицего увальня Унтари, зато, когда они начинали бороться, верх одерживал гость – он был посильнее. Всласть набегавшись и навозившись, ребята бросились на нагретый солнцем песок перевести дыхание. Но разве могут мальчишки долго усидеть на месте? Уже через несколько минут они были у воды с полными карманами плоского галечника.

– Давай посмотрим, чей камень полетит дальше? – предложил Унтари. – Чур, я первый начну!

– Просто швырнуть камешек не штука, – заявил Ляди. – А ты кинь его так, чтобы он, как утка, нырнул. Что, не можешь? Не видел, как утки ныряют?

– В Сортьехе уток, что ли, не водится? – обиделся Унтари и бросил круглую гальку в сор. Она сразу же пошла ко дну.

– Не умеешь, не умеешь! – засмеялся Ляди. – Смотри, вот как чирок ныряет.

Пригнувшись, он ловко запустил свой камешек вдоль поверхности воды.

– Один, два, три! – сосчитал Ляди плеснувшие на сору «блинчики». – Молодец, чирок! А теперь пусть шилохвость нырнет!

Вперед полетел новый камень, «съевший» еще больше «блинчиков». Унтари с завистью провожал его взглядом своих круглых живых глаз.

– Я тебя сейчас научу! – великодушно предложил Ляди.

Наука была не слишком сложной, вскоре Унтари уже мог похвастаться целыми восемью «блинами», превзойдя своего учителя.

– А сделать, чтобы камень нырнул и вынырнул, словно гоголь, можешь? – спросил уязвленный Ляди.

– Но ведь гоголь как нырнет, так его чуть ли не полчаса нету. Отец за это время трубку у меня выкуривает, – усомнился Унтари. – Неужели у тебя выйдет?

– Смотри! – крикнул Ляди и, выбрав подходящую гальку, швырнул ее в воду.

Унтари глазам своим не поверил, когда камень, исчезнув на несколько секунд, вновь высоко выскочил из глубин сора.

– Дай, я попробую!

– Пробуй, пробуй! – усмехнулся Ляди. Конечно, у гостя ничего не получилось, хотя он

извел целую кучу галечника и основательно взмок. И снова Ляди проявил великодушие.

– Понимаешь, – пояснил он товарищу, – тут не всякий камень годится. Он должен быть с кривизной, да и бросать его нужно под особым углом. Меня папа в прошлом году научил. Вот возьми, у меня есть подходящие «гоголи». Держи!

Унтари опять принялся бросать камешки, но безуспешно, ловкости ему явно не хватало.

– Ничего! – утешил его Ляди. – В следующий раз научишься. И тогда будешь ловчее меня!

Посопев своим плоским, похожим на налимяю губу носом, Унтари согласился с таким выводом. Но чтобы Ляди не очень-то зазнавался, он по-дружески двинул его по плечу так, что приятель полетел на песок...

9. Как ловили браконьера

После обеда Купья и Валякси решили наведаться на дальний сор в Ут-Каскане и выставить там сети. Ребятам наказали никуда не отлучаться и вести себя смирно.

Моторка исчезла за мысом.

– Ну, чего делать будем? – спросил Унтари. – Не сидеть же в палатке!

– Давай постреляем из лука, – предложил Ляди.

– А у тебя есть лук?

– Есть! – Ляди вытащил из-под своей спальной оленьей шкуры упругий листовичный лук и стрелы. – Мне старший брат подарил, Опунь. На Новый год!

Унтари с восхищением прищелкнул языком и осмотрел лук.

– Хороший! – одобрил он подарок Опуня. – Пойдем стрелять!

– Пойдем. Только на берегу. Я тебе остров Сорам-Лоров покажу. Знаешь сколько там уток? Тьма-тьмущая!

– Ну да? – заинтересовался Унтари. – Пошли!

На всякий случай закинув лук за плечо и прихватив стрелы, Ляди уверенно нырнул в тальники – он уже знал на Шум-Югане каждую тропинку.

Через четверть часа друзья сидели рядышком на толстом осиновом бревне, с которого водой смыло почти всю кору, и разглядывали видневшийся за протокой остров. Над ним и в самом деле частенько взлетали утки.

– Шилохвость! – определял Ляди, поводя глазами вслед очередной птице. – Хохлатая чернеть! Связь! Чирок!

Внезапно на острове утки загомонили чуть не все разом. В воздух сразу поднялась целая стая.

– Странно...

– Что странно?

– Сезон-то закрыт. Утки уже яйца высидели. – Ляди вскочил с места и подбежал поближе к берегу. – Эй! Кто там на острове?! – закричал он. – Эге-гей!

– А вдруг это лиса или еще какой зверь? – Унтари поежился. – Знаешь, я что-то замерз. Давай вернемся.

– Погоди...

– Чего годить-то? Холодно!

– Знаешь что, съездим на остров! Это же недалеко. Погода тихая.

Унтари бросил опасливый взгляд в сторону Сорам-Лорова, над которым продолжали кружить встревоженные утки, но соблазна прокатиться на лодке, да еще без старших, был слишком велик.

– Ладно! – согласился он, – Махнем!

Они вернулись к стоянке и легко столкнули колдан-ку Купьи в воду. Плечистый Унтари уселся за гребни, а Ляди пристроился на корме и рулил легким кормовым веслом.

Колданка плавно скользила по блестящей, словно намазанной жиром, поверхности протоки. Вокруг лодки трепетали солнечные пятна, по небу плыли круглые белые облачка.

Весеннее половодье вплотную подступило к островку. В прибрежном тальнике путался плавник, обрывки старых сетей, жерди от запоров. Ребята привязали кол-данку к покрытой илом мощной коряге и ступили на Сорам-Лоров. Их обоих сейчас же скрыл по самые уши прошлогодний пырей, не полегший под зимним снегом.

– Да мы тут ничего не увидим, – проворчал Унтари.

– Тогда будем слушать! – поднял вверх указательный палец Ляди. – Может, собака залает?

– Залает, ну и что?

– А я сразу узнаю, кто на острове, – засмеялся Ляди. Некоторое время, кроме шума утиных крыльев да птичьих голосов, ничего не было слышно. Потом вдруг неподалеку кто-то явственно кашлянул. Друзья переглянулись.

– Пойдем в лодку, – шепнул Унтари.
– А если это браконьер?
Не дожидаясь ответа от своего нерешительного приятеля, Ляди шагнул вперед. Раздвинув сухую траву, он осмотрелся вокруг.
– Видишь кого-нибудь? – спросил Унтари. Ляди обернулся к нему и подмигнул:
– Вижу! Это один бездельник из нашего поселка. Матрус-ики. Яйца утиные собирает.
– Постой, я взгляну!
Друзья, раздвинув траву, внимательно осмотрелись.
Матрус-ики, скинувший малицу, в одной холщовой рубашке грелся на солнышке. Возле него, в меховом треухе, белели собранные утиные яйца.
– Сейчас мы его пугнем, – сказал Ляди. – Жулик нашелся. Утиные яйца собирать вздумал! Гнезда разорять!
– Тихо! Услышит!
– Ничего не услышит. Он глуховат. Матрус-ики, пряча лицо от солнца, повернулся к ним спиной.
– Подходящая мишень, а? – снова подмигнул приятелю Ляди.
– В самый раз! – прыснул в ладонь Унтари. Ляди натянул тетиву лука. «У-у-йть!» – просвистела стрела и глухо шлепнулась об лопатку ни о чем не подозревающего Матруса.
– Ой-ой-ой! – взвыл он, вскочив с пригорка. – Кто тут? Кто?!
– Ни с места! – крикнул из-за пырейного частокола Ляди. – Вы застигнуты на месте преступления!
– Какого такого преступления? – загнусавил Матрус-ики. – Не стрелял, не убивал, просто погулять выехал...
– А что у вас в шапке?! – Ляди, а за ним и Унтари выскочили на полянку.
– Тьфу ты! – сплюнул на землю, увидев мальчишек, Матрус-ики. – Чтоб вас обоих! А я-то испугался! Подумаешь, пару яиц собрал, чего орать-то? Проваливайте отсюда!
– Яйца – это будущие утки, – с важностью заявил Ляди. – А вы, Матрус-ики, браконьер. И мы вас поймали.
– Что-о?

– Унтари, сбегай к его лодке, вон она стоит. Если там ружье – перетащи в нашу колданку. Отвезем отцу, он охотоведам передаст.

– Да вы, да я! – закипятился Матрус – Сейчас я вам уши оборву!

Но пока он собирался это сделать, Ляди с Унтари, прихватив двустволку браконьера, уже отплывали от Сорам-Л орова...

10. Лосенок

В месяц Сбора Ягод Валякси и Купья снова стоворились побывать на Шум-Югане: самое было время перегораживать мелкие сора и ставить фитили – ловушки для рыбы. Нечего и говорить, что Ляди с Унтари опять оказались вместе. Теперь впереди у них было много времени для вольной жизни, Купья с Валякси собирались пробыть на Шум-Югане долго.

В один из погожих дней после утреннего чая старшие предложили ребятам обследовать окрестные болотца – поспевала морошка.

Взяв берестяные туеса, Ляди с Унтари отправились в путь, к быстрому ручью Ар-Ик-Соям, который славился тем, что не пересыхал даже в самую сильную жару. Здесь, среди влажных пружинистых кочек, в болотистой низине росли самые сочные и крупные ягоды.

Солнце палило нещадно. Небольшие березки и сосенки казались издали позолоченными. Воздух звенел от комаров и мошки. Надвинув на самые носы свои кепчонки, ребята огляделись вокруг.

– Вот это да! Смотри! – крикнул Ляди.

Кругом, насколько видел глаз, все рыжело от спелой морошки. Болото походило на праздничное поле, усеянное нарядными девушками в ярких платках.

Унтари наклонился, набрал полную ладонь сладких ягод и, закинув голову, высыпал их себе в рот.

– М-м-м! – промычал он, не в силах иначе выразить свое восхищение. – М-м-м!..

К полудню туюски были полны. Мальчики было уже собрались возвращаться к стоянке, как вдруг Унтари издал оглушительный вопль:

– Сюда! Скорее! Скорее!

Когда Ляди подбежал к приятелю, он увидел, что тот в ужасе уставился на небольшую ложбинку у подножия безлесого холма, замыкавшего низину.

– Что случилось?

– Это... это... Волки! – выдохнул Унтари.

– Какие волки? Где?

– Тут! Вот они!

Ляди раздвинул руками траву – и сразу отпрянул: в ложбине дотлевали, белея костями, останки двух таежных хищников.

– Ф-ффу! – сказал он, утирая вспотевший лоб. – Ну и находка! Интересно, как они сюда попали? Охотники бы их так не оставили.

Унтари думал, прикусив нижнюю толстую губу. Он уже немножко оправился от первоначального страха.

– Знаешь, – сказал он, – наверное, тут был лосиный бой.

– Что-что? – не понял Ляди.

– Ну, лось отбивался от волков и двоих пришиб. Такое на Северном Урале часто бывает. Много раз видел, когда кочевал с отцом. Лоси иногда с волками сильно дерутся. К какому-нибудь дереву задом отступят и давай передними копытами лупить. Р-раз-рраз!

– Точно! – подтвердил догадку товарища Ляди. – Вон клочья коричневой шерсти. Это лосиная.

– Пойдем, – потянул его за рукав Унтари. – Нам пора.

Мальчики вернулись к ручью, где оставили свои туюски. Морошка масляно светилась на солнце, издавая густой, пряный аромат. Жалко было уходить с таких богатых угодий.

– Поедим еще немножечко? – предложил Унтари.

– Хватит тебе, лопнешь! – засмеялся Ляди, но рука его уже невольно тянулась к зеленой кочке, сплошь усеянной ягодами.

Через полчаса, наладившись сполна, с липкими щеками и ладонями, ребята присели отдохнуть перед обратной дорогой. В окружающей тиши звонко пели свою монотонную песню комары. Внезапно к этому привычному звуку примешался еще ка-

кой-то. Не то рыба плеснула в ручье, не то в болоте что-то чавкнуло. Ребята насторожились: обоих пронзила страшная мысль – а вдруг живые волки? Ляди вскочил на ноги, озираясь по сторонам, и – глазам своим своим не поверил: неподалеку, в болотной трясине, барахтался лосенок! И как только они раньше его не заметили, ведь совсем рядом были?!

– Унтари! Унтари! – закричал он. – На помощь! Лосенок тонет!

Они бросились вперед. Ушастый звереныш, моргая огромными глазами, которые сплошь залепила мошка, отчаянно пытался выбраться из топкой жижи, но у него ничего не получалось.

Унтари попробовал обхватить лосенка за шею и потянуть его на себя, но тот так бешено завертел головой, что стало ясно: нужна крепкая веревка или даже канат, без этого не обойтись.

– Знаешь что? Беги на стоянку, а я его здесь покараулю, – сказал Ляди.

– А ты один не боишься?

– Мы же будем вдвоем! – улыбнулся Ляди, указав на лосенка.

– А если волки?

– Летом они сытые, на людей не нападают. И потом, их тут били, они вряд ли теперь сунутся.

– Ладно. Я быстро!

И Унтари помчался так, что только пятки его болотных сапог засверкали. А Ляди принялся собирать сушняк и подсовывать его под брюхо лосенку, чтобы тот смог продержаться подольше.

Унтари вернулся весь запыхавшийся. Он тащил под мышкой связку каната и небольшой топорик.

Ребята нарубили сухостоя и проложили лосенку некоторое подобие мостков. Из трех листовничек соорудили «воротушку». Привыкший на кочевьях арканить оленят, Унтари ловко закинул веревку лосенку на шею, а другой конец прикрепил к воротушке.

– Теперь крутить надо! – крикнул он. Ляди налег на ворот.

Медленно, но неуклонно, шаг за шагом ушастый бедолага начал выбираться на твердое место. И наконец, весь дрожащий, облепленный грязью, встал на все четыре копытца. Он настолько обессилен, что бежать и не думал.

– Отведем его к нам? – сказал Унтари. – Покормим, отмоем. Пропадет ведь один.

– Интересно, куда лосиха девалась? – спросил Ляди. – Неужели она его бросила?

– Может, сама в какую-нибудь беду попала.

Ребята помолчали. Маленькие таежники, они хорошо знали, что в лесных местах всякое случается. Лосенок вполне мог быть сиротой.

Унтари погладил спасенного зверя по мокрой спине. Потом слегка дернул за веревку. И лосенок – вот чудеса! – покорно, как лошадь на поводу, побрел за ребятами вслед.

Купья и Валякси, вернувшиеся вечером на моторке, очень удивились, что их лагерь пополнился еще одним обитателем.

– Откуда вы его взяли? – спросил у Ляди отец. Ребята рассказали все, как было.

– Ну и ну! – рассмеялся Валякси. – До чего ж вы сообразительные парни! Я от вас такого не ожидал.

Лосенок прожил на стоянке до самой осени. Он очень привык к людям, особенно привязался к Унтари, который умел с ним разговаривать и постоянно заботился о том, чтобы припасти свежей травы и молоденьких веток.

Но в одну из ночей лосенок исчез. Ребята огорчились. Старшие их утешили.

– Пусть гуляет на воле. Он ведь дикий зверь, скучает по лесу. Скоро вырастет, найдет себе подружку, и заживут в свое удовольствие, – сказал Валякси. – Ведь для этого вы его и спасали, верно?

11. Лебединое озеро

Кто бывал на Шум-Югане, наверняка слышал, как трубят лебеди. Это ни с чем не сравнимые, будоражащие душу звуки.

Светлыми летними ночами Ляди с Унтари, лежа без сна, прислушиваются к тому, что творится в вышине. «Хо-хо-хо, – доносится с неба. – Хо-хо-хо».

– Куда они летят? – шепотом спрашивает Ляди.

– Не знаю, – отвечает Унтари.

– На свое озеро отправляются, – говорит Купья. Оказывается, он тоже не спит. – Оно здесь недалеко, километрах в трех.

– А можно, мы с Унтари туда сходим? Я еще ни разу лебедей не видал.

– Боюсь, заблудитесь одни. К озеру одна тропка есть, но ее знать нужно.

– Не заблудимся! Ты только покажи нам эту тропу. Мы с нее не свернем. А по дороге я зарубки буду делать, по ним обратно выберемся.

Купья, раздумывая, заворочался с боку на бок.

– Озеро там глубокое, – в сомнении произнес он наконец. – Я его однажды промерить пробовал – самый длинный шест еле до дна достал. Берега крутые, сыпучие. Ногу не так поставишь...

– Но, папа! – взмолился Ляди. – Мы же не маленькие! Давно повсюду одни ходим. Помнишь, как браконьера поймали?

– Помню, помню, – засмеялся Купья. – Матрус-ики до сих пор имени твоего слышать не может, ругается на чем свет стоит.

– Ну, так мы пойдем, папа?

– Болот по пути много.

– Подумаешь, болот мы не видели! Морошку ведь собирали!

– Там другие болота. Коварные. Поглядишь – обыкновенный мох лежит, а чуть ступил, и сразу засасывает. Опасные места, сынок.

– Но уж очень хочется на лебедей взглянуть, – вздохнул Ляди и прижался головой к отцовскому плечу.

Ласка подействовала. Да к тому же Купья хорошо понимал сына – в его годы он и сам бы пошел на край света, чтобы увидеть красавцев лебедей, о которых складывают легенды!

– Ладно, – произнес он. – Отправляйтесь. Только собаку с собой возьмите. Но ее придерживать надо, не то начнет по болотам гоняться, всех лебедей перепугает, да и гнезда их разворошит.

– Хорошо, аси!

Обрадованный Ляди подтолкнул в бок помалкивавшего все это время Унтари. Тот шумно задышал в ответ своим широким носом. Валякси мирно похрапывал, но Унтари был уверен, что и его отец возражать против похода на лебединое озеро не станет.

Утром ребята собрались в дорогу. Взяли немного еды, фляжку с водой. Ляди засунул в карман веревку, чтобы можно было

взять на поводок собаку по кличке Пеля. Пес вертелся тут же и, когда ему свистнули, охотно помчался вслед за юными путешественниками. Купья пошел их проводить, чтобы показать скрытую в густых травах и зарослях багульника тропу к озеру.

День стоял безветренный и теплый. Ярко зеленели освещенные солнцем кедры. Холмы, поросшие серебристыми ягельником, мягко светились вдалеке.

«Хо-хо-хо», – опять послышалось в небе. Ляди и Унтари задрали головы: белоснежная цепочка лебедей плавно снижалась над редющим лесом. Озеро уже было близко. Очевидно, оно лежало за болотом, которое, как и предупреждал Купья, обманчиво бархатилось ровнехоньким мохом. То и дело над ним вспархивали кули-ки, отчего лохматый Пеля пришел в страшное возбуждение и ринулся вперед. Стараясь ни на шаг не сворачивать с еле заметной тропы, ребята двинулись за собакой, но, конечно, сильно от нее поотстали.

Когда озеро с его прибрежными камышами, изумрудной осокой и кувшинками заголубело перед ними, ребята чуть не задохнулись от восторга. По сверкающей водной глади, горделиво выгибая шеи, медленно плавали лебеди! Вот один из них встрепнулся, приподнявшись над озером на своих перепончатых лапках, – и сейчас же словно флотилия парусных лодок поплыла по воде – остальные лебеди, радостно гогоча, замахали крыльями.

– Ой, как красиво! – воскликнул Унтари.

– Да-а... – тихо отозвался Ляди. – Очень красиво...

Расположившись на берегу, ребята наблюдали за лебедями, которые уже угомонились и теперь величаво парами кружили по озеру в поисках корма.

– У них шеи на стволы молоденьких берез похожи, – сказал Унтари. – Те тоже так иногда выгнуты.

– Ага, – согласился Ляди с наблюдением друга. – Точно, похожи.

– Интересно, видят они нас или нет?

Лебеди, словно в ответ на этот вопрос Унтари, сбились вместе и медленно поплыли к противоположному, более крутому берегу. Только двое остались на прежнем месте, у мыска, густо поросшего травой и мелким тальником.

Вдруг одна из птиц – по-видимому, лебедиха – тревожно встрепенулась.

– Гляди-ка, наш Пеля! – закричал Унтари. – Вон хвост из камышей торчит.

– Дурак я! – стукнул себя по лбу Ляди. – Вот дурак! Отец же велел пса привязывать. Я даже специально веревку прихватил.

– Пеля, Пеля, Пеля! – позвал Унтари и присвистнул.

– Да, конечно, так он и прибежит! Теперь его от берега не оттащишь, птицу учуял, – сказал расстроенный Ляди.

Пеля громко залаял. Лебедиха испугалась еще больше и, резко взмахивая крыльями, заметалась по воде. И тогда – мальчишки глазам своим не поверили! – лебедь внезапно рванулся вперед, достиг камышей и, вытянув длинную шею, больно щипнул собаку, не успевшую повернуться. Пеля угрожающе зарычал и попробовал атаковать лебедя сбоку, но получил удар увесистым крылом. На помощь другу подоспела и лебедиха. Теперь Пеля получал шишки и слева и справа. Не выдержав натиска, он поспешил ретироваться. Из камышовой чащобы донесся его жалобный скулеж.

– Вот это да! – восхищенно воскликнул Унтари. – Первый раз такое вижу!

– Бедный Пеля, – пожалел собаку Ляди. – Ведь это ему из-за меня досталось.

Пес, ища сочувствия, уже терся у его ног.

– Прости меня, Пеля, – сказал Ляди. – Забыл я тебя привязать. Но и ты тоже хорош, рыскаешь вокруг, хозяина бросил. Разве это дело?

Взяв собаку на поводок, он примотал веревку к росшей неподалеку березке. Унтари тем временем бродил по берегу озера, изучая то место, где только что кипела схватка.

– Неспроста лебеди всполошились, – заявил он. – Что-то у них тут есть.

Ребята раздвинули камыши, потом осмотрели травянистый мысок. Под кустом тальника белели четыре яйца! Так вот оно в чем дело – лебединая пара защищала свое гнездо!

Унтари наклонился, собираясь взвесить яйцо на ладони.

– Не тронь! – закричал Ляди, оттаскивая приятеля подальше от гнезда. – И вообще, пошли отсюда!

– Почему? – удивился Унтари. – Я же только посмотреть!
– К лебединому гнезду нельзя прикасаться, так отец говорил. Если лебеди человеческий запах почувствуют, им придется гнездо бросить. Коснешься пальцем лебединых яиц, и самка ни за что не станет их потом высиживать. Бойтся.
Озеро искрилось и блестело в солнечных лучах. Красавцы лебеди, сбившиеся у противоположного берега, напоминали весенние льдины. Уже знакомая ребятам пара кружила неподалеку от своего гнезда.
– Надо уходить! – засмеялся Ляди. – А не то и нам попадет. Лебедиха уже на нас посматривает, видишь?
Унтари отвязал притихшего Пелю, и ребята, еще раз полюбывавшись лебединым озером, пустились в обратный путь...

12. Игра в обруч

Переменчива погода в северных краях! Только что еще припекало солнце, синело небо, и вот уже из-за темнеющих за дальним горизонтом Уральских гор высунули свои косматые головы серые облака, задул беспокойный ветер, набросились на берега протоки, словно оскалившиеся волки, хлесткие волны.
Купья и Валякси с беспокойством посматривают вверх.
– Да-а, – вздыхает первый, – ветер свою нарту не на шутку сегодня разогнал. С запада задувает.
– На востоке тоже чернеет, – морщит переносицу Валякси. – А ну как два ветра лбами столкнутся? Что с нашими сетями будет? Разметает в разные стороны, в веревку закрутит.
– Надо к нижним озерам наведаться, – решает Купья. – Поехали! Медлить нельзя.
– Опять наши парни одни останутся.
– Ничего, я им вчера обруч из тала смастерил, пусть играют.
– Смотрите, никуда от стоянки не отлучайтесь, – наказывает ребятам на прощанье Валякси. – А мы постараемся поскорее управиться.
И снова тархтит, огибая ближайший мыс, моторка, а Ляди весело подмигивает Унтари. Свобода, свобода!.. Хорошо играть в обруч в присутствии старших, но насколько лучше резвиться без всякого догляда!

Унтари приносит сделанное Купьей кольцо из красноватого тала. Ляди быстро выстрегивает две раздвоенные по концам палки. Теперь надо договориться, кто будет бросать обруч первым. Жеребьевка проводится в один миг – с помощью зажатого в кулак камушка. Унтари торжествует: бросать достается Ляди! Втайне он уже предвкушает победу, ведь ему не раз приходилось метать аркан во время кочевий с отцом по Северному Уралу, и сноровка у него есть. А суть этой старинной хантыйской игры сводится как раз к тому, кто попадет палкой-копьем в подброшенный партнером обруч. Искусным игрокам иногда удается по часу и более поражать цель, вызывая жгучую зависть у того, кому выпало бросать обруч.

– Ну, начнем? – нетерпеливо спрашивает Унтари.

– Пойдем вон за тот лесок, а то здесь ветрено, – предлагает Ляди.

Ребята обогнули ближайший ельник и приготовились к состязанию. Раскрутив правую руку, Ляди с силой швырнул кольцо вверх. Оно взмыло на высоту самой рослой елки, метров на пятнадцать, не меньше.

– Вот тебе! – крикнул он. – Попробуй попасть!

Но Унтари, хладнокровно выждав, пока обруч снизится, точным движением послал в полет свою «кидал-ку» с раздвоенным концом. Она угодила прямехонько в кольцо.

– О-эй! – завопил он. – Гляди, какой у меня прицел! Словно зверю в глаз выстрелил! О-эй!

– Хвастун, – помрачнел Ляди. – Один раз выиграл и уже бахвалишься. Посмотрим, как у тебя дальше дело пойдет.

Но Унтари продолжал попадать и попадать в обруч без всякого промаха. Ляди взмок, швыряя кольцо, и начал злиться. Развлекай тут этого толстого Унтари, а самому даже и не попробовать своих сил в интересной игре! Ляди казалось, что, приди его очередь, он бил бы по обручу ничуть не хуже товарища, – но что здесь можно поделывать? Правила игры нельзя нарушать.

Когда Унтари запустил кидалку, кажется, в двадцатый раз и снова попал, Ляди пустился на маленькую хитрость.

– Знаешь, – сказал он, – что-то стало жарковато. У меня рубаха, как рыба слизь, к спине прилипла. И комаров в лесу пол-

но, все лицо искутали. Перейдем поближе к воде. Там есть песчаная коса, на ней удобно будет играть.

Упоенный своими успехами, Унтари не замечал ни жары, ни комаров, но, чтобы не обижать приятеля, согласился. Он и не подозревал о том, какие надежды лелеял Ляди. А тот рассчитывал, что ветер, гулявший в открытом месте, над протокой, помешает Унтари с прежней точностью попадать в обруч. Пусть он промажет хотя бы разок, уж тогда-то Ляди тоже покажет себя!

Песчаную косу продувало насквозь. Подброшенное кольцо словно пушинка полетело по воздуху. Его сразу отнесло метров на пятнадцать. Унтари надул свои пухлые губы:

– Ты что, с ума сошел? Кто же так бросает? Я и замахиваться не стану. Это не по правилам. Бросай против ветра.

– Хочешь против ветра? Хорошо! – усмехнувшись, согласился Ляди. И сильно бросил кольцо по направлению косы. Обруч завертелся юлой – и Унтари промахнулся.

Теперь кольцо перешло к нему, но ненадолго. Ляди, как ни старался, на ветру тоже не мог попасть в цель. Раз двадцать они менялись меж собой, но игра больше не ладилась. Ляди досадовал на свою неудачу, а Унтари просто устал. Он был плотнее и сильнее товарища, но зато и тяжелее. Беготня и прыжки утомили его.

– Давай передохнем, – сказал он и бросился плашмя на песок.

Ляди растянулся рядом. Унтари сейчас же задремал – он вообще любил поспать, а Ляди все раздумывал: нельзя ли хоть в чем-нибудь переиграть приятеля? «Да ведь я же лучше его стреляю из лука! – вдруг сообразил он. – Тут ему ни за что меня не одолеть!»

Он пихнул Унтари в бок.

– Эй! Вставай!

– Чего тебе? – приоткрыл один глаз Унтари.

– Есть еще одна игра с обручем.

– Какая? – У Унтари открылся второй глаз.

– Меня брат Карап научил. Обруч надо затянуть сеткой.

– Это зачем?

– А обруч тогда будет вроде мишени. Один подбрасывает, а другой в него стреляет из лука.

– Какого лука?

– А хоть бы и того, который мне Опунь подарил. Унтари по-сопел, размышляя, – до него все доходило медленно, но возражать не стал.

Обруч затянули клочком мелкоячеистой мережи, найденной в палатке, извлекли на свет лук и стрелы. Ляди потуже натянул сделанную из лески тетиву.

– Кто первым стрелять будет? – поинтересовался Унтари.

– Давай ты, – свеликодушничал Ляди, уверенный, впрочем, что лук вскоре перейдет к нему.

Так оно и получилось. Стрела, пущенная Унтари, шлепнулась в тальники, миновав обруч, упавший в воду. Теперь настала минута торжества и для Ляди. Он раз десять подряд попадал в обруч, пока ему не помешал резкий порыв ветра. Наконец-то на душе у него стало спокойно! Он даже сам предложил свой лук приятелю: – На, теперь ты постреляй, а то мне надоело.

– Только бросай обруч хорошенько, я-то ведь для тебя очень старался.

Что верно – то верно: Унтари был партнером добросовестным. Он не раз специально пережидал, чтобы улегся ветер, и ни в чем не хитрил. Ляди вдруг стало стыдно. Ведь он все-таки обманул доверчивого товарища.

– Ладно, – сказал он, – пожалуй, на сегодня хватит! Пусть у нас будет ничья. Согласен?

– Согласен, – улыбнулся Унтари.

Как и полагается порядочным спортсменам, приятели пожали друг другу руки.

Пора было немного перекусить. От завтрака в котелке оставалась уха, разогреть ее они поленились и выхлебали просто так, холодной. Ляди включил походный радиоприемник.

...Не раз случалось видеть мне, Как грозная волна, Начавшись где-то в глубине, Злой удали полна, Оскалив яростную пасть, Идет сплошной стеной, И трудно было не упасть, Не встать к волне спиной...

Голос чтеца, декламировавшего чьи-то стихи, звучал так раскатисто и мощно, что Унтари даже вздрогнул. Усиливающийся ветер трепал крышку брезентовой палатки.

– Бежим глядеть на волны! – крикнул Ляди и, подражая чтецу, громко продекламировал:

Оскалив яростную пасть, Идет сплошной стеной!..

Память у него была отличная.

Над Шум-Юганом бушевала непогода. Волны и в самом деле шли уже стеной, разбрасываясь лосиными рогами у подножия высокого мыса Елта-Пухал. Обские чайки-халеи с резкими криками носились над взбаламученной протокой. То одна, то другая вдруг камнем падали вниз, а потом стремительно взмывали вверх, к низким свинцовым облакам.

– Странно, – сказал наблюдательный Унтари. – Чегоэто они в воде ищут? Сейчас вся рыба на дне попряталась.

Подойдя к самой воде, ребята стали всматриваться в поверхность протоки. Ничего не было видно, кроме набегающих волн, но Унтари все-таки углядел в пене и брызгах какие-то темные точки.

– Да это никак утята?! – ахнул он. – И утка!

– Точно! – подтвердил Ляди. – Выводок чирка. И как только они сюда попали? В такую непогоду?

В этот момент крупный халей коршуном кинулся вниз и, рзинув свой жадный клюв, проглотил одного из утят. Всполившаяся мать попыталась повернуть свою команду в сторону, но разве можно укрыться от зорких и хищных чаек на открытом пространстве? До ближайших камышей было не менее сорока метров. Утка растопырила крылья и старалась прикрыть утят, но халеи выхватили еще трех. Оставшимся тоже грозила гибель.

Законы природы жестоки, кое-что об этом Ляди с Унтари, конечно, знали, поскольку выросли в тайге, но тут сердца их сжались от жалости к беззащитным чиркам. Ляди бросился к палатке и принес лук со стрелами – уже испытанное ими оружие.

– Целься скорей! – закричал Унтари. – Вот в этого халея, он самый злой!

Кружившие над протокой халеи вдруг представились Ляди подброшенными обручами.

– У-у-у-уйть! У-у-у-уйть! У-у-уйть! – просвистели одна за другой стрелы.

Одна из них угодила в халея, не причинив, правда, ему особого вреда. Но халеи испугались и, отчаянно крича, полетели к мысу Елта-Пухал. Утка с уцелевшими утятами благополучно скрылась в прибрежной осоке.

...Вечером, когда уже вернулись Купья с Валякси, была сварена ушица, Унтари сказал Ляди:

– Ладно! Будем считать, что ты сегодня выиграл!

13. Кораблики

Победа – пусть и самая маленькая – всегда окрыляет. Ляди не терпелось затеять еще какую-нибудь игру, в которой можно помериться силами с Унтари. Ведь, несмотря на то что тот сам отказался от ничьей, Ляди, конечно, понимал, что, если бы не его уловки, обруч ему кидать бы да кидать.

– Будем пускать кораблики! – объявил он в один из дней. – Тут неподалеку есть подходящее озерко. Мелкое, а ширина – на бросок аркана или чуть больше. Мне Сена его показывал, он здесь на уток охотится.

– А ты умеешь строить кораблики? – спросил Унтари.

– Конечно, умею! Это просто. Взял какую-нибудь дощечку, сделал парус из бересты – и готово. Да еще маленький руль сзади надо приладить.

– Покажешь?

– Идем в березняк!

Работа закипела. Вскоре пара отличных корабликов с легкими берестяными парусами красовалась на лесной опушке.

– Теперь к озерку! – скомандовал Ляди. – Чей кораблик быстрее доплывет до противоположного берега, тот выиграл.

– А у кого отстанет? Ляди лукаво прищурился:

– Тому придется ноги в руки – и бегом!

– Что-что?! – не понял Унтари.

– Кто проиграет – бежит вокруг озерка и приносит кораблики назад, – пояснил Ляди и расхохотался. – По кочкам, по кочкам прыг-скок! Прыг-скок!

Через некоторое время друзья уже стояли на небольшой глинистой отмели возле продолговатого, со ржавой болотной водой озерка.

– Раз, два, три! – крикнул Ляди, и на водной поверхности забелели берестяные паруса. – Полный вперед!

Унтари приложил руки к глазам на манер бинокля и следил за своим кораблем, от нетерпения пританцовывая на месте. Лег-

кий ветерок помогал гонкам, но Ляди опытным глазом человека, выросшего у реки, уже видел: парусник Унтари забирает чуть влево – видимо, деревяшка, прилаженная вместо руля, несколько скособочилась. А значит, кораблику предстоит более длинный путь и первым уткнется в противоположный берег парусник Ляди.

– Ура-а! – завопил он во весь голос – Мой фрегат на два корпуса впереди.

Унтари приуныл. Ему вовсе не улыбалось тащиться по болоту, спотыкаться о кочки, вокруг озера.

– Так и быть, – сказал Ляди, – на первый раз вместе пойдем. Но в следующий раз один побежишь.

– А может, тебе бежать придется! – огрызнулся Унтари. – Еще неизвестно, кто победит. Я вот возьму и на свой кораблик второй парус прилажу. Он тогда как олень помчится!

Ребята обогнули озеро, еле-еле продравшись сквозь высокую болотную траву, и забрали кораблики. Унтари, пыхтя, начал ладить второй парус из кусочка бересты, которая была у него, оказывается, припасенной в кармане. Ляди про себя усмехался: ясно же, что дело в направленности руля, а от второго паруса кораблик только начнет носом пахать воду! Сказать или не сказать об этом приятелю? Чтобы уйти от ответа на такой непростой вопрос, Ляди отвернулся и сделал вид, что рассматривает в небе какую-то птицу.

Они вернулись на прежнее место.

– Чур, я теперь командовать буду! – объявил Унтари. – Внимание! На старт!

Кораблики снова поплыли по воде. Ветер немного улегся, и двойной парус понес суденышко Унтари довольно быстро. Теперь уже Ляди сквозь бинокль – два своих смуглых кулака – с тревогой посматривал на озеро. Неужели он ошибся и останется сейчас в проигрыше?

– Эй! – дернул его за рукав Унтари. – Чего стоишь? Бери ноги в руки и – бегом! По кочкам прыг-скок, прыг-скок!

– Успею, – буркнул Ляди.

В эту минуту неожиданно налетел порыв ветра. Кораблик Унтари сразу зарылся в воду. Потом его завертело, и он перевернулся.

– Ха-ха-ха! – засмеялся Ляди, хлопая в ладоши. – Наша взяла! Полный вперед!

Унтари шмыгнул носом.

– Эх, и невезучий я!

– Да у тебя просто руль криво приделан. Я это еще в лесу увидел.

Унтари от возмущения даже рот разинул:

– Увидел и ничего мне не сказал?!

– Так у нас же соревнование.

– Ну и что? Я вот тебе обязательно бы сказал...

Мальчики замолчали. Ляди уже без всякой радости смотрел на свой кораблик, медленно и плавно приближавшийся к берегу. Ему вдруг расхотелось выигрывать.

Чтобы разрядить неловкую паузу, он предложил:

– Хочешь, пустим корабли еще раз? И плоты к ним привяжем. Посмотрим, какой лучше потянет?

– Мой опять перевернется... – Унтари уже не верил в удачу.

– Не перевернется! Я ему руль подправлю. И потом – он же двухпарусный!

Пока Унтари ходил за корабликами, Ляди смастерил два плота из обломков тальника – каждый величиной с крышку обувной коробки. Чтобы хвосты не заносило, приделал к ним небольшие грузила.

Вернулся запыхавшийся Унтари. Через несколько минут два буксира были готовы к отплытию. На этот раз двухпарусник сразу же заметно стал обгонять фрегат, Унтари повеселел, а у Ляди точно камень с души свалился. Вприпрыжку он помчался по кочкам доставать кораблики, хотя они еще не достигли берега. По дороге он оглянулся. Унтари махал руками и что-то ему кричал.

– Что случилось? – громко спросил Ляди.

– Грузило! Грузило за что-то зацепилось!

Буксир с двумя парусами опять крутился на месте, дергаясь, как заарканенный олененок.

– Я же говорю – мне не везет, – чуть не заплакал Унтари. – Но это не корабль виноват, это озеро!

– Ничего, – утешил его Ляди. – Сейчас мы все начнем снова. Этот твой проигрыш будет не в счет.

– Полезу, достану кораблик.

– А вода не холодная?

– Нет, ничего.

Унтари быстро разделся и с разбегу прыгнул в озеро. Илистая грязь-няша так и брызнула в разные стороны.

– Ой, ноги вязнут, – пожаловался он. – Прямо проваливаются.

– Не бойся, тут мелко.

Унтари совсем было уже добрался до своего буксира, как вдруг стал погружаться в воду.

– Ты чего?! – испугался Ляди.

– Какая-то ямина! Засасывает!

– Держись, я сейчас!

Ляди скинул куртку, штаны и ступил в воду. Не успел он сделать и нескольких шагов, как его тоже стало засасывать – дно было топким, да к тому же еще и скользким от глины.

– Стой на месте! – крикнул Унтари. – А то и ты завязнешь.

– Что же делать? – растерялся Ляди.

– Я встану неподвижно, только руками разводите буду, чтобы не потонуть, а ты вылезай и беги на стоянку за веревкой или арканом.

– Страшно тебя одного оставлять!

– Беги, не теряй времени!

Ляди выскочил из озера и, даже не одевшись, стремглав понесся к стоянке.

Схватив аркан, висевший у палатки на березовом суку, он вернулся к озеру. Над водой, словно футбольный мяч, торчала круглая голова приятеля. Загорелые щеки его побледнели, а губы тряслись от озноба.

– Вот я! Вот я!!! – еще издали закричал Ляди. – Держи аркан! Бросаю!

– Давай!

Унтари уцепился за конец сыромятного аркана. Ляди швырнул ему еще и ольховую жердину. Потом он уперся ногами в твердую кочку и начал вытягивать приятеля из топкой няши. Дело это было нелегкое и продвигалось медленно. Когда же наконец Унтари кое-как выбрался из засосавшей его жижи, Ляди

возликовал так, что дернул аркан изо всей силы, повалился на траву. Унтари тоже упал лицом в илистую грязь.

– Ты что, спятил? – взвыл он.

– Ой, Унтари! Я не хотел. Я просто очень обрадовался!

– Поосторожней надо радоваться, – проворчал облепленный няшей приятель. В эту минуту он был похож на водяного: с плеч свисали водоросли, лицо все в глине – только белки глаз поблескивали, словно клочки горностаевого меха.

Опасность миновала, и Ляди так и покотился от смеха.

– Ну, ты и хорош!

Засмеялся и Унтари.

Надо было уходить – Купья с Валякси уже, наверное, приехали с рыбной ловли.

– Давай я тебя почищу, и пойдем, – сказал Ляди.

Зачерпнув кепкой воды, он начал отмывать Унтари от грязи.

– А как же наши корабли? – спросил тот.

– Пусть остаются. Новые смастерим.

– Капитаны не покидают своих судов!

На это заявление Ляди не нашелся что ответить.

Схватив аркан, Унтари сноровисто собрал его аккуратными связками и крепко расставил ноги. Прищурив левый глаз, он точным прицельным движением послал аркан вперед. Петля охватила кораблик вместе с плотом, а в следующую секунду Унтари уже держал свой многострадальный парусник в руках.

– Вот это да! – восхитился Ляди. – Я бы так не смог.

– Я тебя потом научу. А сейчас твой достану. Ляди широко улыбнулся:

– Ладно! Будем считать, что ты сегодня выиграл!..

14. В разгаре лета

К середине лета один из соров на Шум-Югане было решено перегородить, чтобы взять в этом месте хороший улов. Для этого на листовничные жерди, которые втыкались поперек сора, набрасывали длинную завесу из мережи. Нагулявшаяся за лето рыба, пытаясь выйти из сора, оказывалась как бы в мешке.

– Аси! Отец! – уже начавшим чуть-чуть ломаться голосом попросил Ляди Купью. – Поговори в бригаде: пусть меня в сор возьмут!

И хотя определенного ответа к вечеру еще не было, Ляди начал тщательно экипироваться для поездки. Приготовил свои сапоги, суконный гусь, облепленный рыбьими чешуйками, непромокаемый шлем из кожи налима.

Ляди особенно гордился тем, что уже умеет орудовать вожаном – подобием ловушки из мережи. Для этого требовалась сноровка; вожан велик, два на три метра, опускать его в воду надо осторожно, а потом, сидя на специальном навесе над запором, глаз не спускать с воды. Как только рыба зайдет в вожан, тотчас поднимай ячеистый «вход». Мешок в мешке! Ловушка в ловушке.

Пришел из бригады Купья.

– Ну как?! – бросился к нему Ляди. – Берете меня с собой?

– Берем! – улыбнулся отец. – Завтра на рассвете тронемся.

...Клев поначалу был неважный. Матрус-ики, его сосед, скорчившись в своем навесике над вожаном, начал задремывать. «Как он может спать во время лова? – удивился Ляди. – Это же так интересно! Я никогда ни за что не устану в сору!»

Через некоторое время ноги и руки у него затекли. От реки несло сыростью, а рыба и не думала наполнять ловушки. Теперь уже Ляди с завистью поглядывал на мирно похрапывающего Матрус-ики.

Неслышно подъехал на своей колданке отец.

– Ну как, рыбак? Сидишь?

– Сижу, – ответил Ляди. – Почему она не идет?

– Кто?

– Рыба?

– Может, потому и не идет, что ты здесь уселся, – хмыкнул отец. – Ладно, не грусти. Для рыбака главное – терпение! Ясно?

– Ясно... – протянул Ляди.

Отец отчалил. В окружающей тишине долго были слышны всплески его упругих гребей.

К вечеру, когда Ляди уже совсем окоченел, под водой стали мелькать тени: рыба пошла! Теперь – лишь бы ее не спугнуть!

– Матрус-ики! – тихонько позвал он продолжавшего похрапывать соседа. – Матрус-ики! Проснитесь!

Но тут в ловушке заплескался жирный здоровый муксун, и Ляди позабыл обо всем на свете.

Теперь холодно ему уже не было. Наоборот – лоб покрылся капельками пота. Пришлось скинуть шлем из шкуры налима, в котором он столь солидно выглядел. Рыба так и валила в открытый вожан. Надо было его вычерпывать тяжелым сачком и переваливать в лодку и в то же время следить, чтобы в нужный момент захлопнуть ловушку. Скоро пришлось скинуть и суконовый гусь, настолько сделалось жарко. И тем не менее Ляди было весело – он работает как взрослый! В его колданке уже чуть не с центнер первосортной рыбы! Бригадир не пожалеет, что взял его на Шум-Юган!

Внезапно над рекой раздался отчаянный вопль:

– Левантюп! Левантю-у-у-п!

Ляди вздрогнул и, распрямившись, оглянулся. Вopil Матрус-ики, которого держал одной рукой за шиворот старый Мартин, подъехавший на бударке. Второй рукой он пригоршнями бросал Матрусу в сонную физиономию обскую водицу.

– Левантю-у-у-уп! – так рыбаки-ханты звали бригадира Леонтьева, не в силах выговорить правильно его фамилию. – Левантюп! Спасай! Тону! Захлебываюсь! – летели над рекой отчаянные крики.

– Кричи, кричи! – выговаривал орущему Матрус-ики старик Мартин. – Проспал лов, бездельник! Так тебе и надо! Стыц и позор для всей бригады. Мальчишка и тот полную колданку наловил, а ты?

– Какой мальчишка? Где мальчишка?!

– Совсем сдурел! Уже забыл, с кем на сор явился? Вот тебе! Вот! Получай!

Над мережей снова полетели брызги.

– Ай-яй! Тону! Левантю-у-у-п! Жалко стало Ляди засоню-соседа.

– Дядя Мартин! Не надо! Хотите, мой улов пополам разделим? Половина пусть будет Матрус-ики, половина пусть моя считается.

Ляди сделал шаг по своим мосткам в сторону навеса, где вопил Матрус-ики, и... свалился в холодную воду.

Тем временем на шум стали съезжаться рыбаки. Приехали и бригадир Леонтьев, и Сена, и Купья.

– Что здесь происходит? – грозно спросил бригадир.

– Тону! Спасайте!!! – еще громче взвыл Матрус-ики, отбиваясь от старого рыбака Мартина.

– Мартин, объясни, в чем дело? – потребовал Леонтьев. – Кто тонет?

– Да никто не тонет! – в сердцах огрызнулся старик. – Бездельника малость проучить хочу. Водичей ему в рожу побрызгал – только и всего. Смотрите, у него даже малица сухая. Всю рыбу проспал! Стыд и срам! Вон у твоего мальчика, Купья, лодка полнехонька, а у этого... – И Мартин с досады махнул рукой в сторону притихшего Матрус-ики, от стыда опустившего голову.

Купья с гордостью улыбнулся. Леонтьев и остальные рыбаки повернулись к мосткам Ляди.

– Постойте! – растерянно сказал бригадир. – А где же парень?

Испуганный Купья закричал изо всех сил:

– Ляди! Ляди! Где ты?

– Здесь я... – послышалось из воды.

– О, великий Мулатаха-Ики! – ахнул Купья. Леонтьев первым успел развернуть колданку и подгреб к барахтающемуся в воде Ляди.

– Держись за гребь! Сейчас я тебя вытащу. Подоспел и Купья. Через минуту мокрый Ляди уже сидел на мостках и отец стаскивал с него мокрую одежду.

– Такого замечательного рыбака спасти одно удовольствие, – ворчал Мартин, – не то что этого ленивца-засоню. Только людей своими воплями перебаламутил!

Матрус-ики пристыженно посопел носом, а бригадир Леонтьев улыбнулся:

– Ты у нас молодец, Ляди! Мастером рыбной ловли будешь. Как твой отец! Гляди только, в воду больше не падай.

Ляди дрожал от холода, но глаза у него сияли: первый раз, что ли, купается он в обской водиче? А вот похвалу бригадира слышит впервые!

Мартин поспешно стянул с себя меховую малицу и протянул ее Купье:

– Возьми, укутай парня!
Но Купья уже успел завернуть Ляди в свой теплый гусь.

15. Помощь малькам

Лето шло к концу. В Шум-Югане стала спадать вода. Вокруг главного русла протоки на сотни метров протянулась глинистая топь. Только в отдельных низинах сверкала вода.

Халеи метелью кружились над этими вновь образовавшимися озерцами или белым ожерельем-ошейником усаживались вокруг воды.

Ляди и Унтари бродят по пересохшему руслу протоки. Чем заняться? Построить из ила крепость? Распугать халеев?

Утром Ляди выпросил у Валякси полевой бинокль и теперь то и дело прикладывает к окулярам. Серебисто-серое крыло халея, многократно увеличившись, занимает полгоризонта, ветка прибрежного деревца превращается в толстый ствол.

– Дай теперь я погляжу, – просит Унтари. Наведя бинокль, он пристально обзревает окрестность, рассматривает набегающие облака.

– Что там за точка в небе появилась? – спрашивает Ляди.

– Ой, да это, кажется, рыбный коршун!

Точка увеличивается, быстро приближаясь, и теперь уже и без бинокля видно, что это и вправду речной пират, огромный рыбный коршун. Он плавно скользит над протокой, то снижаясь, то резко взмывая вверх, выделявая круги и петли. Халеи встревоженно загомонили. Коршун их не тронет, но все-таки им беспокойно, пока над их скопищем носится этот опасный разбойник...

– Смотри, смотри! – кричит Унтари. – Он на что-то нацелился!

Сложив крылья, коршун бомбой падает вниз. Всплеск воды, брызги, и вот уже снова расправлены могучие крылья, а в острых когтях трепещет маленькая рыбешка.

Когда он пролетал над ними, Ляди запустил в коршуна камнем. От неожиданности тот выронил добычу. Рыбешка упала в траву.

– Пойдем поглядим, чем он поживился? – предложил Унтари.

– Наверно, какого-нибудь ерша схватил. Ребята стали шарить в траве.

– Вот! – протянул раскрытую ладонь Унтари. – Я нашел!

Ляди глянул на рыбешку и ахнул:

– Ведь это нестандартный сырок! Деликатесная рыба.

Унтари с уважением посмотрел на приятеля: познания Ляди в рыболовном деле его всегда удивляли. Сам-то он вырос среди оленьих стад, вдали от большой реки и многого не знал.

Ляди погладил пальцем уже неподвижного сырка:

– Это малек. Их, наверное, много в озерах осталось. Не успели подрасти и спуститься к большой воде. Теперь погибнут.

– Почему? Весной снова затопит.

– Чудак! Зимой тут все до дна промерзнет.

Ляди задумался: сырок – ценная рыба. Страшно себе представить, сколько ее пропадет на нынешнем мелководье! В одном только озере, над которым парил коршун, мальков тысячи и тысячи!

– Чего ты молчишь? – спрашивает Унтари. – И лоб нахмурил, словно задачу решаешь.

– А вот и решаю! Знаешь что? Мы попробуем их спасти!

– Кого? – не понял Унтари.

– Сырковую молодь! Возьмем мережу, у которой ячея поменьше. У отца такая есть. Сделаем невод и протащим его по озерку.

– Ну и что дальше?

– Приготовим ведра с водой и перечерпаем туда мальков. Потом отнесем их к Шум-Югану.

– Тю-у-у! – присвистнул Унтари. – Это же морока на целый день.

– Зато рыбешек вызволим. Знаешь какие потом из них сырки здоровенные получатся! Отец нас похвалит.

– А если в школе рассказать, учительница тоже хвалить будет?

Ляди с насмешкой взглянул на толстощекого Унтари – того, видать, мало заботила рыба, зато прославиться среди школьных приятелей ему хотелось. Но в конце концов, какое это имело значение? Важно, чтобы помогал!

Ребята направились к стоянке. Через час невод с узкой метровой сетью был уже готов. К нижней веревке-подборе Ляди

привязал семь тяжелых ташей, а на верхнюю подбору нацепил поплавки. Потом они свернули невод и, забросив на плечи, понесли к озерцу. Идти было нелегко – ноги то и дело поскользывались на глинистом грунте, один раз Унтари снова провалился чуть не до колен, но на этот раз благополучно выбрался из топкого места сам. Правда, сапоги остались в грязи. Их пришлось вытягивать отдельно.

Озеро было небольшим – шириной, наверное, метров с десять, а длиной не более двадцати. Да и глубина не превышала метра.

– Растягивай невод! – скомандовал Ляди. – Я справа, а ты слева. Пошли.

Вода зашелестела в ячейх мережи. Над неводом сразу же заиграла мелкая рыбешка – словно серебряный дождик брызнул.

– Ого! – воскликнул Ляди. – Вон их сколько здесь! Держись за свой конец покрепче, сейчас невод будет наполняться.

Когда ребята протащились через озеро, мотня невода стала тяжелой, – мальки в ней так и кишели!

– Ведер пять наберется, не меньше, – сказал Ляди.

У самого берега мальчишки закрепили невод и побежали на стоянку за ведрами. Работа им предстояла немалая. До большего русла, глубокого и широкого, было недалеко, но идти предстояло по топи, да еще отбиваясь от комариных полчищ.

Унтари ворчал себе под нос, но не спорил с Ляди. Вместе с ним, обливаясь потом, он таскал и таскал в Шум-Юган сырковых мальков.

Раз пять прочесали они неводом озеро, и чуть не четверть сотни ведер было перенесено к протоке.

Когда все кончилось, Унтари бросился животом на мокрый невод.

– Ой, двигаться больше не могу!

Ляди, более худой и подвижный, устал меньше. Он схватился руками за мережу:

– Держись! – крикнул он. – Сейчас на санях поедешь!

Но сдернуть с места невод с такой крупной рыбешкой, как Унтари, он не смог. От дружного хохота, огласившего окрестную тишь, халеи размахались крыльями. Ребята сгребли невод,

аккуратно уложили на два рядом лежащих поперечных шеста от сетей, подняли и отправились к палатке.

Там уже дымился костерок. Купья и Валякси кипятили чай.

– Папа! А мы мальков спасали! – объявил Ляди. – Поэтому такие грязные.

– Что-что? – не понял Валякси. – Ну-ка, рассказывайте подробнее! Каких таких мальков?

Перебивая друг друга, мальчики поведали о своей затее.

– Молодцы! – похлопал их по плечам Купья. – Думаю, рыбаки из вас получатся. И притом – настоящие.

16. Воздушный бой

В честь совершенного подвига – спасения мальков – Купья решил поставить для сына специальную сеть на Шум-Югане.

– Ну и длинная же она! – радовался Ляди.

– Целый провяз, сынок. Это семьдесят пять метров.

– Рыбы наловим видимо-невидимо!

– А это уж как повезет, – усмехнулся Купья. – Рыбацкое счастье переменчиво. Сегодня густо, завтра пусто. Сеть твоя. Посмотрим, удачлив ты будешь или нет.

В первые дни рыба шла неважно. Шесть-семь муксунов да гдекуров – вот и весь улов. Но потом дело пошло иначе. В одну из ночей рыбы в сети оказалось чуть ли не с центнер!

Ляди с Унтари ходили на Шум-Юган проверять сеть, помогали Купье выпутывать и сортировать улов.

– Рыбка пошла, значит, вода-кормилица на тебя, сынок, зла не имеет, – посмеивался Купья, попыхивая трубкой. – Везение есть!

Везение длилось больше недели, затем со спадом воды начало убывать – рыбы попадалось все меньше и меньше. Теперь уже Купья полностью доверил сеть ребятам, а сам с Валякси стал ездить к мысу Юш-Лух.

Одним солнечным утром, когда слабый ветерок чуть шевелил похожую на рыбью чешую листву низкорослых берез, Ляди первым наведлся к своей сети.

– Ничего там интересного сегодня нет, – объявил он отцу.

– Ну что ж, нет так нет. Собирайте ягоды, пока нас не будет.

– Бруснику? Чернику?
– Чернику, однако, лучше. Бруснике еще подспеть малость нужно.

– Хорошо, папа.

Моторка отчалила и вскоре скрылась из глаз. Ляди с Унтари пошли по ягоды. Все кругом было знакомым и привычным. Голосили халеи, жарко припекало полуденное солнце. Словно узорчатая скатерть, расстиралось под их ногами болотце, сплошь покрытое сочной черникой.

– Ха-лев! Ха-лев! – орала чайки.

– Чего это они сегодня так расшумелись? – спросил Унтари.
– Оглохнуть можно!

Ляди бросил взгляд в сторону протоки.

– А может, рыба пошла? Халеи так вопят, когда корм чуют. Бежим к берегу, глянем еще раз!

– Туеса с черникой надо к стоянке отнести.

– Тогда скорее!

Друзья помчались к стоянке, путаясь сапогами в кустах багульника. Оставили туески у ствола высокой ели и устремились к протоке.

Шум-Юган густо синел, отражая глубокое, без единого облачка небо. Халеи – а их было штук двадцать – рябили вблизи сети. То одна, то другая птица пикировала вниз, но, ничего не подхватив из воды, взмывала обратно.

У Ляди забилось сердце: не иначе – попалась крупная рыба, раз халеи не могут с ней справиться!

– Может, щука? – предположил Унтари. – Зубы оскалила и пугает чаек.

– Сам ты щука! – засмеялся Ляди.

– Почему? – обиделся Унтари.

– Потому что в большой и глубокой протоке щука редко водится. Она по мелким сорам сидит.

– Может, осетр! Вот было бы здорово! Я никогда его живого вблизи не видел!

– погоди, не кричи! Я сейчас возьму колданку, поеду и посмотрю.

Колданка покачивалась на воде неподалеку. Вскоре Ляди уже приблизился к сети.

– Ну, что там? Что? – в нетерпении прыгал на берегу Унтари. – Говори!

– Сказано тебе – не ори! Всю рыбу мне распугаешь. Нельма попалась! – И Ляди развел руки в обе стороны: – Во какая! Килограммов на пятнадцать. Хвостом так и бьет.

– А вдруг вырвется?

– Садись ко мне в колданку, вместе что-нибудь придумаем.

Ляди причалил к отмели. Унтари схватился за гребни. Оба они были в большом волнении. Еще бы! Ведь такая рыба, как пудовая нельма, не каждый день и опытному попадает, а тут угодила к Ляди, да еще в отсутствие Купьи и Валякси.

– Везет же тебе! – с завистью произнес Унтари.

Только Унтари хотел налечь на гребни, как со стороны мыса Елта-Пухал в небе показалась большая птица с широченным размахом крыльев.

– Орел! – закричал Ляди. – Вот это да!

– Где, где орел?

– Ты что, слепой?

– Вижу! – задрал голову, Унтари уставился вверх и даже рот раскрыл от волнения. – Какие крылья у него! Прямо как наши гребни!

Халеи тоже заметили орла.

И видимо, решили дать непрошеному гостю бой – потому что сбились в одну стаю, вместо того чтобы разлететься в разные стороны. Ведь это были их владения, и вся рыба тут принадлежала им!

С разинутыми клювами чайки стали атаковать орла прямо в воздухе. Они стремились отогнать его от сети, где барахталась пойманная нельма.

Ляди с Унтари замерли на свой колданке при виде такого редкого зрелища.

Орел не очень-то испугался чаек. Одному чересчур смелому халею досталось по шее ребром орлиного крыла, другого он ткнул клювом по голове. Затем царь птиц величественно взмыл ввысь. На секунду-другую словно замер, зависнув прямо над раскинутой по протоке сетью, а затем ринулся вниз. У самой воды он выбросил вперед свои мощные лапы со стальными

когтями, и – ребята просто остолбенели! – пудовая нельма с клоком порванной сети поднялась над Шум-Юганом.

– Ну и силища... – выдавил из себя Ляди. Унтари махал руками и кричал что-то невнятное.

Орел не обращал на них никакого внимания. Тяжело взмахивая крыльями, он удалялся к мысу Елта-Пухал, откуда только что прилетел.

– Поели рыбки! – с ехидцей вымолвил Унтари. – Вкусная!

– Замолкни! – отвечивал расстроенный Ляди. И почему только принесло орла этого именно в тот момент, когда к нему в сети попала огромная рыбина? Да, правильно говорил отец: рыбацкое счастье переменчиво!

От досады Ляди так крутанулся на корме, что кол-данка чуть не перевернулась.

Благодушный Унтари пожалел друга.

– Ничего, на Шум-Югане нельма, говорят, часто ловится. Может, еще и покрупнее поймаешь. Килограммов на двадцать – такую, что орел не поднимет. Тогда будешь знаменитый рыбак!

Ляди запустил в приятеля шапкой.

17. Орлиное гнездо

Спалось в эту ночь Ляди неважно. Он, конечно, все рассказал отцу и теперь случившееся переживал заново. Утром он шепнул только что продравшему глаза Унтари:

– Вставай, соня! Я знаешь что надумал?

– Что? – спросил тот, зевая.

– Махнем на Елта-Пухал.

– Чего там делать?

– Найдем орлиное гнездо! Сон сразу соскочил с Унтари.

– Здорово ты придумал! Я орлами давно интересуюсь.

– Давно? Да ты орла вчера только первый раз в жизни увидел!

– А вот и не в первый раз! К нам в поселок один калмык орла с подбитым крылом привозил. Я тогда совсем близко к нему подошел. Он на меня как зыркнет!

– И ты сразу деру!

– Вовсе нет. Просто отступил на два шага – и все.

– А я тоже орла близко видел.

– А не врешь?

– Честное слово! Не веришь – моего отца спроси. В наш поселок тоже один рыбак подбитого орла привез. Все собрались вокруг, смотрят. А Матрус-ики вдруг высунулся и говорит: «Я его сейчас накормлю». Взял кусок тухлого сырка и дает орлу, а сам хихикает.

– И что орел?

Ляди засмеялся:

– Орел как вцепится-вцепится в Матрус-ики когтями! Если бы не старая малица, плохо ему пришлось бы.

Солнце уже стояло высоко.

– Пора, наверное, ехать, – сказал Унтари.

Ребята уселись в колданку и налегли на гребни. Свежий ветерок с запада поддувал им в спину, и лодка скользила против течения. В мелководье, по обеим сторонам обмелевшего русла, зеленел муксун, посверкивали вдали глинистые островки, в солнечных лучах казавшиеся отлакированными. А вот и мыс Елта-Пухал, за которым сор расширяется, весной разливаясь, как море. Ляди, привстав, направил на берег окуляры прихваченного с собой бинокля. На лысом бугре он сразу заметил плотно сбитую кучу каких-то сучьев.

– Вижу! – закричал он. – Вон оно, орлиное гнездо!

– Дай сюда, – отобрал у него бинокль Унтари. – Я тоже хочу посмотреть. Да, пожалуй, и правда, гнездо. Только до него километр топтать надо.

– Подумаешь, километр!

– А няша?

Мыс со всех сторон окружала непролазная топь. Ляди хмыкнул:

– Тебе же к няше не привыкать. Кораблики помнишь?

– Помню, – шмыгнул носом Унтари. – Вот ты первый и вылезай из колданки.

Мальчики выбрались на топкий берег. Привязали колданку к воткнутому в грунт веслу и побрели вперед. Унтари сейчас же провалился в грязь по колено. За ним увяз и Ляди. Когда половина пути была уже преодолена, они поняли, что двигаться дальше просто не в силах.

– Вон камень, посидим? – взмолился Унтари. – Я весь мокрый.

– Моя рубаха тоже с изнанки, как только что ободранная оленья шкура, паром исходит. Вся мокрая и липкая. Уф-ф-ф!..

Ребята замолчали – они так устали, что даже разговаривать не могли. Орлиное гнездо чернело на фоне ясного неба, четко выделяясь в прозрачном воздухе. Кругом простирался пересыхающий сор, который здесь, у мыса Елта-Пухал, чуть ли не закрывал горизонт.

– Большой сор, – сказал уже немного передохнувший Унтари. – Как тундра. У нас на Урьехане иногда от одного чума до другого целый день добираться. Даже если олени выездные...

Ребята помолчали. Тишина вокруг стояла такая, что было слышно, как в протоке всплескивает рыба. Внезапно со стороны ближнего мыса Нохар-Юган донесся какой-то непривычный шум. Не то треск, не то стук.

Ляди насторожился.

– Моторка?

– Нет, это... это... стреляют! Из ружья! Пулей! Вон вдали и клубы дыма виднеются.

– Из ружья?! Пулей?! Клубы дыма?! – изумился Ляди. – Да ты что болтаешь?

– Ложись! – крикнул Унтари и, не ответив, плюхнулся животом в няшу.

– Ненормальный! – прыснул со смеху Ляди. Но на всякий случай растянулся рядом с товарищем.

– Это, пожалуй, опасного преступника ловят, – зашептал Унтари. – Он наверняка где-нибудь поблизости. Дай скорее бинокль!

Приподнявшись, Унтари стал обзирать вершину мыса.

– Он здесь! – пригнув голову, Унтари округлил глаза. – Я его видел!

– Где? Кого? – не понял Ляди.

– Вон что-то вдали темнеет! На столб похоже.

– Сам ты столб!

– Тихо!

Треск усилился и скоро перерос в громкий гул. Над ребятами пронесся низко летящий вертолет.

– Я же говорю – преступника ловят, – повторил Унтари. – За ним прилетели. Эх, крикнуть бы, что он тут.

– Кто – тут? – опять не понял Ляди.

– Да бандит этот! Я же тебе показывал. Который на столб похож.

– Знаешь что, – рассердился Ляди. – Надоело мне в грязи валяться из-за твоих выдумок! Идем лучше орлиное гнездо искать. Вставай!

– Я боюсь, – заныл Унтари. – А вдруг он на нас наскочит?

Уже поднявшийся на ноги Ляди навел бинокль на мыс Елта-Пухал. Внезапно он нагнулся и, схватив Унтари за шиворот, заставил его вылезти из няши.

– Гляди! Вон второй преступник крыльями машет.

– Какими крыльями?!

– Орлиными.

Над сором, делая плавные круги, взмывал в небо большой коричнево-бурый орел – он походил издали на неподвижно темневший столб, а отлетавшие в испуге от сидевшего орла стаи чаек казались Унтари клубами дыма, остающимися после ружейного выстрела.

– Пойдем искать орлиное гнездо, пойдем искать орлиное гнездо! – передразнил он приятеля. – Ну что, нашел? Все пузо в няше!

– Выстрелы... Преступники... – в тон ему отвечивал Ляди.

– Ты на себя самого глянь. Неделю отмываться будешь! Я-то орлиное гнездо все-таки нашел. И если бы не ты, обязательно до него б добрался.

– Ах так?! Ну тогда пошли!

– Двигай вперед.

– Нет, ты вперед.

– Нет, ты!..

Дело шло к драке. Но, посмотрев еще разок на облепленные няшей физиономии друг друга, друзья расхохотались. Халеи вторили им громкими криками...

18. Удивительный поединок

Спад воды приносит на Шум-Юган оживление. Берега соров покрываются сочной осокой, мелким камышом, муксунуном. С

разных сторон на протоку пригоняют или свозят совхозных лошадей. Здесь в эту пору для них вдоволь отличного корма, да и гнус на соровых ветрах меньше докучает. Опасность одна – дикое зверье, но и оно во время мелководья отступает подальше в тайгу.

Недалеко от стоянки Купья и Валякси пасется целый табун. Ляди и Унтари в полном восторге. Теперь любимое их занятие – глядеть на коней, гладить их по шелковистым бокам, тайком таскать им сахар и хлебные горбушки с солью. Случается иногда и прокатиться верхом – вцепившись руками в холку и елозя без седла по скользкой лошадиной спине.

Но в последние дни табун ведет себя беспокойно.

– Что такое с лошадьми, никак не пойму, – удивляется, раскуривая трубу, Валякси. – Вчера на кедровый мыс Эвет-Юган зачем-то умчались. Травы им разве здесь не хватает?

– И комаров вроде тут мало, – поддерживает его Купья. – В самом деле, зачем носиться туда-сюда? Странно это.

– А может, кони боятся, что их угонят обратно? – предположил Ляди. Он мог бы добавить, что вполне понимает беспокойство лошадей, – ему и самому не хочется покидать Шум-Юган, – но промолчал.

– Никто их угонять не собирается, – пожал плечами Купья. – Покосы, в основном, позади. В поселке достаточно тех лошадей, что остались.

– Люди бы приехали, коли так, – сказал Валякси. – Неужели мы бы их тут не заметили? Все-таки у нас восемь глаз.

– Не восемь, а шестнадцать, – поправил отца Унтари, вертевший в руках полевой бинокль. – Ты же сам, папа, говорил, что эта штука зрение удваивает!

– Правильно, сынок, – засмеялся Валякси. И тут же строго нахмурился: – Оставь мой бинокль. Зачем зазря вертишь? Вещь трофейная, я ее с войны привез, ее беречь нужно.

– Я не зазря! Мы сейчас с Ляди коней высматривать будем. Они опять скрылись.

– Сперва поешьте. Уха стынет. Давайте-ка поближе к костру, – пригласил ребят Купья. – Сегодня мне муксун жирнющий попался. Говорите скорей, кому что? Тебе печени, Унтари? Или желудка рыбьего? А тебе, Ляди?

Мальчики вмиг опустошили две алюминиевые миски с горячим ароматным варевом, напились чаю и сейчас же снова завладели биноклем.

– Я на рыбный ящик встану, обзор лучше будет, – сказал Ляди.

– Ну, где лошади? – в нетерпении спросил Унтари, которому хотелось занять наблюдательный пункт самому. – Говори быстрее!

– погоди, – отмахнулся от него Ляди. – Дай резкость навести.

– Я лучше тебя навожу.

– Отстань!

Наконец Ляди удалось настроить бинокль, и он сразу увидел табунного жоака – крупного жеребца по кличке Вихрь. Весь напрягшись, неестественно вывернув шею, он стоял у прибрежных кустов и куда-то вглядывался.

– Эй, – теребил приятеля Унтари. – Чего молчишь?

Пусти меня.

– Аси! Отец! – вдруг истошным голосом закричал Ляди. – Аси! Там... Там...

– Что – там?!

– Аси! Аси! Папа!

Прибежали встревоженные Купья и Валякси.

– Что случилось, сынок?

– Там... Там... – Ляди тыкал пальцем в сторону кедрового мыса, где он выглядел жеребца. – Там медведь!

– Мойпар?! Не может быть! – тихо ахнул Купья. Отобрав у Ляди бинокль, он сам забрался на рыбный ящик.

– Кой, кой, – приговаривал вставший рядом Валякси. – Неужто хозяин тайги пожаловал? Давно не было вас видно...

– Почему ты назвал медведя на вы? – спросил Унтари.

Но ответа не получил. Взрослые не отрывали глаз от бинокля, который переходил из рук в руки.

– Вон, вон он! – возбужденно воскликнул Валякси. – Из кустов выскочил. Там кобылица с жеребенком неподалеку пасется...

– Я ружье принесу! – Купья метнулся на стоянку и быстро вернулся обратно.

– Вихрь на дыбы встал. На мойпара копытами целится. Сейчас зашибет! – продолжал вести репортаж Валякси. – Герои! Себя в обиду не даст... Нет, промахнулся. Отскочил медведь,

кубарем откатился... Опять налетает, сбоку теперь... Кой, кой!
Что творится! Столько лет прожил, ничего подобного не видел!

– Ну?! – хором крикнули Купья, Унтари и Ляди.

– Мойпар жеребцу на спину вскочил! Пропал, пропал Вихрь!

– Да он его скинет, сильный!

– Пытается. Но ничего не выходит...

Теперь уже и без бинокля можно было разглядеть удивительный поединок. Промчавшись со своим мохнатым всадником вдоль протоки, Вихрь свернул на тропу, ведущую в ближний березняк.

– Небось, хочет мойпара об дерево ударить, – сказал Купья и щелкнул затвором ружья. – Шли бы вы к палатке, – обернулся он к застывшим неподвижно ребятам. – А ну, быстро!

– Давай для виду на два шага отбежим! – шепнул Ляди Унтари на ухо, – А сами останемся.

Так они и сделали. Купья, поглощенный событиями, не заметил подвоха.

Над протокой звенело лошадиное ржание. Насмерть испуганный табун бросился в воду и поплыл на другой берег протоки. А жеребец продолжал свою схватку с медведем. Из-под его копыт комьями летела грязь, трещали березовые сучья, но хозяин тайги крепко держался за холку своего противника.

– Кой, кой... – запричитал Валякси. – Шея у нашего Вихря вся в крови... Пропал жеребец...

– Может, выстрелить? – спросил Купья.

– В лошадь попадешь.

– Верно...

В этот момент Вихрь, споткнувшись, рухнул со всего размаха на землю и перевернулся через голову. Ноги его судорожно задергались, рассекая воздух. Медведь издал оглушительный, леденящий душу рык. Унтари вцепился обеими руками в плечо Ляди.

– Мне страшно...

– Не бойся, у отца ружье...

– Кой, смотри, Купья, с мойпаром тоже неладно что-то! Крутится на одном месте, морду лапами трет...

Купья перехватил у Валякси бинокль.

– Вроде он глаза поранил... Ведет себя как слепой.

Бинокль вернулся к Валякси.
– Вихрь же его по березняку таскал. Может, каким-нибудь сучком глаза и задело.
Медведь зарычал еще громче.
– В лодку, – скомандовал Купья. – Едем к мысу. Там на месте посмотрим.
– Аси, а нам можно? – подскочил к отцу Ляди.
– Почему здесь болтаетесь?! Кому было сказано – в палатку! – рассердился было Купья, но махнул рукой. – А, поезжайте! Медведь и Вихрь уже меж собой, похоже, разобрались. Опасности для вас не будет.
Лодка быстро заскользила по воде. Вскоре она уже была на расстоянии броска аркана от поверженного жеребца и метавшегося в ослеплении медведя.
Купья вскинул ружье на плечо. Прогремел выстрел, и огромный клуб коричневой шерсти застыл в неподвижности.
Валякси торопливо зачерпнул пригоршню воды и брызнул в лица Унтари и Ляди.
– Лехитас хоят, лехитас хоят! – торжественно произнес он. – Умылся человек, умылся человек!..
Ляди вопросительно взглянул на отца.
– Обычай такой есть у стариков, сынок, – пояснил Купья. – Медведь убит, человек должен себя либо снегом посыпать, либо водой лицо омыть.
– А зачем?
– В знак скорби. Ведь медведь людям младший брат. И они об этом забывать не должны..
Когда подъехали ближе, жеребец уже тоже не двигался. Все было кончено. Два огромных животных лежали рядом, а земля кругом была изрыта и истоптана, неся следы их смертельного поединка.
Купья, Валякси, Унтари и Ляди молча постояли рядом.
– Почему вы так поступили, мойпар? – тихо спросил Валякси.
– Хотел, чтобы слух о нем дальше прошел, – ответил старому другу Купья. – Прославиться собрался.
– Вот и прославился.

– Что ж, вот и прославился. Уж мы теперь вас, мойпар, не забудем, – обратился Купья к медведю и низко склонил перед ним свою темноволосую с проседью голову. – Прости нас...

– Как ты непонятно говоришь, папа, – удивился Ляди, переглядываясь с Унтари.

– Это трудно объяснить, сынок. Ханты исстари считали медведей своими предками. Вот и просят теперь прощения у каждого убитого зверя. А этот, видишь, особенный был – честолюбивый, в необычный бой вступил. Медведи в эту пору, летом, редко на лошадей нападают. А этот...

– Скажи, аси, а Вихря тебе разве не жалко?

– Жалко, очень жалко, – вздохнул Купья. – Но ведь не он был моим предком...

19. Мохнатый вор

К осени на Шум-Югане поспевают кедровые шишки. Об этом времени Унтари и Ляди мечтали давно. Им уже надоело лакомиться голубикой и черникой, пригоршнями отправлять в рот спелую бруснику. То ли дело звонкие, вкусные кедровые орешки, которые никогда не устаешь щелкать!

Кедровые леса сплошной стеной тянутся вдоль всей протоки. Отправляйся с мешками в любую сторону – всюду тебя ждет богатая добыча, не ошибешься!

Туеском со спелой морошкой висело в полуденном небе желтое солнце. Ляди и Унтари снарядили маленькую колданочку.

– Куда вы собрались? – спрашивает Валякси.

– Шишковать!

– Смотрите далеко не забирайтесь. Один мойпар в этих местах появился, и другой где-нибудь поблизости бродит.

– Мы километра на полтора по протоке поднимаемся, не больше.

– Ладно, ежайте!

Выбирать место ребятам долго не пришлось – всюду в густой кедровой хвое темнели крупные шишки. Ляди направил колданку к берегу.

– Здесь остановимся!

Унтари, несмотря на свою толщину, легко забрался на кряжистый кедр и стал раскачивать тяжелые ветки. Сверху тотчас же словно дождь посыпался. Шишки летели в траву, в кусты багульника, катились по земле. За несколько минут Ляди набрал почти два ведра.

К обеду мешки были полнехоньки. Соорудив носилки из двух жердей, ребята потащили свою добычу к лодке. Унести два мешка сразу им было не под силу, поэтому они один оставили под деревом, собираясь сразу же за ним вернуться.

Идти с грузом по мшистой низине было нелегко, приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание. Прошло, наверное, полчаса, прежде чем Ляди с Унтари снова оказались в кедраче. Там царил птичий переполох – стрекотали белобокие сороки, всю раскаркалось воронье.

– Неужели это они нас испугались? – удивился Ляди.

– Вряд ли...

– Надо скорее брать мешок и уходить. Мало ли кто по тайге шатается?

Унтари чуть было не заикнулся снова об опасном преступнике, но вовремя прикусил язык.

Ребята нашли кедр, под которым оставили шишки. Мешка там не было.

– Ты, наверное, дерево перепутал, – упрекнул товарища Унтари.

– Ничего я не перепутал! Видишь, моя зарубка.

На стволе и в самом деле белела царапина от ножа.

Мальчикам стало не по себе. Кто взял мешок? Унтари покружил по лесной опушке – никаких следов. Ляди свернул в сторону ручья, впадающего в протоку. Сперва он ничего не увидел, но потом его внимание привлекла чуть примятая трава.

– Унтари! – тихо позвал он. – Иди скорее ко мне. – Один рассматривать смятую траву он не решился.

Ребята склонились над землей – на влажной почве явственно виднелся отпечаток широкой когтистой лапы.

– Медведь... – Голос у Ляди сел от волнения.

– Да, он. Отец ведь нас утром предупреждал.

– Бежим к лодке.

Они домчались до протоки за считанные минуты. Ляди схватился за кормовое весло, а Унтари энергично заработал греблями. Только отъехав от опасного места на десяток-другой метров, они немного успокоились.

– Не иначе – мойпар утащил мешок, – сказал Ляди.

– Смотри! Смотри! – закричал вдруг Унтари и чуть не выронил из рук гребни.

Ляди взглянул на удаляющийся берег. Один из высоких кедров ходуном ходил, а шишки с него сыпались градом. Среди темно-зеленых ветвей мелькали мохнатые медвежьи лапищи.

– У, обжора! – крикнул вскочивший на ноги Ляди. – Мало тебе нашего мешка! Вор! Разбойник!

– Тише, тише, – прошептал испуганный Унтари. – Ты забыл, что медведя оскорблять нельзя?

– Скажи еще, что он твой младший брат! – обернулся к приятелю рассерженный Ляди.

– Лучше садись, а то колданка перевернется! Ребята молча проделали оставшийся путь. Больше они за шишками в то лето не ходили.

20. Лети, хонпат юх!

Однажды утром, проснувшись, Ляди с Унтари увидели, что кругом все бело. Землю запорошило мягким серебристым пухом, а на еще не осыпавшихся березках поблескивали рыбки чешуйки инея. По воде шла мелкая шуга.

– Неужели зима? – ахнул Унтари.

– Зима не зима, а школа уже на носу.

Ребятам стало грустно. Кончаются их счастливые деньки на Шум-Югане! Сколько их осталось? Всего ничего. И почему лето прошло так быстро?

Ляди зачерпнул ладонью немного снега. Он был колючим и сухим.

– Слушай, Унтари! Давай хонпат юх покидаем. Снег подходящий!

– Давай.

Мальчики ошкурили две тонкие, высотой метра с полтора, стройные ели, хорошенько их обстругали и заострили концы.

Получилось два одинаковых деревянных копья. Метать их решились в ближайший мысок, уходящий за протоку.

– Э-эх! – размахнулся первым Унтари и запустил свой хонпат юх. Он пронесся по воздуху несколько метров, потом скользнул в снег и, взвихривая его, замер на месте, не достигнув мыска.

– Здорово! – с завистью сказал Ляди. – Хорошо тебе, ты умеешь бросать аркан.

– Руку порезче назад отведи.

Ляди бросил свой хонпат юх. Палка пролетела довольно далеко, но, ударившись у земли о какой-то камень, изменила направление и нырнула в сторону.

– Вот это номер! – засмеялся, хлопая в ладоши, Унтари. – Да ты, оказывается, бросаешь почище меня. Такие трюки выделываешь!

– Издеваешься?

Хонпат юх Унтари в этот раз угодил в мысок. По правилам игры победителя ожидает награда. Для него расставляются из ледышек или комков снега городки, а тому остается только сшибать их меткими ударами. Пришлось Ляди потрудиться для более удачливого приятеля. Но Унтари торжествовал недолго – его копьцо зарылось в заснеженный песок да там и застряло. Теперь мог бросать Ляди.

Ляди прижал хонпат юх к правому плечу, напряг свои силы и запустил его в воздух. И – вот чудеса! – его расчет оправдался совершенно точно! Еловое копье угодило в ледок, проехалось по нему и, набрав еще большую скорость, вонзилось в мыс.

– Я-а-а! – завопил Ляди, прыгая от радости. – Я-а-а! Победа!

Унтари было скис, но он не умел огорчаться надолго. Уже через две минуты ребята дружно играли в снежки...

Да, счастливые летние деньки на Шум-Югане кончились.

Кончились, чтобы навсегда остаться в их памяти.

*Перевод с хантыйского Э. Фоняковой
1987 г.*

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, почему Р. П. Ругин назвал повесть «Счастливые деньки на Шум-Югане»? Поясните свой ответ.
2. Составьте сравнительную характеристику Ляди и Унтари.
3. Как Р. П. Ругин определяет категорию счастья в повести «Счастливые деньки на Шум-Югане»?
4. С какими особенностями народной педагогики знакомимся на страницах повести Р. П. Ругина «Счастливые деньки на Шум-Югане»?
5. Какие народные традиции, обряды ввел Р. П. Ругин в повесть «Счастливые деньки на Шум-Югане»?
6. Определите сюжет и композицию повести Р. П. Ругина «Счастливые деньки на Шум-Югане».
7. Выпишите из повести этнографизмы. Составьте их классификацию.
8. Напишите сочинение на тему: «Мой самый счастливый день».

В ОЖИДАНИИ СЫНА

Шел седьмой мирный год, и старик Порака с нетерпением ждал сына Миката со срочной службы. Сын его служил на флоте, где-то в районе Камчатки.

Всем, кто интересовался Микатом, он с важным видом отвечал:

– Служит в далеком восточном краю. Где земля кончается. Туда только мыслью можно перенестись. – И еще любил добавить: – В такую важную даль не каждого пошлют.

Порака получал много разных фотографий от сына, где тот был заснят чаще всего со своими товарищами по службе. Если выпадало свободное время, старик подолгу рассматривал групповые снимки, осторожно водил по ним пальцем, любовался сыном и обычно с гордостью приговаривал: «Все парни как на подбор. Лицо и тело словно у молодой стройной лиственницы, без сучка, без задоринки».

Порака особенно гордился тем, что его сын почти на всех фотографиях не уступал своим сослуживцам ни ростом, ни сложением, и отсюда делал вывод: значит, и силой не уступал. А когда рассматривал вместе с женой Сантарой и детьми, Порака сам объяснял сюжет снимка, пытаясь передать настроение и даже мысли запечатленного там сына и его товарищей.

Пораке нравилась военная форма матросов.

– Разве можно сравнить ее с солдатской? – любил повторять он. – Рядом их нельзя поставить. До чего же красива!

Он долго размышлял о разнице и, кажется, нашел свое объяснение.

Матрусу-ики, сын которого тоже служил, но в сухопутных, под Омском, поведал Порака однажды, когда был слегка выпивши, так:

– Это, старина, если подумать, вот с чем, стало быть, связано. Со службой в первую очередь. Матрос-то на море службу несет. Глянь-ка на фотографию. Корабль большой стоит. Края воды не видать. Самое большое море, сказывают, там. Что наша Обь по сравнению с тем морем? Подумай-ка. Корыто с водой разве? А теперь подумай-ка: что будет на такой воде, коль шторм разыграется. Подумай-ка, какие волны вздыбятся. Помоему, выше любого нашего дома головы задерут! А дальше по-

думай-ка, с какой они силой на корабль навалятся? Ох, старина! Только могучий корабль такую силу выдержит и не перевернется. И люди крепкие. Матросы, стало быть. Вот и подумай-ка: всякого ли человека на море служить возьмут? Э-э, не всякого... Только самых здоровых. Вот и подумай-ка, старина, мыслями пораскинь. По-моему, тут вот в чем дело: коль трудная служба у них, то и форма должна быть красивая. Как награда за трудную службу, выходит. Понял?

Матрус-ики, с резким монгольским разрезом глаз, слушая Пораку, еще ниже отставлял нижнюю губу и, особо умом не отличавшийся, – мозги его, шутили люди, в маленькую табакерку можно спрятать, – водил своим длинным, как большой нарост чаги на березе, подбородком и нехотя соглашался. Порака, заметив, что тот еще немного сомневается в истинности его слов, настаивал на своем:

– Ты сам подумай-ка, Матрус. Сам попробуй сравнить своего хилого сына Еку и моего Миката. Твой Ека от удара кулаком, как слабый тал, зашатается. А мой, как могучий кедр, на месте устоит. То-то. Мой Микат коль ударит кого, так тот надвое расколется. Потому-то его и взяли служить на море. Там сильные, стало быть, нужны.

Против такого довода Матрус-ики уже ничего не мог возразить. Матрус-ики – его прозвище. В молодости, когда он еще был крепким, выгружал однажды мешки с мукой с баржи на берег и, легко перетаскив первый мешок на плечах, взял да и похвастался: «Таскайте, как я! Усталости совсем не чувствую. Я – настоящий матрос!»

С тех пор за ним и закрепилось прозвище Матрус-ики. Ханты переименовали «матрос» на «матрус» и, хотя настоящее его имя было Карыкул, редко так его называли.

Но больше всего Порака любил показывать проходящим в его дом односельчанам фотографию сына, где тот гордо высывался из спасательного круга с надписью: «Привет с Тихого океана» – на фоне необъятной водной глади и грозно ощерившегося орудия военного корабля. Порака, которого только однажды, под самый конец войны, в поселке снимал на военный билет приезжавший фотограф, конечно, не догадывался, что на фото можно сделать любой фон. Поэтому, получив от сына на

втором году службы этот снимок, Порака долго рассматривал его, о чем-то напряженно думая, и так растолковал жене и детям содержание:

– Смотрите, где служит наш Микат. Я так и предполагал. Что-что, а старческий ум кое-какие зарубки имеет. Его красивая форма еще тогда мне подсказала, где он службу несет, – и, глянь-ка, не ошибся! – Старик, хрипло прокашлявшись, широко заулыбался, провел ладонью по глубоко пролеглим бороздам на щеках, напоминая следы брошенных на рыхлом снегу хонпат юхов.* Затем погладил себя по лысине, похожей на заснеженную кочку с отвисшими мелкими клоками осоки, и еще внимательней взгляделся в снимок, словно пытаясь вникнуть в самую его суть. – Дело так обстоит, детки. Хорошо слушайте меня. Микат, стало быть, на корабле службу несет. Границу нашу охраняет. Со стороны морей, стало быть. Он, наверное, каждый день стоит на посту, глаз не смыкает. На самом носу корабля стоит. Где все видно кругом. На американскую сторону смотрит. Зрение напрягает, как коршун рыбный. А напротив, наверное, американские корабли стоят. Тут, их, правда, не видать. Но они есть. В другой стороне. Видите, пушки нашего корабля в их сторону нацелены. Стволы расчехлены. Наготове стоят.

Здесь уже, увлеченный интересным рассказом отца, азартный и сообразительный Якур не мог удержаться:

– Аси! Аси! – Папа, папа! А когда они будут стрелять? Бухать, как в кино? Бух! Бух!

– Как когда, сынок? Сразу. Стоит кораблю противника двинуться на метр в нашу сторону – и пушки загрохочут.

– Так и загрохочут, так и пальнут?! Прямо сразу, сразу?!

– А ты как думал, Якур? Мы не успеем – враг раньше пальнет. Вот мы и наготове, стало быть, всегда должны быть. Нам, сынок, нельзя опаздывать. Нельзя свою землю отдавать. Вот Микат и стоит на посту там. За неприятелем смотрит. Я думаю, он не подведет. Зоркие глаза у него. Хорошим охотником был. По летящей утке редко мазал. Вот так, сынок. – Порака, удовлетворенный своим объяснением, гордо приподнял голову. – В

* Хонпат юх – заостренная выстроганная палка для игры. Когда ее бросают – легко скользит по снегу.

Москве военные хорошо знают, кого и куда направить на службу. Думаю, они не ошиблись в Микате.

– Папа, а как же Микат в круг спасательный залез? – спросил Якур.

Порака надолго замолк, видно не имея еще твердого мнения на этот счет, поводит пальцем по кругу на снимке и сказал:

– Тут, дети, хитрость небольшая, думаю. Микат, ну, как вам сказать, в часы отдыха решил, наверное, отплыть подальше от корабля на шлюпке. Здесь его со спасательным кругом и сфотографировали. Видишь, волны кругом...

В таком же духе Порака важно объяснял содержание фотографии и другим сельчанам, приходившим по разным делам в его дом и интересовавшимся службой сына в армии. Порака, ни разу не видевший военный корабль своими глазами, не вдавался в подробности о его боевой мощи, но, делая логические выводы, обычно, если ему задавали подобный вопрос, отвечал однозначно:

– Ты что? Разве не видишь? По-моему, стоит ему только рывкнуть из орудий – и наше селение в песок перемелет.

И, наблюдая ошеломляющее действие своих слов, добавлял:

– А ты как думал? Вон какие стволы-то! Не зря зовут «вош аламты поткан».* – И, сделав паузу, Порака многозначительно заключал: – Вот так вот. В таком месте, значит, служит мой сын...

О, сколько раз рассказывал Порака разным людям о службе Миката за эти годы! На сколько верст протянулась бы тропа его разговора, если бы имела след?! Наверное, обошла бы по Оби не один десяток мысов, которые самородковыми глыбами разбросаны по берегам величавой реки, и сколько времени надо было бы ехать на нарте? Наверное, не один день и не одну неделю. Даже на самой быстрой и легкой нарте.

С великим нетерпением ждал Порака своего сына из армии. С таким радостным чувством, пожалуй, дожидается отец рождения наследника, продолжателя рода – долгожданного сына, когда он, словно по подсказке волшебника, заранее знает об этом.

* Вош аламты пошкан – оружие, сметающее город.

На приобских берегах стояло жаркое лето. Месяц Подъема Муксуна выдался необычно спокойным. Уже вторую неделю поддувал слабый Овас Вот – Северный ветер, такой желанный для рыбаков в горячую пору путины, когда можно легко подниматься в лодке под парусом навстречу стремительному течению реки для очередного замета плавной трехпровязной* сети и рыбакам не надо гнуть спины и потеть, изматывая себя за широколопастными гребями. Моторов стационарных, тем более подвесных, в первые послевоенные годы в колхозе «Голос рыбака» не было и в помине. Только у рыбаков государственного лова, промышлявших на неводном песке Уят Пан, имелась для перевозки рыбы на приемный пункт астраханская высокобортовая неуклюжая бударка с установленным на ней маломощным, в три лошадиные силы, мотором. А у колхозных рыбаков единственным помощником во время путины был только парус, да и то лишь когда выдавался благоприятный день.

Вот и нынче рыбаки, кто в мыслях, а кто и вслух – те, что постарше, – благодарили Вотат Лух, Идола Ветра, за посланный парусный ветер, так кстати подвернувшийся им в дни массового вонзевого лова – подъем муксуна на Оби, когда бударка брала за плав свыше центнера деликатесной рыбы.

Благодарил Идола Ветра и Порака, сидевший сейчас на выструганном из елового кругляка дощатом пороге летнего дома неподалеку от речной кручи и смотревший в сторону плавного песка Нумпан, куда верстах в четырех от него выезжали на очередной замет сети его дети – Кевхо, Якур и Волать. Хотя старшему Кевхо шел пятнадцатый год, Порака в свое отсутствие главным в лодке оставлял среднего – Якура, как самого расторопного, сообразительного и лучше знавшего плавную сеть. Якур не отходил от отца во время сушки на вешалах и ремонта сети, перенимая навыки и выпытывая у него, почему нужно менять загрузки сети для каждого плавного песка, усердно стара-

* То есть длиной 225 метров.

ясь вызнать секреты высоких уловов. Словом, делал все, что просил Порака, и даже больше.

Вот потому Порака и доверял закидывать и поднимать сеть Якуру. А тот, кому доверена сеть, по традиции является и кормовщиком, и, стало быть, старшим в лодке – ему принадлежит последнее слово в решающий момент замета.

Порака уже вторую смену не выезжал на лов со своими сыновьями: знал, что, когда поддувает свежий парусный ветерок, ребята отлично справятся и без него. Он был спокоен: они достаточно хорошо знают место замета, чтобы не угодить сетью в таящиеся на речной глубине коварные задевы – разные топляки и коряги. Был уверен в правильной загрузке сети под подъем косяков муксуна и не сомневался, что дети вернутся с неплохим уловом. В предыдущую смену они сдали около полутора центнеров муксуна да пудового осетра.

Порака полагал, что и сегодня щедрая вода-кормилица не обидит. Тем не менее какая-то внутренняя тревога не давала ему покоя, мысли то и дело переносились к детям: «Как они там? Правильно ли спускают сеть? Не задумали ли без моего ведома утяжелить ее?»

Приложив ко лбу козырьком ладонь и внимательно присмотревшись, старик убедился, что рулевой Якур развернул лодку для замета, выкинул в воду маяк – речной курень – и, прикинув, что сын в самый раз подъехал к нужному месту в реке, Порака несколько успокоился.

«Молодец, Якур! – подумал он про себя. – Настоящий рыбак растет»...

Вообще-то при мыслях о дальнейшей судьбе сыновей его каждый раз одолевали противоречивые чувства. Он, с малых лет приучая детей к труду, брал их на рыбалку. Порака, с одной стороны, стремился воспитать из них опытных следопытов и охотников и умелых, разбирающихся во всех тонкостях рыбаков; но, с другой стороны, на него оказывали постоянное давление школа и сельский Совет, которые требовали, чтобы дети прежде всего выучились грамоте. Порака вначале откровенно насмехался над ними: что, мол, получишь от бумажек и книг? Какой толк в них? Разве зверя или рыбу добудут? Но когда в поселке появились первые учителя и, узнав, что они за свой

труд получают даже больше его и что заработок их всегда твердый, Порака стал задумываться – какой же главный путь избрать детям? Проявляя осторожность, он заставлял детей и грамоту хорошо учить, и промыслы древние познавать. «Знания не будут лишними, – размышлял он. – Время покажет. Пусть учатся». Хотя в глубине души продолжал считать, что учеба здорово отрывает их от важнейшего дела – рыбалки и охоты.

Пораке, конечно, было бы легче, если бы он сам находился сейчас с детьми. Но здоровье его, как к осени идущая на убыль вода сора, все больше сдавало, и он впервые в это лето почувствовал, что силы начинают покидать его, что с каждым утром ему все труднее, мучительнее вставать, тяжелее переносить на ногах тело, все еще мускулистое и жилистое, хотя оно, подобно засыхающему дереву, медленно, но неотвратимо теряло свой вес.

На людях Порака старался держаться молодцевато, как и прежде, не по своим годам, уже отсчитывающим седьмой десяток, и он с каждым днем явственно ощущал, как заметно тают в нем, словно весенний снег, старческие силы.

Поэтому Порака старался беречь себя, с тем чтобы хватило их до приезда сына Миката с действительной службы.

Порака, в отличие от многих хантов, имел длинноватый, но правильной формы нос, широкий лоб и непомерно торчащие, как у лося, уши. Карие глаза, выглядывавшие из-под длинных ресниц, взирая на человека, казалось, пронизывали его насквозь.

Он был женат во второй раз. От первой жены – она утонула в реке, переплывая во время шторма на колданке широкую Обь, – у него осталось трое дочерей, которые давно уже были замужем и жили со своими семьями вдали от него.

У Пораки, кроме старшего сына Миката, пропавшего без вести на войне, было еще шесть сыновей и дочь Этуш, родившаяся вслед за Микатом. Этуш, с раннего детства хорошо усвоившая от отца рыбацкие навыки и секреты высоких уловов, в это лето плавала на отдельной бударке с Хоръяр Нэ, муж которой погиб на фронте.

«Лишний пай плохого в доме не сделает, – сказал отец, напутствуя дочь перед началом путины. – Мало или много добудем рыбы – все наше, все в один дом придет. Лишний рубль и

трудодень не помешают. Ртов-то вон сколько. Как усядутся за стол, только головы торчат...»

Для такого решения у Пораки, конечно, были все основания. На его иждивении находилась еще престарелая бабушка Муссохпат. А Сантара почти не участвовала в колхозной работе, только осенью помогала убирать картофель с полей. Времени у нее всегда не хватало. Последнему малышу, Логи, шел четвертый год. Всего у нее было десять детей, но трое умерли при родах. Сантаре надо было ежедневно следить за хозяйством, ухаживать за коровой, вовремя подумать о дровах, натаскать воды, приготовить еду, подшить после сушки кисы и чижи. И было много еще других, с виду незаметных, но не менее важных дел по дому. Вот и сегодня Сантара, наскоро усыпив Логи и оставив его на попечение восьмилетнего Оськи, ушла с десятилетним Евдином на речку Поланг Соям за морошкой, которая нынче хорошо уродилась в приобских ложках.

Сейчас Пораку, сидевшего на крыльце своего дома, одолевала не только забота об уехавших на плав сыновьях, но и не менее важная дума о старшем сыне Микате, от которого два дня назад получил последнее письмо, где он сообщал, что до демобилизации остался месяц и что писать больше не будет. О приблизительном сроке прибытия в родной поселок, как писал Микат в письме, он уведомит телеграммой. Письмо с Камчатки шло три недели.

«Стало быть, – рассуждал про себя Порака, – Микат вот-вот отслужит положенный срок и подается в родные края. Через месяц, стало быть, зайвится домой. Только бы за это время ничего не случилось, – тревожился он, мысленно обращаясь к Калтась Анжки, Идолу Жизни. – О, всесильный идол! Не дай вспыхнуть новой большой войне. И так сожрала она старшего сына. О, Калтась Анжки! Отведи войну на месяц, на неделю...»

Порака, хотя и прошел курсы ликбеза, читать не научился, умел только выводить первые буквы своих инициалов. Но, получив районную газету «Сталин юш ху-ват» – «По сталинскому пути», заставлял старших сыновей в свободное время читать ему все, что было интересно в газете, особенно материалы международной жизни. Кроме того, Порака каждый вечер ходил в красный уголок колхоза, помещавшийся прямо в кабинете пред-

седателя, и слушал передачи единственного в селении радиоприемника «Родина», работавшего от аккумулятора. Поэтому он, в отличие от других стариков его возраста, был в основном в курсе последних событий, происходивших в мире. Он знал, что в Корею все еще идет война, развязанная американским империализмом. Не раз об этом рассказывали приезжие лекторы из района. Из кратких сводок в газетах Порака знал, что хотя война и уступала по масштабам минувшей, но она могла в любое время разгореться и охватить другие страны. К тому же его сильно беспокоило, что эта война проходила где-то на востоке, в краях, где несет службу сын. Порака много раз приходил в школу, занимавшую вторую половину конторы, и в классной комнате, где висела физическая карта мира, не разбираясь в ней, просил показать место, где служит его сын Микат, и страну Корею, где шла война. Не совсем доверяя пояснениям учащихся, Порака обращался к учительнице Анне Михайловне и выяснял, где находится Корея, а где Камчатка. По ее словам выходило, что они далеко друг от друга, но это ничуть не снимало нервного напряжения.

...«Так-так, – думал про себя Порака, сидя на крыльце. – Когда же появится долгожданная телеграмма от сына? Когда же обниму Миката? Целого и невредимого!.. – И затем его мысли, подобно лодке, уткнувшейся в берег, переносились на другое, на неизбежное, о котором он знал лучше, чем кто-либо другой: – Объявится Микат, и можно спокойно уйти в мир нижних людей. Где лежат мать, отец, братья, другие родственники. Тоже, наверное, давно ждут меня. Тоже небось соскучились по мне. Не зря же часто вижу во сне отца Калоя. Сегодняшней ночью опять приснился. Вместе сидим у костра. Мясо из оленины для меня варит. Тропа жизни туда и свернет, куда святые духи укажут. Калой уже готовится к моей встрече. Понимаю, понимаю тебя, отец... Дай только Миката дожидаться... Будет Микат, и опора в семье появится. А то ведь что сможет сделать Сантара, оставшись одна? Страшно даже подумать... Столько еще ртов накормить надо! Много хлеба еще надо пожевать им, много всякой пищи в желудок положить. Ой, много!.. Нет!.. Одной Сантаре не справиться. Правда, есть Этуш еще... Но ей уже давно замуж пора. И так дважды сватались. Не было Миката, вот и не

отдавал. Да-а... Вся надежда на сына. Эх, Микат, Микат, скорей бы появился!»

Размышления задевали за самое живое, и в памяти Пораки опять как-то нехотя всплыл тот день, когда Миката призвали в армию.

Это было четыре года назад. По предварительной договоренности в один из безветренных дней, когда был слабый подъем муксуна, все рыбаки колхоза выехали на таловую сторону Оби, где находилась небольшая, километра два в длину и метров триста в ширину, курья Нак Лойты Хор, берега которой густо заросли мелким тальником. Местные жители называли ее попросту муксуновой курьей. Когда летом заливало ее водой, туда хорошо заходил нагуливаться вонзевой муксун. Курья, где имелось илистое, хорошо прогреваемое дно, была лучшим пристанищем для поднимающихся по Оби косяков муксуна, шекура, сырка.

В то лето Порака плавал с дочерью Этуш и двумя сыновьями – Кевхо и Якуром. А Микат ходил кормовщиком в путину в паре с весельщиком Дмитрием Мальковым, крепким русским парнем, сыном одного из раскулаченных переселенцев. Широкоплечий и кряжистый Дмитрий значительно превосходил Миката по силе. И Порака был очень доволен, что бригадир определил напарником Микату именно его. Да и сам Микат был не из худого десятка мужиков селения Ханты Курт. Весь в отца, Микат и характером пошел в него: если выводили из душевного равновесия, он вспыхивал, как огонь в печке, в которую подбросили стружки сухой бересты. И походка у него была отцовская – шагал, слегка наклоня левое плечо.

Порака с раннего детства учил Миката, и тот неплохо разобрался в тонкостях охотничьего и рыбацкого дела. Поэтому ничего удивительного не было в том, что Микат с самого начала путины стал лидером среди добытчиков. Он больше всех взял рыбы в период сырковой вонзи, сдавая за смену свыше двух центнеров. За день до выезда на курью Нак Лойты Хор Микат с напарником отработали полные сутки. Утром, вернувшись с плава,

они только легли спать, как через два часа им надо было снова вставать и выезжать на таловую сторону.

Перед уходом на берег Порака разбудил крепко спавшего сына. Микат глубоко зевнул и сказал, что пусть отец не беспокоится, – он вовремя подъедет к месту добычи.

Порака с детьми доехал до середины Большой Оби, имевшей здесь, напротив селенья, ширину около четырех километров. Он уже начал волноваться, что Микат после бессонной нелегкой ночи опять крепко заснул, а опоздав, он не успеет вовремя выставить в курье свою решевку* и, стало быть, лишится большого улова, так как муксун, узнав о появлении сетей и почувствовав опасность, вмиг начнет выкатываться с мест своего нагула. Порака часто оглядывался назад и, когда лодка подплывала к песчаному гольцу, находившемуся пока под водой в самом начале глубокой судоходной Оби, произнес:

– Кажется, лодка Миката выехала. Остальные вроде все в пути. Кой, кой! Крепко гребут. Вода так и разлетается, так и сверкает. Быстро, должно быть, едут!

Постоянно оглядываясь, Порака вдруг воскликнул:

– Кой, кой! Что с ними?! Кормовщик на нос побежал. За гребни взялся. А весельщик рулить уселся. Они, кажется, попеременно собираются грести. Один гребет, а другой отдыхает. Кой, кой... Неужто задумали догнать нас?

Лодка Миката стремительно приближалась к ним, и когда Порака первым въехал в курью, следом, настигая его, появился сын с напарником. Микат с весельщиком Дмитрием, обнаженные до пояса, раскрасневшиеся, лоснясь от пота, тяжело дыша, вскоре подкатили к бударке Пораки.

– Молодцы! – похвалил их Порака. – Оба молодцы! Оба в силе находитесь. Хорошо потрудились. Значит, бог пошлет, с хорошим уловом будете. Слегка отдохнем и сети ставить начнем. – Порака вытащил из кармана табакерку, искусно вырезанную из бивня мамонта, открыл крышку, взял щепотку молотого табаку и запрягал за нижнюю губу. Затем из кармана извлек маленький мешочек, вынул стружку сухого тала, аккуратно разо-

* Решевка – сеть.

рвал на мелкие части и положил плотный комочек в рот. – Си! – Все! Теперь можно сети ставить.

Прогнозы Пораки оправдались. Только успели они перекинуть трехпровязную сеть от одного берега курьи до другого, как в ней заиграла рыба. Жирнобрюхие муксуны, колошматя упругими хвостами о серебристую воду, заблестели у верхних ячеек сетей.

Рыба ловилась хорошо. К вечеру, когда Порака подъехал к лодке сына, у Миката рыбный ящик был уже доверху наполнен здоровыми муксунами.

– Центнера два будет, – сказал довольный сын, отмахиваясь пучком тальниковых веток от комаров. – Не меньше.

– Пожалуй, так, – отозвался Порака. – Вода-кормилица вроде не обижает нас. Ты, Микат, вижу, со своим напарником в передовики лезешь. Нам вас не догнать в путину, и красный флажок, пожалуй, все лето будет плескаться на носу вашей бударки. Молодцы!

– А мы с Микатом, – гордо заявил Дмитрий, – два плана решили дать.

– И дадим, отец, – поддержал Микат. – Спать меньше будем, а дадим.

– Ну уж, – решил слегка урезонить их Порака. – Не хвастайтесь раньше времени. Вот когда наловите, тогда и языком шевелите.

– А что, отец! – с некоторой обидой заговорил Микат. – Мы уже процентов семьдесят дали годового плана. А впереди еще соровой лов. Ведь там будут главные уловы.

– Так-то так, сынок. А все же раньше времени не надо язык закидывать, словно аркан в далеко бегущего оленя. А вдруг промажешь? – Порака поправил шапку-ушанку на голове. – Кто знает, может, и сдержите слово. Тогда вам почет и слава!

Порака прошелся взглядом по цепочке низкобортных бударок, где рыбаки усердно распутывали рыбу, и вдруг насторожился, уставившись в сторону реки.

– А там что за колданка едет? – спросил он. – Вроде бы все рыбаки на бударках...

Действительно, кто-то ехал на колданке. Он покрутился у бударки Еприна Панки, видимо что-то выспрашивая, а затем

колданка полным ходом направилась в сторону стоявших борт о борт лодок Пораки и Миката, привязанных за торчавший из воды раскидистый куст тала. Вскоре они узнали Витьку Козлова, сына колхозного конюха, самого задиристого парня среди поселковых ребят. Вспотевший, с расстегнутым воротом грязной холщовой рубахи, с шершавой, как у ящерицы, кожей на открытых руках, он причалил к борту бударки Миката. Затем Витька, пошарив за пазухой, извлек оттуда небольшой листочек и протянул Микату.

– От военкомата бумага, Микат, – сказал он. – Меня председатель Совета Ребась направил. Сказал, что нужно срочно передать эту повестку.

Как только Порака услышал слова «военкомат» и «повестка», у него сразу похолодело в груди и чем-то острым кольнуло сердце.

У Пораки были все основания тревожиться. В прошлом году, в Месяц Листопада, Миката уже вызывали в военкомат. Тогда медкомиссия определяла годность к военной службе. Все, что касалось военкомата, у Пораки в мыслях было связано с понятием «война», потому он с такой тревогой и даже страхом воспринял полученную Микатом повестку о призыве на действительную военную службу. Его можно было понять.

Никогда народности Севера – к ним принадлежали и ханты – не призывались на военную службу. Это объяснялось то ли их малочисленностью, то ли незнанием русского языка. Только в Великую Отечественную войну ханты впервые были призваны, и большая часть ушедших на фронт не вернулась. С того времени призыв в армию каждый год напоминал о минувшей войне.

Война окончилась, но напряженность в мире сохранялась. Страшная неведомая сила появившейся атомной бомбы воспринималась многими суеверными как гнев Божий, как предвестница новых ужасов. Сердца отцов и матерей, не оправившихся еще от ран прокатившейся войны, болью отзывались на призыв сыновей в армию.

Порака, еще не освободившись от первого недоброго предчувствия, внимательно посмотрел на сына, державшего в руках повестку, и негромко, даже с некоторой опаской, словно боясь услышать какие-то страшные слова, спросил:

– Я-а, как? В чем дело?
– В армию призывают, отец.
– Это точно? Может, опять просто так? Посмотрят врачи и отпустят домой. Как в прошлом году?
– Нет, отец. Сейчас наверняка призовут.
– А откуда ты знаешь, сынок? Что, на бумаге написано? В тот раз такую же бумагу получал. Таких же размеров. Я хорошо помню.
– Нет, отец. Здесь все написано. Надо многое с собой прихватить. И белье запасное, и ложки, и вилки. И продукты кое-какие.

Порака понуро опустил голову, надолго задумался, теребя длинное свисающее ушко неблюевой шапки, и, тяжело вздохнув, медленно и тихо сказал:

– Кой! Опаль Аси – Всевышний! Много силы у тебя. Не повернуть твои мысли назад. Сегодня сын здесь, а завтра в другие края как птица улетит. Что поделаешь? Тебе виднее. Наверху доска, и внизу доска.*

Напарник Миката Дмитрий, все поняв, посетовал:

– Да, Микат, не придется, наверное, нам дать два плана. Не придется. Правильно Порака говорил, мол, не надо раньше времени хвастаться. Эх! А как бы мы с тобой порыбачили! Только развернулись! Только настроились! Жаль... Не повезло...

– Ничего, Дмитрий, – попытался успокоить своего друга Микат. – Не переживай. Отслужу. Вернусь. Мы еще с тобой не то покажем. Верно?

– Наверное, – улыбнулся Дмитрий.

– Когда ехать-то, сынок? – вмешался Порака.

– Завтра к вечеру надо быть в селенье Лор Вош. К пароходу надо успеть. Оттуда в Мош Вош. В военкомат.

– Мало времени сынок. До Лор Воша надо на колданке полдня добираться. Это если по протоке Унган ехать. Напрямую.

* То есть наверху доска – это небо, и внизу земля как доска. И человеку некуда деться меж двух плоскостей, и, стало быть, надо подчиниться судьбе.

Не забыл туда дорогу? Мы дважды весной по ней проезжали. Я тебе специально ее показывал.

– Как можно забыть, отец? Не заблужусь. Найду.

– Но тебе, сынок, надо бы сейчас с Козловым Витькой ехать. На колданке. Отдохнуть бы надо. Путь дальний предстоит. Выспаться надо тебе хорошо. Ты и так после вчерашней смены толком не поспал.

– Что ты, отец. Для меня лучший отдых здесь. Переночую. Да еще в палатке. Запахом летних трав надышусь. Утром пораньше встану. Решевку сниму, рыбу распутаю. И тогда домой. Правда, Дмитрий?

– По-моему, правильно, Микат, – отозвался его напарник. – Порыбачим как следует последние сутки.

– Пусть будет по-вашему, – согласился Порака. – Только не опоздать бы тебе. По делам русского человека едешь все же.

Вечером после сытной ухи из муксуна Порака долго не мог уснуть. За палаткой, которую установили возле большого куста тала, звонко и протяжно всюю жужжали и пели на разные голоса нудные комары. Этуш с Кевхо и Якуром нарубили много мелкого тала и настелили под себя, так что спали на высоких, взбитых перинах, и к тому же плотно заделали подола палатки, но комары все равно через какие-то ведомые только им щели пролезали внутрь, подлетали к лицу и, как нарочно, жужжали у самого уха, нервирова Порока. Да и сон Пораке все никак не шел в эту светлую летнюю ночь. Пусть на рыбалке сегодня сопутствовала удача, и, казалось бы, радоваться надо – в рыбном ящике лодки лежало, наверное, центнера два муксуна, – но предстоящая судьба сына не давала ему покоя, и тревога в сердце все усиливалась.

Порака все обдумывал, как будет жить без старшего сына. «Сильно отразится это на жизни семьи, – размышлял он. – Пушнину дорогую, считай, упусти из рук. А она немалые деньги в иные зимы приносила большой семье. Молодец Микат! Хорошо перенял от меня охотничью премудрость... Прошлой зимой одних только песцов десятка два взял и лисиц, кажется, с десятком. Не каждому промысловику выпадает такая удача. Не каждому. Что еще можно просить у духа тайги? Сколько нужно было, столько и отпустил своей щедрой рукой. И Микат на высоте

оказался. Не дал зверям обвести себя. Молодец! Эх, еще бы одну зиму! Кое-чему еще бы поучил. А то порой все же промашки случаются у него».

И Порака вспомнил, как Микат прошлой зимой все никак не мог перехитрить росомаху, повадившуюся шнырять у его ловушек и успевавшую раньше его проверять капканы и петли. Двух белых песцов и длиннохвостую лисицу успела утащить из-под самого носа, а о куропатках и зайцах и говорить нечего. Много приманок устраивал Микат для росомахи, по-разному настораживал капканы, но хитрый и осторожный вор все никак не попадался. Словно чуя приготовленный подвох, зверь не подходил к приманке, крутился в пяти-шести метрах от нее. Микат, чтобы не оставлять запахи в капканах, предварительно кипятил их в хвойном растворе, искусно заметал следы, но ничего не получалось. Обратился тогда сын за помощью к отцу. Порака не спеша прошелся с Микатом по его ловушкам, придирчиво оглядел следы росомахи.

– Пусть приманки и капканы, сынок, для другой росомахи останутся, – сказал Порака, обойдя ловушки. – Зверя так не возьмешь, ученый он. Видно, попадался где-то. Мы что-нибудь другое придумаем.

И когда в одной из ловушек застали живого зайца, Порака посоветовал сыну на время оставить его в капкане. А около зайца, в вероятных местах подхода росомахи, территорию обложил семью капканами, искусно насторожил их и замел следы после себя конской гривой.

– Вот здорово, отец! – все время по дороге домой восклицал Микат. – Какой хищник удержится от живой крови? И как, отец, ты только додумался до этого?

На следующий день здоровая лохматая росомаха оказалась наконец в руках Миката. Как и предполагал Порака, на передней лапе остались следы капкана. Видно, капкан тот оказался слабым и рассыпался от первого же крепкого удара росомашьей лапы о ствол дерева.

Воспоминания об удачной охоте вызвали у Пораки приятные чувства, и он от удовольствия облизнул тонкие губы, коснувшись кончиком языка крепкой щетины. Но эта легкая радость тут же уступила место тревожным мыслям, которые, подобно

назойливой комариной стае, не давали покоя ни голове, ни сердцу.

«Эх! – огорчился Порака. – Не всему успел научить сына. Не всему. А ведь упустил какую-нибудь тонкость, и все дело идет насмарку. Да-а. Не все места показал сыну. Не успел сводить к истоку речки Логась. Не показал ему прямую старинную тропу к этому месту. Все откладывал. Тянул. Тьфу ты! И что за старик я?! Вечно каждую мысль в сто узлов перевязываю. И только затем дело рождается. Хотел нынешней зимой показать тропу. Вот и дотянул. А вдруг не дожусь возвращения сына? Так и останется для Миката тропа неизвестной. А там богатые места на зверя. Особенно на соболя и куницу. Да и белки хватает. Кой! Протянул время. Не сработали вовремя мозги». – И пока Порака тяжело вздохнул, шлепнул ладонью комара, усевшегося на лоб, и повернулся на другой бок.

И лишь когда птички после легкого, короткого ночного сна начали просыпаться и оглашать своим звоном утреннюю тишину, Порака недолго вздремнул.

Проснулся он от осторожного окрика Миката, будившего в соседней палатке Дмитрия. Вслед за сыном Порака поднял и своих.

Микат, вернувшись с курьи, сдал утром около трех центнеров первосортного муксуна – больше любого рыбака, и к тому же значительно обогнал даже отца.

После плотного завтрака, – а Сантара выставила на стол все лучшее из еды: жирного осетра, окорок из оленины, полную чашку поспевшей морошки, – Микат стал собираться в дорогу. Во все самое лучшее одел Порака своего сына: новый, только что к майским праздникам сшитый из черного сукна костюм, нарядную шапку из пушистых беличьих шкур, розовую шелковую рубашку и хромовые сапоги.

«Пусть все большие люди увидят, – не раз повторял Порака, – в какой одежде мой сын в армию едет».

А мать, собирая сына в дорогу, то и дело всхлипывала:

– Опаль Аси! – Всевышний! Мултаха-Ики – Главный Идол Дома! Не потеряйте из виду след моего сына, моего птенчика. Долгой ли, короткой ли будет его дорога, прошу вас, духи, приведите его назад к порогу дома.

И Сантара втайне от людских глаз вытащила пучок травы, которую вкладывала в сапоги сына, и, завернув в лоскуток красной шелковой ткани, положила в священный ящик в красном углу летнего дома.*

Порака перед тем, как встать и выйти из дому, напутствовал сына:

– Слушайся своих начальников. Делай все, как просят они. Хорошо служи. Живым вернись. Видишь, каким я становлюсь? Ноги слабнут. В руках не та сила. Может, не дождусь тебя. Раньше времени подкошусь.

– Зачем, отец, говоришь так? – отвечал с досадой Микат, – Ничего со мной не стрясется. Целехоньким вернусь.

– Дай Бог, коли так будет, сынок. Всем духам буду молиться, чтобы война вновь не вспыхнула. Долго ли?

Когда на берегу Микат уселся в кодданку, мать громко разрыдалась, а Порака надолго замолк с опущенной головой. Микату тяжело было переносить эту сцену, и он, уставившись взглядом на дальние дома на холмистом пригорке, сильно налег на кедровые гребни.

...«Кой! Четыре зимы с тех пор пролетели – словно прошагали, не касаясь земли своими тяжелыми ногами, – вздохнул Порака. – А все еще день проводов сына в армию стоит перед глазами. Словно Микат рядом сидит. Те давние тревожные мысли и переживания длинной, нескончаемой сетью вылезают из-под воды. Ничего, ничего... Скоро они сменятся другой картиной. Встречей сына!.. Эх!.. – У Пораки от наплывших радостных чувств перехватило дыхание. Сердце, словно легкая утлая кодданка, пляшущая на волнах Оби во время сильного шторма, шевелилась в груди. Нахлынувшие воспоминания молодили Пораку, словно сбрасывали с его плеч груз, накопившийся тяжелыми глыбами за прожитые годы. И он, почувствовав необыкновенную легкость во всем теле, по-юношески бодро и молодцевато

* По обычаю, Идол дома в таком случае обязательно вернет человека к родному порогу.

соскочил с невысокой ступеньки крыльца и стал всходить по пологому склону на пригорок, где стоял его зимний бревенчатый дом. Придирчиво осмотрев ставни окон и дверцы сенок – не заходил ли кто-нибудь из поселковых шалунов мальчишек, – направился к выездной нарте, стоявшей на подставках из тонкомерной ели неподалеку от дома. Эту нарту он любовно смастерил весной для сына. Ладные, наклонно поставленные к полозьям копылья, высоко загнутый перед, как гордо вскинутые головы оленей при быстром беге, придавали нарте нарядный вид. «Хороша! – не сдержал восторга Порака, высунув по привычке кончик языка. – В самый раз. Не стянуло в сторону. Готова к выезду. Хозяина только надо! – Он слегка покряхтел и провел шершавой ладонью по гладко выструганным перекладинам. – Ничего, нарточка, не сучай. Будет все хорошо, хозяин скоро появится...»

Проверив на прочность всажённые в полозья ножки нарты, несущие основную нагрузку, Порака недолго еще полюбовался своим произведением и опять подошел к задней стенке дома, взял тоже для сына изготовленный из молодой стройной березы новый упругий хорей, подержал в руках и остался им доволен.

Затем Порака, подняв лежащую на земле небольшую лестницу и приставив ее к стенке, поднялся на чердак, покрытый поверх тонких лиственничных жердин широким березовым паласом, и извлек оттуда пару широких охотничьих лыж, обитых оленьим камусом, повертел их в руках, проверил надежность креплений.

– Пожалуй, понравятся Микату! – произнес Порака. – Хоть и легкие, но достаточно крепкие. Будут держать. Молодец, старина! – похвалил он себя. – Хоть и глаза не те, но кедр для лыж выбрал вроде в самый раз. Ровные лыжи. Словно улыбаются.

Оставив лыжи на прежнем месте, Порака спустился вниз, убрал лестницу, распахнул одну ставню окна и, открыв замок на дверях, зашел в дом. В слабом свете, лившемся из неширокого окошка, отыскал в красном углу, где обычно находился свешенный ящик, висевшую на гвозде курковую двустволку, купленную им для Миката весной. Дорогое было ружье. Но Порака не поскупился. Только три раза пальнул он, пристреливая новое

ружьё двенадцатого калибра, которое, кстати, только одно и завезли в лавку.

Порака, проверив, не сошла ли с него смазка, не появилась ли где-нибудь ржавчина, осторожно повесил ружьё. – Вроде все для охоты имеется, – удовлетворенно сказал Порака, спускаясь с пригорка к летнему дому, построенному из дощатых досок еще его отцом Калоем. – По-моему, главное есть. Что касается одежды – это дело Сантары. Там тоже всего хватает. Впрочем, не мешает проверить. Мало ли чего? Вдруг мыши завелись? Малицу перегрызли, кисы испортили. Посмотрю на днях как-нибудь. Время еще есть. Поправить кое-что можно...

Придя к летнему дому, он недолго простоял у крыльца, поглядел на лодку сыновей, которые уже, закинув сеть, спокойно плыли напротив протоки Ай-Варов, и медленно направился к любимой высокой круче, откуда хорошо просматривались все бударки, находившиеся в этот день на рыболовецких песках возле поселка Ханты Курт. Порака вспомнил вдруг, что дочь его Этуш рыбачит сегодня на плавном песке Калнанг Пан, расположенном у самого поселка, и решил взглянуть, как она промышляет. Особенно он любил наблюдать за лодкой, когда там поднимали сеть.

Когда Порака уселся на круче на небольшой, поросший мелкой травой бугор, Этуш уже успела поднять плавную сеть. Было отчетливо видно, как ее подруга Хоръяр Нэ вздернула парус и Этуш, вместо того чтобы ехать на новый замет к устью сора, резко развернула нос лодки в сторону плавного песка Кутап Ас, который находился посередине реки, рядом с песчаным гольцом.

«Наверное, рыба плохо идет в сеть, – тут же предположил Порака, – и Этуш хочет попытаться рыбацкого счастья на другом песке. Молодец, коли так! Не забыла советы отца. Нет рыбы здесь – в другом месте ищи. Пазуха воды-кормилицы не маленькая. Не все пусто в ней, в каком-нибудь уголке кой-какая рыбешка отыщется. А плавной песок Кутап Ас на большую рыбу хорош. Особенно на осетра. – Здесь Порака несколько осекся. – Фу ты! Разболтался! Сто изгибов на языке появилось. Не слушайте меня, духи... Какие там осетры?! Хоть бы малек запутался в сетях детей. И то хорошо!»

Глядя на лодку Этуш, тихо покачивающуюся на гребнях невысоких волн, Порака задумался о своей дочери, о ее дальнейшей судьбе.

Дочь внешне точно-точно повторяла сына Миката, как, впрочем, и всех остальных детей. После ухода Миката в армию Этуш среди детей осталась старшей, и на ее плечи легла основная, наиболее тяжелая работа.

Этуш с десяти лет приобщилась к нелегкому рыбацкому труду. В первое время она гребла специально сделанным для нее легким веслом, помогала распутывать рыбу в сетях, на стоянках, как единственная женщина, брала на себя всю заботу по приготовлению пищи: варила уху, резала хлеб, мыла посуду после еды. Сызмальства она испытала на рыбалке долгие, затяжные осенние дожди и ливневые летние грозы, была знакома с холодной постелью на земле во время первых заморозков и с колючими морозами во время подледного лова зимой. Этуш не роптала, не жаловалась на непомерно тяжелую работу, прекрасно понимая, что у родителей нет другого выхода. С шестнадцати лет Этуш сама стала управляться с плавной сетью: закидывала и поднимала. Видя, с каким трудом старый отец вытаскивает грузную муксуновую сеть из воды, еле разгибая спину от усталости, она сама предложила помочь. Отец вначале и слышать не хотел. Вроде бы как-то неудобно: глава семьи в лодке, а сеть доверяется женщине. Но, оценив свои возможности, после долгих колебаний согласился. Вот так Этуш стала главной помощницей в семье после ухода Миката в армию.¹ Зимой она помогала отцу, долбила острой пешней толстый лед на реке, готовя лунки для подледного лова. К осени, когда вызревала трава на лугах, вместе с братьями косила сено для коровы и теленка. В межпутинный период Этуш выполняла в колхозе различные работы: рубила и пилила в лесу дрова для школы и рыбокооперативной пекарни, возила на лошади сено для скота, занималась посадкой сетей и многими другими мелкими работами.

Когда Этуш исполнилось восемнадцать лет, к ней стали все-речь присматриваться родители из других семей, имевших сыновей ее возраста.

Правда, в шутку, не переходя пока на язык принятых родовых обрядов, Этуш была помолвлена с Мартином, старшим сыном Валякси – закадычного друга и соседа Пораки. Во время праздника или совместного застолья по какому-нибудь торжественному случаю, изрядно промочив горло вином, Порака и Валякси любили поболтать меж собою. Вспоминая интересные случаи из своей многолетней охотничьей и рыбацкой жизни, старики зачастую переводили разговор на своих детей, прежде всего, конечно, расхваливали их достоинства, не преминув при этом больно кольнуть соседа серьезными недостатками сына или дочери. Здесь они пускали в ход все свое красноречие: то сын хилый, как карликовая береза, то дочь ленива и ни к чему не способна – не только мужу не сошьет кисы и малицу, но и как следует не накормит, голодом изведет его. При взаимной перебранке, осыпая, словно дождем, друг друга колкостями, Порака, не отличавшийся особой фантазией, порой проигрывал словесную дуэль и переходил на язык физической силы. Они подчас крепко схватывались, мяли друг другу бока и успокаивались лишь тогда, когда кто-нибудь разнимал их или кто-то из них брал верх, а побежденный мирно сдавался. Но Порака, пользуясь тем, что Валякси хромал и не мог угнаться за ним, иногда применял коварный прием. Не сумев отпарировать, не сдерживая себя, неожиданно наносил резкий удар по плечу или щеке и, зная, что Валякси обязательно ответит тем же, моментально вскакивал с места, показывая ему на прощанье кукиш:

– Си! Катлы! – Все! Держи! – Тут же уходил от него.

Но прежде чем дойти до такого неприятного финала, старики, как правило, произносили много хвалебных слов о своих сыновьях или дочерях, доказывая, что именно его, а не соседа дочь или сын подходят для идеальной пары.

Как-то складывалось, что в их маленьком селенье Ханты Курт женщины чаще всего рожали сыновей и почему-то очень мало рождалось девочек. Поэтому девушки в их селенье ценились особо: их руки добивались родители многих сыновей. Это, разумеется, хорошо понимал и Порака, и он очень осторожно, чтобы не продешевить с калымом, вел разговор с Валякси, когда тот намекал, что было бы неплохо, если бы соединились тропы жизни Этуш и его старшего сына Мартина.

Валякси, будучи хорошим певцом – жители селенья говорили: «Голос его как березовый сок течет», – каждый раз, импровизируя, всячески расхваливал своего сына Мартина и живописал красивую картину увоза женихом невесты из родительского дома:

Уселись на нарядную высокую нарту,
Дорога им не понадобится, и вехи им не понадобятся.
Пять здоровых быков, впряженных в нарту,
Окунут их в снежную пыль.
В белой метели лишь хорей жениха
Солнца лучом будет сиять.
В далеких краях холодной зимы
Лишь голос жениха будет раздаваться.
Так уведут твою красивую дочь
На глазах семи голубых небес.
В семи краях счастливой земли
Весть о свадьбе разнесется.

Порака, напиваясь и теряя контроль над собой, наслаждался приятной песней друга и задавал ему то и дело вопросы, уточнял детали предстоящей свадьбы. А Валякси, польщенный похвалой соседа, распевал пуще прежнего и отвечал сочиненными на ходу словами новой песни.

В такие минуты они меж собой не раз договаривались о будущей свадьбе. Но когда жена Сантара принималась укорять его, Порака, протрезвев и стыдясь своей болтливости, с явным недовольством ворчал:

– Что, и пошутить нельзя? Вам что – делать нечего? Подслушиваете каждое слово! Вы, поди, уже разнесли по всему селенью?

– Мне только тем и заниматься, – отвечала Сантара. – Какое наше дело до мужских разговоров? Я так, между прочим сказала.

– Пусть между нами и останется. Рано Мартину еще свататься к Этуш. Рано. Пусть немного подрастет. Ума наберется, жизненного опыта. Что-то не нравится он мне. А ты между делом мое мнение, значит, до ушей жены Валякси доведи. Она, навер-

ное, тоже слышала разговор. Знаю я ее: как россомаха подкрадывается к чужим разговорам.

Сантара, всегда послушно исполнявшая волю мужа, шла к жене Валякси, а та, очевидно, передавала мужу, и на этом обычно разговоры о будущей свадьбе прекращались.

По крайней мере Валякси перестал делать попытки сватать своего сына к дочери Пораки, остерегаясь, наверное, отказа. Сказалось, видимо, и то, что Порака – то ли через свою жену, то ли через бабушку Муссохпат, которую считали в селенье «средней» шаманкой и всерьез побаивались ее, – сумел пустить слух, будто он не выдаст дочь замуж до тех пор, пока не вернется из армии сын Микат.

Доля правды, естественно, в этом была. Без крепких рук Этуш Порака не смог бы добывать рыбу ни летом, ни зимой, и, разумеется, очень нелегко было бы ему прокормить столько ртов. Но здесь проявилась и предусмотрительность Пораки. Он, конечно, не мог ничего помнить из того, о чем говорили по пьянке с Валякси, и, чтобы удержать своего соседа от заранее обреченного на неудачу шага, сам способствовал распространению этого слуха, ибо, по правде сказать, сердце его не лежало к сыну Валякси – Мартину: и ростом действительно мал еще, на целую голову ниже Этуш, да и знал, что сын Валякси, хотя и оленевод, не сможет отвалить такой калым, какой он, Порака, потребовал бы.

Приезжали однажды – на третьем году после ухода Миката в армию – сваты с селения Лор Вош, но в это время Порака целый месяц находился в тайге, охотясь на белку в верховьях Нохар Югана. Три дня прождали сваты и уехали ни с чем. Мать, хоть и была дома, без мужа ничего не смогла им сказать. Их жених Кельчин Улька Пораку вполне устраивал, и он, придя с охоты, рассердился на жену, что не смогла сама уладить сватовство. Порака долго потом надеялся, что сваты придут еще раз, но, к немалому его сожалению, они больше не появились. Кельчин Улька взял через год в жены одну из дочерей Валякси, отвалив калым, как поговаривали соседи, довольно крупный – десять важенок и столько же быков.

Эта история подпортила отношения Пораки с Валякси. То ли проявилась зависть, то ли задумал Порака поставить на место

соседа, но, когда во время застолья в один из праздников Валяк-си попытался было затянуть свою любимую песню, он тут же получил решительный отпор: «Не заарканивай меня песней, не смущай словами мое сердце, как нежной княженикой. Дочь свою Этуш никогда за Мартина не отдам. Си! – Все! С другого конца песню заводи!»

...И сейчас, облокотившись на свой любимый бугрок у обской кручи и глядя, как дочь вынимает сеть, Порака размышлял: «Молодец Этуш! Ловко проплыла и в нужном месте стала вытаскивать. Хорошо научилась. Не хуже любого мужчины толк в рыбном деле знаешь. Да и не каждый, пожалуй, угонится за такой. Эх, Этуш... Нашелся бы только для тебя добрый жених! Черт с ним, с калымом. Можно угодить из-за него кое-куда. Был бы только жених работающий. Руки бы настоящие имел. Сердце чистое... И у меня ведь, когда женился, тоже ничего за душой не было. Землянка одна была. А гляди теперь – крепкий бревенчатый дом, лопас, корова, телка. Лошадь была, да колхозу, когда образовывался, перед войной уступил. Теперь-то вроде жить можно. И все своими руками заработал, своим потом наскреб. Тяжело, правда, приходилось. И детям немало досталось. Особенно Этуш. Много на своем горбу вынесла. Крепко помогла семье. Из-за этого и засиделась в девках. Но ничего, Этуш. Вернется из армии Микат – не буду держать. Хоть сразу замуж выскакивай. А то слышал: некоторые жены своих мужей начинают к тебе ревновать...»

И вспомнилась Пораке забавная история, происшедшая в начале нынешней путины.

На собрании рыбаков было решено, что временно с Этуш и Хоръяр Нэ поплавают недели две Шолтыкуп Юхур – он приехал зимой с селенья Уят Горт и никогда не имел дела с плавными сетями. Пусть, мол, подучится малость: как нагружать сеть, где начинать замет на каждом плавном песке, где поднимать сеть – и вообще узнает многие другие секреты. Этуш, много лет проплававшая с отцом, все это знала досконально. У Шолтыкупа, которому шел пятый десяток, была жена Якты Нэ, лет на десять старше его. Когда она узнала о решении бригады, примчалась в контору к председателю колхоза Паялу, хромавшему на правую ногу после ранения на фронте.

– Кай! Кай! – завизжала она. – Что с вами случилось? Моего мужа, что ли, отобрать хотите? Посадите в одну лодку, да с двумя женщинами! Не пушу его! Пусть лучше дома сидит! Без рыбы обойдемся!..

Больших трудов стоило тогда Паялу убедить ее, что это дело временное, что иного выхода нет, что муж ее Юхур, подучившись, через две недели самостоятельно будет плавать кормовщиком на отдельной бударке.

Но Яхты Нэ все же, не совсем доверяя мужу, каждый раз, как только их лодка отчаливала от берега, удобно устраивалась на соседней высокой круче и неусыпно следила за тем, как Этуш с подругой и ее муж плавают по реке, благо что плавные пески находились недалеко от поселка и хорошо просматривались невооруженным глазом.

Но однажды заболела Хоръяр Нэ и Этуш надо было проплыть с Шолтыкупом на песке Калнанг Пан, как говорится, под носом у поселка.

Как только Якты Нэ узнала о том, что муж ее уезжает на лодке с Этуш, она вломилась в дом Пораки:

– Кай! Кай! Порака аки! Ты тут лежишь!.. А там, а там!..

– Что случилось, Якты Нэ? – не понял Порака. – Ты как раскаленная железная печь стала. Что случилось?

– И ты еще спрашиваешь?! Тебе смешно!.. А моего мужа Юхура отобрали!..

– Как отобрали?!

– Как, как!.. Вон уже выезжает с твоей дочерью на плав. Одни!.. Одни ведь. – Она подбежала, размахивая руками, к Пораке: – Ты понимаешь, одни?! Разве можно такое?!

– Так они же здесь, рядом с поселком, будут плавать. На твоих глазах.

– Все равно, все равно. И не стыдно тебе? – Якты Нэ дернула рукав Пораки так, что чуть не порвала. – Не стыдно тебе, Порака аки, так отвечать?! Там же твоя дочь! И с чужим мужиком! Нет, нет! Не пойдет так! Иди, кричи! Возвращай их обратно. Пусть пристанут к берегу. Я к ним подсяду...

Пораке пришлось уступить требованиям взбалмошной женщины, не в меру ревливой: вышел на крыльцо и взмахами руки дал знать, чтобы подплыли к пристани. А Якты Нэ, несмотря на

свои полсотни лет, проворной белкой прибежала на берег и заскочила в лодку, приговаривая:

– И не стыдно, муженек? Средь бела дня хотел уединиться с чужой. Глаза тебе мало выколоть.

Вспомнив этот забавный случай, Порака поневоле улыбнулся и подумал: «Плохо, когда у женщины ум – с человеческий ноготок. Но еще хуже, когда у мужчины ум, как волос женщины, долго и нудно тянется. Шолтыкупа тоже, видно, Бог умом обделил. Почто бы тогда он в тридцать лет женился на сорокалетней женщине, да еще бывшей замужем и не имевшей детей?»

Порака, конечно, тогда не придавал никакого значения опасениям Якты Нэ, прекрасно зная, что дочь даже в мыслях не допустит, чтобы между ними завязался любовный узелок. Но теперь, особенно в это лето, стал тревожиться не на шутку. Порака все чаще и чаще замечал, что дочь даже в его присутствии начинала кокетничать в компании мужчин и некоторым позволяла вольности по отношению к себе. Порака стал понимать, что в дочери властно и настойчиво начинают пробуждаться природные тайные силы, начинают уже через край перехлестывать зреющие в ее сердце чувства, с которыми Этуш, как видно, не справляется, и что пора, как только придут первые сваты, выдавать ее замуж.

«А то не дай Бог, – холодок как свежая струя прошелся по сердцу, – схватит еще Этуш ребенка на стороне, опозорит всю семью. Все равно что живым меня в могилу закопает. – Он вытер со лба выступивший липкий пот. – Конечно, многое пришлось Этуш перетерпеть. Все из-за Миката. Его ждали. А без него – на кого же еще можно опереться, коль не будет дочери? Не на кого... Этуш умница, все понимает сама. Но и я должен понять ее».

И Порака вспомнил случай, происшедший с дочерью прошлой осенью.

В Месяц Листопада в их селенье заявился молодой заготовитель. Довольно красивый лицом, русоволосый зырянин Конев Василий. Он уже несколько лет подряд принимал в сезон охоты пушнину от колхозников, но на этот раз приехал почти на целый месяц раньше обычного. Он вначале объяснил это тем, что будет следить строго, чтобы охотники не начали промыслять зве-

ря прежде срока, когда мех у пушного зверя еще не установился как следует – ворс негустой, да и короток. А такие люди, конечно, в селенье еще водились, особенно старались раньше времени вылавливать капканами ондатру.

Но постепенно до ушей Пораки стали доходить слухи, что, мол, заготовитель приехал следить вовсе не за охотниками, что он тайком погуливает с его дочерью. Порака, привыкнув во всем верить только своим глазам, отсылал сплетников крепкими словами подальше.

Но однажды вечером, когда Этуш долго не было дома, к нему зашел заготовитель Конев, одетый в новую фуфайку и хромовые сапоги. Весь его стеснительный вид, необычная подтянутость свидетельствовали, что он пришел по какому-то важному делу.

Заготовитель вначале поинтересовался видами на охоту, а сам при этом так ерзал на табуретке, словно сидел на острых сучьях.

Вопросы, которые он задавал, Пораке показались малозначительными и надуманными, так как ответы он сам должен был хорошо знать. Скучный их разговор явно не клеился, Конев невпопад о чем-то заводил речь. Наконец признался:

– Порака, а Порака, я ведь за другим пришел. – Заготовитель, смущаясь, помялся, а затем все же выдал из себя: – Я, Порака, пришел просить у тебя...

– Просить? – не сразу понял он. – Что просить? Денег? Рыбы? Может, глухаря? Я убил сегодня утром двух здоровых.

– Да нет, Порака. Не то... Другое... Просить, чтобы ты дочь свою Этуш за меня отдал..

– Что? Куда? Кого отдать? – не понял вначале Порака, а когда дошло до него, покраснел, лицо стало как раскаленный обский камень. В пальцах появилась легкая дрожь, и затем, не помня себя и, очевидно, не в силах сдержать накопившуюся злость, он выпалил:

– А! Так ты за Этуш пришел?! За Этуш?! Смотри-ка, какой тайный вор нашелся!.. Не зря, значит, люди о тебе до моих ушей доводили... Ты вздумал дочь мою забрать?! – Порака придвинулся поближе к нему, расстегнув ворот рубашки на одну пуговицу. – А ты меня спросил об этом? Что? Разве я уже не отец ей?

Конев Василий, оторопевший от такого крутого поворота, растерялся и надолго лишился дара речи, но затем, овладев собой, сказал:

– Так я, Порака, поэтому и пришел. Спросить у вас, как у отца...

– Спросить, спросить... А этого не хочешь? – и он показал ему кукиш. – Так у нас не делают. Так не бывает у нашего народа, – все еще распалялся он, – Чтобы девушка или парень вначале гуляли, притом тайком, а потом согласия родителей спрашивали? – Порака так разгорячился, так размахивал руками, что бедный заготовитель побледнел. А старик, выговорившись и выметав всю свою злость, сказал под конец: – Убирайся! С глаз долой! Чтобы навсегда мой дом забыл! Все!..

И незваному жениху пришлось уйти ни с чем. Порака долго не мог успокоиться, долго не ложился спать, все ждал Этуш, чтобы и ей воздать должное за такой позорящий семью, самого Пораку поступок. Досталось изрядно и матери, которая за одной дочерью уследить не может. Порака даже приготовил широкий и жесткий кожаный ремень, чтобы наказать дочь, дабы она, как он выразился, поумнела слегка.

Но, видимо, предупрежденная матерью, Этуш не ночевала дома. А утром, когда она вернулась, уже поостывший Порака схватился было за ремень, но тут же бросил его в сторону священного ящика и выпалил приказным тоном:

– Си! – Все! Забудь с этого момента своего заготовителя. Не то, не то... – и, не договорив, он надел малицу и вышел на улицу.

«Да, – подумал Порака. – Кто знает, прав или не прав я был тогда, но Этуш с тех пор стала для меня словно чужая... Ничего, доченька, все образуется. Приедет Микат – не буду держать, лишь бы жених человеком был...»

Тут до слуха Пораки донесся лай собак. Он сразу же узнал своих псов – Налтува и Пелю. В голове мелькнула мысль: «Неужели Сантара вернулась из лесу? Неужели так быстро наполнили морозкой свои туески? – Он взглянул на солнце, которое, подобно раскаленной печке, излучало жар, и попытался определить время. – Быстро обернулась Сантара. Может, ягод не нашла сегодня или маленький Евдин закапризничал?»

Порака, тяжело покрхтывая, поднялся со своего места, поправил на ногах резиновые калоши, надетые на летние тонкие

чижи, и, отмахиваясь от комаров, которых сегодня из-за ветерка и жары было мало, медленно зашагал по мягкой низкой траве к летнему дому.

Порака не ошибся. Перешагнув низкий порог двери, закрытый мелкоячеистой мережей, чтобы комары поменьше просачивались в дом, Порака увидел жену и Евдина, сидевших на полу и перебиравших морошку, они откладывали сочную, поспевшую ягоду в отдельную чашку.

– Ой, папа! Сколько морошки видели, – загорелся Евдин, – ступить негде было!..

– Ты молодец, Евдин! – похвалил его отец и потрепал по всклокоченным волосам, падавшим на глаза. – Что за место такое обнаружили?

– На ложок Холхос Соям сходили, – ответила мать. – Не хотела вначале туда. Думала, кто оставит там морошку – в такой близости от селенья. Потом все же решила заглянуть. Пришла – ахнула! Ложбину словно красным платком нарядили. Да-а. Трехлитровый туюсок вмиг наполнила. Хотела из бересты еще один туюсок сшить и тоже наполнить, но тут вспомнила о Микате.

– Что о Микате? Что-то новое узнала? – встревожился Порака. – Или сон какой-нибудь неладный приснился о нем?

– Да нет, старик. Вспомнила о нюки ваях.*

– Так они же есть.

– Есть-то есть, да они, кажется, малость попортились. Вчера я в лопасе рылась, на всякий случай взглянула на них. Подмочило их дождевой водой слегка. Я их на другое место перевесила. Да вот боюсь: вдруг они малы будут сыну? Перед армией-то вроде по ноге были. А сейчас? За четыре года сын-то, небось, чуток подрос.

– Верно, старуха, говоришь. Умница. И я сегодня думал: а все ли для Миката готово из одежды?

– Так-то вроде все, старик. Вот только чувячки хочу новые сшить. Есть у меня одна обработанная, готовая шкура. Берегла ее. Хотела дочери сшить на всякий случай, вдруг ей дом придется покидать. Не возьмет же с собой поношенные кисы?

* Нюки вай – летние чувячки из оленьей кожи.

– Так-то так, старуха. Но дочь обождет. Ей пока не к спеху. Нарта на улице не дожидается. А вот сыну в самый раз сгодились бы шкуры. А то будет Микат нюки вай надевать, а они ему на ноги не полезут. Или наденет, а они развалятся, палец откуда-нибудь высунется. Вот будет сраму-то. Люди скажут: «Ждали, ждали сына, а нюки вай даже не сумели сшить». Нет, старуха, сегодня же начинай делать. А для дочери другую шкуру обработай.

– Я тоже так думаю, старик.

Евдин, услышав разговоры о Микате, которого он дожидался с нетерпением, запрыгал от радости. Затем, схватив несколько крупных спелых морошек с чашки и отправив их в рот, припал к матери и, блаженно жуя сладкую ягоду, опять, в который уже раз, спросил:

– Ой, мама, когда приедет Микат? Я так хочу на его форму взглянуть!..

– Потерпи, сынок, – мать вытерла рукавом платья грязные щеки сына. – Немного осталось ждать. Потерпи чуток.

– А что он мне привезет?

– А что тебе надо, сынок? – спросил отец.

– Мне бы кораблик. Ну, на котором Микат плавал. Я тоже хочу на нем поплавать. Он такой красивый.

– А ты откуда знаешь?

– Я же на фотографии видел. Там пушки такие огромные. Бух, бух!..

Порака, присев рядом с женой на тахар, потрепал Евдина по волосам:

– Ничего, ничего, сынок. Что надо, все Микат привезет. Уж тебе-то в первую очередь. Он же в каждом письме привет тебе передавал. Всегда спрашивал, как учишься, чем занимаешься. Так что не Сеспокойся. И кораблик, думаю, будет тебе.

– Ура-а! – обрадовался Евдин. – Я побежал на улицу. Ребятам все расскажу, – И он, вырвавшись из рук матери, проворным зайцем прошмыгнул за порог дома.

– Баловник! – улыбнулась мать и, взглянув на мужа, сказала: – Ну, и я пошла, старик, в лопас за шкурой. За шитье возьмусь.

– Иди, иди, старуха. Время не ждет. Оставшись один дома, Порака вытащил из кармана табакерку, заложил изрядный кус

под язык, а затем, поднеся щепотку к носу, несколько раз вдохнул в себя.

– А-а, – протянул он. – Крепок, крут табачок. Аж голову сразу кружит. Умеет Сантара готовить табачок для курева. Молодец!

Порака зажмурился и с нежной теплотой подумал о жене.

Сантара была у Пораки второй женой. Несмотря на свои годы – ей уже перевалило за пятьдесят – и перенесенные роды, немало отнявшие сил и здоровья, Сантара чувствовала себя бодрой и жизнерадостной. С детства знакомая со всеми невзгодами суровой жизни, она отличалась поистине железным здоровьем. Сантара ни разу не ездила рожать в соседнее селенье, Питлор, где находился фельдшерский пункт. Более того, двоих своих детей она родила в зимние морозы в специально сооруженном для этой цели из молодых густохвойных елей шалаше.

Удивляло и другое – чего, пожалуй, не наблюдалось ни у одной женщины седенья, – она после родов сразу же, через несколько часов, становилась на ноги и начинала заниматься привычными делами по дому: готовить пищу, таскать воду и рубить дрова. Любой посторонний, не зная, что она только что перенесла роды, пожалуй, даже бы не заметил особых изменений в ее поведении. Только бледность лица говорила о том, каких усилий стоило ей так держаться. К тому, вероятно, принуждали сами обстоятельства: все взрослые были на работе, а помощи соседей Сантара терпеть не могла. Она просто приучила себя к ежедневному ритму работы. Успевала утром, пока все еще спали, натаскать с речки пять-шесть ведер воды, растопить печь, помять кулаками заскорузлые высохшие чижи и кисы мужа и своих детей, подлатать их, где надо, подоить корову и приготовить завтрак.

Многие женщины селенья изумлялись: «Ты, наверное, десять рук и десять ног имеешь – столько дел успеть за день!»

Сантара, как всегда, отшучивалась: «Да что я... Как могу, царапаюсь. А куда деваться?» – но все же оставалась довольна, что люди ценят ее, хотя некоторые за глаза и поговаривали, мол, конечно, поспеет, коль дома целый день отлеживает бока. Но времени на то, чтобы сидеть, а тем более спать, у нее не остава-

лось. Она, помимо хозяйственных забот, каждую свободную минуту уделяла полезному делу: то она вязала ряж для плавных сетей, то обрабатывала оленье шкуры и шила из них малицы, гуси, тоборы и кисы для колхоза, то плела веревку из коры тала, то изготавливала из бересты паласы для покрытия чумов. Только тому, кто сам не занимался этой кропотливой работой, могло показаться, что она ничего не делает. У нее, по правде говоря, времени даже на болезни не оставалось. Простуду, которая редко приставала к ней, она переносила на ногах, а другие серьезные недомогания, словно боясь ее, близко не подходили, или, может быть, могучий ее организм, подобно пасти хищной щуки, глотающей мальчиков, еще в зародыше гасил их. Лишь одно беспокоило Сантару в последние годы. При слишком быстрой ходьбе, – когда она шла в лес по дрова или по воду, – у нее возникали боли внизу живота, и только это, пожалуй, в какой-то мере сдерживало иногда ее непомерный пыл, но жалоб от нее никто не слышал.

Нынешним летом, особенно в последние дни, когда Сантара вся жила ожиданием сына, она будто вновь помолодела на половину своих лет. Ее лицо посветлело и ожило, словно северный лужок, на котором еще несколько дней хирела прошлогодняя трава, а теперь внезапно задышала зеленая свежесть с наступлением летних дней. От ее глаз веяло утренним солнышком, словно от искренней улыбки маленького ребенка.

В лопасе Сантара сняла с поперечных вешал мягко выделанную оленью замшу, сунув ее под мышку, почти бегом спустилась по пологому склону к летнему дому.

Придя домой, она взяла ивтасты сохал – доску для вырезания, туесок, весь разукрашенный бисером, остронаточенный нож и тут же принялась кроить замшу для шитья новых чувячков для сына Миката.

Любила это дело Сантара! Под ее ловкими пальцами все получалось как-то само собой. Любую вещь она шила удивительно красиво и в то же время невообразимо быстро. Женщины селенья поражались ее необыкновенной проворности в шитье. То, что она успевала сделать за день, у них занимало целую неделю. Возможно, у нее иного выхода просто не было – попробуй вовремя обушь и одеть десять человек! – большие заботы приучили

к такой быстроте ее руки, движение которых в работе было доведено почти до автоматизма.

Сантара, даже не пользуясь заранее приготовленной формой, безошибочно раскроила замшу, затем наживила в нужных местах и приступила к шитью чувячков. Иголка с ниткой из суровой оленьей жилы так и мелькали в ее руках, слышался только глухой щелчок от моментально продаваемой иголки через плотно приложенные края кусков замши, и ложилась новая строчка. Да, отменным мастером была Сантара!

Сантара, оставшись в доме одна – муж с сыновьями Оськой и Евдином пошли гулять на берег, – отдалась любимому занятию. Еще бы! Ведь она шила чувячки дорогому сыну Микату, который должен вот-вот вернуться со службы и которого так мучительно долго ждала она. В ее сердце, сердце матери, хватало места для каждого ребенка.

И все-таки с особой любовью и болью относилась она к Микату. Возможно, потому, что он ушел на военную службу, а война отняла у нее первенца – сына Марата. О нем, пропавшем без вести на фронте, вот уже семь послевоенных лет не было ни слуху ни духу, несмотря на то, что много раз писали они в Москву, в разные инстанции.

Возможно, еще и потому она выделяла Миката, что лучше, чем кто-либо другой, понимала: придет время, и Микат станет главной опорой в их большой семье, – подобно вожаку-олению, поведет их нелегкую нарту по грядущей тропе жизни.

Все эти четыре трудных года она, поздно ложась, обязательно переносилась мыслями в неведомую ей воинскую часть далеко-далеко на востоке, где служил сын, и каждый раз тревожилась: «Как там, сынок, поживаешь? Здоров ли? Всего ли тебе хватает? Не нужна ли тебе моя помощь?»

Тяжело, ох как тяжело переживала Сантара первые дни разлуки! Летними утрами, рано будя сыновей, особенно в дождливую, ненастную погоду, она, чуть не всхлипывая, горестно произносила: «Был бы ваш старший брат Микат на месте, разве я разбудила бы вас в такую слякоть? Разве мучили бы вас так с отцом?»

В пору созревания трав, находясь на лугу с детьми, которых она с малолетства приучила косить, когда полчища комаров не

давали продохнуть, Сантара, жалея сыновей, говорила: «Что поделаешь, детки? Был бы Микат, не приводила бы я вас сюда на съеденье комарам. А куда деваться? Без молока не прожить. И сметана тоже нужна...»

Садясь отдыхать во время косьбы, глядя на неровные ряды прокосов, оставленных детьми, где трава наполовину была нескошенной и торчала в разные стороны, Сантара вздыхала: «Сейчас бы да с Микатом! Сколько бы травы уложили!.. А то что с вами? Больно смотреть на вашу кошенину...»

Миката она вспоминала каждую минуту, горюя, что его нет, и часто шептала с сомнением: «Кой, кой! Пал Турам Аси! – Отец Высокого Неба! Вернется Микат домой или нет? Неизвестно. Хотя бы ты нам помог...»

Сейчас же Сантара была довольна, поглощенная шитьем новых летних чувячков для сына, знала, что он вскоре должен вернуться домой, и тем не менее тревожные мысли словно холодными еловыми иглами покалывали в груди: «А вдруг случится что-нибудь?.. Вдруг новая война?..» И сердце ее при этом сжималось от боли, и она про себя со страхом заклинала: «Кой, кой! Опаль Аси! – Всевышний! Отведи от меня такую участь. Если сможешь, отведи от меня такую участь. Если сможешь, пожалуйста...»

Но рано или поздно тревога, подобно резко вспыхнувшему огню от сухих стружек, гасла, исчезала, и к Сантаре возвращалось радостное предчувствие скорой встречи с любимым сыном.

Она мысленно пыталась представить день приезда сына, как может произойти встреча, какое слово она первым произнесет, пыталась предугадать, как выглядит теперь Микат. В такие минуты сердце Сантары плясало и пело, наполняясь неведомым ей доселе счастьем. Вся она ликовала, глаза излучали несказанную радость. И Сантара, не справляясь с нахлынувшими чувствами, которые, подобно весеннему половодью, выходящему из берегов, захлестывали ее, невольно откладывала в сторону работу и надолго задумывалась. В один из таких моментов она сказала себе шепотом, словно убеждая себя в этом: «Кой! Наверное, настала пора и о другом делевсерьез подумать. Тоже очень важное дело». Сантара медленными движениями, отнюдь не свойственными ей, заплела распутившиеся за плечами короткие косы,

широким рукавом давно не стиранного платья смахнула со лба длинноносого кровопийцу-комара, убрала с колен и отложила в сторону доску для шитья. Она, решив отдохнуть, аккуратно положила рядом с доской выкройку и уставилась на заднюю, прокопченную и почерневшую от вечного дыма стену, где в рамке под стеклом висели фотографии сына. Все ее лицо светилось неброской красотой, излучая удивительную доброту, и невольно приковало бы к себе внимание постороннего человека. Правильной формы, короткий, как у утки-связы, нос, карие глаза, разлетевшиеся легкими крылами обской чайки строгие брови, широкий, с чуть отвисшей нижней губой рот, смуглый лоб, – вся она будто запылала, кровь в ней загорелась. Она словно вся помолодела. «Да-а, сынок, – тихо произнесла она и стала сравнивать предполагаемых невесток. – Кой, кой! Попробуй тут не ошибись. – Она словно перебирала в руках созревшие кедровые шишки.— Откуда мне знать твои вкусы, сынок? В старину все было по-другому. Выбирали отец и мать невесту, и дело с концом. Невесту, как песца, пойманного капканом, подносили к ногам жениха, ему только и оставалось, что прибрать ее к рукам. А теперь... – Она прикрыла веки и покачала головой. – Нелегкое это дело теперь. Ох, нелегкое. Легче пуповину раза два перерезать, чем угодить сыну. Вдруг ему не понравится невеста? И так уже бабушка Муссохпат...» – И мысли Сантары как-то сами собой перенеслись к давнему незабываемому и чуть ли не забавному случаю.

...Бабушке Муссохпат, давно ходившей с палкой, с побелевшими, как ягель, волосами, с лицом, сплошь изрезанным морщинами, шел уже восьмой десяток, и она из-за старческой немощи почти семь лет никуда не отлучалась из дому. Но в один из летних дней она вдруг решительно засобиравшись в гости к своим знакомым подругам в селенье Порават. С вдовой Пукшам, которая была вдвое младше ее, они покатили на нялалпи – на лодке, вдвое длиннее колданки, называемой в здешних местах «моржовкой». Хотя Порака и предложил поехать на более легкой лодке-колданке, но бабушка Муссохпат наотрез отказалась.

– Что ты? Что ты? – отметала она доводы Пораки.– Может, ветер, – да еще какой? – раздуется. Может, в гости оттуда подсядет кто-нибудь. Да любая посуда покрупнее все же надежнее.

Пораке пришлось согласиться, а сама Муссохпат, ничем пока не выдавая себя и свои планы, замыслила втайне, как выяснилось потом, серьезное дело.

На реке стоял полнейший штиль, и Порака выехал на плав на самый дальний песок Уят Пан, прихватив с собой всю семью и даже маленького восьмимесячного Оську в люльке, что он делал крайне редко, разве что только в спокойные дни, когда вода в Оби будто засыпала.

Приехал Порака с плава только на следующий день, когда жаркое летнее солнце уже приближалось к полудню. Сантара, взяв люльку с расплаканным Оськой, первой направилась домой. Подходя к порогу, она заметила на крыльце незнакомую женщину, заслонившую лицо платком при ее приближении. Вначале Сантара не обратила на незнакомку особого внимания – мало ли приезжает в гости женщин из родственников? – но ей бросился в глаза необычно ярко-голубой платок из шелка с коричневыми цветочками. «Девушка?.. – промелькнула мысль. – Точно девушка... Хм... Почему девушка?! – И внезапная догадка, словно кончик хоря, кольнула голову: – Неужели бабушка Муссохпат решила без...»

И в это время, одернув сетчатую мережу на двери, неожиданно легко, будто все еще молодая, выскочила на крыльцо бабушка Муссохпат, вся вытянувшись и выпрямившись, словно не ходила последние годы сгорбившись, удивленно всплеснула руками и радостно затараторила:

– Вот хорошо-то. Вот хорошо-то. Вернулись наконец-то. А мы тут с Рынгкам Нэ соскучились по вам. Особенно она. – Бабушка метнула теплый и загадочный, необычный для нее взгляд в сторону неподвижно сидевшей девушки. – Все же молодой невесте как-то непривычно в пустой дом входить. Конечно непривычно. Кто бы ни была, а стесняться будет...

– Невеста?! – резко остановилась Сантара, оглушенная, подобно тому, как глухнет глухарь от внезапного падения тяжелых

серых лиственничных бревен в расставленном охотником слопце.* – Как, невеста?..

– Что как? Что как? – удивилась Муссохпат. – Ты что? Ты что? Только родилась? Только родилась? – Она любила повторять по два раза одну и ту же фразу. – Забыла, как невесту в дом приводят?

Сантара, ошарашенная, потеряв всякую тактичность, забыв, что невеста сидит рядом с ней на крыльце, ответила, все еще не приходя в себя:

– Так, бабушка?! Мы же еще не договорились? И отец ничего не знает. Он же, он же...

Но тут Рынгкам Нэ резко вскочила и скользнула за дом, только звон побрякушек на ее длинных косах остался в ушах оторопевших женщин. Муссохпат словно кипятком обожгли. Она в мгновение ока преобразилась. От ее прежней удалости и бодрости не осталось и следа. Сгорбившись, поначалу поводя головой в разные стороны, а затем уставив на Сантару костлявый горбатый нос и раскосые глаза, она заворчала:

– Я-а. Я-а... Что с тобой? Что с тобой?.. Какая беда стряслась? – повторяла она знакомые свои выражения. – Зачем так? Зачем так со старым человеком разговаривать? Зачем так препираться? Не грешно? Не грешно?! – Муссохпат, постояв перед Сантарой, медленно, опираясь на трость, опустилась на крыльцо. Затем развязала тесемки на своей легкой, почти истершейся до кожи летней ягушке и продолжала: – Что случилось? Что случилось? Какую беду накликала? Какую беду накликала? Глаза твои так и рычат на меня, так и рычат.

Сантара, устав держать люльку, хотела уже поставить ее на крыльцо и поговорить спокойнее с неуступчивой, ворчливой Муссохпат, как сзади раздался недовольный голос мужа:

– Что с вами? Крик аж на берегу слышен. – Порака скинул с плеча суконный гусь на низкие вешала и, не вникая в суть спора женщин, как всегда, встал на защиту бабушки Муссохпат и прикрикнул недовольно на жену: – Ты опять, Сантара, завелась? Молодая женщина, а старуху злишь!.. Не видишь разве, ее словно кулаками по лицу мяли. Иди прочь. Занимайся своими делами...

* Слонец – орудие лова на глухарей.

– Да я, старик... – пробовала было заговорить Сантара и объяснить суть дела. – Я... Я за сына хотела заступиться.

– За сына? А что, разве кто-нибудь его обидел? Вроде нет его дома. С утра на рыбалке. Что ты мелешь, жена? Крутишь своим языком, словно черпаком в кипящем котле...

– Да я не мелю... – не уступала на сей раз Санта-ра. – Я что, маленькая?! Маленькая разве, чтобы вертеть языком, как собака кончиком хвоста? Только зачем все же без нашего ведома сына женить? Да еще и привести в дом...

– Как женить? Как привести? – застыл в удивлении Порака, начиная, видимо, понимать и поглядывая то на жену, то на бабушку Муссохпат. – Мы еще и сватов ни в один дом не засылали.

Бабушка Муссохпат, чувствуя, что дело принимает непредвиденный и неприятный оборот для нее, решила опередить события:

– Послушай немного, молодой свояк. – Она опять легко вскочила и выпрямилась перед Поракой. – Я плохого не сделала, не сделала. И преступления тоже. При глазах Опаль Аси – Всевышнего, при глазах священного солнца клянусь. – Муссохпат три раза перекрестилась и поклонилась солнцу, реке и лесу. – Я, молодой свояк, я, молодой свояк, коль по-толковому рассудить, дело полезное затеяла. Долго, долго думала над ним. Да и духи подсказали. Да, да, духи! И знал бы кто? Сам Великий Лох – Мултаха-Ики! – Хранитель Дома, – эти слова она произнесла почти шепотом и уселась на крыльце. – Ночью, ночью перед выездом в Порават из священного ящика голову чуть показал и промолвил: «Когда Миката жените? Не можете невесту в селе-нье найти? Но разве в других местах тоже нет?» Клянусь тебе, молодой свояк, так и сказал Мултаха-Ики. И ты же сам знаешь – коль указал великий дух, вначале его желание исполняют, а уже потом доводят его мысли и слова до нас, грешных. Да, да – грешных!..

Слова бабушки, особенно ее взволнованный рассказ о вещем сне, исходящем от великого идола, возымели свое действие на Пораку. Лицо его, потемневшее вначале, как чага на березе, от известия о женитьбе Миката, – которым, конечно, он тоже был немало поражен и, без сомнения, остался недоволен самовольными действиями Муссохпат, – постепенно смягчилось, словно

небо после внезапно налетевшей грозы, и Порака медленно опустился на крыльцо рядом с бабушкой.

– И что же, бабушка, – уже спокойнее заговорил Порака, смирившись с внезапно навалившейся неприятной ситуацией, – откуда же невесту привезла? Где она?

– Где? Где? – огрызнулась Муссохпат. – Некоторые женщины, некоторые женщины разве умеют, как вселюди, разговаривать? Испугали ее. Расстроилась, конечно, от такой грубой встречи. – Муссохпат сплюнула в сторону, сердито высморкала нос, поводила головой в разные стороны, затем еще шире распахнула свою ягушку, словно ей тяжело было дышать, и продолжила жалостливым тоном: – За дом невеста убежала. Но ничего, ничего. Придет, придет. Куда денется сейчас-то? Да и ей, понятно, стыдно стало перед будущим свекром. Кому не стыдно, кому не стыдно? И мне в девушках, помню, было стыдно.

– Кто она такая? – спросил Порака. – Откуда родом?

– Бедна она родословной. Бедна. Можно сказать – сирота. Рынгам Нэ знаешь?

– Это котоя Рынгам Нэ?

– Ну, та. Отец еще был Ямру Логи. Ну, на войне он погиб. Знаешь? А мать прошлый год умерла от чахотки. А она, бедненькая, а она, бедненькая, одна осталась. У дальнего родственника Ярасима жила. Она мне, можно сказать, по материнской линии тоже далекой родственницей приходится.

– А-а, вот как, – покивал головой Порака. – Пусть хоть покажется. Хоть фигуру посмотрю.

– Это можно, это можно. Сейчас, сейчас. – Муссохпат теперь не вскочила, не засуетилась, видимо полагая, что дело уже выиграно ею, а медленно встала и, опираясь на тросточку, заковыляла за дом, покрикивая: – Рынгам Нэ, Рынгам Нэ! Простят тебя. Свекор тебя просит. Покажись, покажись!..

Недолго побыв за домом, бабушка Муссохпат вернулась с невестой, держа ее за руку.

– Вот она, вот она. Ох, и стеснительная, ох, и стеснительная. Шагу лишнего не сделает. Слова лишнего не вымолвит. Послушной будет женой. И работающей, и работающей. Отец ее с восьми лет брал на рыбалку. С малых лет знает, как грести веслом. Не раз сама видела, не раз видела...

– Коль так, бабушка, то, по твоим словам, выходит, подходящую жену Микату выглядела?

– Разве старая бабушка может ошибиться, может ошибиться? Какой-нибудь свежий листочек в мозгах есть еще, еще растет. Не все там засохло...

– Так. Значит, женили Миката. – Порака вытащил из левого кармана ситцевых брюк трубку, заложил табаком и прикурил. Сделав несколько глубоких затяжек, сказал жене, которая уже находилась в доме:

– Слышишь, жена? Дело сделано. Готовь место в доме для невесты. Палатку отдельную завяжи. Пусть невеста пока обживет свой уголок. А там, глядишь, к вечеру и Микат зайвится. Все сделай, чтобы молодым было хорошо. Сама знаешь...

Сантаре ничего не оставалось делать, как безропотно выполнить указания мужа.

Так в первый раз Микат, которому только исполнилось семнадцать лет, заимел жену, и тоже еще несовершеннолетнюю.

По правде сказать, конечно, Порака был недоволен решением бабушки Муссохпат. Но хитроумный Порака имел и свои планы. У Муссохпат после смерти мужа Мояпси осталось около тридцати оленей. Всех оленей – об этом она однажды проговорила – бабушка собиралась после смерти завещать Пораке. Надо было дождаться зимы, когда стада вернутся с Урала, и тогда можно было бы их заново пересчитать, сделать родовой знак на ушах каждого животного, и только после этого они станут собственностью Пораки, согласно воле бабушки. Понятно, что Порака, у которого имелось всего с десяток оленей, давно мечтал о них. И сегодня он, хотя и был не меньше жены недоволен самовольным поступком бабушки Муссохпат, вынужден был согласиться, боясь, что Муссохпат может переменить свое решение и завещать оленей своим сестрам, жившим в других селеньях. Вот почему Порака внешне спокойно воспринял действия бабушки Муссохпат, не взорвался, что бывало с ним обычно, когда принималось какое-нибудь решение без его согласия.

«Да-а, удружила нам своей невестой Муссохпат, – размышляла Сантара, поглядывая на свои длинные ногти. – Видно, и ее вещий сон тогда не подтвердился. Видно, не совсем правильно

истолковала она слова Великого Лоха. А то разве бы случилась беда в эту же зиму?..»

Теперь Сантара, когда уже не было в живых Муссохпат – она умерла два года назад, – могла свободно обсуждать ее действия.

Вскоре после женитьбы произошли горькие события.

Из-за большой воды на Оби колхоз не выполнил план по рыбодобыче. Часть рыбаков правление колхоза направило на экспедиционный лов далеко на север, в Тазовскую губу. Среди уехавших оказались и Микат со своей женой Рынгам Нэ. В районе Хальмер-Седе, где скопилось в ту зиму до сотни рыбаков с разных мест, Микат с женой выставили сети для подледного лова. Лов удался. Они вдвое перекрыли плановое задание. Но Рынгам Нэ в холодной тундре зимой простудилась, тяжело заболела двусторонним воспалением легких и надолго слегла.

Микат вернулся домой уже к весне, один, без жены, которая умерла в Месяц Ветров...

– Кай, кай! – прошептала Сантара, вспомнив все это. – Турам Аси! – Отец отцов! Большая сила у тебя. Сколько жизней можешь подарить... И сколько жизней обратно можешь взять. Темна тропа жизни. Не знаешь, где споткнешься. Но все же о Микате, о его будущем надо заранее подумать, – почесывала она висок. – Да... пожалуй, пора настала. Надо бы сегодня кончик разговора об этом деле до мужа довести. В Порават бы не мешало съездить. Там, сказывала соседка Матра, дочь у Семаники в самый раз красотой своей расцвела. И, говорят, чисто-плотная. И ногам и рукам слишком отлеживаться на дает. Нет, надо со стариком переговорить. А то опоздаем. Пока прособираемся – невесту из-под носа выкрадут.

Порака словно подслушал ее мысли и, как нельзя кстати, ввалился в дом, точно тяжелый муксун, выскользнувший из рук и шлепнувшийся на пол. Увидев, что жена предалась своим размышлениям – а это крайне редко бывало с ней во время важной работы, – спросил:

– Я-а! Который мыс в плывущих мыслях лодкой своей огибаешь? И скоро ли к стоянке пристанешь?

– Уже причалила, старик. И корешок мысли в По-равате застрял. Зацепился за одного человека.

– И за кого же? Наверное, за девушку? Говори скорей. – Глаза Пораки радостно засветились.

– Верно, старик. Пора уже о Микате думать.

– Конечно, пора, Сантара. И до чего же ты молодец! До чего же догадливая! И я об этом же думал. Потому и спешил, чтобы с тобой перетолковать. И кто же она?

– Дочь Семан-ики. Еля.

– Кой, старуха... Ты, оказываешься, еще не потеряла вкус. И глазами оценить можешь, и мозгами пораскинуть. Хорошая девушка. Видел я ее этой весной на берегу в Поравате. Хорошая девушка. Красота ее чуть в воздух не поднимает. Молодец, Сантара! Хорошую невесту заметила.

– Коль так, старик, может, мне наведаться туда? К ее родителям? Бабушку Лэвнэ с собой прихвачу.

– Что ж, верно, старуха. И опять ты своими мыслями меня опередила на целый поворот реки. Верно говоришь. Без Лэвнэ не езжай. Она старый человек. Знает, как дело обставить. Знает, где капкан расставить и куда стрелы запустить. – Порака от удовольствия потер широкие дряблые ладони, вытащил из кармана табакерку, поднес щепотку табаку к ноздрям, втянул и, видно успев все мгновенно обдумать, сказал:

– Правильно мыслишь, старуха. Завтра и езжайте в Порават. Не стоит задерживаться. Спелая ягода хороша, когда вовремя ее соберешь.

– По-моему, тоже так. Надо поспешить. До нас и других людей могут в том доме за стол усадить, и мы к важному чаю опоздаем.

– Верно, старуха.

– И я так думаю. А чувячки сегодня к вечеру закончу. Один уже готов. Посмотри – подойдут Микату?

Порака повертел в руках чувячку, искусно сшитую Сантарой из оленьей замши и оленьих лап, которые пошли на подошвы.

– Хорошо, старуха. Хотя глаза и потеряли зоркость, но вижу: шов вроде ровный. Крепкий. В самый раз будут Микату. – Порака провел внимательно по шву, словно проверяя качество работы, и, довольный, сказал: – Тогда я, старуха, на берегу поцарапаюсь, колданку приготовлю вам для завтрашней поездки. На воде ее испытаю. А то, может, рассохлась за лето да воду пропускает. – И

он, пригнувшись, чтобы не удариться о притолоку двери, вышел на улицу, не торопясь направился к берегу, где на песчаном мысу лежала, словно отдыхающая лосиха, перевернутая набок с весенней охоты, хорошо просмоленная, выделанная из стройного кедра, легкая, но довольно вместительная колданка.

Утром Порака, проводив жену со старухой Лэвнэ в Порават, уселся на берегу и стал дожидаться возвращения с ночной рыбалки своих сыновей.

Сыновья Пораки все походили на отца. В селенье некоторые старики иногда подшучивали: «Их словно из одной ровной чурки, не имеющей сучков, сделали, расколов на части. Не сразу и отличишь друг от друга».

Только вот характером и отношением к делу различались они. Сыновья его между тем, спокойно проплыв на плавном песке Нумпан и подняв сеть, уселись на гребни и дружно гнали бударку к пристани. В лучах утреннего солнца взмахами крыльев летящей гагары над водной гладью поблескивали ладони их широколопастных гребей, а на носу трепетал алый флажок, отмечавший лучших среди рыбаков.

«Молодцы ребята, – с разомлевшим сердцем подумал он о сыновьях. – Не жалеют себя. Особенно Якур старается. Молодцы сынки. Что еще надо? От взрослых не отстают. Наверное, и сейчас с неплохим уловом вернутся. Вроде бы Якур, если только глаза мои не обманывают, когда поднимал сеть, два раза до самой воды нагибался. Долго возился там. На помощь к нему с кормы Кевхо подбегал. Должно быть, рыбу какую-нибудь крупную вытаскивали. Не иначе. Ну да ладно. Приедут – увидим.

А лодка сыновей, зарываясь при каждом очередном гребке в тихую, словно лоснящуюся жиром обскую воду, уже приближалась к небольшой деревянной пристани, сооруженной из нескольких козлин с перекинутыми через них неширокими трапами.

По возбужденному смуглому лицу Якура, покачивавшегося на корме в такт глубоко и резко взламывавшему воду кормовому веслу, Порака понял, что вода-кормилица и на этот раз не обидела их. Как только лодка причалила к пристани, Якур, как

кормовщик, тут же послал братьев за двумя носилками, а сам встал посредине лодки в ожидании отца.

Порака не ошибся: рыбный ящик до краев был заполнен глыбами серебристых муксунов, а в переднем ларе поверх дощатых настилов, умело подогнанных По-ракой к крепкому сосновому шпангоуту, ворочались два жирных, толстобрюхих – наверняка икряных – четы-рехусых осетра, каждый, пожалуй, с два пуда весом.

Якур, казалось, был на седьмом небе от свалившегося счастья, он улыбался подошедшему отцу:

– Самый большой осетр чуть не вырвался. На одной ячее держался. Голыми руками пришлось ловить. К борту лодки прижал.

– Видел, все видел, сынок. Молодцы! И Кевхо помогал вытаскивать. И даже Волать не отстал.

– Да, отец. Вот только руки слегка поцарапал.

– Вижу, вижу, сынок. Осетр своими хрящами, какножом, режет. Бывает, бывает такое, сынок, когда из воды их неосторожно вытаскиваешь.

– Следующий раз умнее буду. Возьму рукавицы. Тогда-то как капканом накрою его. Никуда не уйдет.

– Ладно, ладно, сынок. Не загадывай раньше времени...

Порака, расспросив ребят, как они порыбачили ночью, стал поторапливать их:

– Отоспаться вам надо хорошенько. Завтра сор пойдем перегораживать. А сетку я сам потихоньку распутаю.

И на этот раз за свою смену Якур с братьями опередили всех рыбаков, сдав около двух центнеров ценной рыбы.

После плотного завтрака – Порака сам зажарил свежих муксунов – ребята нырнули в палатку, которая была поставлена в летнем жилище, специально выстроенном из толстых плах отцом и Микатом в последнюю весну перед призывом в армию. Младшие, Кевхо и Во-лать, сразу погрузились в сон: храп у них был такой, что, казалось, изо рта и ноздрей вылетали жужжащие пауты.

А Якур, хотя за долгую ночь устал не меньше братьев, все никак не мог заснуть. Он опять, как все эти четыре года, а в последние дни особенно, думал о Микате, с нетерпением ожидая

его приезда. Ни для кого не секрет, что Микат из братьев больше всех уважал и любил его, Якура. Мать и отец, если кто-то обижал Якура, предупреждали: «Вы не очень-то распоясывайтесь. Вот вернется Микат, задаст вам».

Якур и сам чувствовал симпатию старшего брата. До самого отъезда в армию Микат спал с Якуром под одной ягушкой. Если выезжал Микат весной на охоту, то непременно устраивался на корме колданки и Якур. А там, на охоте, в скрадке, сажал Микат брата рядом с собой, и вместе ждали уток. Во время сорового лова Микат уезжал далеко от поселка и перекрывал ставными сетями небольшую протоку Шум-Юган. И из всех братьев Микат брал с собой в помощники только Якура. Хоть мальчику было тогда девять-десять лет, но он уже умел выпутывать из сети юркого сырка, важного жирнобрюхого муксуна и даже справлялся с крепкохвостым прытким щекуром. Микат не доверял Якуру сеть только в том случае, если запутывалась красавица нельма, опасная резкими и мощными ударами стройного и пружинистого хвоста. А сколько луков и стрел, самых разных, смастерил Якуру до армии Микат! Все они, пожалуй, не уместились бы в легкой мальчишеской нарте Якура. Впрочем, и остальные вещи Якура, предназначенные для игры, – и узкие березовые лыжи, и бросаемые наперегонки хонпат юхи – скользящие палки, – все было искусно сделано руками Миката.

А сколько интересных охотничьих историй из недолгих совместных путешествий мог бы поведать Якур? О, наверное, не в один бы тутсянг – туесок для шитья – их пришлось бы затаривать и уграмбовывать!

Вот и сейчас, думая о Микате, он, предвкушая сладость новых охотничьих приключений с братом, вспомнил один эпизод.

...Случилось это в дни весенних каникул, незадолго перед призывом Миката в армию. Якур учился тогда в третьем классе. Получалось так, что Микат в последний раз перед закрытием охотничьего сезона собирался выехать в тайгу осмотреть свои ловушки и, убрав их, дней через пять вернуться в поселок.

Хотя на дворе и стоял Месяц Ветров, но погода установилась на редкость хорошая. После долгой суровой зимы солнце, подобно лисице с длинным пушистым хвостом, начинало всюю

хозяйничать на небе и своим ярким светом и едва уловимым теплом заливало приобскую тайгу.

Ну разве можно было удержать в такую пору дома Якура, который видел своими глазами, как Микат собирался в тайгу, да еще на оленях?! Уговоры отца и матери, что он в тайге будет только путаться под ногами брата-охотника, что может неожиданно разыгаться снежная пурга и что, наконец, он станет в нарте просто лишним грузом, никак не подействовали на мальчика.

В день выезда Миката он встал раньше всех, надел малицу, теплые кисы и уселся на нарте в ожидании брата. Когда родители опять попытались отговорить его, он так залился слезами, что они и сами не рады были, и им пришлось поневоле уступить яростной настойчивости Якура.

Якур тогда впервые оказался с братом на зимней охоте. Доехали на оленях до протоки Нохар Юган, где находилась промысловая, построенная еще отцом Пораки из тонкомерных елей приземистая избушка. Она была столь малой, что на нарах, срубленных из молодой березы, еле помещались для ночевки два человека. В углу, по правую сторону от входа, стояла низкая, смастеренная местными умельцами печурка, а в другом углу накружной и толстой, в обхват человека, еловой чурке обычно ели. На стенах было прибито много гвоздей для подвешивания одежды и сушки шкур добытых зверей.

На второй же день Микат поймал капканом лисицукрестовку. Обходя ловушки, они – а Якур не отставал от брата ни на шаг – заметили на свежей пороше следы белок, их было необычно много для этого времени года. И вечером Микат решил на всякий случай основательно запастись боеприпасами и принялся заряжать патроны. Вездесущий Якур совался под руку, навязывался помогать во всем. Микат, начав забивать капсули в патроны, понял, что от Якура так просто не отделаешься, и поручил ему подготовить пыжи из утлапа – сухих стружек тала – и отыскать коробку пороха, стоящую где-то в углу на маленькой полочке.

Якур не раз дома готовил пыжи то Микату, то отцу и знал, насколько это нудно и утомительно, и поэтому, недолго для начала повозившись с ними, решил взяться за более серьезное де-

ло – пересыпание пороха. Он, не спросив брата, который еще не закончил забивать капсули, вытащил пачку дымного пороха и насыпал его в небольшой ситцевый лоскуток материи. Недолго думая, Якур пошарил в мешочке, сшитом из крепкого холщового материала, извлек оттуда мерку для пороха и стал увлеченно заполнять ее порохом и высыпать обратно. Микат, занятый своим делом, сидел к брату вполоборота и ничего не замечал, а когда стал забивать в патрон последний капсуль, молоточком высек искру и...

Микат, интуитивно бросив взгляд в сторону, успел лишь заметить взметнувшееся пламя и тут же горячим воздушным потоком был опрокинут на спину.

«Порох!.. – мелькнуло в его голове. – Искра угодила в порох!..

Тут же раздался страшный крик:

– Ой-ой-ой! Ана-на! Больно! – скорчась, орал Якур.

Опомнившись, Микат схватил висевший на стене патронташ с заряженными патронами и выкинул из дверей наружу. В тусклом свете дыма от горевшей под нарами бересты, которой он всегда запасался впрок, Микат заметил на полу раскрытую пачку пороха, зарядов на десять, каким-то чудом еще не вспыхнувшую, хотя язычки пламени начинали лизать ее растрепанные края. Страшная мысль мгновенно обожгла сознание, он стремглав кинулся к этой пачке и только было собрался выкинуть ее наружу, как громовой грохот оглушил его.

Микату обожгло руки и особенно лицо. Он не помнил, как схватил за руку лежавшего на полу Якура, выскочил с ним за порог и нырнул в глубокий зернистый снег.

Когда Якур чуть-чуть пришел в себя, он ощутил невыносимое жжение на лице и громко заплакал.

– Больно! – рыдал он. – Ой, умру! Вот-вот умру! Микат ужаснулся, увидев его почерневшее лицо, и,

хотя сам испытывал не меньшую боль, постарался успокоить брата:

– Не плачь, Якур, не плачь. Сейчас что-нибудь придумаем. Не плачь...

От вспыхнувшего пороха занялась избушка и вскоре уже пылала жарким пламенем. Терзаемый болью, Микат не делал попыток потушить огонь, да он, пожалуй, и не смог бы – уже ру-

шила кровля. Единственное, что успел все же сделать, – это вынести начинавшие тлеть малицы.

Якур, глядя на пожар, продолжал все громче и громче плакать.

Да, в отчаянном положении оказались бы Микат с братом, не окажись рядом с зимовкой нераспряженной оленьей упряжки. Ночью они кое-как доехали до поселка, скорее даже олени сами доставили их по хорошо известной им дороге.

Порака ночью же отвез их в соседний поселок, где находилась больница. Около месяца провели там братья, пока под обожженными участками тела не появилась новая кожа.

Теперь Якур своим мальчишеским умом понял, в какой смертельной опасности мог бы оказаться, не будь рядом брата.

«Кой! – подумал Якур, лежа в палатке на оленьей шкуре. – Какая беда могла приключиться в лесу! Какая беда!.. Не будь Миката – не полеживать бы мне сейчас здесь...»

Чувство благодарности к Микату владело всем существом Якура, и ему больно было слышать причитания матери, когда провожали брата в армию.

– Почему только Микат не умер тогда? – повторяла она, качая головой, сидя на тахаре. – Почему не сгорел в лесу вместе с избушкой? Не мучилась бы сейчас так...

– Зачем так плохо говоришь? – спросил ее Якур. – Разве живой человек хуже?..

– Что ты здесь крутишься! – огрызнулась Санта-ра. – Что ты понимаешь во взрослых делах? Откуда ты знаешь, что будет с ним в тех неведомых землях? Вспомни старшего брата. И след простыл, и слова о нем потерялись. Не знаю даже, где дыхание его захлебнулось. А с Микатом?.. Кто знает, что с ним будет? Где потом его могилу искать? Здесь я хоть бы знала, где он душу отдал...

– Но, мама... Сейчас же нет войны.

– Нет, нет... Не слышал разве про атомную бомбу? А там – атам.* Слово-то какое. Само за себя говорит. Сказывают, где

* Атам – в переводе с ханты означает «плохо», «беда».

тебя поразят, даже пепла твоего не останется. А ты еще успокаиваешь меня...

Якур, разумеется, тогда ничего не мог доказать матери.

От горьких воспоминаний Якуру стало не по себе, и он постарался отогнать их, точно дым, и, чтобы быстрее отвязаться от них, попытался представить день встречи с братом...

В голове у него возникали различные картины, не похожие одна на другую, словно он каждый раз погружал руку под воду и извлекал оттуда очередную трепещущую рыбу-красавицу.

Одно Якур знал непременно: Микат приедет в селенье или на лодке, или на попутном катере. Но когда? Ведь Якуру, самое главное, надо первым встретить брата и сообщить отцу и матери эту приятную весть.

...Ему представляется, что он ранним утром выходит на берег реки и неожиданно видит подплывающую к селенью колданку. Якур внимательно приглядывается, взмахи весел кажутся ему знакомыми, и он, не различив еще лица человека, по одной лишь ему понятной детали догадывается, что это Микат. И он, не дожидаясь, когда колданка окажется рядом, со всех ног бросается по галечному берегу к дому, камнем перелетает через порог и, задыхаясь, кричит:

– Микат, Микат приехал!..

А затем, пока родные приходят в себя от радостной вести, он опять несется на берег и, от восторга на седьмом небе, первым встречает брата. Он подхватывает в колданке его тяжелый чемодан – он должен быть непременно тяжелым, так как Микат везет много подарков и, конечно, полную матросскую форму для Якура, – и, пристроившись сбоку, важно вышагивает с Микатом к дому. А жители селенья, высыпав из домов, любуются Микатом, его стройной фигурой, твердой широкой походкой, красивой формой и, разумеется, им, Якуром, Якур аж застонал от такой приятной картины. И он тут же решает: с завтрашнего дня тайком от всех остальных будет ходить по утрам вдоль берега. Он был твердо уверен, что Микат приедет обязательно утром. По-видимому, Якур имел основания так полагать. Он, когда пришло последнее письмо от Миката, тоже получил небольшой треугольничек, вложенный в большой конверт и спе-

циально предназначенный ему. Так и было написано: «Передать лично в руки Якура».

Подобное случилось впервые. Обычно в общем письме Микат передавал приветы всей семье, хотя в конце несколько фраз черкал для Якура. Когда отец и мать поинтересовались, что же пишет ему Микат, удостоив из всех братьев именно его отдельным письмом, Якур, разволновавшись, сказал, что ничего особенного, что брат решил написать письмо от нечего делать. Но Якур, конечно, скрыл от родителей небольшую тайну, сообщенную братом. Микат в письме передавал, что он постарается приехать в поселок рано утром на колданке и чтобы Якур был заранее готов к встрече, а пока никому ничего не говорил.

Но подспудно в сознании Якура появилась и другая мысль: «А вдруг приедет на катере?.. Ведь столько катеров и вверх и вниз ежедневно снуют по Оби...»

Правда, Якур уже успел обдумать различные варианты и понял, как поступить. Ему надо просто внимательно следить за каждым проходящим мимо селенья пароходом или катером. Труднее придется ночью: здесь надо держать ухо остро, как пастуха на оленьем пастбище. «Ничего, – решил Якур. – Спать меньше буду ночью. Почаще вставать буду. На берег выходить. Прислушиваться стану. Ничего со мной не случится. Ради такого случая можно и не поспать».

Братья его в палатке давно уже спали, не одну плавную сеть, пожалуй, успели выметать во сне, а Якур никак не мог забыть. Вот и теперь, даже приказав себе ни о чем не думать, чтобы быстрее уснуть, он, однако, опять мыслями был с Микатом. Подобно крепко примерзшему к песчаному берегу после спада воды осеннему льду, внезапно всплывшему в весеннее половодье, в голове Якура воскрес один из случаев доармейской жизни Миката.

Перед армией Миката выбрали секретарем комсомольской организации их небольшого рыболовецкого селенья, а его заместителем, как объяснил тогда брат, русскую девушку Тоню, работавшую в колхозе кассиром. Якура, естественно, тогда не занимали дела и заботы молодежи села, но одно не могло ускользнуть от его внимания: Тоня слишком уж часто, как ему казалось, заходила в их дом по комсомольским делам. Чаще все-

го она спрашивала одно и то же по нескольку раз, и, как заметил Якур, не о таких уж сложных вещах. Иногда она приносила комсомольские взносы по частям, как будто не могла собрать все сразу. Якур не раз замечал также, что Тоня при разговоре так впивалась глазами в Миката, что даже мать однажды не вытерпела и после ее ухода заметила: «Тоня весь вечер словно на колданке плавала в глазах сына». Якуру это даже нравилось, и он гордился тем, что красивая русская девушка старается расположить к себе его любимого брата Миката.

Тоня была дочерью колхозного бухгалтера Кузьменко, специально посланного в тридцатых годах Омским обкомом для организации рыболовецких колхозов на Севере. Тоня и родилась, говорила мать, в их селенье. Выглядела она довольно мило – русоволосая, с длинными косами, смуглолицая, с небесно-голубыми глазами. Правда, несколько выделялся слишком курносый нос. Старики иногда подшучивали, что «эту девушку со вздернутым носом скоро ветер на крыло поднимет и в облака унесет». Тоня, научившаяся понимать и разговаривать похантыйски, каждый раз мило улыбалась и шутя грозила пальцем в ответ: «Я вам дам, берегитесь: и вас в небо утащу с собой».

Якур, конечно, не знал, о чем меж собой говорили Микат и Тоня на встречах комсомольцев в конторе, на собраниях или еще где-нибудь, но все же догадывался, что были разговоры, связанные не только с общественной работой, в чем однажды убедился в то лето, когда Миката призвали в армию.

... Перед сменой Миката его весельщик Дмитрий неожиданно заболел, и тогда Порака, чтобы не сидеть сыну дома, предложил в напарники Якура и мать: на реке стоял полный штиль, да и промышлять надо было под самым носом поселка. Микат охотно согласился. Рыба ловилась хорошо – поймали и сдали на приемный пункт около центнера муксуна и одного осетра, но к ночи на реку наплыл густой, неуклюжий, словно лесной великан, туман, да такой, что от кормы до носа лодки едва можно было различить лицо напарника. При такой видимости совершенно невозможно было определить место для замета сети и ориентировались лишь по переключке с человеком, которого специально оставляли для этой цели на берегу.

Первый раз Микату удалось верно закинуть сеть и поймать две нельмы и с десятком муксунов, но во второй раз он слишком далеко уплыл по реке, и сеть крепко зацепилась за подводную корягу. Пришлось якорем захватить второй конец сети, оставшийся свободным, и, выбрав ее в лодку, отрезать ножом небольшой кусок. Микат с матерью тут же на берегу быстро починили сеть, но закидывать вновь не осмелились и решили дожидаться, пока слегка рассеется туман. Поразмыслив, Микат предложил матери и Якуру, чтобы зря не мучиться, идти домой и улечься спать, а когда нужно будет, он их разбудит.

Мать так и сделала, благо до летнего дома было всего метров двести, если подниматься по пологому склону. Но Якур, дойдя до порога, не стал ложиться спать, а решил посидеть у крыльца и подышать всласть туманным, влажным воздухом, а затем спуститься на берег, пройтись по песчаной косе, сплошь усеянной мелкой галькой, и позабавиться бросанием камешков – любимым занятием детства.

Якур сидел на широких ступеньках крыльца и собирался уже идти к берегу, как услышал на дороге, проходившей рядом с домом, звуки легких шагов, удалявшихся в сторону реки.

«Кто бы это мог быть? – подумал он, зная, что рыбаки другой, в паре с ними плавающей бударки жили у самого склона горки и еще раньше, тоже из-за густого тумана, улеглись спать. – Хм... И что человеку нужно на берегу в таком тумане? Да там только один Микат и остался. Сидит, небось, за сараем на обтесанных еловых бревнах да подремывает себе».

Якура подмывало встать и последовать за неизвестным. Он, как проворный горноста́й, почуявший добычу, медленно стал спускаться к берегу. Спрыгнув с размытого волнами невысокого обрывчика и оказавшись почти у самой воды, он прислушался. Якур не ошибся: невдалеке за амбаром, где на бревнах сидел Микат, раздавался еще один голос. И, как показалось ему, – женский.

Любопытство охватило Якура. Он хотя и догадывался, кто она, но пока сомневался. Запросто, ни с тогони с сего, да в такую туманную ночь Микат встречается с женщиной!.. Никогда ничего подобного Якур не замечал за братом. Он осторожнее кошки стал подкрадываться к ним. Подойдя к рыбоприемному

пункту, откуда до сарая оставалось не дальше броска аркана, Якур остановился, затаил дыхание и прислушался. Якур сразу же узнал голос: Тоня... Он долго глядел в сторону сарая, где брат иногда посмеивался вместе с Тоней, и, по всему виду, им было весело. Якур подумал вначале, что Тоня просто вышла погулять на берег ночью, случайно встретила там Миката, разговорились и вскоре, наболтавшись, она пойдет обратно домой.

Но время шло, подобно медленно проплывающей лодке, а Тоня все не показывалась.

«Что же делать? – подумал Якур. – Что ей надо от Миката? – начинал он ревновать. – Почему не уходит?»

Якур понимал, что нехорошо подглядывать и подслушивать чужие разговоры, но любопытство взяло верх. Еще долго простояв в нерешительности – за это время можно было бы закинуть трехпровязную сеть, – Якур все же не удержался от соблазна: решил незаметно взглянуть на них с дальнего угла сарая. Он тише травы прокрался в дальний, уже изрядно подгнивший угол сарая, где хранилась соль, и через узкую щель двух поперечных плах взглянул в их сторону.

Вначале он то ли от волнения, то ли из-за густого тумана ничего не мог различить, но затем, освоившись с обстановкой, увидел их и чуть не ахнул от удивления. Микат, крепко обняв Тоню, целовался с ней. От неожиданности подкосились колени Якура, и он чуть не свалился на сыпучий песок. Но какая-то сила удержала его на ногах, он глубоко вздохнул, и тут ему стало невыносимо стыдно за себя, за свое неумеренное любопытство. Да и как он будет выглядеть, если вдруг брат приметит его? Сердце колотилось, словно кто-то посторонний уличил его в подглядывании, глаза слипались, будто затягивало их тягучим осетровым клеем, и его потянуло немедленно убраться восвояси. Якур так же незаметно выскользнул из соляного сарая, добрался до дома и нырнул в палатку...

«Да-а, интересно было тогда, в ту туманную ночь, – размышлял своим подростковым умом Якур, уже начинавший разбираться в сущности подобных встреч мужчины и женщины. – И все же какие отношения у брата с Тоней могли бы быть сейчас? Ведь Тоня через два года после призыва Миката в армию пере-

ехала с отцом на работу в районный центр, в поселок Мош Вош».

Якур, глубоко любя брата, никому, даже матери, не рассказывал о том, что увидел однажды. Он, собственно, кроме этой случайно увиденной встречи, ничего больше и не знал. Был даже в неведении, переписывался ли с ней брат, находясь в армии. Письма, пока Тоня жила в их селении, поступая в контору, проходили через ее руки, за всей корреспонденцией она и ездила в почтовое отделение, находившееся в соседнем поселке. Правда, однажды, когда по пути в селенье письма доставил фельдшер Чернов и рассыпал их на столе конторы, Якур, взяв письмо от брата, увидел издали на краю обшарпанного, сколоченного из кедровых досок стола еще одно, с известным солдатским треугольником письмо, вроде бы с почерком брата. Якур уже было потянулся к нему, но невесть откуда возникшая Тоня перехватила письмо, вспыхнув: «Не трогай чужое! Это письмо мне», и тут же ушла из комнаты, в дверях задержавшись взглядом на Якуре, словно пыталась узнать: догадался ли он, от кого оно?

Но это были всего лишь догадки. А прямо спросить у Тони ему казалось неудобным, да и не хватило бы, пожалуй, духу.

Много еще разных мыслей будоражило Якура, и они запутывались в его голове, как скатывающиеся из сора косяки сырка в мелкаячейстой сети. Все же усталость наконец одолела его, и он, широко зевнув, погрузился в глубокий сон.

Пошла четвертая неделя с тех пор, как было получено письмо от Миката. Уже закончился соровой лов. По-рака с сыновьями и Этуш опять отличились в путину: почти в полтора раза перекрыли установленный план. И теперь, после спада воды и обмеления таежных соров, рыбаки, слившись в одну бригаду, перешли на неводный лов в глубоких ямах в сору и на Оби, где с наступлением темноты добывали черную рыбу: налима, язя, ерша и щуку.

Приближался Месяц Листопада, оставалась неделя до начала занятий в школе. Все эти дни семья Пораки жила ожиданием возвращения сына из армии. Время тянулось для всех утомительно медленно. Радость приближавшейся встречи охватила

всю родню, всю большую семью. Сердце каждого волновалось по-особому, с присущими ему оттенками, жило какой-то необычной, возвышенной жизнью, словно в ожидании доселе неизвестного Великого праздника. Но больше всех, наверное, дожидался этой счастливой минуты Порака.

В доме все было подготовлено к предстоящему торжеству. Сантара тщательно позаботилась о еде. Заготовила рыбу во всех видах, в каких только употребляют ее ханты. В подвале ждали своего часа варенья из всех ягод щедрой северной тайги. В лопате в широких вместительных хуванах-плошках лежало нарезанное сушеное мясо оленьей грудинки. Порака заранее сумел договориться с приемщиком рыбы, с угрюмым и несговорчивым Евдокимовым, и тот держал в специальном отсеке морозильной камеры жирного пудового осетра и ящик мороженого муксуна.

Старик тоже в последнее время, несмотря на хворобу, словно помолодел, старался ходить быстро и легко, много шутил и ничем не выдавал своего недуга. Только плохой аппетит – а это замечали все – свидетельствовал, что со здоровьем не все в порядке, и горько было видеть, сколько усилий приходилось прилагать ему, чтобы съесть поданное блюдо, порцию которого и так по его просьбе с каждым днем уменьшали.

«Наверное, перед приездом сына у меня так, – шутил старик. – Больше думаю о сыне, чем о еде. Вот и не лезет кусок в горло».

Но старшие дети, а мать особенно понимали, конечно, что это не так, что он пытается просто успокоить всех, чтобы не обращали внимания на него.

Однажды утром приехал из Питлора завхоз колхоза Илья Уткин – принимать сено, заготовленное в таловых лугах поблизости от селенья. Он сразу же явился в дом Пораки и передал телеграмму от сына. Порака развернул ее, помял в руках и, не умея читать, передал Якуру, оказавшемуся рядом, который быстро пробежал текст глазами и весело закричал: «Ура, ура!» А затем громко прочитал: «Встречайте. Приеду на пароходе «Михаил Калинин». Микат».

– Дай сюда! Скорее! – мигом соскочил с тахара Порака и, взяв телеграмму, погладил ее шершавыми пальцами, внимательно разглядывая каждое слово, написанное красивым почерком местной почтальонши Татьяны. Затем, словно все еще не

веря услышанным словам, передал и спросил на русском, на котором изъяснялся с большим трудом:

– Верно, моя рюма. * Так написано? Прочитай еще раз сам.

– Верно, верно, Порака! – засмеялся высокорослый кряжистый Уткин и похлопал его по плечу. – Мне уже там, на почте, сказали об этом. Дождался все-таки. А ты горевал, мол, раньше времени помрешь. Сына не увидишь. А он, видишь, порог твоего дома вот-вот перешагнет. Так что, Порака, готовься к встрече.

– Аспасипа, рюма! – пожал еще раз широкую ладонь Уткина Порака и тут же распорядился, чтобы жена как следует накормила дорогого гостя, принесшего добрую, долгожданную весть.

Порака еще долго вертел в руках телеграмму, но затем, видимо вспомнив что-то важное и неотложное, весь передернулся и обратился к Уткину, который был для него непререкаемым авторитетом:

– Еще помогай, рюма. А когда сынок появится? Как я узнаю?

– Спрашиваешь, когда? Дай-ка телеграмму. Посмотрю, когда и откуда подана. – Он взял телеграмму, недолго изучал ее и ответил: – Сейчас, сейчас, Порака. Погоди минутку. Я все растолкую. Все точно рассчитаем. – Уткин поправил растрепавшиеся, давно не стриженные поседевшие волосы и снял очки. – Значит, Микат подал телеграмму из Омска. 18 августа. А сегодня 26 августа. Пароход до поселка Мош Вош идет где-то восемь суток. Значит, он не сегодня завтра будет в районном центре. А оттуда, наверное, на попутке доберется.

– Так-так, рюма. Аспасипа. А может, Микат Лор Вошам слезет? Тут и на колданке можно приехать.

– Правильно, Порака, говоришь. Микат, пожалуй, так и делает. От Лор Воша ехать всего верст пятьдесят. Сколько попутных катеров с рыбзавода ездит к нам!

– Вот-вот, рюма. Правильно говоришь. Аспасипа большое. Теперь ясно мне.

Порака не находил себе места. Он прежде всего приказал жене без его ведома никуда далеко не отлучаться и еще раз проверить, всего ли хватает из съестного. Заранее обсудил с Санта-

* Рюма – так ханты называют близкого товарища.

рой, кого из односельчан следует пригласить в гости, чтобы потом, второпях, не промахнуться.

Занимаясь неотложными делами, связанными с предстоящей встречей сына, делая различные догадки насчет того, на какой пристани сойдет Микат – в Мош Воше или Лор Воше – и на чем, скорее всего, будет добираться до дому, Порака не раз сожалел, что по магистрали Большой Оби, где располагалось их маленькое селенье, не курсируют пассажирские пароходы.

– И кто это выдумал такой маршрут? – сокрушался он. – Малая Обь да Малая Обь... Здесь что? Разве не люди живут? Тоже поселки есть. Смотри: Хушават, Лоп-хари, Казым Мыс. И людей не меньше в них живет. Ан нет! Вот расположен райцентр на Малой Оби, начальники там живут, рядом с ними и пароходы должны гудеть и колесами вертеть. Как решил какой-то начальник однажды, так с тех пор и пошло. Как с бочкой. Сделали в ней дырку, и вода пошла и пошла лить с одного места. А может, с другого места и не хуже лилась бы? Если подумать, этот начальник нехорошо своей головой решил, хоть и считают они свои головы умнее других. А то как же? Ведь можно же было хотя бы пару раз в месяц пароход по Большой Оби пускать? – Порака, злясь на высокое начальство, встал с тахара, походил по дому, опять уселся на прежнее место и продолжил: – Нет, мало еще некоторые начальники об удобствах простого народа думают. Мало советуются с людьми. А что? Долго спросить?! Ведь не унизит себя этим. И язык не отпадет. И вес в теле не потеряет. Нет, мало еще разговаривают с нами по душам. Отсюда и наши беды. – Старик еще много раз ворчал на этот счет в течение дня.

Порака про себя обдумывал: а не махнуть ли ему на колданке до селенья Лор Вош? Что-что, а эту пристань Микат никак не минует. Каждое судно там останавливается. А о попутных катерах рыбозавода и говорить не приходится.

«Там я наверняка встречу сына, – думал он, – и на колданке вдвоем приедем».

Но каждый раз он приходил к ясной мысли, что весь путь ему не выдержать, что силы его уже не те. А посылать кого-либо из сыновей в такую даль, где они ни разу не были и могли заблудиться в бесчисленных обских протоках, Порака не решался.

Днем, после обеда, он вынул из сундука, сплетенного из су-
ровых жил кедра, синий суконный костюм, примерил пиджак.
Затем из другого, меньшего сундука достал голубую шелковую
рубашу, долго приглядывался к нейи потом положил сверху,
чтобы при надобности можно было быстро ее найти. В доме он
был один. Жена возилась в амбарчиках, занимаясь своим делом.
Старшие сыновья – Кевхо, Якур и Волать – отправились в сор
осмотреть сети, наловить на всякий случай свежих муксунов и
щекуров. Остальные дети играли на улице, оттуда доносились
их крики.

Порака, занятый своими делами, не сразу расслышал слова
чем-то взволнованной жены:

– Я-а, ты что сидишь? До самых волос ушел в свои мысли.
Не видишь разве, старик?

– Что не видишь? Кого не видишь? – соскочил, еще не по-
няв, в чем дело, Порака. – Говори, говори!

– Да что говорить-то! Не видишь разве сам? Гляди! Вон, на
таловой стороне, по ходовой Оби какой-то пароход проходит.
Белый.

– Белый? – встрепенулся Порака и вмиг очутился у порога. –
Точно... Белый... Ведь белыми, старуха, только пассажирские
бывают. Только они такой краской покрашены.

– И я так думаю. Грузовые пароходы широкие такие. Груз-
ные. Как лягушка болотная. А этот...

– Верно, Сантара, говоришь. Этот не грузовой. Неужели?!

– Что неужели?

– Что, что!.. Может, Микат там едет? Может, какой-то паро-
ход пассажирский решил по Большой Оби проплыть?..

– Так они никогда тут не плавали. Я за всю жизнь, вот уже
волосы поседел, не видела. Никогда...

– Никогда, никогда... Может, под осень Малая Обь обмелела.
Вода-то вон как сбежала. И пароходы пошли по Большой Оби.

– А, может, старик, Микат попросил капитана... Ну, обещал
ему за это рыбешки. Он же знает, что она у нас всегда имеется.
Да и сам подумай, старик, сколько пароходов осенью, когда
идут последними рейсами вверх, к нам пристаёт. И все из-за ры-
бы. Из-за рыбы, старик...

– погоди, не жужжи, как пчела над ухом, старуха. Не пляши раньше времени. – Старик по привычке приложил ладонь козырьком, еще внимательней всмотрелся. – Вот если свернет к нам, тогда другое дело.

И Порака со старухой заторопилась к знакомой круче, откуда хорошо просматривалась Обь сверху от мыса Порах Нел и вниз до мыса Ушар Оланг, и стали следить за белым пароходом. Правда, этот пароход был значительно меньше тех, что не раз видел Порака на Малой Оби. И на одном из них – кажется, «Ленин» называли его – довелось ему даже прокатиться от города Пулнгват Вот до селенья Лор Вош. А проплывающий мимо пароход, скорее всего, походил на навигационное судно, и Порака даже сделал предположение:

– А это не «Ваули Пиетомин», старуха? Шибко уж на него похож. Ну, тот, который бакены ставит и проверяет огни. Он даже летом однажды заходил к нам.

– А ты откуда его название знаешь? У тебя что, глаза как у рыбного коршуна? – И Сантара, слегка усмехнувшись, добавила: – Ты и читать-то не умеешь, а о названиях речь ведешь.

– Не заводи меня, старуха. Я буквы не умею глазами читать. Может, я умом читаю. Сердцем чувствую. Так что не болтай. Я точно узнал: это навигационный пароход и есть.

– А почему тогда у бакенов не остановился? Да и тот медленно ползет. Как муравей. А этот, смотри, даже ход не замедлил.

– Может, нет надобности. Стоят бакены в порядке – зачем лишний раз трогать их. Может, у него другое, более важное задание есть?

– И не собирается заворачивать, старик...

Действительно, белый колесный пароход, пыхтя высокой почерневшей трубой, дав длинный, протяжный гудок, от которого Порака даже вздрогнул, и, выбрасывая, словно связки арканов, клубы дыма, дошел до конца тальникового острова и скрылся за поворотом реки.

– Наверное, не было там сына, – сказала Сантара. – А так – долго ли было ему свернуть. За это время и трубку как следует выкурить бы не успел.

– Вот какая мысль, старуха, ко мне пришла. А ведь пароход-то, думаешь, зря гудок дал? Может, он сигнал дал. Может, Ми-

кат об этом попросил. Мол, я здесь, приезжайте за мной в селенье Питлор.

– Откуда ты знаешь? Ты что – шаман? Еще раз говорю: был бы там Микат, пароход обязательно бы свернул.

– Вот заладила: свернул, свернул!.. – все больше раздражался Порака. – А может, капитан побоялся сворачивать? Сейчас-то осень. Видишь, как Обь обмелела. Плешины песчаных гольцов по всей Оби мелькают. А наша Обь, что рядом с поселком, не ходовая. Бакенами не обставлена.

Ну и что же?

– А вот что, старуха, слушай. – Порака, видимо, окончательно утвердился в своей догадке и радовался как ребенок. Помоему, из-за этого пароход и не пристал здесь. А пристанет в Питлоре. Там пристань, берег обставлен бакенами. Ты поняла, Сантара? Потому пароход и гудок дал. Я уверен: это Микат попросил. Мол, приезжайте за мной. – Порака потоптался вокруг излюбленного бугра, трава на котором вся уже была примята, подошел к самому обрыву, вытянув шею, намереваясь, очевидно, разглядеть скрывшийся пароход, и сказал с досадой: – Эх, и зачем только река делает здесь крутой поворот! Не увидишь отсюда селенья Питлор. А то бы разглядел: пристанет или нет.

– Что поделаешь, старик. Имели бы крылья, взлетели б в воздух, и все бы увидели.

– Да, старуха, это верно. – Порака долго глядел в сторону сора и, увидев среди возвращающихся бударок свою, воскликнул:— Знаешь что, Сантара? Зачем нам крылья?! Вон же сыновья с рыбалки едут. Как приедут, покушают на скорую руку, и сразу пошлем Якура на колданке в Питлор.

– Правильно, старик. Только зачем Якура? Может, Кевхо пошлем? Он все же старше.

– Ты что, старуха? Ты знаешь, кто Микат для Якура? Да Якур нам ни в жизнь не простит, если сейчас не пошлем его.

– Ладно, ладно, старик. Посылай Якура.

Когда Якур в легкой поношенной малице и резиновых сапогах, усеянных рыбьими чешуйками, с муксунами в руках, как всегда, первым объявился на пороге, Порака, успев уже обрядиться в шелковую рубаху, чтобы все знали, что праздник для него уже начинается, сидел на тахаре и пил чай. Не расспраши-

вая, как бывало обычно, о рыбалке – а Порака это делал всегда, – старик, поставив чашку с чаем на низкий столик, тут же предложил сыну поскорее покушать и отправиться на колданке в Питлор.

– Это зачем, папа? – недоуменно спросил Якур, снимая маску. – Наверное, купить что-нибудь к приезду Миката?

– Нет, сынок. – Порака расстегнул ворот шелковой рубахи. – Дело более важное есть.

– Какое?

– По-моему, сынок, – Порака загадочно взглянул на Якура, поглаживая ладонью подбородок, уже начисто побритый, – По-моему, Микат приехал.

– На чем? Откуда? – подскочил к нему Якур, задев ногою деревянное корыто, куда только что сбросил муксунов, и, закричав «ура!», заметался по комнате.

– Так я и поеду сразу, отец. Я не голодный. И кушать совсем не хочу. А на дорогу хлебца прихватю. Шу-маху – вяленой рыбы – несколько штук... – И Якур, поправив хлястики высоких и огромных – не по ноге – резиновых сапог, сказал: – Ну, я стану собираться...

– погоди, сынок, – Порака отставил в сторону недопитую чашку чая. – Успокойся чуток. Успеешь. Ты все же подзакуси. Хоть чашку чая выпей горячего. Подкрепишь малость. Все же Питлор не за спиной находится. Надо верст десять туда и столько же обратно проехать.

– Так-так, старик, – поддержала мать. – Да и неизвестно еще, пристал или нет пароход? Приехал ли Микат?

– Как не приехал? – удивленно взглянул на мать Якур. – Отец только что сказал.

И Пораке, не менее взволнованному, чем сыновья, пришлось поделиться с Якуром, который уже сидел на тахаре, своими предположениями. Выслушав его, Якур пуще прежнего загорелся поездкой. Он наспех выпил стакан чаю, отведал несколько ложек рыбной варки с кусочком черного хлеба и, прихватив с собой серый суконный гусь, выбежал на берег, к своей колданке, перевернутой набок.

Порака, выйдя за ним, дал последние напутствия, оттолкнул его колданку от берега, затем дошел до своей пузатой, как налим с надутым животом, бударки и уселся на сиденье:

– Фу-у! – глубоко вздохнул он. – Одно дело, кажется, сделал. Через час Якур будет в Питлоре. Кто знает, может, Микат там уже дожидается нас. Может, он взял у кого-нибудь колданку и уже едет к нам. Это ничего. Встретятся. Река одна. Негде разминуться. А может, он пешком уже шлепает по песчаному берегу. – При этой мысли он сильно огорчился. – Кой, кой! Неужели Микат решится на такое? Намучается ведь. С чемоданом. Да берег местами топкий. – Порака, откинув назад капюшон легкой малицы, почесал шею и затем провел ладонью по лицу. – А кто знает, может, Микат и пешком пустится. Еще бы! Соскучился по дому. А как же? Разве может человек забыть родное гнездо? Не зря старики говаривали: «Забыл родной дом – половину сердца потерял». А сердце-то что? Его доброту никакой ум не заменит... Да-а... Доброту сердца никакими деньгами не купишь...

Порака проводил взглядом высоконосоую колданку сына, корма которой при гребле виляла, словно хвост плывущей ондатры, и, когда она скрылась за мысом Поланг Соям, сплошь заросшим рябиной и черемухой, легко встал и заторопился домой.

По пути он зашел к приемщику Евдокимову, жившему с рабочими рыбоприемного пункта в длинном бревенчатом бараке под склоном горы. «Как там моя рыба поживает?» Увидев в морозильной камере хорошо замороженного осетра и рядом с ним ящик отборного муксуна, Порака остался доволен и почти без остановок одолел пологий склон горы до летнего жилища. Недолго посидев на пороге, передохнув, он с Сантарой осмотрел запасы съестного. Кажется, все дары северной природы заранее приготовленные Сантарой, дожидались своего часа.

Пока Порака с женой находился в амбарах, вернулась с неводной бригадой из сора Этуш. Узнав от родителей о возможном приезде Миката, она, сильно обрадовавшись, кинулась к матери:

– Точно, мама?! – она схватила мать за руки и потрясла их. – Точно! Наконец-то!..

Засуетившись, Этуш тут же подошла к небольшому зеркальцу, висевшему на задней стене рядом с фотографиями, и стала быстро прихорашиваться, словно брат вот-вот заявится в дом. Поправив гребенкой волосы, она забеспокоилась:

– Ой, мама! Надо же в доме прибраться!

– Конечно, конечно, доченька, – ответила Сантара. – Вот покушаешь, и вместе начнем.

Этуш наскоро перекусила нярхулом из муксуна – сырой свежей рыбой – и, попив чаю, принялась помогать матери наводить порядок, который редко удерживался в доме, так как младшие братья Оська и Евдин постоянно что-то строгали, да и просто в течение дня часто бегали через порог дома туда-сюда.

Этуш старательно вытрясла на улице все постельные принадлежности: оленьи шкуры, разные ягушки, подушки, сплетенные из травы тахары, тщательно вытерла пыль, до блеска перемыла посуду, приготовила низкий столик для еды.

Мать уже успела вымести сор и продраить крашенный пол. Вскоре покои просторного летнего дома Пораки засияли свежестью и чистотой.

Порака обычно не вмешивался в домашние дела женщин, но на этот раз, словно подчеркивая важность момента, сидел на тахаре, придирчиво следил за их работой и иногда подавал необходимые, на его взгляд, советы.

Увидев, что некоторые чашки потрескались, он велел жене принести из ближнего лопаса дорогой сервиз, который ставили на стол только во время торжественных праздников. Порака проверил также в верхнем лопасе, стоявшем у зимнего дома, заранее приготовленное вино и, прикинув число предполагаемых гостей, решил, что на всех хватит. «Не напиваться же в доску, – сказал он про себя. – Как-никак на другой день людям на работу надо. А не отметить, конечно, нельзя. Все же сын приезжает. Надо только с умом пить, чтобы ни мне, ни гостям вино худа не наделало. Чтобы за ноги не цеплялось и голову не мутило».

Порака велел Кевхо и Волатю находиться на берегу и внимательно следить за рекой, чтобы вовремя заметить возвращение колданки из Питлора. Но, не доверяя детям, сам он все чаще и чаще приходил к ним, всматривался вдаль и чутко прислуши-

вался, не донесутся ли всплески от гребей из-за ближайшего поворота реки.

Но колданка Якура все не показывалась. Уже смеркалось, и Порака заволновался, не случилось ли с парнем чего-нибудь? Особенно он побаивался переката у мыса Ушар Оланг, где в темноте ничего не стоило наскочить на камни, торчавшие из-под воды, словно зубья подводного чудовища Веса.

– А что делать в Питлоре столько времени? – громко разговаривал он с сыновьями. – Коль приехал Микат, давно уже должен быть здесь. А если не приехал, то что Якуру там делать? Что, привязали его там? За это время можно было бы два раза скатать туда и обратно. Кай!..

Совсем стемнело, и на небе, подобно свечкам, зажглись ясные звезды. Порака уже сам хотел было отправиться на бударке на поиски Якура, как до слуха донеслись торопливые всплески весел.

– Едут! – первым закричал Волать. – Это они! Это Якур так гребет!..

– Не кричите! Тихо! – успокоил детей Порака и, приложив рупором ладонь к правому уху, прислушался, и, видимо в чем-то убедившись, сказал: – Да, это Якур. И кажется, один плывет.

– Почему один? – вместе спросили Кевхо и Волать. – Ты разве заметил что-нибудь? Ведь колданки нет еще. Даже силуэта не видать.

– Не видать-то не видать, сынки. Только умом и сердцем чую. Был бы Микат с ним, то обязательно он бы на гребях сидел. А то слышите: всплески гребей какие-то слабые.

– А может, Микат устал, – заговорил Волать. – И теперь гребет Якур?

– Эх, детки, детки! Миката надо знать. Разве он допустит? Да еще когда в селенье приезжает...

Действительно Якур приехал один. Как выяснилось, пароход в Питлоре не останавливался. А задержался он потому, что с селенья Лор Вош ждал мотокатер «Волна». Только к вечеру приполз этот катер, и Якур, убедившись, что брата там нет, отправился домой.

Теперь Порака знал, что Микат может появиться из селений Мош Вош и Лор Вош, куда обычно приходит пароход «Михаил Калинин».

Но прошел день, второй, третий... Миката все не было. Вначале Порака предполагал, что не подворачивается сыну попутный транспорт, но на четвертый день получил телеграмму из Мош Воша, районного центра: «Задерживаюсь ненадолго. Скоро приеду. Микат».

Порака очень удивился содержанию телеграммы, разволновался и, чтобы до конца понять ее смысл, сам поехал в Питлор на колданке к председателю сельсовета Апалькову, своему куму и, пожалуй, единственному человеку, на которого во всем полагался.

Широкоплечий, горбоносый, на целую голову выше Пораки, председатель Совета Степан Алальков внимательно выслушал своего друга, многократно повторяя любимое «едят их мухи», взял крепкий, сделанный по его комплекции костыль – он в детстве повредил ногу – и заковывал на почту. Оттуда связался по радиации с военкоматом и, узнав, что Микат там был и встал на учет, объяснил Пораке, что ничего с сыном не случилось, что каждому отслужившему по приезду на место надо обязательно отметить. И ко всему сказанному Апальков похвалил Миката за благоразумие: не придется, мол, ему после снова ехать в военкомат.

Несколько успокоившись после встречи с Апальковым, Порака, придя домой, принял неожиданное решение – перекаслать с летнего дома на зимний, находившийся выше по пригорку метрах в двухстах, где начиналась кромка уже довольно поредевшего леса.

Мать и дети очень удивились преждевременному перемещению: всегда каслание производили только в конце Месяца Листопада, когда начинало по ночам всерьез примораживать и заканчивалась осенняя охота на глухарей, рябчиков и тетеревов.

– Надо, чтобы Микат в теплый дом приехал, – объяснил он. – Все же зимний дом – наше главное жилище, основное гнездо. Просторней в нем. Гостям будет где разместиться.

– Не слишком ли рано? – попыталась воспротивиться мать. – У меня, например, еще ни один бок от холода не замерзал. И...

– Хотя бы и не замерзал... – перебил Порака. – Не в этом дело, старуха. Пока еще умом моей головы живем. Не стой на дороге. Может, во мне вся причина. Я лучше себя знаю. Каждый день чувствую, как силы покидают меня. Перед вами храбрюсь пока. А так: подтолкнешь сильнее – как засохшая соломинка холодной зимой подкошусь. Мне бы вот только Миката дожидаться. Передать ему вожжи нарты. На него у меня вся надежда. А там... – Порака уныло опустил голову, оглядел свои резко скрючившиеся старческие пальцы и, тяжело вздохнув, взглянул на мать. – Вот почему я и тороплюсь в теплый дом. Там удобнее. А в уютном месте и мысли глубже, и легче будет передать дом новому главе семьи. Так-то, старуха. – И, обведя взглядом сыновей, сидевших на тахаре после завтрака, добавил: – И, сынки мои, тоже знайте. Я ничего не скрываю. Дни мои сочтены. Уж больно сильно болезнь чувствую: внутри начинает сверлить. Вот-вот до последней стенки в сердце доберется. И тогда... Потому я и хочу в последний раз в зимнем доме побыть.

– Не говори так, старик, – перебила его Сантара. – Что ты говоришь при детях? Ты потерпи. Вот приедет Микат – сразу преобразишься. Все болезни забудешь. Болезни сами убегут от тебя. Вот увидишь...

– Кой, кой, старуха, – вздохнул Порака. – Это еще неизвестно. Будущая тропа жизни – темна. Никому не известна, никому не дано знать. Только сердцем иногда предчувствуешь. А пока начнем каслать. Сейчас же... – И сам, медленно поднявшись, снял со стены два ружья шестнадцатого калибра, висевшие над священным ящиком, и обратился к сыновьям:

– Начнем, конечно, со священного ящика. Старуха, положи на порог топор.* А вы, сыновья, осторожно начинайте.

В зимнем доме, перед тем как внести туда священный ящик, Сантара елом – шерстью выдры – окурила изнутри жилище, снова положила топор на порог, и только тогда первым внесли священный ящик, а затем все остальные вещи.

Каслание к обеду было закончено. Перед тем как принять пищу первый раз в зимнем доме, всю разложенную еду – уху из

* Когда на пороге находится топор, добрым духам легче покидать дом и входить в него.

свежего муксуна, кусочек оленьей грудинки, различные варенья – освятили (минут пять она постояла на столике возле священного ящика) – лишь тогда все уселись есть.

Порака, у которого вообще за последние дни пропал аппетит, лишь притронулся к голове муксуна и выпил чашку душистой ухи, так ничего толком и не поев.

Каслание, хотя Порака в нем и не участвовал (перенес только ружья), утомило его. После обеда он крепко уснул. Пока он спал, Сантара успела обработать скребком восемь оленьих лап, чтобы сшить Микату новые кисы.

В доме топилась железная печь. Разомлев от жары, Порака лежал на тахаре и громко стонал во сне. Якур тронул отца за плечо и разбудил его. Порака долго не мог прийти в себя после увиденного сна и, поразмыслив про себя, что бы он означал, стал рассказывать:

– Слышу; значит, кто-то воет на улице. Ночью дело было. Вы все, стало быть, спите. Я выглянул на улицу. Гляжу: три волка с оскаленной пастью неподалеку от крыльца сидят. Рядом с ними, стало быть, валяются остатки костей и клочки шерсти разгрызанных наших ездовых собак. Страх охватил меня. Если, думаю, домой убегу, волки за мной погонятся и, думаю, всех дома сожрут. Нет, думаю, надо прогнать их. И я взял в руки свой широкий кожаный ремень с медной пряжкой. Спасибо духам! – со мной он оказался. Взял, стало быть, увесистый ремень. Немного осмелел, конечно, все же не с голыми руками. Стою, стало быть. Жду. Вот один волк прыгает на меня – и я его пряжкой по голове хлещу. Прыгает второй – тоже хлещу. А третьему, видать, глаз сразу выбил. Кой, кой! Сила, оказывается, есть еще во мне?! Но волки не успокоились. Окружать меня стали. Рычат. Пена изо рта, как на гребнях волн во время шторма, так и брызжет. Стою, стало быть, отбиваюсь. Чувствую – устаю. Думаю: надо на помощь звать. Вас стал кричать. Кричу, кричу – устал. Никто не приходит. А волки... вот-вот доберутся до меня и загрызут. Я – орать из последних сил. И в это время за спиной появляется... – Порака весь переменился, заулыбался. – И кто бы, вы думали?! Микат!!! Микат появился! Он хватает стоявший у крыльца листовенничный сонгхеп – лопату и давай дуба-

силь их. То одного, то другого. И тут вы меня будите... Кой, кой, зачем раньше времени разбудили?..

– И что же? – подошел к нему поближе Якур. – Что с волками? Убежали?

– Ой, не знаю, сынок. Вы же разбудили меня. По-моему, должны были убежать. Да-а, старуха. Сон, пожалуй, с хорошим концом. Стало быть, Микат вот-вот заявится. Видишь ли, он уже мысленно помогает нам. Его сердце и ум уже посетили наш дом.

– Ой, отец! – запрыгал Якур. – Как хорошо! Скорее бы Микат приехал! Когда все же он будет? Ведь после телеграммы уже пять дней прошло.

– Наверное, в дороге, – сказала Сантара. – Сейчас осень. Катера редко ходят.

– Катера, катера... – буркнул Якур. – Но он же мог на колданке приехать. Он же писал мне.

– Писал? Как писал? – встрепенулся Порака. – Когда писал?

– В последнем письме. Он для меня отдельно написал. Вон оно. – Якур вытащил из деревянной шкатулки, стоявшей на полке, письмо, написанное братом, и громко прочитал родителям.

– Хм... так-так, – сказал Порака. – Хорошо! И я тоже так думаю. И сон предсказывает, что, стало быть, со дня на день надо ждать Миката. Хотя... все же по какой причине он задержался? Непонятно мне пока...

– Чего тут непонятного? – опять заступилась за сына мать, отложив в сторону скребок, подмяв ноги под себя, усевшись на полу, усеянном мездрой засохших оленьих лап. – Из такого далека разве на крыльях перелетит?.. Приедет. Я не меньше вас жду. Тоже ночами не сплю...

Якур слушал их разговор и, пытаясь своим детским умом понять, почему Микат задержался в Мош Воше, вдруг вспомнил, что там же проживает и работает Тоня, которая... Якура от этой внезапно осевшей мысли всего передернуло, и первым побуждением было крикнуть отцу и матери: «Я знаю! Хорошо знаю, почему Микат задержался в Мош Воше. Там Тоня. Девушка его, которую он лю...».

Он осекся, подобно невыстреленному патрону.

«А может, она его не любит? Мало ли чего: ночь, обнявшись, посидели тогда на берегу... Может, Микат по другой причине задержался?»

Но Сантара заметила по его виду, что он чего-то недоговаривает, и неожиданно спросила:

– Ты, сынок, что-то хочешь сказать? По глазам вижу, слова изо рта, как ягоды из переполненного туюска, так и хотят высыпаться.

– Нет, нет, – растерялся Якур, вертя в руке скомканное письмо от Миката. – Я так... Я просто подумал, об отцовском сне подумал...

– Как о таком сне не задуматься? – поддержал Порака, поглаживая за ухом тонкую жидкую косичку. – Ведь с Микатом связано. И увидел-то сон когда? В самую пору. Когда сын вот-вот должен перешагнуть порог дома. Это хорошо, что злых духов уже начал прогонять. Пусть знают, с кем будут иметь дело...

* * *

В томительном ожидании прошел день, другой...

Перед началом занятий в школе – а они уже были на носу – оставалось всего два дня. Порака освободил сыновей от разных работ, дав им возможность хоть чуток отдохнуть. И Кевхо, и Волать, и, конечно, Якур, который вообще потерял покой, теперь попеременно, а иногда и все вместе пропадали на берегу, следя за проходившими судами и лодками.

Состояние Пораки все ухудшалось: он мог кушать только жидкую кашу и пить чай. Вся остальная пища не шла, просто застревала в горле. Фельдшер Чернов, приезжавший накануне, подтвердил, что пищевод не пропускает пищу, что-то там неладно. Теперь уже каждому бросалось в глаза, как резко сдал Порака, как исхудало его тело, стала дряблой кожа, а лицо – иссиня-бледным.

Вечером, ложась спать и укрываясь ягушкой, Порака вдруг вспомнил что-то важное, приподнялся на тахаре и, опираясь на большую подушку, заговорил:

– До чего я безмозглая голова!.. И кто у меня ум украл? И как я мог забыть об этом?..

– Что, что забыть? – забеспокоилась Сантара, вывертывая намокшие кисы детей у печки и прилаживая их на поленьях сушиться. – Что-то важное, старик?

– Да еще какое!.. Не в каждую лодку и поместится.

– Не понимаю, старик...

– А вот что, старуха. В Мош Воше же мой друг живет! Вылкин! Крестный отец нашего Кевхо!

– И верно, старик! – отодвинулась от железной печки Сантара, вся вспотевшая.

– И как я, бестолковая голова, раньше не вспомнил? – сокрушался старик. – Надо было давно с ним по рации переговорить. Попросить его разузнать про Миката.

– А по-моему, старик, Микат только у него и мог остановиться. У кого же больше? Больше никого там знакомых нет. Не будет же сын на улице ночевать?!

– Конечно, конечно, Сантара. Где же ему быть больше? Ведь Вылкин зимой, перед уходом Миката в армию, гостил у меня. Микат хорошо знает его... Эх!.. – вконец расстроившись, Порака почесал свою широкую лысину и виновато уставился на жену. – Вот что, старуха!.. Хорошо слушай. Завтра пораньше вставай. Поедешь с Якуром на колданке в Питлор. На переговоры вызовешь Вылкина. Там в Мош Воше все его знают. В райисполкоме работает, не где-нибудь... Так вот, старуха. Ты все и выведай у Вылкина. Все вызнай. Поняла?

– Конечно, поняла. Съездим с Якуром. Разузнаем – спокойнее всем нам будет. А то что здесь? Словно без глаз в густом лесу сидим. Что впереди, что сзади – все темно. Ничего не знаем и не ведаем.

– Вот-вот, старуха. А теперь спать... Дело важное предстоит.

Якур долго ворочался в постели. Сну никак не удавалось укрыть его своим широким черным крылом.

По правде сказать, Якур все эти ночи опасался глубоко уснуть. Чутким и легким, как у дикого гуся, стал его сон. Он много раз просыпался по ночам, прислушивался к доносившимся посторонним звукам, особенно к шуму мотора. Хотя он и знал, что темной осенней ночью катер, ничего не видя перед собой,

вряд ли направится к берегу. На такой шаг мог осмелиться только капитан, вдоль и поперек изучивший все мели и перекаты возле их рыбацкого селенья. Якур также предполагал, что если Микат доедет на катере до Питлора, то здесь его уже никакая ночь не остановит: он обязательно – пешком ли, на колданке ли – доберется до родного дома.

«Нет! – который раз внушал он себе. – Я должен обязательно первым встретить Миката. Я должен быть внимательным и собранным, как охотник во время перелета уток. Только так. Ведь Микат – мой самый любимый брат. Да и он больше всех любит меня».

Якур, лежа под ягушкой, затаил дыхание и прислушался: на улице монотонно посвистывал южный ветерок, за окном накрапывал дождь.

Тепло, идущее снизу от оленьей шкуры и сверху от ягушки, постепенно все сильнее захватывало его в свои объятия и отдавало его утомленное тело дурманному сну.

«Чишь-чишь», – доносилось только до него. «Кап-кап», – слышалось за окном.

Проснулся от резкого радостного возгласа матери.

– Сыночек!.. Наконец-то! Слава Богу!.. Ждать устала... Сердцу покоя не было...

Якур перевернулся на другой бок: не ослышался ли он, может, все это приснилось? Высунув голову из-под тяжелой ягушки, он опять прислушался: нет, не ослышался. Мать, пересиливая наплывающие слезы, радостно громко оповестила:

– Вставайте! Старик, слышишь?! Микат приехал. Сын твой!

– Пытаюсь, пытаюсь встать! – раздался ответный покряхтывающий голос отца. – Ты зажги, старуха, свет. Разве в темноте встречают кого?

И только Сантара зажгла лампу, Порака, уже стоя на ногах, еле успев надеть штаны, в нижней белой рубашке обвил руками шею сына и крепко поцеловал его.

– Здравствуй, отец! Узнаешь меня? Вот я и дома! – широко улыбнулся Микат. – Родные вы мои, как же я соскучился!

– Наконец-то приехал, сынок! Наконец-то! – смахивая с глаз выступившие слезы, заговорил Порака. – Вещим мой сон оказался. А мы тут уж головы потеряли. Искать тебя собрались.

– Так-так, сынок, – вмешалась мать. – Не будь тебя здесь, сегодня утром мои ноги в сторону Питлора только бы и мелькали. С Мош Вошем хотела по радиации переговорить. Про тебя вывести. А ты вот, уже здесь! – Сан-тара провела пальцами под нижними веками. – А ты наконец-то дома!

– Ладно, старуха! Ты своим делом займись. Стол готовь. Буди Этуш, – воспрянув духом, распоряжался По-рака, но в этом уже не было никакой надобности: и Во-лать, и Кевхо, и Якур столпились вокруг Миката. Спали только Оська, Евдин и Логи.

Порака, задержав взгляд на священном ящике, где находился идол рода – священная собака, словно поблагодарив его за благополучное возвращение сына, перевел взгляд на Миката и весело сказал:

– Гостей созывай. Ты не забыла, поди, кого? А я пока с сыном перетолкую малость.

Микат, поздоровавшись с братьями и сестрой, уселся на тахар, куда примостился и отец. Взглянув на светильник, Порака недовольно сказал:

– Темновато, кажется, Этуш. Ты бы зажгла вторую лампу.

– Сейчас, папа. – И она, уже успевшая нарядиться по такому важному случаю в светло-зеленое, с оранжевыми цветочками шелковое платье, тут же вышла в сени заправлять керосином вторую лампу.

А Сантара, надернув на себя легкую ягушку, полюбовалась сыном и сказала мужу:

– Ну, я пошла. Вначале гостей будем звать.

– Правильно, старуха. Пока они встанут, да к нам придут, да то да се, много времени уйдет. А мы за это время столом и займемся.

– Конечно, конечно, старик. Без меня тут и Этуш со всем справится.

– Хорошо, хорошо, старуха. Никого не забудь. Все же сегодня для меня – самый большой праздник. Такого дня больше у меня не будет...

Сантара ушла, а Якур, крутясь возле брата, любовался его красивой матросской формой, которой был потрясен: отутюженные клеши, суконный бушлат, из-под которого выглядывал откидной ворот голландки, бескозырка, где сияли золотистые

буквы: «Тихоокеанский флот». Военная форма ладно сидела на его широких плечах, на сильном тренированном теле. Якур сразу заметил, как окреп и возмужал за годы службы любимый брат.

Порака решил обстоятельно поговорить с сыном.

– Рассказывай, сыночек, про себя. – Но тут же, видимо вспомнив что-то важное, осуждающе сказал сам себе: – Фу, совсем забыл спросить. Безмозглая голова. фу ты! На чем добрался-то? Пешком или на колданке?

– На неводном метчике.

– На каком же это метчике? Нашего рыбоучастка метчик вроде на месте был.

– Я на другом, отец. На метчике другого рыбоучастка. С Лор Воша. Там начальник добычи рыбы с рыбозавода оказался. Пенечко. Знаешь его?

– Как не знаю. В войну начальником рыбоучастка у нас был. Кум мой. Добрый мужик. Одно лето на неводном песке вместе рыбачили.

– Вот-вот. Он даже вспоминал тебя, пока сюда ехали. Рассказывал, как ты учил его: как невод метать, когда закидывать, чтобы улов хороший был.

– Молодец Пенечко! Молодец! Помнит. Не забыл, значит. А где же он? Почему не позвал? погоди! – И он оглянулся в сторону детей. – Сейчас пошлем кого-нибудь. Быстро сбегают.

– Да нет, отец. Он торопился очень. Уже уехал в Мелексим. Он только из-за меня сюда завернул. Сказал еще: «Разве могу я отказать в просьбе сыну Пораки?!» И еще привет тебе большой передавал. Здоровья пожелал.

– Хорошо, хорошо, сынок. Увидишь его, и от меня привет передай.

– А почему я? Ты сам его, наверное, увидишь.

– Кто знает, кто знает, сынок. – Порака при этом тяжело вздохнул, и темная грусть промелькнула в его глазах. – Так-так, сынок. Ладно... Не это главное... Ты приехал!.. Ты дома!! Теперь мне успокоиться можно. Отдых дам себе. И мозгам тоже. Все же старшой в семье объявился. Есть на кого опереться теперь. Спасибо, Опаль Аси! Дождался сына... Помог мне...

– Ну, отец, зачем так говоришь? Вроде все нормально. Конечно, было тяжело. Понимаю... Но теперь-то...

– Конечно, конечно, сынок. Теперь-то есть плечо, на которое можно опереться. Знаю, что надежное. Не сломится, как хилое деревце.

– Ладно, отец. Все будет хорошо. – Микат окинул взглядом сидевших рядом с ним братьев. – Что же я сижу?! А про подарки-то забыл?!

– Ура! – закричал Якур и кинулся к чемодану Миката, стоявшему у стола, поднатужившись, приподнял его и потащил к брату.

– Вот он, – сказал весь сияющий Якур. – Чур!

Первый подарок мне! И форму матросскую мне!.. Мне, мне первый подарок! – от нетерпения аж подпрыгивал он.

– Ладно, ладно, – успокоил поднявших визг братьев Микат. – Всем хватит. Никого не забыл.

Микат, открыв крышку чемодана, всю обклеенную изнутри разными снимками из армейской жизни, стал раздавать привезенные подарки.

– Это отцу! – и протянул ему восьмикратный бинокль.

– Нужная вещь! – повертел бинокль в руках Пора-ка. – И дорогая, поди? Ты, наверное, все деньги и потратил на него?

– Да нет, отец. Помнишь, я писал вам? Ну, отпуск мне краткосрочный за хорошую службу давали?

– Помню, помню, сынок. Как не помню. Ты писал нам.

– Так вот, отец. Далеко было ехать домой. Я и не поехал, а отдохнул на месте. За это время я в порту на выгрузке судов поработал. Подзаработал кое-что.

Якур широко заулыбался, когда Микат опять запустил руку в чемодан.

– Это матери... Пока нет ее, я вам покажу. – Микат нажал на кнопку, и сразу струя яркого света ударила в лицо Кевхо.

– Ой! Фонарик!! – закричал Якур. – Мне, мне его!..

– Нет, матери, – сказал Микат. – Ей приходится часто в темноте в амбар ходить. Вот ей и будет самое то.

– Верно, верно, – согласился Кевхо. – Пусть будет так. Дай пока мне. Я матери отнесу. А то темно сейчас на улице. – И, почти вырвав фонарик из рук брата, так заторопился на улицу,

что Микат едва успел вручить набор открыток, предназначенный ему.

Волать, Оська и Евдин получили различные альбомы, книжки, открытки. Этуш Микат преподнес нарядный светло-голубой платок. Но больше всех, конечно, радовался Якур, которому брат, как и обещал в письме, подарил матросскую тельняшку, бескозырку и настоящий флотский ремень с якорем. Якур тут же надел под рубашку тельняшку, затянул ремень и перед зеркалом так и сяк стал примерять бескозырку.

Когда младшие братья Миката углубились в книги и альбомы по истории Военно-Морского Флота, Порака опять заговорил с сыном:

– Наверное, в Мош Воше задержался по какому-нибудь важному делу? Или транспорта не было выехать? Там, кажется, дней пять сидел.

– Дела... – замялся Микат и неожиданно покраснел. – Верно... Пять дней там был. Не смог сразу выехать... Ждать пришлось. Все же выбрался. Осень, сам понимаешь. Труднее с транспортом...

– Так-так, известное дело, – согласился Порака.

А Якур, стоявший рядом с братом и хорошо слышавший их разговор, уставился на брата, словно пытался узнать причину его задержки: он хотел даже о чем-то спросить, но раздумал и опять подошел к зеркалу, уже который раз разглядывая себя в бескозырке.

Микат не осмелился сказать правду отцу, что, мол, задержался из-за любимой девушки. Да и вряд ли Порака в ум взял такое: будущую личную жизнь сына он с женой давно уже определил. Невеста Еля из селенья Порават загодя была примечена Сантарой по просьбе Пораки, родители невесты уже дали согласие, и теперь оставалось только ее привезти, – а это, как выражался Порака, «мелкие детальки».

Об их сватовстве Микат, разумеется, пока ничего не знал, как и не знали его родители о том, что он решил жениться на Тоне и даже переехать в Мош Вош. Тоня с помощью отца своего, который был накоротке с руководством района, успела и место работы ему подыскать в Мош Воше. Все же отец Тони работал заведующим финансовым отделом в райисполкоме и имел, разуме-

ется, некоторый вес. По рекомендации райкома комсомола Миката вызвал начальник милиции и предложил работу у себя. Микат несколько дней колебался, не давал согласия, но важный разговор с секретарем райкома партии и настойчивость Тони взяли наконец верх. Через месяц он должен был приехать на работу в Мош Вош. А пока Микат решил отдохнуть у родителей после армии.

И вот теперь Микат, увидев, в каком состоянии находится отец, в глубине души винил себя за свой поспешный и даже, как ему казалось, легкомысленный шаг.

Порака же, не совсем удовлетворенный ответом Миката, прокашлялся, похмыкал про себя, но уточнять больше ничего не стал и начал расспрашивать о том, где он служил, что это за место Камчатка, что за океан Тихий, как служба шла, и о многом другом. Порака внимательно слушал и часто вздыхал от удивления. Особенно его поразили волны в океане.

– Кой, кой! Такой высоты волны есть?

– Да, да, отец. Высотой метров десять – двенадцать.

– Кой, кой! Это надо же... Это же две высоты нашего дома со всей крышей! Это же высотой со старую ель, что за домом стоит! Вот подумай-ка, какие корабли надо иметь, чтобы выдержать такую волну! Кой, кой! Большую силу вода имеет. Не зря ее издавна нарекли священной...

Вскоре в доме стали появляться гости. Первым пришел крепстный отец Миката Валякси. Он широко всплеснул руками, крепко поцеловал Миката и, усевшись рядом с ним на тахар, сказал:

– Дождался наконец-то Порака сына. Дождался своего наследника. Теперь-то, старик, ноги и руки твоего дома, небось, сразу окрепли. Хорошо-о! Надежную опору получил. Вовремя...

– Так-так, Валякси. Правильно говоришь. Нам грешно на жизнь обижаться. Хозяин дома на месте. Что еще надо?

Порака, довольный словами соседа, широко улыбнулся, вынул слежавшийся утлап с табаком из-за нижней губы, легко встал, словно он вовсе не болел, дошел до двери, где стояло поганое ведро, и выбросил ненужный комочек. Затем он, набив смастеренную и красиво разузоренную им трубку табаком и

раскурив ее, важно взял в руки бинокль и, протянув Валякси, произнес:

– Смотри, какой подарок сын преподнес. Дальние места вмиг к себе притягивает. Хорошая вещь. Нужная.

– Это верно, Порака. На охоте ох как понадобится. Словно сто новых глаз с собой будешь носить.

– А как же? Знал сынок, какой подарок привезти.

Вслед за Валякси стали приходиться другие гости. Собралось более двух десятков человек, в основном дальние родственники Пораки и его близкие друзья. После долгих поздравлений и приветствий все уселись вокруг двух низких столиков, один из которых был недавно предусмотрительно изготовлен Поракой из широкой доски для этого случая, – знали, что гостей будет много.

Расторопная Сантара с помощью дочери успела богато уставить стол: на самой середине в просторных ху-ванах лежали замороженные жирные стружки осетра, в отдельных чашках лоснились куски оленьей грудинки и вяленого муксуна, красовались в блюдах дары леса: засахаренная алая морошка, черная смородина, нежно-сладкая княженика, варенье из черники и голубики.

Когда рюмки наполнили, Порака, подняв свою, заговорил:

– Ну что, друзья... Бог послал. Опаль Аси помог – и дело благополучно завершилось. И даже, можно сказать, к хорошему началу подошло, – старик посмотрел на священный ящик, затем обвел взглядом сидящих. – Ну, с добрыми надеждами, люди... За наше счастье!.. – Порака с превеликим трудом допил рюмку и сказал: – Кой! Совсем ослаб. Кое-как одолел. Только из-за сына заставил себя осилить.

– Известное дело, – посочувствовал, покряхтывая, Валякси, откусывая сочившуюся жиром стружку осетрины, и похвалил: – Кой! Запасливый ты, Порака! Даже осетра припас!.. Хоть с трудом туда-сюда таскаешься, а дело знаешь, старина.

За столом Микат только и успевал отвечать на вопросы, которые, как снежинки, сыпались к нему со всех сторон.

После строганины столики раздвинули. За одним уселись мужчины, за другим – женщины, прикрывавшие лица разноцветными платками. За каждым столиком стаями тетеревов взлетали

шутки и прибаутки, шел оживленный разговор о Микате, о его службе. Когда дело дошло до чая, напарник Миката по охоте, Ипринь, захотел попить чаю на высоком столе, стоявшем между двумя окнами, – обычно за ним дети готовили уроки.

– Сядем повыше, друг. Вы, хозяин, – обратился Ипринь к Пораке, – не возражаете? – И, получив утвердительный ответ, продолжал: – Здесь – как-то интереснее. Лицо твое лучше разгляжу. Все же четыре года не видел.

Порака вначале тоже уселся с ними за высокий стол, выпил чашку чая с вареньем из черной смородины, поддержал их разговор, но затем, видимо почувствовав усталость, сказал:

– Ладно, детки. Вы молодые, побудьте вдвоем, а я на тахаре посижу. Там мне привычнее... Со стариком Валякси поболтаю. У вас свои разговоры, у нас, у стариков, – свои. – Он медленно поднялся с табуретки и уселся на оленью шкуру, совсем новую, которую специально постелила Этуш по такому случаю. Валякси весь ушел в серьезный разговор с Ай-Ваней, вспомнившим какой-то очередной случай из фронтовой жизни. И Порака, чтобы не отвлекать своих друзей от захватившей их темы, приблизился к Якуру, который с интересом рассматривал фотографии Миката.

– Возьми, папа, второй альбом. А потом поменяемся.

– Хорошо, хорошо, сынок, – Порака поправил праздничную голубую шелковую рубашу, положил толстый альбом на колени и стал медленно листать и внимательно изучать снимки. Порака подолгу задерживался на каждой странице, совсем близко поднося альбом к глазам – зрение Пораки за последние годы резко ухудшилось. Перевернув страницу, он прямо-таки впился взглядом в одну из фотографий, видимо желая убедиться, что не ошибся, и невольно привлек к себе внимание сидевшего рядом Якура, который, взглянув мельком, тут же недоуменно сказал:

– Тоня?.. Это же Тоня?! – уже громче повторил он. – Которая кассиром... раньше у нас работала.

– Знаю, знаю, сынок. Я тоже вроде вижу. Дочь бухгалтера Кузьменко.

А вездесущий Якур, вплотную прильнув к отцу, уже успел рассмотреть и другую фотографию, которая была слегка прикрыта пальцами Пораки.

– Ой, папа! А здесь Микат с Тоней засняты! Когда же они успели сфотографироваться?

Якур, потянув альбом поближе к себе, стал внимательно разглядывать снимок, где его брат и Тоня, прислонившись друг к другу, сияя от радости, в упор смотрели на него. Якур сразу обо всем догадался, слегка улыбнулся и только хотел было что-то сказать, как его опередил отец.

– Спрашиваешь, когда сфотографировались? И я, сынок, об этом же думаю, глубоко в мозгах копаюсь.

– Ой! – почти закричал Якур. – Микат же в форме? Я догадался, догадался! – он чуть-чуть улыбался. – В Мош Воше, конечно. Сейчас. Пока брат там находился. Давай спросим? – И, не дав отцу даже рта раскрыть, Якур подскочил с альбомом в руках к брату, который, обняв за плечи Иприня, ничего пока не слышал.

Якур дернул его за рукав и спросил:

– Микат, а Микат, ты это в Мош Воше заснялся? – и показал ему страницу альбома.

Лицо Миката, хотя он и был навеселе, моментально вспыхнуло, и он, видимо не найдя ничего лучшего, выхватил из рук Якура фотоальбом, огляделся и, увидев высоко над собой полку, положил его туда, сказал с некоторым недовольством:

– После досмотришь. Завтра. А пока дай поговорю с другом Ипринем. Вот тот, другой, альбом пока рассматривайте.

Порака изучающе посмотрел на Миката, но возражать не стал и принялся листать второй альбом. По тому, как повел себя Микат, отец понял, что здесь кроется какая-то загадка. Если бы Порака выпил, он не удержался бы от расспросов и постарался бы все уяснить до конца, но сейчас, как сообразил старик, при гостях это было неудобно.

Порака, обо всем уже догадываясь, сидел на тахаре и прикидывал в уме: «Если сын выбрал Тоню, то как же быть тогда с дочерью Семан-ики? С Елей как быть? Вроде бы все уже обговорено. Дело, как запряженная нарта, давно уже стоит. Ждет только жениха и невесту. Садись – и езжай... Может, у Миката она просто так?.. Хм... Нелегкое дело. Как запутанная сеть. Не знаешь, с какого конца подобраться. Кой, кой! Замутили мои мозги фотографии. Да-а. И как же быть теперь? Да и Тоня рус-

ская. Не нашей веры. Еще никто в нашем роду не брал в жены женщину другой национальности. Да и в селенье и в окрестностях не припомню... Кой, кой! Задача, задача. Не даст мне покоя. Уйдут гости, останемся одни – спрошу Миката. Сегодня-то и спросить легче. Язык стал у сына скользкий, быстро на правильную тропу выведет. Да и что сыну-то скрывать? От кого?»

...Гости долго не расходились. Утром Кевхо, Якур и Волать по просьбе отца сходили к приемщику Евдокимову, взяли из холодильника десяток мороженых муксунов, и все с аппетитом отведали строганины. Из головы муксунов и остатков осетрины, которая успела вся оттаять, Сантара приготовила вкусную уху.

После обильной пищи, выпив горячего чаю, круто заваренного из березовой чаги, и отведав варенья из разных ягод, гости разошлись.

Порака, хотя и обессилел, держался до конца и спать особо не хотел. Якур вместе с братьями пошел на улицу к друзьям, чтобы поделиться впечатлениями, связанными с приездом Миката, и, конечно же, похвастаться подарками.

Сантара с Этуш отправились в нижние амбары принести что-нибудь из еды, прихватив с собой и малолетнего Лога.

Порака, оставшись наедине с сыном, который, к его удивлению, не очень-то опьянел, решил поговорить с ним о его дальнейшей личной жизни.

Микат долго отнекивался, крутился вокруг да около, но Порака вдруг спросил его напрямик:

– Расскажи-ка мне, сынок, – Порака закашлялся, словно у него запершило в горле, – ты с Тоней, ну, с русской девушкой-то, что задумал?..

– Как что? – словно бы не понял Микат и вмиг окончательно отрезвел.

– Что тут непонятного, сынок? В жены, что ли, собираешься взять? – старик пристально посмотрел ему в глаза. – Разве ни с того ни с сего будут рядом друг с другом сниматься? Да и фотографии в альбоме на видном месте поместил. Чтобы все видели, стало быть. Ну, решился на что-то...

Микат надолго замолчал, поправил на голове подстриженные под полубокс волосы, слегка наклонил голову и, глядя вниз, сказал медленно, словно с трудом отрывал слова от сердца:

– Кажется, так, отец. Вроде бы решил...

– И без моего согласия?! – вспыхнул отец, повысив голос – Я хоть какой-никакой старый, какой-никакой больной, да и жить-то, может, всего ничего, осталось-то всего, может, несколько шагов сделать. Но ведь я тебе отец... Спросить-то хоть надо было... Хоть кончиком языка...

– Так получилось, отец, – тяжело вздохнул Микат. – Невозможно, было спросить. Да и как с тобой свяжешься? Из Мош Воша как свяжешься? – он резко приподнял голову и взглянул на отца. – Не буду же об этом по рации говорить?!

– А почему мы могли по рации о тебе говорить? – начинал проявлять недовольство отец. – С военкоматом мой кум, Апальков, разговаривал. С главным начальником военкомата разговор имел. Небось, тоже важный человек?!

– Так то совсем о другом деле.

– Хотя бы о другом... Ты ведь не какое-нибудь мелкое дело решаешь. Тропу жизни прокладываешь. Человека в дом приводишь... – Порака покряхтел, вытянул закинутые крест-накрест ноги и продолжал: – Меня одно беспокоит: жить-то как будешь? Где будешь жить? Разве русская жена придет в наш дом? Разве она будет спать на тахарах и оленьих шкурах? Ей же кровать нужна. Наверху они спят. Нигде больше спать она не сможет. – Порака раздраженно, резко покачал головой, так что жидкие косички затряслись на затылке. – Ты подумал об этом, сынок?

– Думаю, думаю, отец. – Микат низко опустил голову. Снял с себя матросскую фланельку и, оставшись в одной тельняшке, надолго замолчал.

«Отец же еще не знает, что я собираюсь уехать к Тоне, – Микат почесал затылок. – Ой! Что будет, когда он услышит об этом?»

Микат хорошо знал, что, по обычаям ханты, он должен привести жену в свой дом. В противном случае родители просто-напросто могли отречься от него и навечно проклясть. И как Микату следовало поступить? Тоня сразу сказала как отрезала, что в дом к нему она не пойдет. Микат хорошо понимал и другое, что его помощь ох как нужна в семье! Порака сильно болен и вряд ли выздоровеет. А кто станет помогать матери, если он уедет на работу в другой поселок? Ведь для отца главное – что-

бы в доме был хозяин. Надежный мужчина, который бы торил тропу жизни. Можно, конечно, помогать матери и оттуда, высылать часть зарплаты, почаще к ним приезжать – дрова припасти, сена накопить летом... Он думал и о том, чтобы перевезти в Мош Вош, на новое место работы, родителей и всю семью... Но как быть с квартирой? Подходящую квартиру на всю их большую семью начальник милиции сразу не обещал. Да и когда это будет?.. Если следовать родовым обычаям, его место только здесь, в родном селенье. Но как быть теперь?.. Когда он собрался связать свою жизнь с русской женщиной? Да к тому же заняться до сих пор незнакомой ему и всем ханты работой?

Микат то и дело взъерошивал коротко стриженные волосы. Порака, очевидно тоже терзаемый раздумьями, продолжал разговаривать с сыном:

– Выходит, сынок, коль русскую женщину приведешь, дом тебе новый понадобится. Значит, новый дом придется строить. А как же иначе? Мне в голову больше ничего не приходит...

Микат тяжело вздохнул и решил все до конца рассказать отцу:

– Видишь ли, отец, – Микат, сцепив пальцы обеих рук, похрустел ими, – тут еще другое дело есть. Тоже важное...

– Какое это еще важное дело за пазухой затаил? Я смотрю: ты в себя загадок успел наложить, что ягод в большой туесок. Не скоро их и выберешь по одной.

– Такое дело, отец. Меня в Мош Воше в райком пригласили к большому начальнику. А затем уже в милицию вызвали.

– В милицию?! – перебил его Порака. – В милицию?! Успел уже натворить что-то?!

– Да нет, отец. Ничего не натворил. По работе вызывали.

– По какой это работе? Что-то не понимаю... Говори...

– В милицию работать приглашают. Говорят, райком комсомола посоветовал.

– В милицию?! Работать?! – Порака уставился на сына изумленными глазами, словно не веря в то, что он сейчас услышал. – Как работать? Тебе что, у нас работы не хватает? Слава Богу, в щедрой тайге еще не перевелся зверь, в священной воде еще кое-какая рыбешка плавает, хвостик какой-нибудь найдется.

– Знаю, знаю, отец. Но там тоже работа. Им следователи нужны. Ну, который был бы грамотный и язык ханты знал. Вот они на мне и остановились.

– Пусть дальше плывут, сынок. Не ты один на земле живешь. Другие найдутся. Да что там за работа? В милиции... – здесь Порака ухмыльнулся. – Вот рыбу ловить, зверя добывать – я понимаю – это работа... Что поймал, что выловил, что щедрая природа подарила – все на глазах, все видать. Как работал – столько и добыл. А там что? Заключенных, уголовников всяких ловить и охранять. Допрашивать их. Да еще прибьют тебя где-нибудь...

– Дело тоже важное, отец. Со мной долго об этом в райкоме говорили.

– И уговорили, конечно...

– Да, отец. Я согласился. Слово дал. Месяц побуду дома. Помогу вам, чем смогу, и должен в райцентр ехать...

– Эй-я! – весь вспыхнул отец. – Послушай, что говоришь! А как нам быть? Ты что – бросаешь семью? Ведь мы столько тебя ждали!.. Я только этой надеждой и жил.

Порака опустил голову и ненадолго замолк, а затем тихо продолжил:

– Так бы, может, и не дотянул до твоего приезда. Давно бы споткнулся, наверное...

– Но, отец...

– И не говори. Не убеждай меня. Тебя кто-то ума лишил. Какой-то злой дух украл его. О, злые духи! Не зря в образе волка во сне приснились. Не к добру у меня левый висок сегодня покалывал и постукивал. Не к добру... – Порака придвинулся к сыну поближе, расстегнул, почти сорвал пуговицы на вороте.- – Ты подумай только: на ком держался дом? На мне, – старик ударил себя в грудь. – Я, какой ни на есть, еле руками и пальцами шевелил, а все же голова и ум старого человека в доме были. Мать и младшие сыновья спокойно жили. Есть хозяин в доме. Есть рулевой в лодке. Есть каюр, кому прокладывать тропу жизни. А теперь?! На кого ты мать и младших братьев оставляешь? Разве для этого я тебя растил? Для этого?! – голос старика взвился, словно в отчаянии. – Да и какое слово я унесу с собой

людям нижнего, того мира? Что им скажу? Мол, такой-то сын у меня приехал? Заглянул домой и улетел обратно...

Микат хотя и был под хмельком, но все прекрасно понимал. Он все заранее обдумал и теперь пытался переубедить отца, как мог.

– Но, отец! Я же помогать буду.

– Помогать? Смеешься, что ли? Жить будешь за сто верст – и еще помогать собираешься? Ты что – крылья имеешь? Прилетишь, как сказочный Ими Хилы. Рыбы вмиг наловишь, зверя добудешь, дровами дом завалишь... Живите, мол, наслаждайтесь, а самого след уже простыл. Малышей-то сколько у нас. Ты подумал об этом? Сколько еще нужно их поднимать!..

– Отец, нынче же для детей ханты в соседнем селенье интернетат откроют. Там все: и Кевхо, и Якур, и Волать, и Оська, и Евдин находиться будут. Их будут и кормить, и одевать. На всем государственном будут. В воскресенье домой будут навещаться. Тут же недалеко. Всего с десяток верст будет. И я временами буду наезжать. Да и деньги каждый месяц буду отсылать домой.

– Зачем нам деньги? Нам человек нужен в доме! Деньги!.. На них что? Рыбу будем покупать? Глухарей? Куропаток? Дрова? – Порака выразительно загибал пальцы на руке, которые слегка дрожали. Часто дыша, он вытер рукавом рубахи выступивший на лице пот: видно, волнение отняло у него много сил. Затем положил за нижнюю губу молотого табаку, заложил стружками утлапа и уже чуть спокойнее, вопрошающим взглядом уставился на Миката и спросил: – Может, сынок, все же передумаешь? Может, останешься здесь? Перевези ты свою Тоню сюда. Дом новый отстрой. А пока строишься – пусть она обождёт. Я всем тебе помогу. Поговорю с плотниками Тулей и Митри. Деньгами-то хоть и не богат, но оленей личных голов двадцать, кажется, осталось. Так и быть, уступлю им за работу половину. Пусть только дом новый построят. Прошу тебя, останься здесь... Ну как, сынок, договорились?..

Микату, конечно, было очень жаль отца, и он, отлично понимая его состояние, думал, как бы все это доступней и убедительней объяснить отцу. Микат закурил папиросу «Беломорканал», глубоко затянулся и начал медленно:

– Не могу, отец. Я дал слово. Секретарю райкома дал слово. Начальнику милиции обещал...

– Обещал, обещал... Ты все о них думаешь, а нас – меня, мать, братьев, сестру – забыл? Ведь Этуш из-за тебя все еще не вышла замуж. Дважды сватались. Я отказал. Из-за тебя отказал. Тебя ждали. А ты чем нам отвечаешь?

Микат низко опустил голову, а Порака решил еще сильнее поднажать и привести последние веские доводы:

– И к тому же ты на русской собираешься жениться. Такого еще у нас никогда не бывало. Ты хорошенько подумал? А вдруг она возьмет да и бросит тебя. Это не то, что наши хантыйские женщины. Я хорошо семью Кузьменко помню. Дома его жена всем была, все вопросы она решала, муж под ее пятой ходил. Ты об этом подумал, сынок? Подумал? А ведь мы для тебя хорошую, самую красивую девушку в округе подобрали!..

Эти слова отца сразу же вывели Миката из равновесия, он соскочил с табуретки и заходил по комнате:

– Вы опять в мою личную жизнь лезете? Не вмешивайтесь больше. И так уже однажды женили без моего согласия. Больше такого не повторится! Прошли старые времена. Я себе сам нашел невесту. И ты знаешь, отец, кто она. Вот так, отец. Я все высказал.

Порака, увидев решимость в его глазах и то, как он твердой походкой вышагивал по комнате, понял, что неосторожно задел сына за больное место, что его сейчас не переубедить.

«Уперся, как лось разъяренный в своего соперника, – подумал Порака. – Насмерть уперся. Не сдвинешь с места. Лучше потом еще раз поговорю. На свежую голову. Пусть отоспится пока. Прервем разговор на этом».

Порака долго молчал и наконец вымолвил:

– Ладно, сынок. Ложись спать. Отдохни малость. Все же с дороги...

Микат проснулся к вечеру, когда солнце на западе уже стало опускаться подошвы своих ходких лыж на плечи подернутых синеватой дымкой дальних отрогов Полярного Урала.

Все это время Порака почти не спал. Он ненадолго вздремнул было рядом с сыном Микатом, но вскоре проснулся, и, как ни заставлял себя уснуть, сон не шел к нему. Да и до сна ли было ему теперь? Из головы никак не выходил разговор с сыном, который буквально ошеломил его: такого еще никогда не бывало в их роду. Слыхом не слыхивали.

«Подумать только!.. – рассуждал про себя Порака. – Без ведома родителей устраивать свою жизнь: невесту найти, работу новую да еще переехать в совершенно другой, незнакомый поселок. Искать новое счастье... А найдет ли там его? И семью свою бросить... Родную мать... братьев младших... Нет... Такая жизнь не укладывается в моей голове. Как мысли ни верти, никак не сходятся вместе, словно поленья от разных расколотых чурбанов. Кай, кай!..»

Мать, узнав о намерениях сына, – она пришла домой, когда Микат уже крепко спал, – чуть не упала в обморок. Расстроилась так, что тут же ударилась в слезы и запричитала:

– Что с ним случилось? Он что – сдурел? Бросить нас посреди поселка, словно в голой тундре? Не видит разве, что отец еле держится на ногах, еле дышит? Тень только одна осталась.

А когда Сантара узнала от мужа, что Микат вдобавок ко всему собирается жениться на русской девушке Тоне, ее возмущению не было конца.

– Ах, теперь я поняла, – почти визжала она в сен-ках, куда попросил ее выйти муж, чтобы не разбудить сына. – Это все... Она... Тоня во всем виновата. Это она сына моего надоумила... Ох, эта гуляка!.. Да я ей глаза выцарапаю. Как жаль, что ее нет здесь, – Сантара перевела дыхание от волнения, зачерпнула из ведра ковшик воды и залпом выпила, а затем продолжала чуть спокойнее. – Но ничего! Я найду ее! Никуда от меня не денется, никуда не спрячется. Из-под земли выкопаю! Завтра же сама поеду в Мош Вош. Далеко разве? Рядом с нами находится. Нет! Это дело я так не оставлю. Смотри, какая она! Тихая вроде была, а сына тайком хочет от меня вести. Не выйдет, не выйдет! Что? Разве она растила его и кормила? Нет! Так не пойдет, старик!

Сантара хотела уже разбудить Миката, чтобы тут же поговорить с ним, но не разрешил муж. Он, видимо, обдумав еще какой-то ход, строго одернул ее:

– Не буди... Хватит ругаться. Пусть поспит. Проспится – там посмотрим. И ты тоже покамест приляг. Не мешай мне думать. Проснется Микат, сам еще раз поговорю с ним. А без меня не поднимай шума. Криком, я думаю, здесь не поможешь. Он же не ребенок.

Сантара, утихомирившись, зашла в дом, с *Этуи* убрала посуду со столиков, привела в порядок жилище, затем сама легла спать, но еще долго что-то ворчала себе иод нос.

Порака же, недолго посидев на низкой скамеечке около железной печки, медленно встал и, тихо шаркая по полу калошами, надетыми на теплые чижы, прошелся по комнате. Случайно зацепившись за лежавшие кисты, он слегка пошатнулся и чуть не упал. Как всегда в таких случаях, он по привычке стал обвинять калоши:

– Ох, эти колотушки, – так он любил называть калоши якобы за их слишком тяжелый вес – Ох, эти колотушки! Так и носят меня – туда-сюда, туда-сюда! Ох, эти колотушки, что же вы так стучите по полу, еще сына разбудите.

Своей руганью он создавал больше шума, чем шарканьем калош. Немного успокоившись, Порака подошел к столу, взял с полки альбом, который Микат вырвал из рук Якура, и, покрхатывая, сел на табуретку.

Порака сравнительно быстро пролистал те листы, которые успел посмотреть раньше, и опять надолго задержался на фотографии Тони.

Тут вбежал в комнату Якур и сел на корточки рядом с отцом, а тот, вытащив фотографию из вырезов альбомного листа, внимательно рассматривал ее, поднеся к глазам.

– Смотри, папа! На обороте что-то написано.

– Верно, сынок, – сказал Порака, перевернув фотографию. – Прочитай-ка мне, что там.

Якур взял ее в руки и быстро пробежал глазами:

– Ой! Тут, тут написано...

– Ну, ну, читай! Ты мне прочти, прочти.

– Хорошо. – И Якур почти без запинки прочитал: «Дорогому и милому Микату. Помни и не забывай. Тоня. 10 ноября 1952 года».

– И все, сынок?

– Все, папа. Больше ничего.

– Ты говоришь, какого года? Повтори-ка.

– 10 ноября 1952 года.

– Так-так. Стало быть, год назад была послана. – Порака взял из рук Якура фотографию и долго разглядывал милостивое лицо Тони, а та улыбалась теплыми глазами, конечно же, Микату. Затем он вложил ее обратно в альбом и, опершись локтями о стол, приложил пальцы к закрытым векам, посидел так и вскоре резко встал:

– Ладно, сынок. Дальше ты один рассматривай. Что-то устал я. Душно мне. На улицу выйду. Посажу там.

Порака не торопясь натянул на себя легкую малицу, взял в руки тросточку – ею он стал пользоваться в последние дни – и вышел на улицу. Постоял недолго у крыльца и направился за дом, где стояла приготовленная для Миката нарта, полюбовался, как всегда, ею и тихо опустился на сиденье, прислонившись спиной к заднему поперечному упору, сделанному из широкой кедровой доски, высотой, пожалуй, с две пяди взрослого человека.

Порака тихо сидел, временами поглядывал на осеннее, все еще теплое солнце, на свой дом, срубленный им еще двадцать лет назад из отборных лиственничных бревен и все еще ладно стоящий, нигде не перекосившийся и даже не поддавшийся гнили на стыках пазов, на рядом стоящий лопас, на глыбы камней, приготовленных им для сетей во время подледного лова, на гладко обструганный хорей, приткнувшийся в углу, и рядом с ним перевернутую высоконосую колданку и без конца спрашивал себя: «Кому, кому все это оставить?» Все больше и больше погружаясь в свои мысли, он готовился к последнему и решающему разговору с сыном. Порака, зная крутой и неуступчивый характер сына («Весь в отца», – часто любил повторять он при людях), понимал, что насильно заставить Миката изменить свое решение невозможно: сын вполне взрослый человек и имеет свои устоявшиеся взгляды на жизнь.

«Значит, чем-то другим надо заинтересовать его, – думал Порака. – Кровным делом. Тем, без чего Микат жить не может. – Он пытался представить явственнее будущую работу сына... – Хм... Милиционер... Милиционер... Жуликов и воров среди хан-

ты искать. Разоблачать. Хм... Да их раньше и в помине не было. Двери амбаров на замок не закрывали. А теперь!? Кай, кай! Воськат Турам! – Честное Небо! И в самом деле стали объявляться такие. Вон в прошлом году Тяра Назаров с поселка Ванты приезжал. Ночью в чужой лопас Ай-Вани залез. Две оленье шкуры и мешок рыбы утащил. Упер самым бессовестным образом. Кай, кай! Плохой он человек. Что ему не хватало? Попросил бы честно. Ай-Ваня бы так отдал. А красть-то зачем было? – Порака откинул назад капюшон малицы, словно от такого нечестного поступка ему стало стыдно, и он ни с того ни с сего вспотел даже.

– Кай! Что с людьми происходит? Стало быть, Ми-кату с подобными нечестными людьми придется дело иметь. Хм... Разве без него не могут обойтись? Пусть русские милиционеры ими и занимаются... Обходились же сами. А дело Миката – тайга, звери лесные. Ему рыбу в реке ловить, а не жуликов разных, беглецов опасных. Нет! Надо сыну еще раз напомнить об этом. Как же он откажется от дела, которым его деда и прадеды, да и весь род издавна занимался? Да неужто Миката не влечет охота и рыбный промысел? Кто это успел его мысли переиначить? Не могли же его мозг подменить... Тоня? Но Тоню можно и в наш поселок привезти. Пусть новый дом строят себе по вкусу. Всех оленей, какие еще остались, отдам за дом. Лишь бы Микат при семье остался. А то как же иначе? Как же без хозяина дом оставить? Дети еще не выросли как следует, не оперились по настоящему. Кай, кай! Голова кругом идет. Прямо раскалывается... – Порака провел ладонью правой руки по лысине и резко сморщился от внезапно появившейся боли в сердце. Он приложил руку к сердцу и погладил грудь слева. – Кай, кай! И сердце торопит меня. Напоминает, чтобы быстрее решил с сыном. Не мешкал. Ну да ладно. Попытаюсь, попытаюсь в последний раз разговор повести. А вдруг что-то склеится!.. Только вот надо как следует подготовиться к этому. Чтобы нужное дело потом, как черпаком воду, можно было черпнуть. Чтобы, стало быть, каждое слово и каждая вещь в сердце сына застревали. За живое его задевали...

Когда Микат проснулся, Порака помог ему умыться, наливая из алюминиевого ковша холодной родниковой воды, которую успел принести в ведре Якур с ближайшей речки Ик Алты Соям.

– Ух, как хорошо освежился! – радовался Микат, обтираясь по пояс – Весь сон сбило.

– А как же! – ответил довольный Порака. – Сейчас и в груди прохлада, и в голове чисто, как после свежего выпавшего снежка. А как же... – Порака, сидя на широкой и потому устойчивой табуретке, которую специально для себя попросил смастерить местного столяра Богданова, обождал, когда сын оденется в свою, красивую форму, и, слегка улыбаясь, заговорил:

– А теперь, сынок, думаю, и нам с матерью настала пора подарки преподнести тебе. Мы хотя и еле шевелимся, но все же пока живые люди. Сходи-ка, Сантара, в лопас за своими вещами. А я пока свои подарки сыну преподнесу.

Легкая на подъем Сантара тут же надела на себя ягушку, накинула на голову платок и, попросив сына Волать следовать за ней, заторопилась на улицу. Но тот состроил недовольную гримасу и отвернулся:

– Нет, я не пойду, мама. Я хочу посмотреть, как отец подарки будет давать. Пусть Этуш ходит.

– Я тебе не пойду! – прикрикнула мать. – Что, руки и ноги разве отпадут?

Порака, видя, что Волать начал хныкать, забившись в угол, пожалел:

– Ладно, ладно, Сантара. Пусть останется здесь. Кому не интересно? Все же подарки мужские, Микату предназначенные. Так уж и быть, ты с Этуш ходи.

– Коль так, пусть останется, лентяй, – согласилась мать и пошла с дочерью в лопас за приготовленными подарками.

Порака, заранее обдумав, в какой последовательности будет преподносить подарки, не суетился и старался все делать основательно. Порака начал с улицы. Подвел Миката к колданке и сказал:

– Переверни-ка, сынок, ее. Попробуй на вес. На прочность испытай...

Микат без особых усилий перевернул колданку, легко подтащил вперед, несколько раз, невысоко приподняв, потряс, дер-

жась рукой за поперечные перекладыны, провел ладонью по четким и ровным рядам швов, сплетенных из жил кедровых корней, затем тут же приладил к лиственничным уключинам, лежавшим под лодкой, две широколопастные кедровые гребни, выкрашенные в красный цвет, и, любуясь надежным и удобным транспортом рыбака, расплылся в широкой улыбке. Порака про себя обрадовался: «Нравится сыну. Видно, не забыл еще страсть к рыбалке» – и не преминул воспользоваться этим моментом:

– Вот видишь: я все приготовил для рыбалки. Хоть сейчас же тащи колданку в реку, сталкивай в воду и езжай куда глаза глядят. Нравится колданка?

– Да, отец. Хороша!

– И я так же думаю, сынок. Должна была понравиться. Я долго выбирал ее, прежде чем купить. Всю, можно сказать, пальцем прощупал, – и улыбнулся сыну. – Держи ее хорошо. Рыбы много в ней добудешь.

Затем Порака позвал сына к небольшому взгорку, где когда-то раньше стоял дом его отца, а теперь остался лишь небольшой холмик, – поставленная полозьями на две поперечные палки-кругляшки, красовалась новая выездная нарта.

– Вот, сынок, и это тоже тебе. – Порака, облизнув губы, продолжал: – Определи на глазок – как она тебе? – Порака поглядел по сторонам, словно вспомнив что-то. – Погоди-ка, сынок. Здесь еще хорея не хватает. Якур, принеси сюда хорей. Вон в углу стоит.

Порака взял четырехметровый, гладко оструганный хорей с круглым наконечником из бивня мамонта и вручил Микату:

– Крепко держи его. Не выпускай из рук. Тогда и дорогу не потеряешь, и упряжка к дому всегда выведет. Да-да, так-так. – Порака, кивая головой, словно пытался в этом убедить самого себя. – Научишься хорошо держать в руках хорей – и тропа жизни остережет тебя от опасностей. А как же? Слово стариков – верное слово.

Микат взял в руки хорей, покачал его и прямо-таки залюбовался им.

– А ну-ка, теперь садись в нарту, – попросил Порака. – Посмотрю: не разучился ли ты ездить.

– И я тоже! И я тоже! – крикнули разом и Якур, и Кевхо, и Волать, и остальные сыновья, и, как только Микат стал садиться в нарту, все кинулись в нее, даже опередив его.

– Уф-уф, эхей-гей! – закричали враз братья, имитируя езду быстро мчащейся оленьей упряжки.

– Хороша нарта! – сказал довольный Микат. – И легкая, и прочная! И копылья мастерски по полозьям изогнуты. Приятно на такой нарте прокатиться...

– И катайся себе на здоровье, – тут же подхватил Порака. – Катайся. Крепко держи в руках вожжи и хорей. По счастливой тропе свой род веди. Бери нарту. Для тебя сделана. Тебя дожидается. Зверя в тайге ещебольше добудешь с ней. И чтоб никогда не подвела тебя, чтоб на полпути полозья не полопались, ножки не споткнулись. Много богатства и счастья пусть она нашему дому принесет!

Микат, глаза которого загорелись от отцовского напутствия, с какой-то грустью, идущей из глубины сердца, посмотрел на Пораку.

Тут Порака вновь недовольно помотал головой и огорченно сказал:

– Кой! Безмозглая голова. Опять все позабыл. – Он потер пальцами по правому виску. – Говорю об охоте, а о лыжах совсем забыл. Без лыж какой охотник?! Эй, Якур, сходи-ка на крышу. Достань оттуда новые лыжи. Пусть Микат оценит.

Якур проворной кунницей взобрался на чердак с угла, не пользовавшись даже лестницей, открыл дверцы, вынес оттуда широкие еловые лыжи, обитые камусом из оленьих лап, и сверху подал подбежавшему Кевхо, а тот брату. Микат, взяв легкие лыжи, повертел их в руках, погладил ладонью по гладкому камусу, основательно приклеенному к подошвам, попробовал их на вес и наконец, положив на нарту, улыбаясь, сказал:

– Стоящая вещь! Хорошие лыжи. В самый раз! То, что нужно охотнику. Целый день будешь бродить – и в ногах усталости не почувствуешь.

– Вот и ходи! – опять же поддержал его мысли Порака. – Охоться сколько душе влезет. Пусть станут верными помощниками твоих ног. Безотказными друзьями...

– Да-а, – протянул, соглашаясь, Микат. – Точно: настоящие друзья...

Порака все больше убеждался в том, что в душе и сердце сына загорелась неистребимая, проснувшаяся с детства охотничья страсть, что он вновь заболел ею, и решил под конец использовать главный, на его взгляд, беспроегранный козырь.

– А теперь, сынок, в дом зайдем. Там кое-что еще для тебя приготовлено.

В это время подошли с нижних лопасов мать и Этуш, таща охапки новых вещей, тоже предназначенных Микату.

– Си! – Все! Принесли, старик. Пусть Микат примерит их. Наденет. Пусть...

– Не мешайся пока, старуха, – перебил Порака. – После покажешь. Здесь вещи поважнее есть. – И он властным движением руки отстранил мать, стоявшую крыльца. – После, после покажешь, Сантара. Не мешай пока. – Порака легкой, но неторопливой походкой вошел в небольшие, срубленные из тонкомерной ели сени, открыл ведущую в избу дверь, сколоченную из двух широких кедровых плах, без особых усилий – момент-то какой! – перемахнул через довольно высокий порог и подошел к священному ящику, за которым прислонилось к стене новое бескурковое ружье двенадцатого калибра, недавно купленное Поракой для Миката и пока предусмотрительно спрятанное от сторонних глаз.

Порака осторожно извлек оттуда завернутую в старый ситцевый платок двустволку, все еще обильно смазанную ружейным маслом, подержал ее в руке, любуясь, и торжественно, весь сияя, преподнес Микату.

– Держи, сынок. Это тебе. Только одно такое в магазин завезли. Я специально заказывал. Для тебя!

– Хороша! – широко заулыбался Микат. Лицо его как-то все смягчилось, потеплело, как у ребенка, не скрывающего свою радость. – Такого ружья я никогда и не видел! Бескурковка. А отделка-то какая! Наверное, немало и стоила, отец.

– Да что говорить! Шестьсот двадцать заплатил. Но дело, сынок, не в цене. Главное, чтобы тебе понравилось.

– Как не понравится, отец, такое! – Микат отвел хвостовик, открыл магазинную коробку и заглянул в стволы ружья. – Ох и

хороша! Ствол хромированный. Как солнце блестит. В дичь, конечно же, метко попадать будет.

– Не пробовал, не знаю, – сказал Порака. – Но если судить по цене – ружье должно хорошо стрелять. Цена-то вон какая! Целых два взрослых оленя стоит.

– Да-а! – продолжал восторгаться и сиять от радости Микат. – Большое спасибо, отец. Вот это подарок! Настоящий подарок!

– Для тебя стараюсь, сынок, – сказал, тоже весь сияя, Порака. – Чтоб хорошо охотился. С ружьем не мучился. А без хорошего ружья – какой охотник? Так себе. Пугало одно. Зверей и птиц разгонять разве. Знаю я одного охотника. Соседа Севли. Этой весной рядом со мной на одной протоке Шимхот Юган охотился. Только он пониже меня, около устья, на скрадке сидел. Так он всю ночь палил. Земле и воде покоя не давал. Думал я: ох, и настрелял дичи! А приплыл утром ко мне, и что быты думал? На дне колданки один захудалый чирок лежит! Все мазал и мазал, говорит. Я бы такое ружье тут же разломал и в воду выбросил. Зачем нужно такое? А если стоящий зверь подвернется? А если с мойпаром или лосем невзначай дело иметь будешь? Э-э, сынок... без хорошего ружья – ты не охотник. Лучше уж тогда сиди дома, людей не смей и птиц и зверей не пугай. – Порака облизнул губы, почесал редкую щетину на подбородке и продолжал: – Стало быть, сынок, охоться! Все, по-моему, у тебя есть теперь. И колданка, и нарта, и ружье...

– Да-а, – протянул Микат, вздохнув глубоко. – Спасибо большое.

Он все еще рассматривал ружье, прикладывал цевье к плечу, наклонял голову и, сощутив левый глаз, прицеливался. Затем, проверив, ладно ли прикреплен ремень, повесил ружье над священным ящиком в углу.

Порака постоянно следил за выражением лица Миката, словно пытался прочесть его мысли, чтобы определить, какое впечатление все это произвело на сына, и, увидев, что тот остался очень доволен, удовлетворенно сел на тахар и подумал: «Пусть теперь немного пораскинет мозгами. Подумает основательно и решит наконец-то, где ему быть: здесь, дома, или там надеть форму милиционера, нагоняя одним видом страх на честных людей».

А Сантара, в ярко-красном шелковом платке на голове, заметив, что Порака закончил свои дела и начал набивать трубку табаком, улыбнулась и с торжественным и гордым видом – ее работа тоже стоящая и тоже важная! – подошла к сыну, неся охапку вещей.

– Вот, сынок!.. Теперь и от меня прими подарки. – Она проворными движениями пальцев развязала узел большого свертка и вначале извлекла оттуда красиво разузоренные в семь полос праздничные кисы. – Примерь их, сынок. Я старалась чуть больше размером сшить. Все боялась: вдруг малы будут тебе? Надень кисы, с чижамы попробуй.

Микат сперва натянул на ноги теплые, из густого оленьего меха чижы, а на них уже надел кисы. Все пришлось в самый раз.

– Как я угадала! – воскликнула мать. – Не подвел меня старческий ум. И глаза не подвели. А теперь надень это. – И Сантара подала ему сшитую из отборного неблюя удобную и легкую, но очень теплую малицу, покрытую сверху темно-синей ситцевой сорочкой с капюшоном, сшитым из шкуры выдры.

Малица плотно облегла плечи Миката, да и по длине пришлась впору: нижний край подола дошел как раз до шашкелов* на ногах. Микат полюбовался на себя, на свои наряды в зеркало, снял с себя малицу и кисы и поблагодарил мать. А та тут же предложила сыну примерить и нюки ваи – чувячки, которые тоже оказались сшитыми по ноге.

Когда довольный Микат – улыбка так и не сходила с его лица, словно летнее полярное солнце, – уселся на табуретку у стола, заговорил отец, молчавший все это время и, видно, хорошо обдумавший дальнейший разговор:

– Вот, сынок. Все для тебя сделали. Ничего не пожалели.

– Ради сына ничего не жалко! – поддакнула мать. – Отец знал, для кого старался. Он-то что! От него тень одна осталась. Не сегодня завтра на землю рухнет.

– Мама, зачем так говоришь? – поморщился Микат. – Отец еще долго проживет. Еще поправится он, – и тут же прикусил

* Шашкелы – повязки для ног обычно сплетаются из разноцветных нитей.

язык, прекрасно понимая, что тот держится, пожалуй, только на одном желании.

– Верно, верно говорит мать, – тяжело заговорил Порака, и видно было, как он утомился. – Все для тебя, сынок, старались. Тебя ждали. На тебя надеялись...

– А на кого еще было надеяться? – опять поддакнула мать.

– Наши отцы и матери давно в могиле лежат. – Она ненадолго замолчала и бросила вопросительный взгляд на сына. – Только на тебя одна надежда и есть. На тебя одного можно опереться. На кого же еще больше? – Последние слова она произнесла тихо, почти со всхлипом.

– Ладно, ладно, старуха, – перебил Порака. – Ты замолкни ненадолго. Тут мужской разговор. Займись пока своими делами. Чайник согрей. Микат, конечно, проголодался. Да и мы хотим кушать.

Сантара хотела что-то ответить, но пререкаться с мужем не осмелилась, подошла к железной печке и стала тут же растапливать ее сухими дровами, лежавшими ровной связкой у дверей.

Все дети находились в доме: кто сидел на табуретках, кто на тахаре, кто за столом. Порака, понимая, что разговор предстоит серьезный, как никогда, важный, попросил, чтобы дети, кроме Этуш, вышли на улицу поиграть. Когда стихло, Порака, сильно дымя своей трубкой, с которой сегодня почти не расставался, заговорил с сыном:

– Ну как, сынок? Утренний разговор наш не забыл?

– Почему забыл, отец? Помню. Я не был пьяный. Все помню. И сейчас об этом думаю.

– Ну и что надумал? К какому берегу приставать будешь? Может, все же изменишь свое решение, сынок? – Порака встал, подсел на широкую табуретку поближе к Микату и, положив локти на стол, покрытый красивой клеенкой, уставился на него, словно плохо видел. – Может, сынок, все же останешься у нас? Не уедешь?

– Ждали, ждали – и уехать! Словно мы чужие, – опять вмешалась Сантара.

– Не встревай, старуха, – строго прикрикнул Порака. – Я сказал: здесь пока мужской разговор.

Микат, опустив плечи, долго молчал – по всему чувствовалось, что ему тоже очень и очень тяжело, – похрустывал сплетенными пальцами, а затем медленно поднял голову и серьезно взглянул на отца.

– Я понимаю тебя, отец. И мать тоже. Я все хорошо понимаю. Но я не могу. Я обещал. Секретарю райкома слово дал. Он тоже долго меня убеждал. Говорил о важности работы в милиции. Говорил, мол, среди них нет ни одного ханты, нет никого, кто знает наш язык. А такие, говорит, очень нужны теперь району. Много, говорит, после войны осталось семей без мужей и старших сыновей. Много осталось подростков. От родителей, матерей некоторые отбились.

– Это-то верно, – вздохнув, согласился Порака. – Вон у Хартагановой Матры. Муж на фронте погиб. Она надсадилась на тяжелой работе. Часто болеет. А двое ее сыновей совсем от рук отбились. И в школе безобразничают, и в поселке что-нибудь натворят...

– Вот-вот, отец, – тут же, словно за спасительную щепку на воде, ухватился Микат. – Вот именно с такими, говорил секретарь райкома, много теперь надо заниматься. – Микат ненадолго замолчал, посмотрел на отца, пытаясь определить, какое впечатление он произвел на него своими доводами, и продолжал: – Секретарь райкома сказал, мол, милиции сейчас нужны знающие и толковые люди. Чтоб не только преступников ловить, но и профилактическую работу с людьми проводить, особенно с подростками.

– Это что еще за слово? – спросил Порака. – Какое-то новое, незнакомое.

– Это, отец, чтобы преступления предупреждать, воровство, скажем, раньше времени приостановить.

– Кой, кой, – Порака помотал головой. – Так оно, конечно, хорошо бы было. А то смотри, сынок, я еще об этом не говорил тебе. Живет в соседнем селенье Пит-лор Конверкин Михаил. Приезжий он. Да ты, конечно, знаешь его. Так вот, этот Конверкин чуть хлебнет лишнего – держись тогда. Обязательно отыщет прежнего своего обидчика и драку затеет. Долго прощали ему. А вот нынче ему три года дали. А парень-то был работающий. Мастер на все руки. В кузнице работал. Мне вот эту печку, что в

доме стоит, смастерил. С умом сделал. Не дымит, много тепла дает. Мы и горя теперь не знаем. А вот вовремя бы этого Михаила отучили от драки – и мужик на месте остался бы. Сколько бы полезного дела колхозу сделал!..

– Вот-вот, отец. Меня вот на такую профилактическую работу и хотят поставить. Только я буду больше с ханты общаться, со своим народом.

Порака надолго замолчал, выпуская изо рта густые клубы дыма, и, видимо поняв, что Микат все всерьез обдумал и что нет смысла его отговаривать, тихо произнес:

– Да-а, сынок. Все же трудно, ох как трудно будет семье, коль уедешь в другой поселок.

– На мучение бросает нас, – вставила мать. – Как собак бродячих...

– Ладно, ладно, хватит, – отрезал Порака. – Тут дело совсем не простое. Тут, я смотрю, многое вовсе и не от сына зависит.

– Верно, верно, отец, – подхватил Микат. – Секретарь райкома так и сказал: мол, ты комсомолец, секретарем комсомольской организации работал, вот и получай, мол, комсомольское поручение.

– Понимаю, понимаю, сынок. У вас, видно, тоже свои законы есть. Я смотрю, направляют-то тебя тоже не на отдых.

– Да, отец. Так и сказал секретарь. Оказывается, он и тебя знает. О тебе спрашивал. Хороший, мол, человек. Хорошо работает.

– Работает... – тихо произнес Порака, а затем резко приподнял голову. – Погоди, погоди, а как его фамилия, сынок? Секретаря-то?

– Кондыгин, отец. Он тоже ханты.

– А-а! Так я его хорошо знаю. Он родом с поселка Катравож. Говорят, в Ленинграде на большого учителя учился. Как же, как же, знаю я его. Приезжал в то лето к нам во время сорового лова. Собрание у рыбаков проводил. Чуткий мужик. Знает наши нужды. И слово умеет держать. Обещал нам помощь оказать. Ну, это, с плашкоутами вопрос решить. Сразу решил. Уехал, а на второй день катер и плашкоут к нам пригнали. А то, понимаешь, рыбу некуда было сдавать. – Порака помолчал, чуть успокоился, видимо оставшись довольным, что сам секретарь рай-

кома с его сыном разговаривал, что так он высоко о Микате отзывался. А про себя подумал: «Видно, шибко уж Микат им нужен. Раз такой высокий начальник с ним разговор имел».

Микат уже выкуривал неизвестно какую по счету папиросу, а Порака все молчал. Наконец он, словно очнувшись от тяжкого видения, чуть ли не стоившего ему жизни, поднялся с табуретки, опустился на тахар, пододвинулся к подушке и, перед тем как прилечь на нее, тихо, почти безразлично произнес:

– Пусть будет по-твоему, сын. Что мне? Скоро в землю лягу. Просьба только последняя: ты уж пока не торопись уезжать. Побудь пока дома. Не станет меня – тогда только... Вот похоронишь меня – поступай как хочешь. Что еще могу сказать я? Вот мои последние слова. На глазах матери-огня сказал. Пусть будет по-твоему.

Порака, словно отдав разговору с сыном все свои силы, тяжело откинулся на оленьей шкуре, положил голову на подушку с утиным пухом и слабеющими руками натянул на себя оленью ягушку.

На большее сил у него уже не осталось...

*Перевод с ханты В. Дагурова
1985 г.*

Вопросы и задания

1. Перечислите членов семьи Пораки в повести Р. П. Ругина «В ожидании сына». Дайте краткую характеристику каждому члену семьи.
2. Составьте характеристику Миката.
3. Какие ожидания связывают герои повести Р. П. Ругина «В ожидании сына» с возвращением Миката? Иллюстрируйте свой ответ цитатами из текста.
4. Ожидания кого из героев не оправдало возвращение Миката в повести Р. П. Ругина «В ожидании сына»? Поясните свой ответ.
5. Определите время, в которое происходят события в повести Р. П. Ругина «В ожидании сына».
6. Можно ли утверждать, что в повести Р. П. Ругина «В ожидании сына» представлен конфликт не столько «отцов и детей», сколько конфликт интересов? Обоснуйте свой ответ.
7. Можно ли считать повесть Р. П. Ругина «В ожидании сына» семейной хроникой? Аргументируйте свою точку зрения.
8. Определите сюжет и композицию повести Р. П. Ругина «В ожидании сына».
9. Какие средства создания характеров, образов героев в повести «В ожидании сына» использует Р. П. Ругин?
10. Определите главную тему повести Р. П. Ругина «В ожидании сына». Какие мотивы можно выделить в повести?
11. Какие элементы традиционной культуры ханты используются Р. П. Ругиным в повести «В ожидании сына»?

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА МОЛДАНОВА

КАСАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

*С любовью хантыйским женщинам
моего поколения посвящается*

Глава 1. Зов

Единственным ощущением последнего месяца ее жизни было то, что она превращается в свою собственную израненную Душу, в кровоточащую, пульсирующую плоть, опухшую от множества ран и побоев. Эта плоть все расширялась и расширялась и, наконец, заполнила собою все ее чувства, все ее сознание.

Татьяна воочию видела сгустки запекшейся крови и трупные пятна по краям глубоких рваных ран, а по всей поверхности этой плоти, сквозь засохшие комья грязи просачивались огромные ярко-красные капли свежей крови – они собирались в ручейки и стекали в некую бездонную черную пропасть. Она знала, что это все еще страдает и плачет живая сердцевина ее Души. Окружающий мир потерял всякое значение, и только умирающая Душа была реальностью, ее пульсации становятся все слабее и слабее...

Почти месяц пролежала Татьяна в огромной палате областной больницы и за это время не произнесла ни одного слова: ни врачам, ни следователю, ни квартирной хозяйке, которая заходила с заискивающим видом, ставила на тумбочку какие-то кушанья и что-то лепетала своим гнусавым голоском. Соседи по палате привыкли к молчащей молодой женщине, и, несмотря на то, что больничная скука побуждала к длительным разговорам и к поиску новых контактов, ее они не беспокоили.

А Душа продолжала умирать, она более не напухала, не кровоточила, а усыхала, уменьшалась в размерах. Пространство вокруг нее высвобождалось, и туда вполз мрак абсолютной пустоты. Вот уже и нет никакой боли, появился всеобъемлющий, вселенский

холод. Нет больше тепла, есть только холод, холод, холод. Зябнут руки, зябнут ноги, зябнет крохотный остаток Души.

Закончился казавшийся бесконечным день. Уснули больные, не спится только Татьяне. За окном темная сентябрьская ночь. Она резко усилила внутренний холод, и неумная всепронизывающая дрожь охватила женщину. Громко затряслась капельница, что день и ночь вливала некую живительную влагу в ее слабое тело. Игла, воткнутая в перебинтованную вену, опасно задержалась, необходимо придержать ее, однако пассивная воля молодой женщины не могла поднять обессиленную левую руку и подвести к правой. Дрожь усиливалась.

Вдруг в сумеречном пространстве комнаты начались странные вибрации, зашевелились воздушные потоки, и откуда-то сверху повеяло теплом. Татьяна подняла голову и вверху, над самым потолком, увидела печальные глаза своей любимой бабушки, умершей два года назад. Татьяна родилась в хантыйском стойбище, неподалеку от маленького поселка Вутвож, а бабушка была единственным близким человеком. Сейчас, в минуту тяжелого душевного состояния внучки, старая женщина пыталась помочь ей и вопреки физическому небытию изо всех сил тянула к ней свои теплые, ласковые руки. Мягкие пальцы коснулись лица Татьяны, стало тепло и уютно. Дрожь прекратилась. В тело потекли неведомые силы, и зазвучала сладостная песня на родном языке:

*Внученька, моя внученька,
Приходи ко мне, приходи.
Руки твои озябшие я отогрею, отогрею,
Ноги твои озябшие я отогрею, отогрею...*

Затем голос стал удаляться, постепенно затих. Татьяна осторожно села на кровать, осмотрелась. В палате все было обычным, нет никаких движений, звуков, больные все спят, и только прилив сил, что ощущался во всем теле, говорил женщине о том, что нечто действительно произошло.

Татьяна посмотрела на капельницу, жидкости было часа на полтора. Затем осторожно вытащила из вены иглу, встала на пол. Голова кружилась, однако ощущение внутренней силы не

покидало ее. Она обула тапочки, накинула больничный халат, вышла в коридор. Дежурной сестры на посту не было. Еще не совсем сознавая то, что ей хочется сделать, Татьяна подошла к лестнице, стала спускаться на первый этаж. Идти было невыносимо трудно, внутренности горели, разбитая голова слабо держалась на шее, вывихнутые руки не могли служить надежной опорой, и ей приходилось то и дело наваливаться на перила.

Дойдя до первого этажа, Татьяна поняла смысл своих действий. Сумасшедшее желание пронзило всю ее сущность: «Сейчас, немедленно, во что бы то ни стало выбраться из этой больницы. Сейчас, немедленно, во что бы то ни стало выехать из этого города».

Энергия желания придавала силы изувеченному телу. Татьяна без труда обнаружила и открыла форточку; оказавшись на улице, аккуратно прикрыла ее и поплелась в сторону своей жалкой лачуги, которая, к счастью, находилась недалеко от больницы. Страх перед погоней сконцентрировал силы, и Татьяна довольно быстро дошла до развалюхи своей квартирной хозяйки, холодная, гнилая пристройка которой всего месяц назад сожрала жизнь ее нежного, голубоглазого сына.

Увидев в дверях Татьяну, хозяйка перепугалась, ее заспанные глаза забегали, руки затряслись. Затем ее жалкое лицо со следами частых запоев засветилось подбострастием, и весь ее вид заговорил: «Я вот она, вся в твоей власти». Хозяйка являлась единственной свидетельницей, теперь ее вызывали в суд, и она очень боялась, что вдруг на следствии Татьяна начнет рассказывать и про ее участие в моральном истязании молодой женщины с грудным ребенком. Ожесточившаяся, огрубевшая, но некогда сердобольная душа хозяйки явно ощущала вину за смерть Татьяниного малыша.

– Тетя Пана, мне надо уехать домой. Мне нужны деньги, – поражаясь слабым звукам собственного голоса, впервые за много дней заговорила Татьяна.

– Да че ты придумала. Тебе в больницу надо...

– Тетя Пана, дайте денег, сколько можете, я вам вышлю, – еще тверже повторила свою просьбу Татьяна.

– Да че же так, да как же этак... – залепетала тетя Пана и отправилась в свой закуток.

Получив деньги, Татьяна прошла к бывшему прибежищу. Открыла уродливо сколоченную дверь, удушающе затхлый запах подземелья остановил ее, голова закружилась, и, теряя сознание, она опустилась на пол. Хозяйка заметалась по дому.

– Не зови «скорую». Чай. Горячий чай с сахаром, – успела промолвить Татьяна.

Чай, а скорее всего страх перед больницей привели Татьяну в чувство. Преодолевая головокружение и вновь обострившуюся боль во всем теле, она вновь заспешила: «Во что бы то ни стало надо успеть. Надо успеть, пока дежурная сестра не хватилась меня».

Сборы, путь до вокзала казались нескончаемыми, каждое мгновение ощущалось как вечность. «Уехать, уехать, срочно уехать», – с трудом удерживала расплывающиеся куски туманящегося сознания. Купив билет на первый поезд, идущий в сторону Севера, и добравшись до своего места в вагоне, Татьяна вновь потеряла сознание.

Глава 2. Дорога к остывшему очагу

Пронизанная великим зовом бабушки, Татьяна не помнила, как она добралась до поселка газовиков, что расположен на родной Казымской земле. Сознание запечатлело безликую вереницу каких-то людей, глаз, которые с ужасом смотрели на ее обезображенное лицо, а она бесконечно, слово в слово повторяла одно и то же, что ее избили, отобрали деньги, что она ничего не помнит, а теперь ей нужно домой. Люди верили, помогали. В последний раз она ехала на каком-то маленьком катеришке, который вез баржу до этого поселка, представлявшего собою груду огромных железных труб и десятка два скособоченных балочков. На катере Татьяна чувствовала себя значительно лучше. Она спала, затем выходила на палубу и все еще затуманенным взором наблюдала, как красавцы деревья пожирались беспощадной рекой. Она видела, как, оказавшись на берегу, почуяв опасность, деревья всеми силами пытались сохранить жизнь, цеплялись за питающую их землю, но вода знала свою работу, шаг за шагом наступала она, посягая на самое сокровенное – оголяла корни. Неспособные убежать, беспомощные кедры, бе-

резки, рябинки все ниже и ниже склоняли свои обреченные головы. Наконец обламывался последний корешок, и они падали. Река радостно подхватывала их трупы, уносила неведомо куда и энергично бралась за очередную жертву.

В поселок приехали поздно вечером. Члены команды, а их было трое, засобирались на берег к знакомым. Татьяне никуда не хотелось выходить, она знала, что завтра ей предстоит трудный день, поэтому упросила капитана оставить ее на катере. Попутчики, люди уже пожилые, всю дорогу пили, ссорились, выясняли между собой отношения, но молодую женщину не обижали, как могли, сочувствовали. И сейчас без колебаний согласились выполнить ее просьбу.

Оставшись одна, Татьяна не могла заснуть. Над ней вновь простирались теплые бабушкины руки и звали, звали домой. Не дождавшись рассвета, женщина взяла засаленный рюкзак, что еще раньше заметила в углу каюты, свернула и сложила в него одеяло. Затем пошла на кухню, нашла две зачерствевшие булки хлеба, собрала все куски с грязного стола и, аккуратно завернув в какую-то тряпицу, положила поверх одеяла. До Вутвожа, куда она собиралась идти, напрямую более ста двадцати километров, а это пять-семь дней пути, если, конечно не собьешься с дороги. Татьяна обшарила все углы, все ящики кухонного столика, обнаружила три банки каких-то консервов, вермишель, немного сахара, заварку, спички. Нашла хороший нож и даже ржавый топорик. Всего этого было почти достаточно, чтобы отправиться в дорогу. Однако на улице холодная, сырая осень, поэтому нужны сапоги. Татьяна пересмотрела все закутки катера, но сапог так и не обнаружила, зато нашла старый брезентовый дождевик и какие-то рваные суконные чулки.

Так и не дождавшись утра, Татьяна тронулась в путь. Слабые огоньки поселка быстро исчезли, и молодая женщина погрузилась в холодные объятия темного сурового леса. Чувство опасности в одно мгновение стерло с ее сознания последние сгустки тумана, оно стало ясным и чистым. Зрение, слух обострились и улавливали малейшее движение, малейший шорох.

Вот уже и солнце поднялось, оно бодрило, придавало силы, и Татьяна уверенно шла вслед за протянутой бабушкиной рукой. Солнце спокойно совершило свой дневной круг, стало скло-

няться к верхушкам деревьев. И только тогда женщина почувствовала, что ноги полностью отказываются ей повиноваться. Они не хотят больше идти. Татьяна присела на невысокую мшистую кочку, ноги моментально прилипли к ней, и казалось, никакая сила уже не способна их оторвать. Молодая женщина упала, прильнула к холодной, сырой земле! «Нет! Нужно набрать дров! Нет! Нужно разжечь костер! Встать, встать, встать...» – командовало сознание. Все силы иссякли, только бы отдохнуть, только бы поспать. «Встать, немедленно встать...» – твердило сознание. И Татьяна встала. Она набрала сухой валежник, разожгла костер. Достала из рюкзака прихваченную с катера кастрюльку, принесла воды, поставила на огонь. И только тогда радостная, счастливая, села у костра. Сняв изодранные мокрые туфли, протянула свои избитые, онемевшие ноги к оживляющей Великой Богине огня.

Наступали сумерки. Над верхушками деревьев, стоящих вдоль старой оленней дороги, по которой вела Татьяну теплая бабушкина рука, показался только что рожденный молоденький Месяц. Вокруг было тихо, красиво, чисто. Ноги, обласканные Богиней огня, вновь стали послушными, хотя все еще сильно болели. Татьяна поела, напилась горячего крепкого чая, натаскала огромную кучу лапника, устроила себе мягкую постель.

Набрала дров, чтобы хватило на долгую холодную ночь, высушила обувь, одежду и принялась за лечение ног, которым предстоял еще долгий-долгий путь. Она размешала горячую золу с хвоей, как это когда-то делала ее бабушка, обула большущие суконные чулки и, обжигая кожу ног, до краев наполнила их приготовленной смесью.

Ноги успокоились, боль прошла. Татьяна легла на приготовленную постель и сразу уснула. И снится ей, что нежится она на огромном ложе, устланном соболиным мехом. Вокруг светло-зеленый, какой-то нереальный лес, пронизанный тысячами лучиков крохотных теплых Солнышек. Она такая маленькая, такая крошечная на необъятной пуховой постели. Мех высокий, шелковистый. Татьяна утопает в нем, она будто плывет по нему, то поднимаясь, то вновь и вновь с наслаждением погружаясь в мягкий пух. Мех щекочет, ласкает ее... Проснулась с радостной

улыбкой на устах: «Я на родной земле. Я на соболиных коленях Великой Казымской богини».*

Ощущение радости не покидало молодую женщину весь последующий день, когда она вновь пошла на зов бабушки. Погода стояла на удивление теплая и солнечная. Подходя к небольшому ручейку, справа от себя Татьяна услышала какой-то шум. Она обернулась и замерла, пораженная удивительным зрелищем. Совсем рядом вполоборота к ней под разлапистым деревом сидела великолепная медведица. Ветерок играл густым шелковистым мехом. Она вся светилась в лучах заходящего Солнца и казалась свежей, чистой, умытой. Медведица сидела в расслабленной позе и с любовью смотрела на двух медвежат, что резвились возле ручья. Татьяна сделала несколько осторожных шагов, спряталась за ствол дерева и с наслаждением наблюдала за этой картиной. Медвежата барахтались, игриво покусывали, шлепали друг друга, то и дело подбегали к матери, которая ласкала, прижимала их к себе своей мохнатой лапой. «Какая счастливая мать», – подумалось Татьяне, и жгучая тоска по сыну захлестнула радость. Татьяна застонала, сознание затуманилось, и она стала медленно опускаться под дерево. Медведица услышала шум, громко рыкнула на своих детей, и все трое скрылись в кустах.

...Бабушка продолжала звать. На пятый день заморосил холодный дождь, подул северный ветер. Прошагав полдня, Татьяна вся промокла, устала, ноги опять гудели, не хотели идти, и она двигалась очень медленно. Необходимо было остановиться, разжечь костер, выпить чая, но место было сырое и топкое. Вдали виднелся сосновый бор, нужно добраться до него, и Татьяна поволокла непослушные ноги дальше. Перед самым бором повстречалась глубокая болотная речушка. Продрогшей женщине совсем не хотелось лезть в студеную воду. Она осмотрелась и увидела, что метрах в ста от нее, над самой водой, склонился надломленный кедр. Татьяна поплелась к нему. Вершина

* По представлениям казымских ханты, один из священных обликов духа-охранителя р. Казым – соболю. Считается, что каждый, кто находится на казымской земле, сидит на соболиных коленях богини.

кедра нависла слишком высоко над противоположным берегом, но можно попробовать с него как-то спрыгнуть. Татьяна взобралась на дерево и, огибая его толстые ветви, стала двигаться вперед. Почти достигнув берега, она неудачно наступила на ветку, нога поскользнулась, с силой ударилась о ствол. От резкой боли женщина отпрянула и, потеряв равновесие, полетела вниз в холодную воду. Выбравшись на сушу, Татьяна сразу схватилась за спички, но они были мокрые. Замерзшая, обессиленная женщина с ужасом поняла, что она осталась без огня. Стараясь унять дрожь, в надежде согреться, она обхватила себя руками и, свернувшись клубочком, опустилась на землю. Все ополчилось против нее. Усилившийся ветер леденит мокрую одежду, сверху лил дождь, под ней была жесткая сырая земля. Холод проползал в сердце.

«Идти, нужно идти». – Татьяна попыталась подняться, но боль в левом колене вновь осадилась на землю.

И вдруг, как и в больнице, перед Татьяной появились печальные глаза бабушки, она ощутила ласковые, теплые руки. Дрожь прекратилась. Женщина встала, подобрала первую попавшуюся палку и, опираясь на нее, бессознательно побрела дальше. Шагов через двадцать увидела заросшую тропинку, которая вела в сторону от дороги. Не раздумывая, свернула и пошла по ней. Шла, шла и шла. Неожиданно Татьяна ощутила: нечто громоздкое преграждает путь. Она подняла глаза. Почти перед ней стояла покосившаяся охотничья избушка. Татьяна отодвинула бревно, подпиравшее дверь, ввалилась в жилище человека. Сырой, затхлый запах перехватил дыхание, но вверху, над нарами, ее глаза увидели несколько облезлых оленьих шкур. Женщина лихорадочно схватилась за них, стащила на нары, стянула с себя всю мокрую одежду, заползла под ворох шкур и потеряла сознание.

Проснулась от нестерпимой боли в ноге. На улице было темно, лил сильный дождь. Заброшенное жилище... Страх кольнул сердце. Стало жутко. Обнаженная женщина поднялась, накинула на себя какую-то тряпку и на одной ноге, опираясь на палку, поковыляла к дверям, широко распахнула их. Вышла под потоки холодного осеннего дождя и, обойдя все четыре угла избушки,

постучала по каждому со словами: «Уходите, кто здесь прижился. Человек пришел...»

Стало спокойно. Татьяна вошла в домик, в полной темноте стала шарить по стенкам. Рука нащупала тряпичный мешочек. Там были искрошившиеся сухари, два коробка сухих спичек. Боль в ноге сразу отступила, а все ее измученное тело каждой своей клеточкой исторгало и исторгало безмерную благодарность всем поколениям хантыйских людей, сотворившим и сохранившим мудрый закон выживания.

За железной скособоченной печуркой Татьяна обнаружила кучку сухих дров, бересту. Разожгла огонь, вместо ожидаемого тепла по избушке пополз едкий дым. Женщина расстроилась, но при свете печурки увидела, что труба просто накренилась и разошлась на стыке. Схватившись за нее, она обожгла руку, но труба встала на место. Жилье оживило. Татьяна отогрелась, захотелось есть. Нужно было идти за водой. Женщина внимательно осмотрела больную ногу – она посинела и распухла. Ходить невозможно... Увидев в углу чугунный котелок, Татьяна взяла его, вынула из рюкзака кастрюльку. Прыгая на одной ноге, выбралась на улицу, поставила посуду под струящиеся потоки дождя. Теперь она радовалась дождю. Горячий чай, кусочек хлеба и остатки консервов придали ей бодрости. Татьяна принялась за лечение. Все так же перемещаясь на одной ноге, что уже смешило ее, она набрала хвои, багульника. Все это заварила в кастрюльке, вылила в котел с нагретой водой и опустила в него ноющие ноги. Это была длительная процедура, она много раз черпала воду из котла, много раз грела и вновь выливала ее обратно. Боль в ушибленной ноге не проходила. Возможно, это был вывих и его нужно вправить. Единственный раз, в раннем детстве, Татьяна наблюдала, как это делала подруга ее бабушки. Сейчас услужливое сознание высветило тот день в мельчайших подробностях. Татьяна двумя руками крепко обхватила больную ногу чуть ниже колена и изо всех сил дернула вниз. В ноге действительно что-то хрустнуло, но боль оставалась нестерпимой. Тогда Татьяна взяла нож, раскалила его на огне и, чуть остудив, стала наносить резкие удары острием по всей длине икр распаренной опухшей ноги, именно так, как некогда делала ее бабушка с помощью высушенных щучьих челюстей. Нога покрылась

красными бусинками, кровь ручейками потекла на пол. Подождав, когда кровотечение остановится, подложив под подвязку распаренную хвою, туго перебинтовала колено.

Через несколько дней опухоль исчезла, боль притупилась. Еда кончилась, нужно было двигаться дальше. А еще через три дня, обогнув Вутвож, хромяя женщина увидела родное стойбище.

Глава 3. Боль воспоминаний

До избышки Татьяна добралась засветло. Прошло два бесконечных года, но все оставалось на своих местах, только бабушкины личные вещи ушли вместе с ней в другой мир. Женщина подошла к очагу, который бережно хранил пепел последнего огня, высеченного любимой бабушкиной рукой. Она помнит, как крошечной девочкой пробуждалась от звуков этого священнодействия, выбиралась из мягкой постели и босая бежала к разогретому очагу. Бабушка брала ее на теплые колени, обеими руками прижимала к теплой груди, и девочка вновь засыпала, убаюканная задушевым говором пламени.

Сегодня движение в движение повторяя свою бабушку, Татьяна вновь разожгла остывший очаг. Затем села на любимое бабушкино место, и боль воспоминаний нахлынула на нее. Она поджала ноги, обняла себя руками. Этот жест жалости оказался губительным – слезы потоком полились из глаз. Татьяна обнимала себя, будто обнимала свою теплую бабушку. Обнимала себя, будто обнимала своего теплого сына. Слезы смешивались с ее горестными протяжными стонами. Она знала, что единственная правда жизни – это беспросветное женское одиночество...

Татьяну родила семнадцатилетняя мать здесь, в этом доме. Роды принимала бабушка. Татьяна была ушал – нагулянная. Это позорное для тех лет событие являлось причиной несчастий матери. Суровая бабушка не смогла простить дочь, и через шесть месяцев после рождения Татьяны мать сбежала из дому.

Пройдет много лет, подросток девочка встретит эту женщину, которая вновь вернется на родную землю. Однако разрушенная душа матери тогда желала только алкогольного забвения. Татьяна знала, что мать где-то рожала и оставляла детей, но желала несчастное существо и втайне от бабушки приносила ей

кое-какую одежду, еду. Если мать была трезвой, то она робко принимала предложенную пищу и говорила дочери, что ее отец был самый веселый и добрый человек. При этом ее взгляд теплел и она вспоминала их краткие встречи, рассказывала про его белокурые вьющиеся волосы, голубые глаза. В такие минуты Татьяне хотелось приласкаться к матери, пожалеть ее, и она все ожидала, что та окликнет ее, они обнимутся и вместе поплачут. Если мать была пьяной, то швыряла в лицо девочки принесенную еду, обвиняла ее во всех своих несчастьях, орала: «Что глазища пучишь? Меня вздумала осуждать... Знай, что ты сама такое же дерьмо...». Через полгода, зимой, мать нашли мертвой на крыльце грязной, заброшенной избушки, где она попыталась жить. На похороны пришли только две старухи, и Татьяна с бабушкой сами долбили землю.

Как-то летом Татьяна отыскала место свиданий своих родителей под старым лабазом, находившимся недалеко от их стойбища и палаточной стоянки «рубителей просек», как их называла бабушка. Тринадцатилетняя девочка понимала, что она отличается от своих сородичей, в ней отражались чьи-то иные черты, иные чувства, ощущения. Порой она улавливала в себе некую беспечность, беспричинную жизнерадостность, так несвойственную ее хрупкой матери и волевой бабушке, поэтому она знала, что в ней прорастает чье-то иное семя, семя ее отца. Она постоянно пыталась представить себе его, грезилась о нем и видела в снах сказочного, белокурого богатыря. Охраняемая от людских пересудов мощным крылом бабушки, она могла мечтать сколько угодно. В грезах прошло несколько лет, образ отца преследовал девочку. Он где-то сейчас ходит, он что-то делает, и ей мучительно хотелось увидеть его и сказать: «Папа, я такая же веселая, как ты. Найди меня».

На первом курсе института, в Ленинграде, Татьяна получила весть о смерти бабушки, на похороны ее никто не вызвал, письмо пришло через месяц. Нацеленная только на учебу, желая доказать миру, что она не просто нагулянная дочь спившейся женщины, Татьяна настойчиво стала приучать себя к мысли, что она теперь одна и ей не на кого надеяться. К лету, поработав на хлебозаводе, который охотно принимал вечно голодных студентов, она накопила на дорогу денег, купила бабушкиным подру-

гам небольшие подарки и на каникулы поехала в родной поселок. Всей душой желая, чтобы бабушке и в том мире было хорошо, приехав в деревню, Татьяна тщательно исполнила все-все обряды, что требует хантыйская традиция. Был олень, и были поминки, ее избушка вместила всех людей Вутвожа. Старые женщины искренне благодарили ее, обнимали, плакали и говорили, что она достойная внучка своей бабушки. Денег на обратную дорогу не осталось. Прослышав, что в сейсморайон, приехавшую на их земли и обустривающуюся возле старой зверофермы на лето, нужен повар, Татьяна пошла туда. На работу ее приняли, но наглые, пьяные рабочие не давали проходу. Она пожаловалась их начальнику, который показался ей добродушным приятным человеком, чем-то напоминавшим отца ее детских грез, хотя внешне был совсем иной – невысокий, полный. Сегодня Татьяна не помнит, как и почему между ними сложились доверительные, дружеские отношения, ее тянуло к нему.

Потом в ее жизни был солнечный юг и теплое Черное море. Он любил Татьяну, он восхищался ею. Он называл ее самой красивой девушкой мира. Он тратил на нее уйму денег, наряжал как только мог. А она, счастливая, гордая, помнит множество восхищенных мужских глаз.

Радостная, загоревшая девушка вернулась в Ленинград. Получала нежные письма и всем подряд рассказывала о своих счастливых днях. И даже предчувствие беременности не удручало девушку. Она оставалась веселой и беззаботной, только с еще большим усердием принялась за учебу, чтобы пораньше поехать к нему. Он почему-то предлагал встречу в областном центре.

Сегодня Татьяна помнит каждое сказанное им слово, эти слова так не соответствовали ее радостному настроению: «Как смела не написать, обманщица! Я знать тебя не хочу... Да и неизвестно, от кого, все вы такие...». Он ушел. Ушел навсегда, оставив после себя искреннее недоумение, ведь Татьяна не совершила ничего неестественного, безобразного.

Только к вечеру Татьяна отчетливо осознала, что у нее будет ребенок и что она не может ехать в Ленинград, где болтала неведь что, не может ехать в Вутвож.

Нужно кормить себя, нужно будет кормить ребенка. Татьяна пошла на поиски работы. Всем говорила, что она студентка и ей

нужно немного заработать. Наконец кто-то направил ее к некоей тете Пане, которой нужно срочно уехать в отпуск. Тетя Пана оказалась низенькой, полной женщиной лет сорока. Она обрадовалась и всем шепелявила: «Вот и холосо, вот и холосо... Путевку дают...» Узнав, что Татьяне негде жить, она тут же предложила: «Живи у меня, пристрой у меня, только печки нет».

В начале июня родился слабенький голубоглазый сын. Этот хрупкий, теплый комочек Татьяна не выпускала из рук. И сегодня эти руки ощущают каждый изгиб его нежного тельца. Она прижимала дитя к себе, видела, как бегут его быстрые ножки по белогельному бору ее детства. Она целовала его щечки, любовалась его глазками и видела белокурого богатыря своих детских грез. Он вырастет сильным, смелым, красивым, и никто, никогда не посмеет его обидеть.

Со временем отношения с хозяйкой стали осложняться. Тети Панин хахаль, с которым они пили-гуляли, все настырнее начал приставать к Татьяне. Денег не было. Татьяна буквально вымаливала хозяйку еще и еще раз занять. Трезвая тетя Пана, жалеючи ее, бедную, всегда давала займы, а выпивши наговаривала всякую всячину своему хахалю и его собутыльникам, среди которых был чернявый, вдвое выше и шире хозяйкиного кавалера. Картонная дверь Татьяниного пристроя ничего не скрывает. Однажды, когда хозяйка, по обыкновению, начала нить, сколько гадкого сделала Татьяна, сколько она задолжала, чернявый не выдержал: «Чего бабу грызешь, она же детная». Затем подошел к Татьяниной двери, постучал. Женщина не посмела не открыть. Он вошел, вытащил из кармана горсть мятых денег и высыпал на кровать. Ничего не сказав, вышел. На следующий день вечером пришел трезвый, принес сетку с продуктами и деньги. Татьяна взяла. Единственное, чего она боялась – это потерять молоко, пищу нежного голубоглазого сына. Друг тети Паниного хахаля стал приходиться часто, всегда трезвый, и хозяйка вновь уважала Татьяну, стала лебезить перед ней. Татьяна понимала, что женская плата одна, но другого выхода не было. Ее слабенький сыночек требовал защиты, ей нужны силы.

Он приходил и приходил. Татьяна никогда не знала, что он думает. Казалось, он не думает. Татьяна никогда не знала, что

он чувствует. Казалось, он не чувствует. Молча приходил, молча уходил.

Однажды Татьяна заметила какое-то странное поведение хозяйки, она пыталась придать своему круглому, оплывшему лицу выражение высокомерия, явно порывалась что-то сказать. Наконец не выдержала:

– Чавой ты не сказала, что не русская?

Татьяна поняла, что хозяйка, как всегда, шарилась в ее вещах и заглянула в паспорт.

– Какая разница.

– А глаза чаво-то не узкие.

– Какие есть.

Тете Пане очень не нравилось, что Татьяна всегда была спокойной, обо всем имела собственное мнение. Хозяйка не понимала, как это молодая женщина совсем не пьет и почему все мужчины липнут к ней. Раньше хозяйка чувствовала себя рядом с Татьяной маленькой, пришибленной, теперь горделиво восседала за грязным кухонным столиком и снисходительно смотрела на нее. Открытие тети Паны незамедлительно сказалось на поведении чернявого, он тоже вырос в собственных глазах. Теперь Татьяна знала, что и у него имеется некий запас слов: «Сука, ублюдок...». Он перестал приносить продукты, приходил только пьяный.

Деньги кончились. Татьяна опять просила у хозяйки занять, та наотрез отказалась. А за картонной дверкой то и дело слышалось: «Неряха... Засранка...». Смешило то, что все это было как раз наоборот – в отличие от ленивой хозяйки проворная Татьяна содержала свою убогую конуру в чистоте и уюте.

Август выдался дождливый, холодный. Ссылаясь на то, что Татьяна не платит за свет, хозяйка отрезала все провода, теперь невозможно было включить обогреватель. Сын стал чахнуть, его слабенький плач становился все тише, нежные ручки и ножки все тоньше. У Татьяны не было прописки, и в больнице их никто не принимал.

Чтобы сохранить молоко, она стала брать у хозяйки еду, та заметила, устроила скандал:

– Воровка, я щас тебя в милицию сдам.

– Сдавай, у меня ребенок, и мы должны есть.

Тетя Пана стала прятать продукты. После каждого кормления сына Татьяна тщательно сцеживала остатки молока и выпивала, чтобы эта пища вновь вернулась к ее угасающему сыночку.

Усыпив сына, в поисках работы Татьяна бегала по ближайшим организациям. К ее приходу ребенок всегда просыпался, всхлипывал. Сегодня было тихо. Татьяна на цыпочках вошла в комнату. Открытые голубые глазки малыша неподвижно смотрели в потолок, ротик полуоткрыт. Татьяна схватила ребенка, его теплое тельце остывало. Она прижала к себе крохотный трупик, целовала и все повторяла: «Ничего, ничего, так лучше. Теперь никто, никогда тебя не обидит...»

Вечером пришла хозяйка. Обнаружив странную тишину, вошла в комнату. Поняв, в чем дело, завопила: «Убийца! В милицию... Иди в милицию... Вызови "скорую"!...»

Татьяна молча обнимала мертвого сыночка и думала, что так для него лучше, только так правильно. Он слабенький, ему в этой жизни не выжить.

Приехала «скорая», отобрали сыночка. Татьяну не взяли. Тетя Пана куда-то вышла, и в это время вошел чернявый. Он был пьян, полез к ней. Татьяна, сконцентрировав все силы, начала драться: «Ненавижу... Звери, все вы звери...». Она хватала зубами его омерзительную плоть, рвала на части. Он отшвырнул ее и, дико вращая опухшими глазами, пошел на нее. Татьяна наклонилась, пыталась схватить колченогую табуретку. Не успела. От удара громадного кулачища пушинкой полетела в сторону. Падая, заметила, как подошва огромного грязного сапожища зависает над ней. Пыталась сжаться, защитить голову и живот. Не успела. Удар пришелся по лицу...

Через несколько дней Татьяна открыла глаза и увидела белый-белый больничный потолок.

Глава 4. Выживание

Проснувшись в родной избушке, нежась на мягких оленьих шкурах, Татьяна ощутила свою Душу. Давно не соприкасаясь с ней, женщина даже не знала, жива ли она. На месте Души Татьяна давно носила одни только камни да грязь. Вчерашний поток слез начисто промыл всю эту гадость, осталось лишь несколько

тяжких глыб, но скрюченная Душа уже могла свободно вздохнуть и расправиться в освобожденном для нее вместилище.

Татьяна вышла на улицу. Над лесом поднималось светлое Солнышко счастливого детства. Сегодня оно не решалось заглянуть в глаза женщине, то так же нежно тянуло к ней свои лучики и щедро заливало светом родной двор. Здесь не было ни боли, ни унижений, здесь все дышало Татьяниной младенческой радостью, когда-то свято охраняемой ее теплой бабушкой. Сегодня в стойбище вновь ощущался ее спокойный дух, но он был бесплотен, трехдневный же голод давал о себе знать физически. Нужно позаботиться о пище. В ближайшем лабазе.* Татьяна обнаружила слегка подмоченный мешок муки, местами заплесневелые продукты. Занятая их сортировкой и уборкой избушки, она не заметила, как пролетел день. На следующее утро, окурив чагой чистое уютное жилище, сняла с полки медвежью голову, поставила перед ней дымящуюся чашу свежеприготовленной похлебки и чай. Так она благодарила друга детства. Татьяна хорошо помнит: когда бабушка на целые дни уходила в лес, то оставляла маленькую девочку одну. Чтобы внучка не боялась, бабушка ставила возле нее голову медведя и говорила: «Ты не одна, он тебя защитит». И если слышала девочка непонятные шорохи, звуки, тотчас припадала к могучей мохнатой голове и успокаивалась.

Утро началось с заботы о самом главном – мясе и рыбе. Без них не выжить. Куръехские места считались обильными. Ее трудолюбивая бабушка именно рыбой и пушниной прокармливала себя и внучку.

Несмотря на то, что нога все еще болела, Татьяна решила сходить и насторожить слопцы,** когда-то установленные километрах в пяти от стойбища. Вот и длинный пологий лог с высокими зарослями голубичника, на детском языке Татьяны он назывался «Место голубеньких Солнышек». Здесь бабушка собирала голубику и обычно брала маленькую внучку с собой. Утомленная ходьбой, девочка любила ложиться под огромные, как тогда казалось, кусты, усыпанные голубикой, и смотрела

* Лабаз – амбарчик на высоких ножках.

** Давящая ловушка на боровую дичь.

вверх. Происходило чудо. Лучи большого желтого Солнца падали на ягодки, и те вспыхивали, превращаясь во множество маленьких голубеньких Солнышек. При малейшем дуновении ветерка Солнышки переливались, искрились, дотягивались до Татьяны и щекотали ее своими голубенькими лучиками.

Осень проходит быстро. Татьяна знала, что сытость долгой зимы в неустанном труде. Она быстро перегородила небольшую речушку, поставила мордушки.* Так ловила рыбу ее бабушка.

Природа в этом году была на редкость щедрой, все плодоносило, и запасы Татьяны быстро росли. Появился первый знакомый. Общая любовь к кедровым орешкам подружила ее с бурундучком. Их знакомство началось с того, что Татьяна принесла из леса шишки и высыпала во двор. Бурундучок как-то наткнулся на эту готовую кучу, привык к ней и стал делать запасы. По своей юной бестолковости орешки он зарывал тут же, среди щепок. Он совсем не боялся. Рано утром, увидев Татьяну, быстро поднимался на рукоятку топора, воткнутого в бревно, и, встав на задние лапки, приветствовал Татьяну пронзительным свистом. Так же встречал ее, когда она возвращалась из леса. Потом и вовсе стал заглядывать в раскрытые двери избушки, заходил в дом, бегал по столу, собирал крошки. Иногда, если женщина сидела тихо и занималась шитьем, он вставал на край стола и с любопытством наблюдал за ней. Более опытная бурундучиха, видимо его мать, была явно недовольна поведением сына. Она поднималась на близстоящее дерево и продолжительным посвистом взывала к благоразумию.

Полноценное питание, труд на свежем воздухе окончательно укрепили Татьяну. Она чувствовала себя здоровой и сильной. Выпал первый снег. Татьяна вышла на улицу. Белое-белое пушистое одеяние нарядило землю. Лохматые хлопья все еще медленно хороводили в воздухе, мягко ложились на ветви деревьев. Шустрые тучки, учудившие это диво, быстрехонько убежали от лучей поднимающегося Солнца. Все дышало чистотой и свежестью. Очарованная сказочной белизной леса, Татьяна расслабилась. Упругий, настырный Воздух, воспользовавшийся этим, настойчиво пробивался к окаменевшим остаткам ее боли,

* Ловушка для рыбы.

упрямо дробил их и выносил вон. Душа расширяла свои владения и радовалась. Доверившись живительному Воздуху и живучей Душе, женщина решила сегодня просто отдохнуть. Она шла, шла и шла по лесу. На обратном пути наткнулась на горку своего детства. Здесь она любила кататься на нарточках, изготовленных дедом Егором, у которого они с бабушкой держали несколько своих личных оленей. Старик очень любил девочку. Где он? Жив ли? Татьяна вспомнила выдренка, подаренного ей этим добрым дедушкой. По ее детским представлениям, выдренок был настоящий наглец, он никогда не давал прокатиться. Стоило девочке собраться на горку, он тотчас увязывался за ней, нападал на девочку, покусывал, рвал шубку. Если Татьяна садилась на нарточки, он стремительно бросался вниз и ложился поперек дороги. Чтобы не раздавить этого задиру, съехавшей было девочке приходилось заруливать в сугроб. Снег залеплял лицо, заполнял рукава, лез за шиворот... От обиды Татьяна плакала и начинала драться с выдренком, чему он, кажется, был очень рад. Ели и спали они вместе. Татьяна помнит, как однажды к ней пришло страшное понимание, что ее друг не такое же существо, как она, – он не человек. Подросший выдренок никого не боялся, шатался где только мог. Его убили люди какой-то экспедиции, стоявшей недалеко от их стойбища.

Первый снег быстро растаял. Долго стояли ясные дни. Татьяна набрала брусники, клюквы. Озера покрывались льдом, снова шел снег. Как-то натопив избушку, Татьяна вышла на улицу. Прямо у дверей стояла тощая, промерзшая уточка. Женщина огляделась, следы вели в сторону ближайшего озера, Татьяна подняла горемычную, та не шелохнулась. Занесла неожиданную гостью в дом и увидела, что одно крыло было покалечено. Перевязав раненую, женщина соорудила из кусочков оленьих шкур теплое гнездышко, поставила еду. Уточка не притронулась. Чтобы в избушке было тепло, Татьяна всю ночь поддерживала огонь. К утру новая знакомая отогрелась и даже что-то пыталась клевать. Ради любопытства женщина пошла по следу гостыи, он действительно привел к озеру, расположенному более чем в двух километрах от стойбища. Вода уже подернулась льдом, лишь в одном месте виднелась малюсенькая полынья. Бедное существо. Поразительно, что вера в человека заставила ее ма-

ленькие ножки протопать такой длинный путь по глубокому снегу. Теперь они жили вдвоем. Уточка окрепла.

Осень затягивалась, дни вновь стали теплые. Амбарчик для хранения рыбы находился метрах в сорока от избушки. Туда повадилась лиса, и, похоже, не одна. Рыбы было не так уж и много. Татьяна поздно поставила забор, поэтому ей не понравилось это воровство. Часть запасов пришлось перенести в лабаз. Рыба вовсе перестала ловиться, пора разбирать забор. Исполнив обряд благодарности богине воды, она принялась за работу. Вытаскивала жерди, переносила на берег и аккуратно ставила под дерево. Вернувшись домой, Татьяна увидела, что дверь распахнута, а ее уточки нигде нет. Она пошла искать подругу. Возле амбарчика обнаружила несколько перышек и пятна крови. Татьяна, видимо, плохо прикрыла дверь, уточка вышла на улицу, где ее и схватили кровожадные лисы. Столько мучиться, страдать, терпеть и все ради того, чтобы тебя сожрала какая-то сволочь. Татьяна решила переловить всех лис и удушить их собственными руками. Вокруг амбарчика, где только могла, она понаставила капканы и петли. Наконец рыжая тварь попалась, вскоре еще две. Но многострадальную подругу уже не оживить.

Наступила зима. В дальнем лабазе Татьяна нашла школьные книги, тетради, среди них две общие, карандаши. В свободное время, которого уже стало достаточно, при свете очага она записывала свои дневные впечатления, прошлую жизнь.

Татьяна не знала, какое сегодня число, месяц. Однажды приснился сон. Она – школьница, стоит на какой-то площадке, ветер треплет ее коричневую форму, белый фартук и белые бантики. Впереди – сопки, покрытые высокими деревьями. Вдруг ощущает Татьяна странное оживление в природе. Смотрит – а это на верхушках деревьев распускаются красивые желтые цветы. Небо прозрачное. Слева поднимается Солнце. За спиной послышалось отдаленное щебетанье. Оглянулась девочка. Стайка желтеньких солнечных птичек несет по небу маленькую елочку. Видимо, наступил Новый год...

Мысли о дедушке Егоре все чаще и чаще будоражили Татьяну. Она решила сходить в его стойбище. Почти тридцать лет дед жил один, неподалеку от своей дочери. Снег был глубокий, рыхлый. До избушки деда Егора около тридцати километров.

Татьяна достала широкие охотничьи лыжи, приготовила все необходимое для ночлега в лесу и отправилась в путь.

Глава 5. Любовь

Сколько помнит Татьяна, дед Егор никогда ничем не болел и был очень жизнерадостным человеком. Любил пошутить, посмеяться, особенно над собой. Раньше он жил на реке Назым, во времена, которые бабушка называет "Когда русские сошли с ума", всех мужчин Казымской земли увезли, и дед Егор с семейством приехал сюда, чтобы помогать овдовевшим сестрам. В поисках жены за ним увязался сын двоюродной сестры, он и стал Татьяниным родным дедушкой, который позже погиб на войне. Бабушка вышла замуж очень поздно, где-то после тридцати лет, и была почти на десять лет старше мужа. Когда Татьянинного деда взяли на фронт, у них было двое детей. Младшенький умер в младенчестве.

Деда Егора тоже брали на войну, и про это он любил очень подробно рассказывать. Его вызвали в Березово со всеми мужчинами Вутвожа. Там проходил какие-то комиссии, а когда довели до Омска, обратили внимание, что согласно метрике сельского Совета он рожден приблизительно в 1880-м году. Ему не поверили, однако вместе с ним, в одном призыве, находились двое сыновей, старшему уже исполнилось сорок. Как рассказывает дед Егор, все очень удивлялись такой ошибке и не знали, как отправить его обратно. Егор не знал ни одного русского слова. Тогда решили, что он вместе со старшим сыном будет работать на танковом заводе. Дед проработал почти год, за это время выучился русскому языку, но словарный запас для лесной жизни у него был оригинальный – он знал всю производственную терминологию и название каждой детали танка. Память деда Егора вообще была удивительной. Он знал родной и русский, свободно общался на восточном диалекте хантыйского, двух диалектах ненецкого, зырянском языках. Никогда ничего не путал и при необходимости служил переводчиком. Татьяна очень любила слушать деда Егора, он помнил абсолютно все, что с ним происходило, в мельчайших подробностях. Обычно дедушка садил перед собой Татьяну и говорил – вот это было

давненько, при царе Николашке, или – это было не очень давно, когда русские стали белыми и красными. Рассказы о военных годах начинал с того, что это было совсем недавно. Народ поговаривал, что после смерти жены дед Егор настойчиво сватался к ее бабушке, которая стыдила его, как это он смеет такое предлагать. Дело в том, что он считался старшим родственником по мужу. Зато дружба у них была крепкой. Когда однажды бабушке нужно было куда-то уехать на целый месяц, то свою внученьку она могла доверить только ему. Как теперь понимает Татьяна, дед Егор любил бабушку, даже в те детские годы она видела, что при ней он как-то весь приободрялся, подтягивался, много шутил, стараясь как можно дольше задержать их у себя. Ему самому приезжать в гости было строго-настрого запрещено.

В то лето, узнав, что приехала Татьяна и устраивает поминки, дед Егор впервые за много лет появился в Вутвоже. Ему уже было за 90, но все еще выглядел крепеньким, только глаза стали печальными, чуть-чуть выпив, по-детски расплакался. Татьяна подошла, обняла его, он трогательно стал просить ее поехать с ним в стойбище и, как всегда, начал шутить: «Вот свяжу тебя и увезу. На привязи буду держать, чтобы не сбежала. Приедет Степан из армии, а у него уже жена. Вот обрадуется...». Степан – самый младший внук деда Егора, на год моложе Татьяны. В школьные годы, как говорят, бегал за ней и даже написал несколько писем в Ленинград. Татьяна вздохнула: «Все знают и понимают старики».

С думами о деду Егоре она прошла более половины пути до его стойбища. День стоял холодный, солнечный. Попив чаю, она решила, что сегодня же дойдет до избушки. Мороз усиливался, и ей не хотелось ночевать в лесу. Вторую половину дороги она шла совсем медленно, больная нога разнылась, и женщина еле тащила ее. Наступила ночь. Когда стало казаться, что стойбище вот-вот появится, силы покинули ее. Татьяна уже не могла развести огонь, не могла идти дальше. Мороз продолжал крепчать. Женщина понимала, что если только она сейчас расслабится, то никогда больше не поднимется. Наконец появилось стойбище. При свете Луны Татьяна увидела, что на месте старенькой избушки стоит новый добротный домик. У нее заныло сердце: «Неужели дедушка умер?». Ей совсем, совсем не хоте-

лось видеть других людей. Ей было так хорошо, так спокойно одной. Татьяна заплакала. В это время собаки, учуяв человека, подняли лай. Кто-то в малице вышел на улицу, постоял, подошел к собакам. По походке Татьяна узнала деда Егора. Ей захотелось тут же закричать от радости, но она была еще так далеко и боялась напугать дедушку. Татьяна стала наспех выбирать-ся на открытое место, поскользнулась, упала. Собаки залаяли еще истошнее. Дедушка заволновался, зашел в избушку. Вынес ружье, стал целиться в ее сторону. Татьяна изо всех сил крикнула: «Дедушка, это я, Таня!».

Дед услышал голос человека, опустил ружье. Обоюдной радости не было предела, чувства переполняли их. Татьяна поняла, как сильно она истосковалась по человеческому теплу, голосу. Понимая, что так никто никогда не делает, ей хотелось обнимать дедушку и целовать его милое, мудрое лицо. А дед Егор помолодел на все 70 лет, его глаза блестели, он суетился, чуть не бегал. Наконец, сходил в лабаз, принес самые мягкие шкуры, сам постелил: «Внученька, вот твоё гнездышко».

Легли под утро. Когда Татьяна проснулась, в избушке уже было тепло, дедушка сварил еду и ждал ее. Давным-давно никто о ней так не заботился. Татьяна казалась себе маленькой счастливой девочкой, у которой еще ничего в жизни не было. Ей не хотелось, чтобы кто-то разрушил это чувство.

Вечером дедушка сказал:

– Внученька, я старый, ничего делать не могу, но привык жить один. Мои приезжают иногда, чтобы посмотреть, жив ли я... Дрова наколоть, лед привезти... Вот новую избушку внук построил... Я хочу, чтобы ты здесь пожила, глаза мои закрыла, я скоро буду уходить к твоей бабушке.

– Дедушка, тебе еще жить да жить...

– Нет, внученька, я уже собираюсь.

Татьяна чувствовала, что это правда. Дедушка быстро уставал, часто ложился отдыхать. Вечерами он пел песни, чтобы Татьяна слушала, запоминала. В молодости да и в пожилом возрасте дед Егор считался самым лучшим певцом на Медвежьих игрищах.

На четвертый день приехал зять дедушки Егора. Увидев Татьяну, ничего не сказал, оставил продукты, уехал. Рано утром та же упряжка привезла Степана.

В то лето, когда бабушка уезжала и наказывала Татьяне жить только у деда Егора, помогать ему, сюда же привезли Степана. Дед Егор боялся, что шестилетняя девочка будет тосковать по бабушке. Степа в отличие от рослой Татьяны тогда был совсем еще маленький, но очень энергичный, шустрый. Напарника по играм не получалось. Татьяна уже помогала дедушке по хозяйству, а мальчик убегал по своим делам, приходил весь мокрый, изодранный. Она, как и ее бабушка, терпеть не могла такое безобразие, и ей ничего не оставалось, как взять на себя роль опекуниши. Она снимала с него одежду, стирала, сушила, штопала. Зато вечером они оба прижимались к деду Егору и слушали одни и те же сказки, одни и те же легенды.

В школу их со Степой отдали вместе, в нулевой класс, так как ни один из них не представлял, что кроме родного хантыйского языка могут существовать другие. От людей Татьяна слышала, что бабушка ее прятала, не хотела отдавать в школу, поэтому только в восемь лет девочка узнала, что существуют поселки, и долго не могла понять, как можно жить такой кучей и что можно делать в деревне.

В восьмом классе Амнявожского интерната Степан стал уделять ей знаки особого внимания, хотел всегда быть рядом, помогал в бесконечных дежурствах на кухне, но он все еще был такой маленький и низенький, что Татьяна думала лишь о том, что его, как прежде, нужно обстирывать, а теперь и обглаживать. Этим она и занималась. Еще их объединяли общие посылки, отправляемые дедом Егором. Узнав, что дедушка опять что-то прислал, они шли к Татьяниной бабушке, которая, чтобы внученьку не смели обидеть, подолгу жила в Амнявоже, и ели мороженую оленину, что в интернате строго запрещалось. Сейчас Татьяне казалось, что бабушка имела единственную цель жизни – сохранить тайну рождения внучки, сберечь ее от людских пересудов. В Вутвоже у них была собственная избушка, поэтому Татьяна не жила в интернате. Здесь бабушка ютилась в многолюдном домике дальних родственников, где за печкой

имела собственный закуток, правда вмещавший только ее постель.

В девятом классе Степан вместе с Татьяной поехал в Березовский интернат, при этом постоянно твердил, что об этом его попросила бабушка. Бабушка уже не могла сама последовать за внучкой, она стала часто прибалывать, сказывались колхозные и военные времена – тогда ей приходилось заниматься подледным ловом рыбы, возить на дальние расстояния тяжелые грузы, таскать сырые бревна.

В новом интернате Татьяна нравилась многим ребятам, но Степан со всеми дрался, пресекал всякие симпатии. В последний раз они виделись после выпускного вечера. Тогда Степан впервые с настойчивой решительностью, удивившей Татьяну, отвел ее в сторону от одноклассников и заставил остаться наедине. Татьяна помнит, что они пошли в лес, в консервной банке сварили чай, говорили о своих детских годах и много смеялись. Утром ей нужно было уезжать для поступления в институт, а Степан осенью собирался в армию. Большой белый теплоход разъединил их, Татьяна стояла на палубе и смотрела в грустные глаза Степана, и, как ей кажется теперь, тогда он тянул к ней свои руки.

Сегодня, увидев Степана, сердце Татьяны заныло. Он стал высокий, стройный, очень напоминал деда Егора. Его глаза сияли, он весь лучился и оставался все тем же чистым, светлым ребенком. Между ними простиралась разница не в год, а в столетия.

Счастливый Степан не замечал Татьяниного состояния. Он был весел, беспечен. Наколот большую охапку дров, навез столько льда, что хватит до окончания зимы, и явно уже не знал, где себя применить. Радостный, он подошел к Татьяне, увидев ее глаза, вздрогнул.

– Степа, ты должен знать: у меня был ребенок.

– Ты замужем?

– Нет, но у меня был сын.

Степан весь сгорбился. Нет горше преступления, чем вот так, наотмашь, бить невинную душу человека. Понурился, Степан наспех поел и уехал.

Все понимал и видел дед Егор. Вечером снова повторил просьбу: «Внученька, не уходи. Я хочу, чтобы именно ты закрыла мне глаза...».

Ночью приснился сон. Весенний день. Набухший снег. Во всем лесу, под единственным деревом проталина. Татьяна стоит на ней и очень удивляется, как же это может быть. Снег давно осел, и все деревья должны обнажить свои корни для теплых лучей весеннего Солнца. Рядом река, по ней плывут абсолютно белые льдины. Вдруг вода стала подниматься, хлынула на берег. Вот уже весь лес заполнился талой водой, осталась только ее проталина. Льдинки медленно кружат между светло-коричневыми стволами деревьев. Вода прибывает, касается Татьянинных ног. Вдруг из-за деревьев показывается лодка. Спасение... Лодочка медленно-медленно выплывает... В ней Степан...

Татьяна проснулась. В избушке холодно, а в ней странная весенняя свежесть. Сегодня она впервые встала раньше деда Егора.

Прошла неделя. Никто не приезжал. Дед Егор прислушивался к каждому шороху. Он слабел на глазах. Татьяна как могла поддерживала его. Он уже редко поднимался, не мог петь, просто рассказывал про свою жизнь, про Татьянину бабушку.

Татьяна узнала, что впервые он увидел ее бабушку, когда той было не больше шестнадцати лет. Он приезжал к сестрам, по пути останавливался у бабушкиных родителей. Ему было лет тридцать пять, он имел жену, но черноволосая, трудолюбивая красавица запала в сердце. Он сватал ее второй женой, та отказалась. И сейчас, уходя в Нижний мир, он думал о ней.

Долго молчавшие собаки залаяли. Приехал Степан. Не раздеваясь, он вызвал Татьяну на улицу. С решимостью, когда-то удивившей, взял ее за плечи, поставил перед собой.

– Его нужно разыскать и привезти.

– Кого? – не поняла Татьяна.

– Сына. Он же твой.

Степан думал, что она так же, как мать, оставила где-то ребенка.

– Его нет. Он умер.

– Мы приедем свататься.

Он снова сел на нарты и уехал.

Дедушка Егор умер с закрытыми глазами. В этот вечер он уснул и больше не проснулся.

Глава 6. Дочь

С мужем они жили в избушке деда Егора. Каждая мелочь здесь сделана изящно, доброту. Мужчины этих родов были талантливейшими мастерами. За что бы ни брался Степан, все у него в руках спорилось, все в его руках играло. Даже стружки, что подметала Татьяна, казались ей образцом красоты.

В муже ей нравилось все – его глаза, голос, руки... Татьяна ощущала совершенное счастье. Чтобы не нарушить его, неустанно трудилась, тщательно исполняла каждую мелочь, отшлифованную традицией хантыйского народа. Она не могла допустить промаха. Ничто случайное не должно ворваться в их жизнь.

Муж возжег в избушке прочный, надежный очаг человеческого тепла и света. Татьяна таяла в его объятиях. И он нуждался в ее так долго невостребованной любви и ласке. Они не могли разъединиться, повсюду ходили вместе. Самое великое наслаждение – жить рядом с любимым и любящим человеком. Он затмил все ее боли и печали, он отогрел ее. Он был одновременно всем – и теплыми бабушкиными руками, и мягким уютным гнездышком детства, и каждым счастливым мгновением ее жизни и снов. Все, все – весь теплый, ласковый мир жил в одном человеке – в ее муже.

Татьяна забеременела сразу. Так некстати. Она еще не отошла, не отогрелась, не насытилась лаской. Зачем, к чему, это несправедливо. Нет, ничто не должно разделять их. Должны существовать только он и она. Не желая видеть, как Степан обрадуется кому-то другому, не ей, Татьяна упорно молчала, ничего не говорила мужу. Чувство ревности к неродившемуся существу скребло сердце.

Сейчас Татьяна даже радовалась тому, что ее сын ушел из жизни. Сложись все иначе, жалея сыночка, она никогда бы не взбунтовалась, никогда бы не восстала против унижений. А теперь счастье, полное счастье. Она так долго шла к нему... Никто, никто не смеет мешать ей. Она имеет на это право.

Пришла весна. Зеленая травка во дворе стойбища потянулась к Солнцу. Татьяна принялась за уборку. Подметала за зиму накопившийся мусор, высвобождала из-под него желтенькие травинки и вспомнила, что это было любимым занятием детства. В эту же пору она ходила по бабушкиному двору, подбирала каждую щепку, палочку, чтобы утром побежать и увидеть, что еще вчера придавленные худосочные стебельки сегодня позеленели, выправились и с благодарностью смотрят на нее. Позже в Ленинграде она постоянно ощущала беспричинную тоску и вдруг тогда же поняла, что ей очень хочется убрать эту серую асфальтовую корку, замуравившую жизнь. Ей было больно наступать на эти погребенные травинки, которые, как ей казалось, лежат там, под серой глыбой, и никогда не увидят Солнца.

Двор сиял под ярким весенним Небом. Наполненная точно такой же радостью, как в детстве, Татьяна любовалась своей работой. Неожиданно мягкая, теплая волна прокатилась по ней. Пробудилась новая жизнь. Женщина подошла к мужу, который ничего не спрашивал, но в последнее время стал как-то странно бережно относиться к ней. Прижавшись к нему, она сказала, что у них будет ребенок. Он приподнял ее голову, его светлорыжие глаза излучали такую искрящуюся радость, что Татьяна пожалела, что не сказала об этом раньше. За блеск этих глаз она готова на все. В начале декабря родилась черноволосая, черноглазая девочка. Татьяна решительно отказалась ехать в больницу, роды принимала свекровь.

Девочка была на редкость спокойной. Все это так не вязалось с первым материнским опытом Татьяны, с ее представлением о нежном существе, нуждающемся в неустанной опеке. Ее сыночек непрерывно всхлипывал, тонюсеньким голосочком беспрестанно на что-то жаловался. Девочка крепко спала, пока была сытой, и требовательно кричала, если хотела есть. Особенно Татьяну поразило, что, когда дочь впервые поднесли к груди, она уверенным движением совершенно самостоятельно нашла сосок. Ее слабенький сыночек до конца своей коротенькой жизни так и не научился этому.

Татьяна родила быстро, однако правая почка, в свое время поколоченная огромным сапожищем, дававшая о себе знать во время беременности, сейчас воспалилась. Татьяну отпаивали

медвежьей желчью, жиром, еще чем-то и не разрешали вставать с постели. Свекровь сама ухаживала за девочкой.

Мать Степана, младшая дочь деда Егора, была поразительно доброй женщиной. К Татьяне, как и ко всем, она относилась сердобольно, но совершенно не понимала ее и даже как-то пугалась. Ей хотелось невестку попроще. Сейчас она кудесничала над внучкой, все время что-то напевала. Даже когда Татьяна поднялась, свекровь не захотела уезжать, кажется, она не доверяла ребенка невестке. Татьяне было обидно, что ее используют лишь для кормления. К ней подносили крепко запеленутую девочку в берестяной люлечке и она совершенно не ощущала ее тельце. Татьяна знала, что в дочери возродилась душа ее бабушки. Личико девочки отражало любимые черты Степана и ее собственные, но почему-то матерью Татьяна себя не ощущала. Сердце молчало.

Всем своим существом она продолжала принадлежать мужу. Только в нем она страстно искала и находила тепло. По-прежнему утопала в его объятиях.

Прошло три года, девочка подрастала. Той всепоглощающей близости, что была у Татьяны с первенцем, так и не получилось. Малышка хотела быть самостоятельной личностью. Чтобы хоть как-то быть полезной дочери, рукодельница Татьяна неустанно сидела и обшивала девочку, та всегда была ухоженной и больше походила на разряженную куколку, чем на теплое существо, нуждающееся в ее ласке. Она даже никогда не болела. Женщина, как и все, любовалась этой девчушкой, но как-то внешне, отстраненно, и сама не могла понять, в чем дело. Зато Татьяна видела ту самую, недоступную ей прилепленность души к ребенку у своего мужа и свекрови. Девочка постоянно взбиралась на колени к отцу, обнимала его ручонками и что-то шептала, голосочек у нее становился тихим, нежным. Мать Степана все чаще оставляла супруга, любителя выпить, надолго приезжала к внученьке. Они целыми днями неразлучно ворковали, обнявшись, спали. Малышка скучала без нее. Оставшись же наедине с матерью, девочка становилась капризной. Татьяна совершенно не знала, что делать, она не умела управлять ребенком.

Как-то Степан сказал: «Если бы ты нашла сына, то и сердце твое успокоилось бы». Ну что могла ответить женщина? Как

объяснить этой чистой неопытной душе, почему она не желает ездить в деревню, почему не знает, где похоронен ребенок. Мужу нужен сын. Татьяна не беременела.

Распугивая оленей и всю живность, над Курьехом затарахтели вертолеты, в верховьях реки ставили буровую. В прошлом году половина важенок оказалась яловой. Во время гнуса, когда день и ночь необходимы дымокуры, их семья обычно ставила чум возле избушки родителей, где держали общее стадо. В это лето Татьяну и ее уже пятилетнюю дочь сблизила общая забота о трех искалеченных оленятах. Шел отел, вертолеты зачастили и летали так низко, что очумелые оленихи, не ведавшие урчащих страшилищ, ошалело метались по лесу и в панике давили детенышей. Подобранные оленятки настолько привязались к дочери, что, видимо, считали девочку своей матерью. Если утомленная за день девчужка, едва добравшись до постели, засыпала, то оленята призывно хоркали, тыкали в покрытие чума свои носики и пытались пролезть в дверное отверстие. Два олененка окрепли, один стал чахнуть. Его пришлось забить. Тогда Татьяна впервые увидела, как плачет ее дочь. Она убежала за избушку, припав к березке, во весь голос рыдала. Татьяна подошла к ней, пыталась обнять, но девочка с ненавистью отстранила руку: «У него были такие черные глаза... Не смей меня трогать...».

Татьяна сочувствовала дочери. Она тоже помнит черные глаза подстреленной куропатки, когда впервые в жизни промахнулась. Со Степаном они шли по лесу, неожиданно прямо из-под ног выпорхнула стайка белых птиц. Она машинально выстрелила и одну ранила. Когда Татьяна подбирала дичь, та смотрела на нее печальными глазами...

Еще тогда Татьяна вспомнила рассказ бабушки: «Один человек научился слышать разговоры деревьев, разговоры зверей. Не мог срубить ни одного деревца. Не мог добыть ни одного зверя. Он умер от холода и голода...».

Татьяна с детства впитала то, что жизнь человека должна сохраняться. Пища – первейшая необходимость. Однако, стоило ей поднять ружье, перед ней возникали глаза раненой куропатки, она не могла больше охотиться. Но твердо знала – чтобы жить, нужно есть, и была безмерно благодарна мужу за любую принесенную добычу.

Отношения с дочкой становились все хуже. Татьяна пыталась вновь и вновь сблизиться с девочкой. Но подросшая куколка не хотела иметь с ней ничего общего, все делала назло матери. И вдруг перед Татьяной обнажилась истина. Ни кто иной, как ее добрейшая и святейшая свекровь, напичканная сплетнями, наговорами, нагло отобрала у нее единственную дочь. Это она, только она разбивает ее жизнь. Если бы тогда ей дали ощутить крохотное тельце малышки, все было бы иначе. Татьяна возненавидела свекровь. Никто ничего не понимал. Муж метался между двумя женщинами, девочка постоянно просилась к бабушке. Степан с дочерью, такие же счастливые вместе, как некогда Татьяна с мужем, все чаще и чаще стали уезжать к родителям. Все ополчились против Татьяны, ей оставалось одно – записывать и записывать свои страдания.

Однажды Степан приехал нетрезвый, это стало повторяться. Еще раньше к ним на стойбище зачастил свекор, он бесконечно рассказывал о том, что его стадо убывает, что нашел в лесу отрубленную голову лучшего передового оленя, что исчез красавец хор. При этом он вымаливал у них шкурки, тут же уезжал на буровую к своим «русским друзьям» и непробудно пил.

Татьяна сконцентрировала всю свою волю. Нужно было спасти семью. Она наглухо закупорила всякую антипатию к свекрови, неотступно, вслед за мужем и дочерью, ездила к родителям, стала приучать девочку к себе. Татьянина память была почти как у деда Егора, она знала все когда-либо слышанные сказки, рассказы, а дочка, как и она в детстве, страстно любила слушать. Татьяна успевала к вечеру управиться со всеми домашними делами, стала ложиться вместе с дочерью и начинала непрерывные рассказы до тех пор, пока дочка не засыпала. И так каждый день. Дочка больше не просилась к бабушке. Теперь даже днем, когда муж был на охоте, а Татьяна шила, девочка подсаживалась к матери, доставала лоскутки, хотя и не любила этим заниматься, и просила: «Мама, расскажи что-нибудь».

Сейчас Татьяна желала только одного – родить сына, вынянчить его собственными руками и чтобы никто не смел прикасаться к нему. Она докажет, что способна быть любящей матерью.

Как-то приснился сон: она – маленькая девочка, залитая солнечными лучами, стоит во дворе бабушкиной избышки. Нежи-

данно дворик с домиком и с ней стал уменьшаться и превратился в желтенький лучистый шарик. Вот уже Татьяна взрослая женщина, стоит на пригорке, смотрит на это прозрачное чудо и видит в нем маленькую девочку с печальными глазами, которая одна-одинешенька возле их ветхого, но такого теплого родного домика. Татьяне жаль эту грустную девочку. Она пытается дотянуться до шарика, чтоб обнять, погладить, приласкать девочку, но стоит ей сделать шаг, как этот кусочек теплой жизни отодвигается. Трогательная малышка с черными бусинками глаз так и остается печальной в солнечной стране-шарике. Девочка безмолвно взирает на свой желтый мирок, и неведомо ей, что там, за тонюсенькой пленочкой, к ней тянутся теплые руки взрослой женщины...

Татьяна проснулась. Ей было странно, ее детство никак нельзя назвать печальным, у нее тогда не было таких глаз. Сияющий желтенький шарик с печальной девочкой все чаще и чаще стал являться в сновидениях и всегда мягко уходил от Татьяны. Женщина стала просыпаться в слезах. «Ничего, – думала Татьяна, – так тоже хорошо, девочке в желтом шарике тепло и уютно».

Весной в Татьяне вновь поселилась новая жизнь.

Глава 7. Слом

Сегодня Татьяна никак не могла проснуться, сновидение не отпускало ее. По голубому безоблачному небу медленно плывет какое-то суровое, сумрачное Солнце. Запад начинает темнеть, и она видит, как из-за горизонта появляется Чернота. Это не туча, это абсолютная Чернота. Татьяна знает, что там, дальше, смертельная тьма уходит в бесконечность, и теперь очень медленно, с чувством профессионально исполняемого долга пожирает Землю и Небо. Съедена зелень лесов, исчезают первые лучи странного Солнца, которое само, совершенно спокойно, в согласии с Чернотой необратимо движется навстречу собственному Небытию...

Наконец женщина проснулась. Вышла на улицу. В спокойной тишине морозного утра, с запада, из-за горизонта едва слышался слабый гул буровой. Непонятная тоска легла на сердце...

В семье все было хорошо. Старания Татьяны не прошли даром, дочка все больше привязывалась к матери, помогала ей во всем. Несмотря на ревностные переживания свекрови, они уже находили общий язык, хотя внешне это как будто никак не проявлялось. Татьяна по-прежнему не умела приласкать дочь, но они были друзьями. Все в доме было хорошо, но тоска не покидала женщину. Татьяна заметила, что она начала рассказывать дочке какие-то страшные сказки, истории, от которых девочка сбивалась в комочек и засыпала только прижавшись к отцу.

Степан был доволен женой, он, как и раньше, много охотился, год выдался щедрый. Татьяна опять ничего не говорила о своей беременности. Дело в том, что, когда Степан запил, Татьяна безумно хотела родить сына, она была уверена, что только это остановит мужа, вернет их былые отношения. Тогда женщине показалось, что наконец-то Небо услышало ее мольбу, и поторопилась сообщить Степану. Однако Татьяна ошиблась, и потом ей было невыносимо больно, что она обманом заставила сиять любимые глаза мужа.

Наступало комариное время, они вновь жили рядом с родителями. Вертолетный гул продолжал разгонять оленей, и их нужно было постоянно разыскивать. Сегодня, как всегда, Татьяна шла по лесу. Вдруг увидела свежую просеку, проходившую через кедровый лес, видимо, зимой перевозили буровую, – вышла на нее. Все пространство справа и слева было устлано растерзанными обрубками деревьев. Женщина не представляла, что так можно кромсать лес, казалось, чьи-то громадные челюсти хватили деревья, жевали и тут же выплевывали. Просека шла в сторону голубеньких Солнышек детства. В голове прозвучали слова бабушкиной легенды: «И деревья когда-то были людьми...». И вот перед глазами не горы поломанных деревьев, а трупы раздавленных человеческих жизней. Она зримо увидела, как вросшие в родную землю, неспособные бежать, кричать сотни хантыйских матерей в немом ужасе прикрывают руками своих беззащитных детей. И она с ними. Из всех сил прижимает к груди живого сыночка, до боли сладостно ощущает его тепло, нежное тельце. Она видит, как огромное железное Чудовище приближается к ней. Раскрытая лязгающая пасть выхватывает сына... Явственный хруст детских косточек судорогой про-

шелся по телу женщины. Опустив пустые руки, задыхаясь, Татьяна села на землю. В животе впервые, но резко забилась новая жизнь. А вокруг стонали и плакали, стонали и плакали искалеченные хантыйские женщины.

Домой Татьяна вернулась поздно. Этой же ночью приснился сон. Она, такая легкая, воздушная, порхает по зеленой травке. Ее юное сердце желает любви и ласки. Где-то вдали появляется отец голубоглазого сыночка. Он стремительно движется к ней. Татьяну поражает, что его полное тело все перебинтовано. Он распахивает объятия, пытается обнять девушку... И видит Татьяна, что из-под белой марлевой повязки повсюду сочится гной... В омерзенье Татьяна кричит, кричит... Проснулась в ласковых руках мужа. Рядом сидела перепуганная дочь...

Просека кедрового леса трещиной прошла по сердцу Татьяны. Гусеницы железного Чудовища приволокли всю грязь и боль прошлого, от которых так терпеливо, так настойчиво бежала женщина. По стойбищу забродила тень чернявого, сквозь продавленную щель кедрача прорывался солоноватый запах южного моря. Татьяне казалось, что муж все это видит и чувствует. Теперь женщина резко оборачивалась на каждый шорох, сжималась от любого прикосновения Степана. Омерзительные сновидения прошлого стали повторяться, и Татьяна возненавидела себя, грязную тварь. В сознании отчетливо всплывали слова матери: «Знай, что ты сама такое же дерьмо...» Да, это так. И как только она посмела себя и всю эту грязь притащить сюда, в их уютное, чистое стойбище.

Пугаясь собственных снов, Татьяна вообще перестала высыпаться. Появились несвойственные ей вялость, усталость, апатия. Ей хотелось только спать. Но и этого женщина боялась. Вопреки всегдашней подавленности, где-то там, внутри, Татьяна твердо знала – никогда нельзя расслабляться. Расслабление – это холод и голод. Это смерть. Благодарная тому, что у ней руки и ноги целы, она каждое утро ставила себя на ноги и мужественно принималась за повседневные дела. Руки делали, ноги ходили, но усталость накапливалась. Она уже переполняла Татьяну, поднималась вверх, пропитывала веки, уголки глаз, рта, тянула их вниз.

Лето в этом году выдалось комариное. Казалось, небесная кара пала на стойбище. Гнус никому не давал покоя. Олени не отходили от дымокуров. Неокрепшие еще оленята, замученные кровожадными насекомыми, падали один за другим. Нужна неустанная работа, а мужчины будто лишились всякого разумного начала, их все крепче присасывала буровая. Степан возвращался оттуда жалкий, виноватый. Несколько дней молча работал и вновь исчезал. Между ним и Татьяной уже не было никакого понимания, никакой близости. Только разумом женщина понимала, что это некогда любимый ею муж. Чувства же напрочь отвергали всякое мужское прикосновение. Поначалу Степан еще пытался выяснить, что же случилось с женой. Однако упорное молчание Татьяны все более утверждало его в мысли о ее виновности. Татьяна видела страдания Степана, но изнуренная жизнью, сама нуждалась в помощи. Поэтому когда муж стал пропадать по нескольку дней, то ей становилось даже как-то легче, спокойнее, она не видела его мучения, не чувствовала своей вины.

Дочка и свекровь были на стороне Татьяны, они неумоимо помогали ей во всем, таскали тяжелый влажный мох, собирали дрова, разводили дымокуры... Мать Степана, видимо, догадывалась о Татьянинной беременности, ее беспокоило душевное состояние невестки, и она умоляла ее поехать в больницу. Услышав решительное «нет», стала собирать и настаивать какие-то травы и бесконечно заставляла их пить. Порой Татьяне становилось лучше, но любой шум вертолета, моторной лодки, буровой опять ввергал ее в прежнее состояние, она вновь ощущала грязь и гниль жизни. Сейчас Татьяне хотелось только тишины, абсолютной тишины. Тишины на ее родной земле уже не было.

Как-то случайно Татьяна подслушала разговор дочери с отцом.

- Папа, бабушка говорит, что мама очень сильно болеет.
- Чем болеет?
- Ее кто-то сглазил.
- Почему она так думает?
- Бабушка все знает. Она говорит, что вутвожские женщины сильно завидуют нам. Вот и направили порчу.
- И что теперь делать?

– Надо кому-нибудь пошаманить. Тогда мама опять станет здоровой. Бабушка говорит, что мама у нас хорошая, поэтому ты больше не пей...

Они еще долго о чем-то шептались, но Татьяна не слышала. Однако после этого разговора Степан перестал ездить на буровую и ни к какой тяжелой работе жену не допускал. Он постоянно, даже днем заставлял ее отдыхать, и вскоре физически Татьяна почувствовала себя значительно лучше.

В стойбище родителей закончилась мука. Все запасы, что были привезены по снегу, все еще оставались возле их избышки. И сегодня с утра Степан с дочерью на четырех оленях поехали за продуктами. Вскоре они вернулись. Как только нарта остановилась, дочка соскочила, подбежала, затараторила: «Бабушка, мама, у нас в стойбище был медведь. Под навесом все разворотил. Все семь мешков муки по земле рассыпал, весь двор белый... всю еду съел. Банки со сгущенкой, как веревка закрученные, все из них выжато...».

Свекровь подошла к Степану.

– Вот видишь, что вино с людьми делает. Вам бы только водкой рот заливать. Что, сразу не могли привезти или хотя бы в лабаз спрятать. Чем теперь семью-то кормить?..

– Ничего страшного, – успокоил ее Степан, – завтра в Вутвож поеду, баржа с мукой наверняка пришла.

– Деньги где возьмешь? – не унималась свекровь.

– Пенсии ваши получу, займу у людей.

Рано утром Степан с отцом засобирались в поселок. Татьяна очень не хотелось отпускать мужа, сколько она помнит, вслед за мукой обязательно привозили полную баржу водки. Тоскливое предчувствие заползло в сердце. Женщина подошла к мужу:

– Степан, может, не поедете?

– Что есть-то будем?

– Тогда прошу тебя, совсем не пей. Сразу же возвращайтесь.

– Ну что ты, сегодня же к ночи приедем.

Мужчины исчезли на неделю. Татьяна не могла спать. Предчувствие росло и росло...

Наконец Степан с отцом появились. Продукты они не привезли. С ними приехали двое вутвожских: брат и сестра. Все

были пьяные. Войдя в избушку, свекор вытащил несколько бутылок, поставил на стол.

– По обычаю моих русских друзей, помянем твоего покойного брата Василия, – сказал он, обращаясь к жене.

– Брата Василия? Что с ним?

– Ленька его убил. Перед нашим приездом это случилось. Племянник Мишка где-то пил, приходит домой, а отец на части разрублен. Руки, голова, ноги – все отдельно, весь дом в крови. Рядом пьяный Ленька с недопитой бутылкой валяется. Милицию по рации вызвали, Леньку увезли, Василия похоронили. Еще Ай Ефим умер, его возле речки нашли, шея переломана, лицо черное... Караш Кирилл тоже пропал.

– Что с Кириллом случилось?

– Два месяца назад ушел в избушку лодку строить, так и не вернулся. Искали, да только заготовку для лодки нашли и сдохшую собаку на привязи.

Приехавшая молодая женщина пьяным взором шарила по Татьяне и явно порывалась что-то сказать. Наконец не выдержала, вызвала ее на улицу, еле ворочая языком, пробормотала:

– А ты знаешь, твой муж с Колодой ночевал.

– Почему ты так думаешь?

– Все в поселке только об этом и говорят. Ваш отец пил в доме Петра. Рано утром пошел домой, а дверь изнутри заперта. Он стал стучать, наконец открыли, а там Колода. Соседка и другие женщины тоже видели, как она уходила.

Колода была очень молодой, но падшей женщиной. Она относилась к новому поколению хантыйских девушек, которые не хотели учиться, не хотели работать, жили на иждивении родителей, беспробудно пили и, как говорят люди, за глоток водки спали со всеми сейсмиками подряд.

К огорчению гостя, совершившей столь длинный путь, чтобы сообщить новость и посмотреть, как скорчится эта гордячка, Татьяна выслушала все совершенно спокойно, ничего не сказала в ответ. Только войдя в дом, она очень внимательно посмотрела на Степана, муж прятал глаза и впервые в ее присутствии жадно пил. Да, все сказанное правда.

Татьяна вышла к оленям, проверила все дымокуры, натаскала побольше мха и направилась в сторону бабушкиного стойбища. Она никого не хотела видеть.

Не обращая внимания на гнус и усиливающуюся боль внизу живота, Татьяна все шла и шла. К ночи вышла на широкое озеро, по другую сторону которого находилась бабушкина избушка. Она присела на поваленное дерево, осмотрелась. Где-то здесь должна быть лодка... Тщательно укрытые лодка и весла были на месте.

Над лесом поднималась ущербная Луна. Уключины визжали. Добравшись до середины озера, женщина огляделась. Деревья, вода заполнены ужасающей свинцовой Чернотой. Отовсюду веяло Тоской. И казалось Татьяне, что неведомая хантыйскому народу ядовитая кислота цивилизации пожирает лес, ползет по воде. Кислота добралась до весел, до уключин, заползла в лодку, просочилась в живот. Невыносимая боль скрутила женщину. Лодка застыла посреди мертвого озера. В животе изо всех сил забился неродившийся ребенок, он боролся за жизнь, но вскоре затих. Боль отпустила Татьяну, она вновь взялась за весла. Выбравшись на сушу, женщина увидела, что и здесь властвует кислота. Выеденная дыра, пустая глазница окна зловеще темнели на фоне некогда родной теплой избушки. Обезображенный берег, обезображенное жильё. К утру нерожденное существо покинуло женщину...

После полудня появился Степан. Обессиленная кровотечением женщина молчаливо повиновалась действиям мужа, когда он осторожно поднял ее и перенес в латаный-перелатанный полог, сшитый еще руками теплой бабушки. Комары перестали докучать, Татьяна сразу провалилась в сон. Снились голубенькие Солнышки, белогельный бор, отрубленная голова дяди Василия и вязкая напалзающая пелена Черноты. Проснулась от нестерпимой жары, ее лихорадило. Рядом, опустив голову, сидел Степан, его рука с влажной тряпкой покоилась на ее лбу. Родная, любимая, такая знакомая рука. Татьяна погладила эту сильную, трудолюбивую руку, прижалась к ней разгоряченной щекой.

– Почему, почему ничего не сказала? – с трудом подбирая слова, горестно вздыхал Степан.

– Не знаю.
– Я совсем не понимаю тебя. Но почему ты всегда молчишь?
– Не знаю... Тебе нельзя было отпускать меня на белый теп-
лоход...

– Ничего, все у нас будет хорошо.

Татьяна молчала. Она знала, что хорошо уже никогда не бу-
дет. В жизни есть только Тоска, черная Тоска.

Малюсенький гробик с останками неродившегося сына во-
преки традиции Татьяна упростила повесить на стороне восхода
Солнца, на высокое дерево рядом с обветшалым кузовочком
своей внутриутробной колыбели.* Ребенок так хотел выжить.
Он должен видеть Солнце.

Утром следующего дня пришли свекровь и дочка. Татьяна
чувствовала себя лучше, жар спадал. Она даже пыталась под-
няться, чтобы поздороваться с пришедшими, но голова закру-
жилась, и ей снова пришлось лечь. Дочка сама впорхнула в по-
лог. Татьяна увидела, что все ее личико покусано комарами, а
когда она с трудом стащила с себя мокрую обувь, то на пяточках
обнажились огромные кровавые мозоли.

– Доченька, как же ты шла?

– Быстро.

– Ножки не болели?

– Болели... Немножко.

В полог заглянула свекровь. Увидев внучкины ноги, заприм-
читала:

– Ана-найе,** внученька, да как же ты мне ничего не сказала?
Когда уставшая девочка уснула, Татьяна узнала от свекрови, что
после ее исчезновения малышка стала искать мать. Не найдя,
налетела драться на отца с дедушкой, выгнала гостей, разбила
оставшуюся бутылку... Затем, никому ничего не сказав, ушла на
свое стойбище. Когда свекровь нашла ее там, то девочка наотрез
отказалась возвращаться, заявила, что здесь она дождетса мате-

* По хантыйским обычаям, послед вывешивался на дерево в берестя-
ном кузовочке, а мертворожденные дети и выкидыш хранились на от-
дельном кладбище.

** Ана-найе – восклицание типа «ой-ой-ой».

ри и они будут жить только вдвоем, пьяницы им не нужны. Услышав, что Татьяна, наверное, ушла в свою старую избушку, девочка тотчас объявила бабушке: «Если ты сейчас же не отведишь меня к маме, то я пойду сама».

– Вот и пришлось нам выходить на ночь глядя, а олени без присмотра оставлены, старик-то у меня ненадежный, – закончила свой рассказ свекровь. Даже не успев, объяснив Степану, чем отпаивать жену, она засобиравшись в обратный путь. – Отца Степана пришлю, из еды что-нибудь отправлю. Муки-то нет, все деньги пропили. Если тебе станет хуже, сразу же отправь одного из них в поселок, – обратилась она к Татьяне.

Прошло два дня, свекор не появлялся, похоже было на то, что, воспользовавшись отсутствием жены, он опять ушел на буровую. Татьяне становилось все хуже и хуже. Она вновь вся горела и уже теряла связь с реальностью. Степан ждал отца, он боялся оставить жену наедине с ребенком.

К вечеру Татьяна явственно ощутила, что крохотная нерожденная жизнь своей неотрезанной пуповиной тянет ее за собой. Жар усиливался. Нужна срочная помощь. Степан собрался и пошел в поселок. Наступила летняя ночь. Девочка не спала, она молча сидела у изголовья матери, которая все реже и реже приходила в себя. В забытьи Татьяна услышала лязг железных гусениц. Чудовище, пировавшее на просеке, двигалось в их сторону. Татьяна видит, как Громадина давит ее голубенькие Солнышки, сдирает белый ягель соснового бора. Лязг все усиливается и усиливается. Он заполнил каждую клеточку ее тела, стал невыносим. И вот уже Татьяна чувствует, как огромные гусеницы медленно-медленно наползают на живот. Боль... Нестерпимая боль... Холод... Смертельный холод железа... Женщина кричит...

И вдруг, как уже много, много раз, Татьяна опять ощутила над собой теплые бабушкины руки. Стало светло и радостно, как в детстве. Сознание очистилось, женщина очнулась и увидела ручки своей дочери, они тянулись к ней:

– Мамочка, не умирай... Мамочка, я люблю тебя...

– Доченька...

Черные, грустные глаза ребенка склонились над ней. Это были глаза ее бабушки... Нет. Это были печальные глаза девочки из желтого солнечного шарика. Татьяна протянула руки, шарик

распахнулся, разделявшая их призрачная пленка лопнула, девочка бросилась в объятия матери. Беспредельная нежность, невысказанная любовь к дочери захлестнула боль:

– Доченька, милая, родная...

Девочка все крепче и крепче прижималась к матери. Они стали единым целым, они растворились друг в друге.

Проклятая железная глыба продолжала наползать, уродина надвигалась на грудь. Черный туман окружил сознание. Татьяна поняла, что она уже ничем не может помочь дочери. Она не может подсказать, защитить, пожалеть... Она ничего не может. Остался единственный вздох. Женщина вобрала в себя этот последний глоток воздуха, последним движением оттолкнула от себя любимое существо и успела, успела выкрикнуть:

– Доченька, спа-сай-ся... Тьма проглотила сознание.

«Спасайся», – подхватили искореженные сосны белоягельного бора. «Спа-сай-ся...» – закричали реки, озера, болота. «Спа-сай-ся, спа-сай-ся...» – несло по Вселенной.

А по хантыйским землям уверенно чеканила шаг глухая Цивилизация.

1996 г.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, почему Т. А. Молданова в повести разграничивает понятия Душа и Плоть? Аргументируйте свою точку зрения.
2. В чем проявилась любовь автора к женщинам своего поколения, обозначенная в эпиграфе повести? Обоснуйте свой ответ.
3. Можно ли считать дорогу и очаг символами в повести Т. А. Молдановой «Касания цивилизации»? Аргументируйте свой ответ.
4. Выделите в тексте повести Т. А. Молдановой элементы мистики.
5. Какой художественный прием используется писательницей в стихотворных строках произведения?
6. Когда боль стала привычным состоянием для героини повести Т. А. Молдановой?
7. С чем сравнивает автор трещину, которая прошла по сердцу Татьяны – главной героини повести Т. А. Молдановой «Касания Цивилизации»?
8. Кто из героев повести написал Татьяне, главной героине повести, письма в Ленинград?
9. Назовите имя героини, которая разрушила любовь Татьяны. Можно ли считать ее имя говорящим?
10. Какое чувство окружающего мира ощущает героиня Т. А. Молдановой, добравшись «ущербной луной» до середины озера? Проиллюстрируйте свой ответ отрывком из текста.
11. Какое чувство помогло героине победить боль, но не смерть в конце повести Т. А. Молдановой?
12. Какие элементы духовной культуры хантыйского народа встречаются в повести Т. А. Молдановой?
13. Приведите примеры использования автором табуированной лексики в тексте.
14. Выпишите из текста повести этнографизмы и составьте их классификацию.
15. Перечислите топонимы и гидронимы, которые встречаются в тексте повести Т. А. Молдановой.
16. Выпишите из текста слова, которые автор написала с нарушением правил правописания. Как вы думаете, почему автор выделила именно эти слова?

«СРЕДНИЙ МИР» АННЫ ИЗ МАЛАНГА

Глава I

Сегодня она уходила к нему. Сорок зим без него прожила... Сорок лет без него. Все исполнила в Среднем мире, спокойно уходит. Детей, кого смогла, сохранила, внуки – взрослые, правнуки растут. Их время жить в Среднем мире, а ей пора в Нижний: в этом глаза уже плохо видят, уши плохо слышат.

Пора, давно пора уходить.

Анна перебирает в памяти: все ли взяла с собой для дальней дороги. До Нижнего мира дойти, да и там чтоб без нужды жить.

«Много платьев с узорами возьму, подола бисером вышиты. Внучка вышивала, мужу расскажу... Нужно бисер с собой взять. Как буду в Нижний мир спускаться, вдруг мышка за мной побежит, я ей бисеринку и брошу, пока грызет – дальше убегу. Да и узоры мои сложные, побежит мышка по ним, запутается...

Теперь она в большом городе, большим бумагам учится. Не надо ее звать, ехать далеко... У нее ум свой, пусть теперь в больших бумагах разберется.

Вспомнилось давнее... Стылое зимнее утро принесло в маленькое стойбище тревогу.

Анна открыла глаза. Темно. Потрогала рядом стоящую люльку, прислушалась к дыханию сына. Здесь все спокойно. Слева ощутила спящего мужа. Его присутствие всегда рождало в ней внутреннее тепло, которое разгоняло сомнения. Она осторожно погладила мужа по волосам, полюбовалась им. Теплота и нежность плавно разлились по телу. Снова стало спокойно. Сон опять пришел к ней.

Но страшное предчувствие снова выхватило ее из сна. Осторожно, чтобы не разбудить мужа, Анна выбралась из-под уютного саха.* Отверстие чума едва светилось. Привычными движениями она нащупала дрова, бересту, высекла огонь, повесила

* Сах – меховая женская одежда.

чайник. Сухие дрова разгорались быстро, свет пламени осветил ее чум, детей, мужа. В жилище входило тепло огня. Но это тепло грело лишь лицо и руки и никак не проникало в нее, не глушило предчувствие беды, тревога продолжала нарастать.

Анна обвела взглядом свое жилище, где каждая вещь обласкана ее руками. Настороженно прислушалась к спящим: «Неужели злые духи пришли в дом? Или завистливые люди наслали болезнь? Восемь детей родила мужу, и все восемь сегодня споккойно спят в моем доме!..»

Сердце дрожало. Анна не могла, как всегда, беседовать с Тут-имие и ждать, когда закипит чайник и проснется ее странная семилетняя дочь Татьяна. Раньше всех просыпается девочка, сразу к очагу садится, смотрит в огонь, молчит. «Не простую судьбу, видно, при рождении ей нарекли. Наверное, в род отца пошла, силу шаманскую имеет... Вот и огонь ей что-то тайное сообщает...» – думает женщина.

Мысли о Татьяне не отгоняли предчувствия. Анна достала из мехового мешочка кусочек белой ткани. Вернулась к огню, стала шептать молитвы и заклинания:

– Ма мувям, ма лонгхлам, ма хотьям шавилаты, ма няврям-лам шавилаты.*

Анна молилась Небу-отцу, Земле-матери, молилась огню...

Затем расправила ткань, накрыла ею костер, но пепел не поднимался как обычно, а оседал, прилипал к поленьям. Духи не принимали жертву. Беда идет. В стойбище идет беда!

Каркам эви – проворной – называли Анну, среднюю дочь Максьюма. Старшую и младшую замуж отдали, а средняя дочь украшением дома оставалась. По многим ближним и дальним родам весть о трудолюбивой красавице шла. Лучшие женихи сватов засылали. Да не хотела Анна замуж. Мать стыдилась своенравной дочери, бабушка ругивала внучку, а Максьюм не неволил, всегда уважительную причину находил; такую, чтобы и сватов не обидеть. Злобные языки порочили Анну. Да не льнули их слова к ней. Об ее трудолюбие да веселый нрав разбивались.

* Моя земля, мои духи, мой дом, моих детей охраняйте.

Вспоминает Анна, как по первому снегу летела она на лучших оленях отца; далеко, весело разносился звук колокольчиков упряжки. И в ней – она в белом сахе, сшитом своими руками. И сейчас помнит она каждую стежку орнамента. Мир и покой отчего дома, мечты о будущем вкладывала в работу. В самую комариную пору не боялась Анна за морошкой ходить. Жужжит гнус, в нос, в глаза лезет, мелодично позванивают накосные украшения. А руки так и мелькают – ни один комар сесть не успевал.

«Да, проворная я была», – думает Анна, и звуки оленьей упряжки, мелодия девичьих украшений сопровождают ее в Нижний мир.

Караваном оленьих упряжек пришла беда в стойбище. В полдень собаки, чувствуя приближение чужаков, начали скулить, а затем подняли оглушительный лай.

Старшие дети высыпали на улицу. Анна, занятая шитьем, боялась поднять на мужа глаза: чувствовала, что творится в его душе. Их обманули, выдали. Лживую весть по тундре пронесли. «Возвращайтесь. Не тронут вас». Кто поверил, горькой бедой расплатился. Теперь вот и их семья останется без кормильца. Старшему сыну всего шесть лет, а младшему и месяца нет. Почти год по тундре кочевали, оленей растеряли...

Упряжек было много – десять—пятнадцать. Приехавшие разговоривали на русском и хантыйском языках. Входное отверстие чума раскрылось, вошли двое. Один, видимо, моймский ханты, одет в красивый белый гусь,* второй с ружьем, чужой. Анна вскочила, достала малицу мужа, подала. Тот оделся и вместе с вошедшими вышел на улицу. Анна накинула сах, вышла вслед.

По стойбищу бродили вооруженные люди, осматривали грузовые нарты, выискивали оружие, съестные припасы, пушнину, меховые одежду и обувь. Все сбрасывалось в кучу. А на нартах, с опущенными головами, сидели связанные по двое знакомые ханты.

Из соседнего чума вытолкнули его хозяина, связали в пару с мужем Анны, усадили на нарты.

* Гусь – мужская одежда мехом наружу.

Младшие дети, перепуганные невиданным скоплением людей и лаем собак, подняли рев. Анна крикнула старшей дочери, чтобы отвела их в чум, а сама подошла к мужчинам. Отгоняя страх перед случившимся, тихо сказала:

– Суд обязательно правильно решит. Вы скоро вернетесь домой.

Женские слова, они и есть женские. Мысли же мужчин, знавших больше, сразу потеряли надежду на возвращение. Им было тяжело и больно за жен и детей. Выживут ли? Сильные, ловкие охотники были унижены, раздавлены своей беспомощностью.

Вечером приезжие заняли соседний чум, а его хозяйка Дарья с детьми перешла к Анне. Не угасал в эту ночь огонь ее жилища.

Наконец, в стойбище пришло утро. Засуетились люди, Анна вышла на улицу. Проводники ханты деловито запрягли их ездовых оленей. Небрежно, даже не стряхнув снега, бросили в нарты белый и темный неплюй,* приготовленный Анной для саха. А как она мечтала в новом узорчатом сахе показаться: не потеряли ее глаза зоркость, а руки – ловкость. Ни у кого из ровесниц нет такого тонкого стежка: не хватает терпения такие тоненькие жилки для шитья орнамента плести. А у нее хватает. И мужу такая жена – гордость.

А чужие люди небрежно кидают в нарты выходные кисы,** топоры,*** гусь мужа. «Будто покойника снаряжают», – холодом пронзило Анну.

Перехватив его испуганный взгляд, Анна, пересиливая себя, как будто ничего не случилось, стала давать привычные распоряжения детям:

– Марья, почему дров в чуме мало? Вара, сходи за снегом. Татя, почему собак не кормишь?

Анна смотрела только на мужа, она верила предчувствию, которое говорило, что отца своих детей она видит в последний раз. Юван смотрел, как нарты глотают беличьи шкурки, лисиц и

* Неплюй – шкура оленя летнего забоя.

** Кисы – зимняя меховая обувь.

*** Топоры – зимняя меховая обувь, надеваемая на кисы во время длительных переездов.

выдру – все, что добыл он в этом году и на что можно было купить муку, соль... «Нет, не выживут мои дети. Сыновей до поры зверя-рыбу добывать не успел вырастить. А жена, хоть и сильная, да все же женщина. И ружье забрали. Нет, не выживут...»

Анна глубоко чувствовала мысли мужа, только не знала: Юван уже просил начальника, чтобы оставили женщинам еду и ружья.

А тот пришел в ярость:

– Да ваши остячки нас тут же прихлопнут. Одна уже нашла такая...

– Не будут наши жены стрелять, – пытался вставить Юван. Но не слушал его начальник:

– Мы их из дерьма вытаскиваем, а они, твари неблагодарные, руку против Советской власти подняли...

Обоз погрузили. Нарты двинулись в путь. Все опустело. Только на снегу валялись оказавшиеся ненужными вещи. Собаки, отвязанные от нарт, не лаяли вслед уходящему обозу, а, виновато опустив глаза, ласкались к детям.

Анна стояла на улице, пока не исчезла последняя нарта обоза. Затемно попыталась заняться будничными делами, но духи насмеялись над женщиной, и работа валилась из рук.

Анна села к огню. Всем своим существом она ощущала полную пустоту вокруг. В душу и сердце заползал холод. Дети, придавленные ее молчанием, съежились и молчали.

Анна прислушивалась к Тут-имие – огню, но он ничего не рассказывал. Люди и огонь домашнего очага неотделимы друг от друга. Беда этого дома и огня беда. Людям нужны тепло и ласка Тут-имие, а разве может огонь без людей разгореться? Это руки человека каждый день готовят дрова. А если обессилеют, остынут эти руки?..

В люльке заплакал сын. Татъя соскочила, поднесла ребенка матери. «Проворная, в меня», – подумалось Анне.

Анна накормила малыша, поставила столик для еды, позвала детей. Но они со страхом смотрели на мать, только глаза безмолвной Татьи, любимой дочери мужа, излучали понимание и боль сочувствия.

Анна взяла топор, нарточки для дров и ушла в лес.

...Мелодия девичьих украшений сопровождает Анну в Нижний мир. Вновь перед глазами пора юности. Созрела она, созрела для любви и ласки. Бурлят в ней великие женские силы, и то смеется она без причины, то вдруг темная тень накроет ее лицо.

И вот заводит она песню про Казымскую богиню-богатыршу.

...Жила она с тремя братьями. Способной и сильной была, в разных животных могла превращаться. То черной кошкой в отверстие чума проскользнет, то сободем по лесу мчится. И на охоте удачливее братьев была. Да пришло ее время замуж выходить. Прислал сватов самый сильный, самый ловкий рыбак и охотник, что стрелой любого зверя, любую рыбу в глаз убивал.

– Продайте сестру, – просят его сваты.

– Нет такой цены, – отвечают братья.

Отказали.

Услышала девушка разговор, кольчугу накинула, мужчиной оделась, сватов догнала. Молва о юноше давно по земле шла, нравился он Казымской богине. Договорились.

Так и вышла замуж Великая Казымская богиня.

Выбирает Анна сети – поет, оленями правит – поет. Верит, верит и она в счастье. Ждет своего богатыря:

Глава 2

Той ночью сон не пришел к Анне. Холодно без мужа в чуме. Холодно без мужа в сердце. Не спит ее ум, распутывает и распутывает все узелки разговоров, что к сегодняшнему дню привели.

...Вот они на Маланг-вори живут. Летнее и зимнее стойбище рядом. Аккуратные дома муж построил. Горит огонь чувала в зимнем доме, дети сказки друг другу рассказывают. Анна новую малицу сыну шить принялась. Пять зим мальчику, а за отцом повсюду тянется. Мужчиной себя чувствует, с сестрами уже не играет. Отец его балует, лыжи широкие смастерил, лук со стрелами изготовил. Теперь из детской малицы парень вырос, новую шить надо. С нежностью кладет Анна стежок за стежком. «Настоящий, сильный мужчина из Степана вырастет», – вспоминает она, как тот увертывается, уже стесняется материнской ласки.

На улице залаяли собаки, послышался шум приближающихся нарт. «Что за люди? Кажется, знакомые», – определила она по ленивому лаю собак. Муж вышел встречать гостей. Анна захлопотала у столика. Погода стояла метельная; приезжий на улице снял верхнюю одежду. Долго вытряхивал снег. Наконец вошел, поздоровался. Анна узнала гостя, мужа старшей сестры. «В такое время?» – встревожилась. Гость снял малицу, подсел к огню. Анна определила по лицу: «Плохие новости будут. Плохие».

Она отошла от столика. Принялась плести нити из оленьих жил.

Уснули дети. Тихо разговаривают мужчины, не слышит их Анна. Но видит: помрачнело лицо мужа, эхом затрепетало сердце женщины.

Ничего не сказал в тот вечер Юван жене, а утром, когда гость уехал, сообщил:

– Слухи до Вутвоша дошли, будто в Торумлоре русских убили. Повсюду вооруженные ездят, мужчин забирают. Нянь Пашку, Нярух Мишку увезли: их за то, что детей из школы забрали. С Вутвоша откочевывать начали. Собираться и нам надо.

– Снег тает. Скоро реки откроются. Куда кочевать?

– Собираться надо. Палтап Ванька в проводниках...

Несколько раз сватался Ванька к дочерям Максюма. Да не хотел он жизнь дочерям портить, за хвастливого, ленивого жениха отдавать.

Один раз осенью приехал Ванька, насильно решил невесту увезти. Выждал с друзьями, когда отец с матерью на рыбалку уйдут, а дочь одна останется... Вовремя заметила их Анна, поняла. Бросилась бежать, на самую верхушку огромного кедра забралась. Не может жених невесту достать, злится, а друзья над ним потешаются. Так и просидела до прихода родителей. А к Ваньке с тех пор насмешливая кличка привязалась: Палтап – Страшный.

Затаил Палтап Ванька на людей злобу.

Много времени прошло. Анна замуж вышла. Ванька жену сосватал, дети растут. Да говорят люди: ленивый добытчик Ванька, семью впроголодь держит. И вот много русских на Казымскую землю пришло, нашел себе легкое дело: в проводники

к ним устроился. Говорят, любят его за это. Дом ему в Казыме построили, муки и другой русской еды у него вдоволь.

Глава 3

Черным туманом повисла беда над священной землей предков. Увезли мужчин. Осиротели женщины и дети. Песня-стон полетела по Казымской земле.

...Под корень, под корень
Вырублены сосны наши широкоплечие.
На высоте стволов их мощных
Свои гнездышки пуховые мы вили.
Кронами ветвистыми
От дождя, снега птенчиков укрывали мы...
Ах, горе, горе,
Попадали гнездышки наши уютные,
Крыльями нашими слабыми
Птенчиков мы укроем ли?
Клювами нашими слабыми
Пищу для них добудем ли?..
Ах, горе, горе,..

«Как жить, как жить?» – кружился вопрос и над стоянкой двух чумов, оставленных далеко от родных мест. Пять ночевок до Вутвоша, четыре ночевки до Маланг-вори, родового стойбища мужей. Горстка оленей. Незнакомая дорога.

Как жить? В глубине души Анна верила, что если не Юван, то Максьюм вернется.

– Только шаманов совсем увозят. Не может же Пал-тап Ванька сказать, что все шаманят, – говорила она соседке Дарье, которая вместе с детьми перебралась в ее чум.

Наступал месяц метелей. Съестные припасы кончились. Осталось немного сушеной рыбы. Дарьины старшие мальчики – девятилетний Егор и двенадцатилетний Кузьма – брали с собой Степана и с раннего утра уходили ставить петли на куропаток. Охоте мешали собаки, которые теперь кормились самостоятельно, поэтому дичи приносили мало. Анна ощипывала добычу,

ставила на огонь огромный котел, над ним и потрошила крохотную птицу, чтобы ни одна кровиночка не пролилась мимо. Чистила и внутренности, клала в котел.

Мальчиков кормили отдельно. Нужно было сохранить силу добытчиков, и Анна полностью отдавала им все мясо, если куропатка была одна. Девочки и женщины пили бульон, обсасывали и съедали Косточки.

Если дети возвращались без добычи, то в том же огромном котле Анна варила несколько сушеных рыбок. Рыба раздавалась мальчикам, а девочки вновь пили одну воду.

Анна сделалась каменной. Никто не смел прекословить ей, когда она раз в день священнодействовала над котлом. Однажды, когда ели мальчики, Наста стала плакать и просила поесть. Анна избила ее.

С тех пор, если кормили мальчиков, девочек отправляли на улицу.

Однажды Степан отказался есть: ему было стыдно смотреть в глаза голодным сестрам. Анна долго говорила с ним наедине и внушила, что девочки и женщины едят меньше мальчиков.

Анна потеряла молоко. Гриша кричал день и ночь, просил есть. Она носила сына на руках, прижимала к себе, тыкала в ротик пустую грудь. Ребенок кричал. Она пыталась подкармливать малыша, тщательно жевала сушеную рыбу, разбавляла бульоном. Сын глотал, но оставался голодным.

Порой сознание Анны, утомленное бессонными ночами, теряло связь с реальностью. Ее преследовало одно и то же видение, будто шагает она с сыном по ярко-красному пространству. Над головой гроыхает темно-багровое небо, кровавые тучи в ярости бьются друг о друга, пляшут молнии. Анна крепко прижимает к себе малыша, она молит о спасении, смотрит на Землю. Леса, реки, озера Земли наполняются той же отвратительной краснотой, они распухают до уродливых размеров, напозают друг на друга и ударяются, поднимая вверх огненные брызги кровавой воды. Анна, зажата между разбушевавшимися стихиями Неба и Земли, от ужаса теряет сознание, она задыхается. Нет в мире устойчивости, нет в мире спасения.

Когда видение проходило, Анна опять и опять вглядывалась в личико своего сына, искала и искала в его чертах надежду на спасение.

Ребенок таял. И однажды вечером она ощутила, как дрогнуло тельце малыша. Тетива лопнула. Сын умер.

Женщины зажгли перед входным отверстием чума поминальный костер. И опять, как в тот день, когда увозили мужей, молча просидели до рассвета.

Выгоревшим бором стала Анна после смерти сына. Сгорело прошлое, сгорело настоящее. Молчаливая и безразличная ходила она между людьми.

Глухарка сна совсем покинула Анну.* С открытыми глазами лежала она ночами и слушала, как воет метель, стараясь сорвать покрытие с дважды осиротевшего чума, слушала, как хохочут духи над опустевшей постелью.

Пусто с ее правой стороны; не ощущает Анна ласковой, сильной руки, никогда больше не наполнится она сладостным женским трепетом. Пусто с левой стороны. Нет мягкого, нежного тельца, никогда больше не разольется в ней истома материнства.

Холодно справа, холодно слева.

Хохочут духи, беду нагоняют. Однажды ночью Анна отчетливо ощутила, как треснула ее душа и разверзлась бездонная черная пропасть в Нижний мир. Она встала, разожгла огонь. Тут-имие проснулась, осветила жилище, стала ласкать и успокаивать женщину: «Жить надо, жить надо... Для детей жить...».

Анна боялась, как бы дети не увидели в ее глазах холода черной пропасти, ходила с опущенной головой, надвинув низко на лицо платок.

Сегодня не поднялась с постели Татьяна. Анна подошла к дочери. Глаза, полные боли и любви, очерченные огромными синими кругами, смотрели на нее. Мать впервые за много дней

* По ханг. поверьям носителем сна является глухарка, которая живет в лесу.

увидела таким своего ребенка: почерневшее лицо, провалившиеся щеки.

Дрогнуло сердце:

– Дитеночек мой, птенчик мой, что с тобой? – спросила, глядя девочку.

– Ничего, мамочка, я устала вчера, полежу немного и встану.

Анна видела: дочери уже не подняться. Нужна еда. Нужно много еды.

Анна вышла на улицу. Метель укротилась. Сквозь светлокоричневые стволы сосен игриво пробирались солнечные лучи, нежно касались снежной целины бора, и снег тут же вспыхивал, искрился, переливался. Природа жила. Природа радовалась.

Вокруг чума намело огромный снежный сугроб, и только узенькая тропка вела к дровам, к месту, где черпали снег. Возле дров, свернувшись, лежал отощавший Питюх, любимая собака Татьи. Обязанностью ее было кормление собак, поэтому они ей оказывали особое внимание. Голод снял с Татьи эту заботу, и девочку преследовали глаза животных, она боялась выходить на улицу.

Сначала собаки ждали пищу. Когда Татья выходила из жилья, они провожали ее взглядами. Девочка подходила, ласкала их и умоляла:

– Добудем много еды, добудем. Подождать надо.

Нужно отыскать и забить оленя. В этом сейчас единственное спасение. Анна пробралась к нартам, где хранились широкие охотничьи лыжи мужа, на дне грузовых нарт нащупала аркан.

На поиски оленей вышли втроем: Анна, Кузьма и Егор.

Целый день ходила Анна, но оленьих следов не обнаружила. Остановилась в березовой рощице возле озера, развела костер, сняла с себя платок – лучшее, что у нее было, и принесла в жертву духам.

– Ногами, голодом обессиленными, руками, голодом обессиленными, пищу добудем ли, добудем ли?.. – спрашивала жаловалась она.

Духи помогли: навели мальчиков, которые уходили в другую сторону, на свежие следы.

– И еще, – взволнованно говорил Кузьма, – вроде волки за оленями гнались. Следы очень большие видели. У наших собак они маленькие, а тут с ладонь.

– Какие здесь волки? Они возле больших стад держатся. У нас им делать нечего, – успокоила его Анна.

Вечером Татьяе стало совсем плохо. Девочка запылала жаром, стала терять сознание. Анна не отходила от дочери.

– Дитеночек мой золотой, дитеночек мой драгоценный, чужими бедами живешь, чужой болью страдаешь. За других сердце твое нежное горит, за других душа твоя чистая пылает, – шептала Анна, то и дело поправляя сах, который девочка скидывала с себя. Анна пыталась накормить ее: сегодня за куропатками вместе со Степаном ходили Марья и Вара. Анна подносила чашечку теплого бульона к высохшим губам девочки, когда та приходила в себя. В беспамятстве девочка улыбалась чему-то, разговаривала с собаками, звала их по кличкам. На улице жалобно скулил Питюх, он царапался, просился в дом. В полночь собака завывала. Анна вышла на улицу, чтобы успокоить пса. Стояла светлая лунная ночь. Питюх, высоко закинув голову, выл на Луну. Анна отогнала его, но он, отойдя, завыл еще громче и протяжнее. Тогда женщина пустила собаку в жилье. Питюх прошел к ногам больной девочки, лег, положил морду на лапы, успокоился.

Наутро Татьяе стало лучше. Увидев собаку, заулыбалась.

– Питюх, Питюх, иди сюда, – позвала она слабеньким голосом. Собака подошла к изголовью, вытянулась рядом. Татьяна гладила собаку, а пес лизал ее руки, доставал до лица. Когда Анна поднесла дочери чашечку с бульоном и крохотными кусочками мяса, девочка выпила бульон, а мясо попросила отдать собаке.

– Доченька, милая, тебе кушать надо, тебе силу набирать надо. Собака пищу себе сама добудет...

– Мамочка, Питюх очень голодный, отдай ему, – просила девочка.

– Она все равно сама есть не будет, – вмешался в разговор Степан.

С утра Анна с Кузьмой вновь направились на поиски оленей. Анна взяла лук со стрелами, которые изготовил Кузьма. «Хоть

бы белочку подстрелить, дитя желудочком накормить», – вспомнила она о любимом лакомстве дочери.

– Хоть бы плохонькое ружье было, все равно что-нибудь настреляла бы...

Стрелять она начала рано. Максимум не имел сыновей, поэтому вопреки тихому ворчанию жены брал с собой на охоту Анну.

...Путь до озера, где ребята видели олени следы, был неблизок.

Пошли по вчерашней лыжне. Она вывела их к месту ночевки оленей. Анна рассматривала поляну, стараясь определить, сколько же было животных. Истоптано довольно большое пространство, олени двигались как-то очень уж беспорядочно. И тут за старой валежиной увидела причину их волнения – следы огромного волка.

Анна сжалась, посмотрела – далеко ли Кузьма. «Только этой беды нам не хватало», – подумала, внимательно изучая следы. Волк охотился один. «Где стая?» – недоумевала женщина.

Следы оленей и волка заворачивали в сторону стойбища. «К человеку идут, защиту ищут. Ах, горе наше, горе, чем же мы их защитим, чем поможем?..».

Идти по следам было опасно. Анна подозвала Кузьму, объяснила, что случилось, и они решили сегодня вернуться домой, а завтра идти, вооружившись хотя бы топорами. Не дойдя до дома, путники заметили Нуви, белую собаку Кузьмы. Она лежала сытая и довольная, ее белоснежная мордочка была запачкана кровью, которую она пыталась стереть двумя лапами. Увидев хозяина, Нуви бросилась к нему, приседала на передние лапы, виляла хвостом, лизала руки, всем своим видом показывала любовь и преданность.

«Где же Пянк?» – подумала Анна о своей собаке. Пянк был равнодушен к Нуви и всюду бродил за ней, а на добычу они тем более уходили вместе. Сильный, ловкий Пянк был охотничьей собакой. Легкая, быstroногая Нуви – собакой оленегонной, поэтому сейчас ей пища доставалась значительно труднее. Пянк старался за двоих.

Посоветовавшись, Анна с Кузьмой пошли по следу Нуви. Он привел к кромке соснового бора, где виднелись следы ожесточенной схватки. На краю возвышенности с перекушенным гор-

лом лежал окровавленный Пянк, а внизу, в глубоком сугробе, виднелась туша важенки с выеденными внутренностями.

Волку все-таки удалось отбить от небольшого стада стельную олениху. Он долго гонял ее, знал свое дело. Обессиленная олениха оказалась отрезанной на краю возвышенности. Впереди голодный хищник, позади непроходимый сугроб. Исход сражения был предрешен.

Неподалеку пробежали Пянк и Нуви. Чуткие ноздри собак издали ощутили запах свежей крови. Много дней подряд их охота была неудачной, потревоженные звери и птицы уходили от человеческого жилья.. Нужно идти следом, но собаки еще не решались окончательно бросить людей и жить своей жизнью. Тело Пянка теряло силы. За ним, едва переставляя лапы, семенила измученная Нуви.

Запах взбудрил животных, и они прибавили шаг.

Волк закончил свою трапезу, но еще лениво лакал пьянящую теплую кровь, когда услышал приближающихся собак. Он поднялся на пригорок, приготовился отстаивать добычу. Собаки подходили все ближе и ближе. И Анна воочию увидела, как ее отошавший, ставший словно высушенный листок, Пянк, возбуждаемый близкой пищей и присутствием любимой подруги, храбро идет навстречу сильному, сытому зверю. Ни тени сомнения, ни тени страха: «Драться, драться и только драться. Драться за пищу. Драться за жизнь. Шаг, еще шаг... живое рвет живое, жизнь убивает жизнь. Высоко взлетает легкое тело пса от бросков мощного хищника. Лютая ненависть и уверенность! Уверенность в себе, уверенность в подруге. Закапала кровь. Он ожидает помощи... Враг тянется к горлу. Нужна помощь! Смыкаются челюсти противника, наползает тьма, и скользнул предсмертный взор Пянка по равнодушной Нуви, стоящей с поджатым хвостом. Выражение удивления навсегда застыло в его раскрытых глазах.

Анна увидела: заскулив, повалилась на снег беленькая Нуви. Волк, не остывший после победы, приблизился к ней, обнюхал, но трогать не стал. Впереди манила пища, ее запах кружил голову Нуви, она хотела есть и только есть. И тогда... превозмогая страх перед зверем, она поползла к пище. Она ползла и виляла

хвостом, она ползла и умиленно заглядывала в глаза хищнику. Она ползла...

Вот и появилась пища. Анна с Кузьмой, забыв о близком присутствии волка, разделали еще не замерзшую тушу и принесли домой столько мяса, сколько смогли. Впервые за много дней люди были сытые. Весело горел огонь, Тут-имие расплавляла на лицах детей застывшие маски страдания. Они начали шутить, рассказывать друг другу про свои дневные дела и заботы. Старшие девочки вытащили рукодельные мешочки, тряпочки и шили малышам куколки. Наста и ее одноклассница Дарья Уля уже получили новые игрушки и баюкали своих «детей». Кузьма сидел на чурочке возле огня, изготавливал стрелы с тяжелыми тупыми наконечниками для охоты на белок, ему помогали Степан и Егор. Дарья рассказывала коротенькие детские сказки-прибаутки Петру и своему трехлетнему Павлу. Всех освещает Тут-имие, всем расправляет печали и лишь до двух Лиц не дотягивается она.

Низко склонившись над больной девочкой, далеко от огня сидела Анна. Дочка была в забытьи. «Бродит, бродит душа ее светлая», – думает Анна.

Горит огонь, сытый дух по жилью витает. Детей, Дарью разморил, все спать легли. Лишь Анна не спит, да дочка в беспмятстве мечется.

– Доченька моя, доченька, – шепчет женщина, – открой свои глазки да посмотри, сколько еды в доме. Братья твои, сестры твои сытые спят, Питюх и Пеля накормлены. Посмотри, доченька, и успокоится твоя душа. Посмотри только, и успокоится твое сердце.

Не слышит Татьяна, жаром пылает. Питюх, которого днем вывели на улицу, в полночь снова завыл, и Анна опять впустила его.

Не спят огонь, собака и женщина, вьется над ними тяжелое дыхание девочки. Гладит Анна дитя по пылающему личику, по тоненьким ручкам и мучительно жаждет вобрать в себя ее страдания. Но как это сделать? Как?

На рассвете Татьяна ушла из Среднего мира.

Глава 4

Ушла Татья, напрочь захлопнув за собой черную пропасть в душе Анны. Огнем любви согрела умирающая девочка сердце матери, отступил холод. Анна смотрела на мир глазами дочери. Ушла Татья, Боль оставила. Не боль отчаяния, а Боль созидающую, Боль рождающую, Боль понимающую. Великое чудо нестигаемой любви к детям вызревало в Анне. Она видела и понимала всех. Видела решительную Марью, ставшую самым надежным человеком в семье. Видела заботливую Вару, которая ни на миг не оставляла без внимания младшеньких Насту и Петра, видела, как пытается расцвести, вопреки безжалостному голоду, личико ласковой Катерины, видела, как в детской фигурке Степана вызревает спокойный и твердый характер мужа. Все видела, все понимала мать.

Постели в чуме Анна перестелила. На мужскую половину жилища, заняв место отца, перешел Степан, а слева от матери спал Петр. Заполнилась пустота.

– Дни ползли за днями, оставляя все меньше надежды на возвращение мужей. Олени, преследуемые волком, который расправился с очередной жертвой, подошли к жилью. Их было всего восемь.

Волк понял, что у людей нет опасного оружия, поэтому нагло подходил к самому чуму. Собаки поднимали лай, но нападать на хищника боялись. Волк самоуверенно садился в снег и презрительно наблюдал за ними. Это красивое и смелое животное вызывало в Анне уважение.

Мальчики пытались стрелять из луков в сторону хищника, но у них не было острых, железных наконечников для стрел, да и силы еще были детскими, поэтому волк их не боялся.

Ночью волк принимался выть. Беспросветное одиночество, тягучая тоска заполняла стойбище. Анна крепко прижимала к себе теплое тельце спящего Петра и думала о том, что в жизни самое страшное – жить без себе подобных.

Она жалела и волка.

Надо было что-то решать. Стало ясно, что никто из мужчин не вернется. Оставаться здесь без муки, без необходимых промысловых снастей – означало обрекать детей на голодную

смерть. В родовом стойбище мужей женщины оставляли небольшой запас пищи, но главное, там есть ловушки на зверя и рыбу и прочие охотничьи и рыболовные принадлежности. В Вутвоше у людей, должно быть, есть и пища, и олени. Но как добраться туда, как ехать на необученных оленях по целине почти незнакомой дороги? Да и оленей всего на две-три упряжки, всем не уехать. Надо было решать.

Анна разговаривала с Дарьей, с Кузьмой, советовалась с Марьей, думали, как поступить. Дарья опять плакала и умоляла отправить ее из этого места, где поселились духи болезней и обязательно заберут они всех ее детей. В конце концов пришли к тому, что Дарья со своими детьми направится в сторону Вутвоша, а Анна подождет, пока кто-нибудь не приедет за ее семьей.

Волк не отходил от стойбища. Мелкая добыча попадалась ему все реже и реже, он начинал голодать, становясь опасным. Женщины и дети делали все возможное, чтобы сохранить оленей.

Однажды утром Кузьма недосчитался опытного передового оленя. Взяв с собой двух собак, он и Анна пошли на розыски и скоро вышли к месту очередного преступления. На этот раз волк оказался возле добычи, и по всему было видно, что не собирается отступать. Привыкший к тому, что собаки его боялись, а люди не представляли опасности, он с высокомерным видом сидел перед тушей.

Анна увидела, как сузились от ненависти глаза Кузьмы, сжались его зубы, по лицу пробежала судорога. Он пошел на волка... Рядом с мальчиком хищник казался сверхогромным. И тогда Анне показалось, что вовсе не зверь перед ним, а исчадие Нижнего мира, кровожадный Тарен с раскрытой пастью. Анна вслед за Кузьмой бросается на волка...

Четверо против одного. Силы неравны. По морде хищника льется кровь, он отступает. И... вздрогнула Анна от взгляда, пылающего непримиримой ненавистью к человеку. Волк вырвался. Залитый кровью, с гордо поднятой головой уходил он от людей.

Через день после схватки Дарья с детьми были готовы к отъезду. Женщины поднялись до рассвета. Анна, превозмогая боль, держала над костром прокушенную волком левую ладонь руки. Она верила, что Тут-имие обязательно излечит ее. «Хорошо, что в рукавицах оказалась», – думает она, заговаривая свои раны. На

огонь капала листовничная смола, которой Анна смазывала укусы. После каждой упавшей капли Тут-имие сердито повторяла: «Осторожными нужно быть, осторожными нужно быть...». Кончив лечение, Анна кропотливо, будто малому ребенку, стала объяснять Дарье, как себя вести, если волк пойдет по их следу.

– Жилья на пути нет, дорогу не знаете, чуть стемнеет – сразу разводите костры. Оленей держите на привязи, детей от себя не отпускайте. Если поймете, что заблудились, по своим же следам возвращайтесь назад и ищите старые метки, здесь когда-то проходила оленья тропа...

Дарья торопливо кивала головой:

– Конечно, конечно... лишь бы довести моих птенчиков, лишь бы сохранить моих птенчиков.

Анна надеялась только на Кузьму и на то, что хищник останется здесь. Как-то она заметила, что волк пытается ухаживать за Нуви, поэтому эту противную собачонку она оставляла у себя, а отъезжающие брали с собой только одну собаку.

Тщательно готовили нарты. Нельзя ехать без необходимого и нельзя брать ничего лишнего.

Путь предстоял неблизкий, при нормальной дороге пять ночевок, теперь надо рассчитывать дней на десять.

При расставании Дарья плакала, а Анна целовала отъезжающих и мысленно повторяла каждому: «О, Небо-отец, сохрани его, сохрани...»

Уехала Дарья с детьми. Семь человек остались в ожидании. Семь человек и три собаки на сотни километров вокруг. Волк не показывался, но Анна строго-настрога запретила детям выходить на улицу. Оставленную олениху и собак привязали к колышкам у входного отверстия чума. На третий день к вечеру зверь показался. Красивое животное было изуродовано. Без уха, с изодранной пастью, с заплывшим правым глазом, с источавшим злобу левым глазом. Он теперь казался Анне безобразным лесным людоедом Менком. Его вид был ужасен; Анна смотрела на эту тварь, и ее единственная рука, способная держать оружие, крепко сжимала топор. Волк не отступит, новой схватки не миновать.

К ночи зверь завыл. Леденящая тоска, слепая ненависть ко всему живому, кровавая жажда мести слышалась Анне в этом вое. Собак и даже олениху она запустила в жильё.

Утром волк исчез. Анна вышла на улицу. Сияло ласковое солнце, на землю пришло тепло весны. Снег оседал, наступал месяц наста. Легкий хруст под ногами наталкивал на мысли о Дарье. Женщина прошептала молитву: «О, Торум-отец, Священное золото, наш Бог. Под белым небом едущих в этот миг ты в беде не оставь, не оставь, ноги оленьи об наст не разбей, не разбей».

После полудня неожиданно появился волк. Услышав какой-то визг, шум, Анна, схватив топор, выскочила на улицу. Нуви билась в предсмертных судорогах. Она, видимо, по привычке подошла близко к волку, и хищник метким броском впился в незащищенное горло. В ее гаснущих глазах, как в свое время у Пянка, застывало удивление. На привязи металась олениха. Но волк шел... на женщину. «Хранит нас Небо, все мои детки в доме», – мелькнуло в сознании, и Анна заскочила в жильё. Тогда хищник всю силу удара, всю собранную в нем энергию направил на олениху, вторая жертва пала у его ног.

Прошло два дня, зверь не появлялся. Ожидание было ужасным. «Где он? Что с ним? Почему не выходит?» – крутилось в голове Анны. Неопределенность была мучительна. Наконец, Анна решилась идти по следам волка. Рано поднялась женщина, села к огню, долго, неистово и горячо молилась. Затем принесла последний платок, накрыла костер. Пепел легко поднимался вверх. «Удача. Будет удача», – радовалась она.

Дети просыпались, она каждого встречала ласковой улыбкой и нежными словами. После еды собрала старших детей и сказала, что идет искать волка. Марья, Вара и Степан стали проситься с ней.

– Нет, одна пойду, – сказала мать. – Я обязательно вернусь.

Взяв топор, нож, отвязав Пелю, полная веры в счастливый исход предстоящей борьбы, женщина отправилась на поиски волка.

Погода стояла ясная, тихая. Лыжи легко скользили по подстывшему с утра снегу. Следы волка встречались, но они были

старые. И особенно много виднелось их на пути уехавших упряжек. После отъезда Дарьи снега еще не было, и женщина пошла по оленьей дороге. Судя по следам, два дня назад волк бежал в том же направлении. «Неужели, неужели пошел за нартами? – думала Анна. – Одна собака, беспомощная Дарья, слабые дети против расчетливого, безумного хищника».

Долго шла она по дороге, хотя было очевидно, что волк назад не вернулся. Вся ее утренняя уверенность и собранность улетучилась, мысли ходили печальными кругами вокруг одного и того же: «Загрызет, загрызет всех уехавших зверь...» Анна была уверена, что в волка вселились духи безумия, которые во сто крат увеличили его силы и теперь бросают его бессмысленно, бесцельно убивать все живое. «Загрызет, загрызет...» – вертелось в голове.

Солнце опустилось совсем низко, идти дальше не было смысла, и Анна повернула назад. Устала, сникла душой женщина, увидев березовую рощу, где приносила жертву, подумала: «Один раз духи не оставили в беде, может быть, сейчас помогут?».

Она подошла к старому кострищу, разгребла снег и приготовила дрова, бересту. Затем достала меховой мешочек с огнивом и сверточками мягкого, тщательно перемятого верхнего слоя гриба-тутовика, который обычно моментально вспыхивал от первой же искры. Стала высекать огонь.

Глава 5

В стойбище поселилась тягучая неопределенность. Анна не знала, что случилось с Дарьей, с ее детьми. Она мало верила, что уехавшие доберутся до Вутвоша. Ее редкие сны пока не извещали о смерти. Медленной чередой проходили дни ожидания.

На землю пришла весна. Она напоила реки и озера влагой, размела на болотах кочки, разгребла возле пней и под деревьями проталины. Под руку с весной приковывал голод. Запасы оленины пришли к концу; куропатки, дававшие зимнее пропитание, улетели дальше на север. И теперь девочки целыми днями ходили по лесу, собирали прошлогоднюю бруснику и клюкву, раскапывая их из-под снега.

Опять голод не давал Анне спать, но однажды ночью... Чувствует она, будто незримая паутинка на лицо ложится, тепло в сердце рождается, по телу расходится, и раздался спокойный, ласковый голос мужа.

– Не бойся меня, жена. Внимательно слушай. Не телом своим я к тебе пришел, а тенью. Тело в большом городе умирает, попрощаться зашел... Не бойся меня, единственная. Была ты хорошей женой, была ты хорошей матерью, да оставил я вас... Моя вина. На узелок судьбы твоей я, Анна, глянул, долгую жизнь ты проживешь. Многие раньше тебя из Среднего мира уйдут... Крепись, жена. Я ждать тебя буду, ждать...

Все слабее становится голос, затихает совсем... Уснула Анна.

Хорошо выспалась женщина в эту ночь, а утром развела третий поминальный костер. С удивлением глядят на нее дети.

– Сегодня отец ваш из нашего мира ушел, – объясняет Анна.

– Мамоchка, может, ошибаешься ты? – с испугом спрашивает Марья.

– Нет, доченька, нет, милая, ушел он. Знаю я.

...Костер горит, прошлое озаряет, прошлое оживляет. Едет молодая девушка с отцом и матерью в соседнее стойбище на праздник медведя. На двух нартах едут, второй упряжкой Анна правит.

Легко бегут олени по наезженной дороге, мерно колышутся нарты. Чистота. Простор. Мелькают в глазах Анны белые шубы спящих деревьев, голубое небо, желтое Солнце. Светло и свежо на сердце девушки.

Бегут, бегут олени по серебристому снегу, но вот уже кажется Анне, что вовсе не бегут они, а летят. Летят над дорогой. Летят над лесом. Сколько света! Сколько простора! И запела, запела Анна слова из песни о юноше-богатыре:

Острых деревьев
Верхушки только
Нарты огромной
Краешком только
Он задевал.
Так он мчался...

Летит девушка над лесом, песню поет. И льются из памяти легенды о прошлом края, зримо поднимаются из небытия сильные и ловкие богатыри, что жили на первозданной земле. И тянется душа Анны в то далекое время, мечтает она вровень с богатырями стать. Поет Анна.

Мерно цокают олени копыта, показывается стойбище, опускается Анна на землю. И вдруг... совсем иные чувства на девушку нахлынули. Неведомый ветерок грусти повеял, мягким волнением ее обволокло, сердце предчувствием заныло. «Что будет. Что?».

Подходит Анна к дому. Громко и сладко бьется сердце. И только открыла дверь, тут же погрузилась в ласковое сияние глаз незнакомого юноши. Один лишь раз встретились их взгляды, но будто огромное Солнце домик заполнило. Пылают щеки девушки, в жар бросает, тихо сидит она, ресницы поднять боится.

Грустной вернулась Анна домой. Все чувства ее, что вольно бродили, в жгучий комочек собрались. Печально что-то, страшно девушке. Дни сменяются ночами, но не уносят они девичьей грусти. Мать беду чувствует, на дочь сердиться начала.

– Женихи ей не нравились... Где это видано, чтобы девушка сама выбирала. Вон твои сестры давно детей нянчат, а ты усыхаешь, будто морошка перезрелая, перед людьми стыдно.

Так выговаривает Анне мать.

Молчит дочь, сказать нечего.

– Морошинка соком наливаются; чтобы во рту таять, людям, зверям радость приносить.

Так вторит матери бабушка. Молчит внучка, сказать нечего.

«Ну ладно, – думает она, – если кто еще посватает, пусть за муж отдают».

Не испросила ее судьба на этот раз. В ненастный, метельный день вихрем влетели в их стойбище нарты. Схватили, связали девушку ловкие руки и увезли из родительского дома.

Пылает костер, прошлое оживляет...

Вспоминает Анна свадебный обряд. А суженый ее – Тот самый юноша, что взглядом одним девичью душу растрожил. Сидит разнаряженная невеста рядом с женихом. Народу вокруг много. Как-то страшно девушке перед новой дорогой в ее жизни.

Карыс нумсанг ханьяхо – человек высоких мыслей – обряд вершит. Тайными словами да магическими кругами над головой свивает их в одно целое. Медленно двигается рука, усыпляя, успокаивая невесту. Хорошо и спокойно становится Анне.

И вот коснулась рука Ювана ее руки, и потекли, потекли в нее тепло, доброта, желанья... Заполняется Анна, ласкается Анна. Тает. Радует. Радует Солнцу. Радует жизни. А вокруг все озаряется сиянием любимого.

Горит костер; то там, то здесь бродит память Анны, и вновь вспоминает она молодость.

Возвращаются они с Юваном из соседнего стойбища. Лето. Поздний вечер. Перемешались на цветущей земле лунное сияние с белой ночью. Призрачно и светло вокруг. Сливаются в оплодотворенной природе тишина таинства рождения жизни с вечерним покоем. Ни звука вокруг. Легко шагают молодые меж белыми пышными шапками багульника, меж трогательными лепестками морошки.

Насквозь пронизана Анна мягким светом, до краев наполнена она трепетным чувством. Идет женщина осторожно-осторожно, чтобы тишину не нарушить, чтобы цветы не помять. За мужем след в след ступает. Не поднимает Анна глаз от земли, а все вокруг ощущает, чувствует.

Подшли они к озеру, что среди хрупких сосенок да громадных кочек спряталось.

Остановился Юван, остановилась Анна. Остановились оба, пораженные величественным зрелищем. Огромная луна поднималась над водной гладью, вечное светило мироздания залило озеро эфирным светом, проложило на его поверхности серебряную тропинку. И в этом эфирном, серебряном мире совсем близко от них красовалась белая лебедь

«Калтась ангки яманг хур, – матери неродившихся детей священный образ», – вспыхнуло в сознании Ювана.

«Калтась ангки яманг хур» – эхом повторило сердце женщины. «Нас ожидает отцовское счастье! Нас ожидает материнское счастье!» – в такт друг другу пульсировали их сердца. Молодые, сильные, очарованные чудным мгновением жизни, долго-долго стояли они, впитывая в себя эти краски, эти ощущения, эти чувства и посылая божественному Небу-отцу, священной Земле-

матери безмерную благодарность за свое счастье и желая такого же счастья всем-всем людям Земли.

Юван и Анна ожидали первенца.

...Горит, горит поминальный костер.

Глава 6

Весна и голод набирали силу, а надежда на то, что кто-то придет за ними, слабела.

Сегодня она проснулась от ужаса; тревога колотилась в сознание, перед глазами стоял сон.

«Из черной пучины вод во весь гигантский рост поднимается рыбина. У нее глубоко отпластан плавник. Из раны хлещет ярко-красная кровь. В этой рыбине все чувства человеческие. Она – человек. Она страдает. Мучительная боль поднимает ее из воды. Она ищет спасения. Но кругом мрак, сплошной мрак, только мрак. Нет спасения! Только боль...».

Проснулась Анна, небо чуть-чуть светилось. Рядом спали ее дети, и она опять, в который раз прислушалась ко сну каждого своего ребенка. Сегодня чье-то дыхание очередной бедой сверлило сердце, Анна села, обхватив колени руками и раскачиваясь из стороны в сторону, зашептала молитву. Затем, впервые не разжигая утреннего огня, погрузилась в думы. «Надо добыть пищу. Надо во что бы то ни стало добыть пищу».

Днем у Насты открылась рвота. Еще вчера девочка отказывалась от ягод. Она плакала и жалобно говорила:

– Наста мяса хочет, Наста рыбы хочет.

Сейчас желудочек у малышки был пустой, и ее рвало одной желчью. Анна пошла за своими последними запасами. Пока встречались белки, она охотилась на них и три тушки хранила для крайнего случая. Она долго смотрела на дно грузовых нарт, думала, затем взяла две белочки.

Много дней не кипел в чуме котел, сегодня голодные Петр с Настой следили за каждым движением матери. Дети не могли ждать, Петр ревел и тянул ручонки в кипящую воду, у Насты катились тихие слезы, она глотала слюну, ее рвало.

Анна опять тщательно делила пищу. Нужно накормить мальчиков и больную Насту. Старшим девочкам досталось по кро-

хотному кусочку мяса, себе Анна не позволила даже бульона выпить: сегодня она наливала в котел мало воды.

Наста с жадностью ела, но ее тут же снова рвало. Дочка плакала и опять просила есть. Еды не было. Анна заварила чагу, давала девочке пить, но от каждого глотка дочке было плохо. Мать перенесла Насту к костру, положила свое дитя на спину и, чтобы откатилась мучительная рвота, подставляла свои ладони к огню, молилась, клала нагретые руки на детский животик, поглаживая его. Тошнота у девочки проходила. Но стоила Анне отойти от девочки, та вновь корчилась в судорогах.

Наста просила кушать, и Анна отправила Марью за последней беличьей тушкой.

Наступила ночь. Наста страдала, у ее изголовья, впитывая боль малышки, плакала Вара.

– Доченька, милая, иди спать, я посижу, – просила мать.

– Не могу я без нее, не могу, – рыдала Вара. Наста просила и просила кушать. Анна смачивала ее губки бульоном, но даже от запаха пищи девочку стало рвать. К утру Наста начала метаться и кричать. Дети проснулись. Анна держала дочку на руках, разделала ее донага и тянула голенькое тельце к Тут-имие. На мгновение Наста успокаивалась, но тут же с очередным приливом судороги ее ротик заполнялся слизью, пеной. Дочка задыхалась.

Изо рта хлынула ярко-красная кровь. Девочка захлебывалась в крови, ее личико синело.

Наста истекла кровью. Ее мучения кончились.

На кладбище Анна пошла одна. Поклонившись на все четыре стороны света, попросив прощения у всех богов, она принялась рыть могилку для Насты. Тщательно исполняя похоронный обряд, она боялась, как бы Наста не пришла за Варой, не взяла ее с собой в Нижний мир: они в этом мире будто две жилки, в одну свитые.

Тщательно рисует Анна на детском гробике месяц, Солнце.

– Хорошо там Насте будет. И месяц она с собой берет, и Солнце она с собой берет.

Она обращалась к Варе, которая сидела, будто замороженная, с выражением ужаса на лице.

– Куколок много у Насты, там Татъе покажет, вместе играть будут, – продолжала мать, укладывая все необходимое для дальней дороги.

На могилке, в момент прощания с девочкой, Вара не сдержалась, стала плакать и кричать. Ее голос разлетелся во все стороны, бился о деревья, усиливался, возвращался назад. Заплакали и другие дети.

Анну охватил страх, над умершими нельзя плакать. Она прижала к себе головку Вары и стала шептать:

– Терпеть, доченька, надо, терпеть. Нельзя плакать, Насте уходить больно. Не о себе, о ней подумай.

Вара старалась сдерживать плач, глотала слезы, и ужас вновь напал на ее лицо. Казалось, девочку покидает разум.

Костер в этот раз был больше обычного. При возвращении домой Анна взяла самое большое, ярко горящее полено, положила поперек дороги с живой сосновой веточкой. Уходя, как можно строже, чтобы умершая не захотела вернуться за душами живых, сказала:

– Наста, оставайся, не ходи больше за нами!

Внимательно наблюдала мать, чтобы каждый из ее живых детей правильно переступил через живой огонь, зую веточку, тем самым отгородился от Нижнего мира, мира мертвых. Она не хотела больше терять детей.

Духи болезней поселились в их чуме. Необходимо было уходить с этого места. Сразу после похорон Анна и Марья стали разбирать жильё. Нагрузили три нарты. Анна пыталась тронуть их с места, но сил не было. И только когда к Анне впряглись и все дети, поклажа медленно поехала. Голодные, ослабшие, они тащили свои пожитки с этого проклятого места. С Анны лил пот, голова кружилась, к горлу подступала тошнота, руки и ноги дрожали. Но она тянула, тянула и тянула... Оттащив одни нарты, возвращалась за вторыми, за третьими... И вдруг в глазах Анны потемнело, деревья вокруг заплесали, она рухнула на землю.

Очнулась Анна от холода, от плача и от того, что кто-то царапал ее. Она открыла глаза, увидела заплаканную Марью. Стояла светлая ночь, горел огонь, в котле кипела вода.

Увидев, что Анна приходит в себя, Марья обняла ее, прижалась.

– Мамочка, мамочка, как ты меня напугала. Девочка помогла матери подняться, а потом отошла, села под дерево и горько заплакала.

Светили тусклые звезды, горел костер. Перед лицом Вселенной, на ладони Всеобщей Матери сидели голодные дети, рыдала девочка, и Земля, такая же беспомощная, как все, глотала и глотала слезы.

Перенесли жилище, но старания Анны оказались напрасными. Нарушен закон Жизни. Вара постоянно слышала голос и плач покойной. Наста звала сестру.

Боги не простили ее. Вару похоронили рядом с Настой.

Анну мучили кошмары, она почти не спала. Но только стоило закрыть глаза, тотчас к ней приходили муж, дети, прошлое, душили ужасы. Дети во снах замерзали, тонули, теряли руки, ноги, головы, рассыпались на части. Она их отогревала, спасала, собирала из кусочков.

Не сдавалась женщина.

Вслед за Варой занемогла Катерина.

Мать снова склонила голову. Смотрела на опухшее от голода лицо дочери и в ней поднималась ненависть, сжимались зубы и кулаки.

– Ненавижу! Ненавижу! – грозила женщина всему миру.

– Нет! Не отдам! Не отдам дочь! – обращалась она к Нижнему миру, готовая зубами, ногтями впиться в любую тварь, что повиснет над изголовьем дочери. Но твари не появлялись, и она в кровь искусала губы и сжатые кулаки.

Ненависть, отвращение к миру, отвергающему ее детей, однако рождали силы. Надо действовать.

– Доченька, только не уходи от нас. Я добуду, добуду пищу, – повторяла Анна.

Она взяла лук, стрелы, ушла в лес. В горле застрял огромный горячий ком. Равнодушный лес. Равнодушное небо. Равнодушное Солнце. Ком растет; давит, давит, рвет на части. Анна не может просто идти, она бежит...

«Поплакать, надо поплакать», – думает женщина. Не идут слезы. «Надо петь, петь!».

По лесу бежала страшная, черная женщина, с провалами вместо глаз, щек и хрипела:

Я – красавица
Дочь Максьюма из рода Похранг,
Горя не знала,
Жила.
Беды не знала,
Жила.
Сильнее сильного
Красивее красивого
Мужчина-богатырь
Меня сосватал.
В счастье и радости
Восемь птенцов в нашем гнезде
Вывели, вывели...
Но друга взяли
И увезли, увезли.
В гнездышке одиноком
Птенчиков
Уж не прибавится, не прибавится.
В гнездышке одиноком
Птенчиков
Лишь убавляется, убавляется
О! Боги священные!
Вы ль так решили,
Вы ли решили...
«А вы ли решили?» – думает Анна.

Вернулась женщина с добычей. Устала она. И тогда в лесу ее обостренный слух и обоняние одновременно уловили шум, движение и даже запах живого, Это был заяц. Не зря носилась возбужденная женщина за несчастным зверьком. – Появилась пища. Накормила Анна детей, прилегла рядом с Катериной, обняла ее и тотчас уснула. Снится мрачное, сырое жилище и... прилетают уродливые из пыли и праха скомканные чудовища. Они более омерзительны, чем опасны. Тычут корявыми пальцами в людей и считают, что те тоже из их рода-племени, забрать

их с собой хотят. Не боится Анна. Знает, что легко от чудовищ избавиться можно. Великая сила в простом слове человеческом, от него рассыпаются уродцы. Подходит Анна к каждому и повторяет слово: «Исчезни!». Исчезает чудовище. А в дверь ползет новая и новая мразь.

– Тогда растопыривает Анна все десять пальцев рук, направляет их в сторону страшилищ и говорит: «Все рассыпьтесь!» Все рассыпались.

Пыль, пыль вокруг. Широко распахивает женщина двери, а на Земле новый день рождается. Солнце, из-за зеленого леса поднимается.

Проснулась Анна. Рядом ровно дышит девочка. Спасла Анна Катерину, спасла, а там и еды стало вдоволь. Утки прилетели, рыба появилась. Уток навесами ловили, что девочки напелели, а для рыбы морду* сплели да речушку перегородили. Сытой стала жизнь, даже запасы на зиму готовить принялись.

Сытой стала жизнь, заскучали ее детки. Плохо человеку без людей, плохо деточкам без ровесников. И тогда начала Анна петь. Рыбу ловит – поет, варит – поет...

Поет Анна, и рушатся стенки ее жилища, входят в него века прошлые и века грядущие, идут сражения, кипят страсти, рождаются и умирают люди, поколения сменяются поколениями.

Поет Анна – и входят в ее дом веселье и задор, таинства и поучения. Верит, верит женщина: наступит пора, и ее выросшие сыновья обязательно исполнят предками завещанные ритуалы, придет на землю Казыма праздник.

Проходит лето. Поет Анна. Слушают ее трое детей, Петр ушел. Из сытой жизни ушел Петр. Красная-красная, ярко-красная морошка проглотила ребенка. Много ее в этом году уродилось. Не в меру наелись сынки недозрелой ягоды, вспучились их животики. Сражалась с болезнью женщина. Все свои силы, чувства, всю себя собрала на кончиках пальцев, которыми мяла и мяла животики.

Каждую морошку растирала, каждое зернышко растирала. Спасла Анна Степана, а для Петра сил не хватило.

* Морда – рыболовная снасть.

Поет Анна и думает: «Жизнь, что деревья на берегу речки таежной. Кто у обрыва очутился, в воду канет. И старые падают, и молодые, не разбирается река, не разбирается судьба...

Но речку... кто же ее бурные воды в ее тихое гнездышко повернул? Кто?».

Осенью, со снегом, в стойбище пришла радость. Приехала старшая сестра Анны с шестнадцатилетним сыном Сандром и слепым старцем Кузьмой. На трех нартах приехали, да еще олень на три упряжки. Муки, соли привезли.

Не узнавала Марфа горделивую красавицу Анну, перед ней стояла совершенно седая старуха. Целовались, обнимались и плакали сестры,

– В прошлом году вас искали, да весна ранняя наступила, реки вскрываться начали... – бормотала сквозь слезы Марфа.

– И нынче долго искали, хорошо, что старый Кузьма эти места знает, с нами поехал, а то неизвестно, нашли бы вас или нет.

– А Дарья, где Дарья?

Беда с Дарьей. С ума сошла. Совсем случайно между Вутвошем и Помутом ее нашли почти голую, пятки и пальцы из кисов торчат, сах в клочья изодран. Бежать от людей пыталась, проклятия изрыгает. Все одно и то же твердит, что людоедка Анна всех ее детей сожрала, что Торумлорский великан каждую ночь к ней приходит – жалуется, что чьи-то ноги его живое сердце топчут...

Детей ее долго искали, так и не нашли никого.

– Бедная, бедная женщина... – вздыхает Анна. – Большой волк за ними гнался. Наверное, на глазах матери птенчиков загрызал.

– Бедная, бедная... – вздыхает Марфа.

– А про Торумлорского великана она слышала, когда мы еще в тундре кочевали. Священный остров, что посреди озера Торумлор находится, как сердце великана почитается, испокон веков женская нога туда не ступала. А в ту весну приехали к ним начальники, народ собрать просили, хорошо говорить думали. Да пошла их женщина на священный остров, ружьем там размахивала, ругалась. Кто такое поганство допустит, убили женщину... Так и развязался узел большой беды...

Уезжали на пяти упряжках. В прошлое уходила грозовая полоса жизни Анны.

Бегут, бегут деревья назад, к оставленной стоянке, и слезы утраты заливают лицо женщины. Видит Анна живых своих деток, и слезы счастья льются из ее глаз. Гордость охватывает, что сохранила, что все-таки сохранила она троих.

Сегодня она уходит в Нижний мир. Сорок зим без него прожила. Сорок лет без него прожила в Среднем мире. Спокойно Анне.

Вопросы и задания

1. Составьте характеристику главной героини повести Т. А. Молдановой «"Средний мир" Анны из Маланга».

2. Какие события региональной истории изменили жизнь главной героини повести Т. А. Молдановой? Иллюстрируйте свой ответ цитатами из текста.

3. Какую роль сыграл в повести Т. А. Молдановой «"Средний мир" Анны из Маланга» волк? Можно ли считать волка аллегорическим символом советской власти? Аргументируйте свою точку зрения.

4. С чем сравнивается беда, пришедшая на священную землю предков в повести Т. А. Молдановой? Обоснуйте свой ответ.

5. Можно ли считать ключевым для понимания идеи произведения название повести Т. А. Молдановой «"Средний мир" Анны из Маланга»? Аргументируйте свою точку зрения.

6. Можно ли считать дорогу и очаг символами в произведении. Ответ обоснуйте.

7. Какие обряды встречаются в повести Т. А. Молдановой? Иллюстрируйте свой ответ цитатами из текста.

8. Какую роль играет повтор начала и конца в повести Т. А. Молдановой?

9. Какую разновидность песенного жанра вводит Т. А. Молданова в повесть?

10. С какими мифическими существами сравнивает Анна волка в повести Т. А. Молдановой?

11. Какую роль играют сны героини в повести Т. А. Молдановой? Можно ли считать их пророческими?
12. Рассмотрите особенности категории времени и пространства в повести Т. А. Молдановой «"Средний мир" Анны из Маланга».
13. Какое чувство помогло героине победить боль, смерть в повести Т. А. Молдановой? Аргументируйте свою точку зрения.
14. Какие элементы духовной культуры хантыйского народа встречаются в повести Т. А. Молдановой?
15. Выпишите из текста повести этнографизмы и составьте их классификацию.
16. Напишите сочинение на тему «Судьба женщины в повестях Т. А. Молдановой».

ТИМОФЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МОЛДАНОВ

МОЕ ПЕРВОЕ СЛОВО

Первое слово свое я скажу,
Первое слово свое напишу
Для хантыйских людей хороших
О народе хантыйском родном.
Лишь для этого песни слагаю
Лишь для этого песни пою.
У тундровой речки
Истоки узкие,
Первое слово
Оно маленькое
Как речка водой наполняется
Да широко разливается
Так и слово к слову нанизывается
Большим разговором становится.
Вот, видимо, и мне
Слова собирать предназначено
Чтоб Богом данная хантыйская речь
Дальше продолжилась.
Хантыйские люди слово
Умеют прекрасно сказать
Хантыйские люди слово
Умеют ветвисто сказать.
Вот такая вот речь
Вот такое вот слово
Рекою свободной
Тундровой
Дальше должна течь.
Есть слова, что с богами нас связывают
Есть слова к божествам зывающие
Эти молитвенные фразы
Неделимы как камень
Тверды как камень

И пусть они льнут к тебе.
Драгоценную россыпь такую
Бережно ты храни.
Средь слов живут разные слова
Прекрасные слова живут,
Священные слова живут
В ушедшей жизни
Существовавшие,
В дальнейшей жизни
Надобные,
Многие хорошие слова.
Они имеются.
Мы имеем.
Средь слов живут разные слова,
Дурного человека слово, тоже слово
Проклятье посылают словом,
Беды насылают словом.
Как меткая стрела
Слово действует.
С одного слова
Война начинается,
А вот с другого слова
Вражда кончается.
Средь слов живут разные слова,
Многими словами мы пользуемся.
Лучшие слова хантыйских людей,
Гордые слова хантыйских людей,
Они и в будущем нам нужны
Они и в будущем жить должны.
(перевод Т. А. Молдановой)

ГОРОД МЕЖДУ ДВУМЯ РЕКАМИ

В Ханты-Мансийске ты живешь
Возле Иртыша рыбного, обильного,
Где острое лезвие семи холмов,
Где острое лезвие шести холмов
Рассекает реку надвое.

В те далекие времена,
Что в сказках остались.
В те далекие времена
Что в песнях остались,
Помни, здесь жили тоже.
Весенней белкой дань принимающий,
Великий царь,
Осенней белкой дань принимающий,
Великий царь,
Помни, здесь жил тоже.
С семи углов земли нашей,
С шести углов земли нашей,
Мимо священной земли этой
Гостевые пути проходили.
Мимо священной земли этой
Тропы военные пролегали.
Ты сегодня живешь, но
Помни, здесь жили тоже.
С семи сторон земли нашей,
С шести сторон земли нашей,
Сегодняшние многие сыновья
Теми, жившими, сюда созываются
Жертвенные блюда, жертвенные чаши
Серебро подающей рукой,
Золото подающей рукой
Своим могучим духам-предкам
Как в прежние времена, они ставят.
Помни, здесь жили тоже.
(перевод Т. А. Молдановой)

МОЕЙ ТЕТЕ МАРИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Возле речки тундровой,
У устья, где волны трех Куръёхов сливаются,
Она, богиня-най* глаза открыла
Она, девочка-най на свет появилась.

* Най – божество женского рода.

Мать, что из крепкого рода Вошан,
В ней женскую нежность, люльку качая, пестовала,
В ней, человеческую силу, люлькукачая, возвращивала.
Многочисленные березы родного Курьёха,
С серебрянными ветвями многочисленные березы
В растущую девочку мысли свои вплетали.
В мудрость набирающую девочку, мысли свои вкладывали
Многочисленные березы Курьёха
Мысли вплетали в неё, вплетали.
В лед, укутанная тундра,
В снег, укутанная тундра
Необозримая тундра, что возле речки Хетта
Девочку тоже лелеяла.
Сердце юное теплом наполняла,
Душу юную теплом наделяла,
И тепло то безмерное, она по жизни несет.
Веру в жизнь потерявшим многим девочкам,
Веру в жизнь потерявшим многим мальчикам,
Она раздаёт то тепло, раздает.
Вот сегодня она
Над буднями жизни поднявшись,
Хантыйского языка живой поток
На изначальную бумагу народа хантыйского
С помощью ветвистых узоров-знаков
Она наносит, наносит.
Возвышающие многие слова
Поднимающие многие рассказы
На бумагу кладет
В орнамент из букв свивает.
С запутавшимися мыслями
Многие мальчики,
С запутавшимися мыслями
Многие девочки
К ней сегодня идут.
Мысли свои распутать,
Жизни свои выпрямить.
Ведь сегодня она
После Матери своей хорошей.

Город на себе удерживающим, могучим корневищем,
Стойбище на себе удерживающим, могучим корневищем,
Старшая в роду осталась.
Богиней най восседающая,
Внуками себя называющим, многим юношам
Внучками себя называющим, многим девушкам
Для каждого из них слово находит
Для каждого из них ласку находит.

(перевод Т. А. Молдановой)

МУЖЧИНА ЮНЬСКА

На берегу реки,
С названием Хаюп шоп санхум
Маленький поселок стоит.
Возле обильной речки стоит.
Ребенок там рос.
Если дожди лили,
На него лили,
Если снега падали,
На него падали.
Ведь, после многих хороших людей
Он остался.
Из глаз текущие слезы
Лишь ветер ему вытирал
Так он рос,
Так он окреп.
Русских людей многие узоры,
На узорный этот след
Он первый встал.
Где хантыйский человек не ходил,
По целине той,
Где хантыйский человек не шагал,
По глубокому снегу тому
Он первый пошёл,
Он первый дорогу торил.
Кельщюганского мужчины широкая тропа
Юиельского мужчины, широкая дорога

За ним идущие деточки,
За ним идущие ребята,
Этот след видят, по готовой тропе идут.
Мы помним, что нам ты сказал,
Мы помним, что нам ты писал.
Те слова, что сказать не успеешь
Обещаем, что скажем
Те дела, что свершить не успеешь
Обещаем, доделаем.

(перевод Т. А. Молдановой)

ПОЧЕМУ Я В БОЛЬШОЙ ГОРОД ПЕРЕЕХАЛ

(шуточная песня)

В большой город я поехал,
В большой поселок я поехал.
Свою маленькую деревушку
С названием Хагоп шоп санхум
Я оставил,
Да, я оставил.
Мимо проезжавшие мужчины,
О том мне рассказывали,
О том мне поведали.
Возле Иртыша большой город
Город там есть,
Глазами подмигивающие женщины,
Женщины есть.
С красиво изогнутыми рогами,
Шестьдесят оленей
Я их покинул.
С красными хвостами
Маленьких белок,
Я их покинул.
Длинношеих весенних уток
Зачем добывать.
Крепкоголовых больших щук
Зачем добывать.
«Юбилейной» названная курья

Что не имеет?
Всё имеет.
Ханты-мансийские мужчины
Для меня добывают,
Для меня ловят.
Твердоголовых больших осетров
Для меня ловят,
Красноспинных больших нельм
Для меня ловят.
С заграничной хорошей стороны
Что не привозят.
Со всех земель еду
Еду привозят.
Со всех краев вещи
Вещи привозят.
Из твердого стекла, большой магазин,
Туда я иду.
Высотой с меня, большую бутылку,
Разве я не куплю?
Бутылку распить хорошего друга
Теперь я ищу.
Стопку выпить хорошего друга
Теперь я ищу.
Хвостами крутящие женщины,
Навстречу идут
Хвостами вертящие женщины.
Навстречу идут.
Ну что, ну что.
Ну что мы будем делать.
Высотой с меня большую бутылку
Вместе выпьем.
Многими людьми, посещаемая площадь,
Многими поколениями, посещаемая площадь.
Там глиняный идол стоит,
Там каменный дух стоит,
Туда пойдем.
С зелёным лицом большую бутылку
Ему посвятим.

С зелёным лицом большую бутылку
Там мы выпьем.
А на улицу лишь только выскочим,
Рука об руку закручивается,
Так бежим.
Нога о ногу спотыкается
Так бежим.
С Ханты-Мансийскими женщинами
Вот я мужчина приплясываю.
С Ханты-Мансийскими многими женщинами
Вот я мужчина покручиваюсь.
Вот поэтому, вот поэтому
В большой город приехал.
Вот поэтому, вот поэтому
Здесь я остался.

(перевод Т. А. Молдановой)

РАЗНЫХ ЗЕМЕЛЬ, РАЗНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

(шуточная песня)

С устья Оби, с устья,
К истокам Оби, к истокам,
Я плыву.
Стройный мужчина гребу,
Статный мужчина гребу.
Плыву я, плыву,
Вижу.
К берегу реки, к берегу,
Тундра необъятная
Прикасается.
Там причалил.
В середине тундры,
Посреди неё
Женщина одна-одинёшенька
Живет она.
Ростиком-то она махонькая,
Шириной она справненькая.
Северный ветер ударит,

Над ней пронесется.
Южный ветер подует,
Её обойдёт.
Вот такую вот
Женщину
Видел я.
Обь она длинная,
Обь она долгая
Дальше еду.
К середине Оби, к середине
Я приплыл.
Огромная лодка,
Большая лодка
Навстречу движется.
В середине лодки,
Посреди неё
Женщина сидит,
Посиживает.
Широкая как Обь она,
Полная как Обь она
И высокая.
Во-от такая вот
Посиживает.
Я задумался, призадумался.
Ну, наверное, наверное,
В жёны возьму.
Я задумался, призадумался
Ну как же быть?
Ведь такая она
В двери мои
Не протиснется.
Ведь такая она
В сердце моём
Не поместится.
Да-а,
Вторую женщину
Видел я.
К вершине Оби, к вершине

Я плыву.
В Обь великую
Речка вливается
К истокам реки, к истокам,
Я плыву.
В деревьях больших
Густой лес
Там причалил.
Что же я увидел,
Увидел?
В зарослях сплошных
Пробираются,
Промеж бурелома
Просачиваются
Как тростиночки, тростиночки
Тоненькие,
Как травиночка, травиночка
Узенькие
Женщины, женщины многие.
Мне одну бы, одну
Приобнять, приобнять
Да сердечко мое что-то
Вздогнуло,
Ведь такая, такая
Тонюсенькая
Ненароком еще переломится.
Да, таких вот таких
Женщин видел.
К устью реки,
В сторону устья
Опять поплыл.
Многие земли я
Много прошёл, В жёны годную
Не нашел.
После этого,
На Иртыш приплыл.
В середине города,
Посреди него

Меж женщин многих
Женщину вижу.
И примериваюсь
И присматриваюсь.
Неужели, неужели
Мне под стать нашёл?
Вот так, вот так
Жену я нашёл.
Вот так, вот так
Подругу нашёл.
А теперь, вот теперь
В городе живу.
Я женщин знающий,
Я женщин видевший
Дома с подругой, с подругой
Сижу.
Дома с парой, с парой
Сижу.
Я женщин знающий,
Толк понимающий
На просторах города,
На просторах,
С подругой, подругой
Вышагиваю.
С ровней, ровней
Вышагиваю.

(перевод Т. А. Молдановой)

МАНСИЙСКИЕ ДЕВУШКИ

На утреннюю зарю похожие девушки.
На весенний кустарник похожие девушки,
Возле Иртыша живущие мансийские девушки,
Вот они выходят.
Возле Иртыша живущие мансийские девушки,
Вот они показываются.
На весеннюю березку похожие девушки,
Живут они.

На весеннюю рябинку похожие девушки
Живут они.
Если Солнце выглянет
Для них оно светит.
Если Месяц выглянет
Для них он светит.
Ханты-Мансийские хорошие девушки,
В светлом городе своём
Если они выходят,
Если они идут,
За зиму намерзший, мёрзлый лёд
Начинает таять
За зиму наметённые, огромные сугробы
Начинают таять
И я также, я также
Сердце мое тает,
Душа моя тает.
Если на просторные улицы,
На многие улицы
Они выходят,
С сосновую шишку
Моё маленькое сердце
Снаружи трепещется.
С сосновую шишку
Моё маленькое сердце
Снаружи колыхается.
Правду, правду говорю,
Верно, верно я пою.
Солнца лучей достойные
Красивые девушки,
Месяца лучей достойные,
Красивые девушки.
Есть они, есть.
Прекрасные девушки, с красой своей
Вот они вышагивают.
Прекрасные девушки, с красой своей
Вот они поворачиваются.

(перевод Т. А. Молдановой)

ДЕВУШКИ С КОСАМИ

В просторный Салехард, в просторный город
Я приехал.
Божественной местности мыс, священный мыс
Туда обратился, задумался.
Так стою,
Вдруг слышу где-то
Девичьих кос, их украшений
мелодичный звук
Женских кос, их украшений,
ударяющихся льдинок звук
Я слышу.
Со стриженной головой Казымский мужчина
В душе моей, внутри меня
Священные слова
Вдруг всколыхнулись.
Глаза я открыл,
Что я увидел,
Чем поражен.
Шумящими железными подвесками, украшенные косы,
Это многие наи¹ идут.
Звонкими бубенчиками украшенные косы
Это многие наи шагают.
Наи выплывают
Они выплывают,
Божественный туман меня окутал,
Священный туман меня окутал,
В тумане я растворился.
С березовую почку моё маленькое сердце,
Хантыйского мужчины маленькое сердце
Вверх за светлые облака
Выпрыгнуло,
Вверх, за светлые облака
Вылетело.

(перевод Т. А. Молдановой)

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО БЕРЕЗА

Посреди безлесой тундры.
Посреди необъятной тундры
Одинокое древо береза стоит.
Северный ветер хлещет его,
И южный ветер колотит его,
Без отца и без матери
Одинокое древо.
В отметилах тело его
В рубцах все тело его.
Посреди безтравных просторов,
Посреди необозримых просторов.
За землю то древо вцепилось,
По тундре корнями ползет...
Одинокое древо береза растет,
Метель разыгралась, стегает его,
Пурга расшалилась, ломает его.
Божественные многие звери,
Поднебесные многие создания
Все они, все они парой.
Лишь среди тундры безлесой
Одинокое древо стоит.
Тянется, тянется древо,
Но в жизни своей
Не станет высоким оно
Никогда.
Тянется, тянется древо,
Но в жизни своей
Не узреет высот
Никогда.
Без отца и без матери
Одинокое древо.

(перевод Т. А. Молдановой)

В БЕРЁЗОВО

В берёзах утопающий, рукодельный город,
В серебряных деревьях утопающий,
рукодельный город.
Со всех уголков земли хантыйской
Мы здесь собрались.
В глубокой древности сотворенные изделия,
Многими поколениями воссоздаваемые изделия,
И мы за ними сидим.
С земли соболиных коленей приехали,
Божественноволосые многие женщины,
Серебряноволосые многие женщины.
В будущую жизнь шагающим девушкам,
В будущую жизнь идущим юношам,
Узорных стежков различные таинства,
Узорчатых изделий разнообразные таинства,
Они показывают, они рассказывают.
Божественноволосые многие женщины,
Серебряноволосые многие женщины,
Песни свои оставить приехали,
Сказки свои поведать приехали.
Красной лиственничной коре подобному
Великому Духу Берёзово,
Красной лиственничной коре подобному
Великому Вэрту Берёзово,
С душой благодарной, с душой признательной,
За прошедшую жизнь народа хантыйского,
Дымящие чаши, жертвенные чаши
Они поставить приехали.
Божественноволосые многие женщины,
Серебряноволосые многие женщины,
С душой верующей, с душой надеющейся,
За будущую жизнь народа хантыйского
Дымящие чаши, жертвенные чаши они ставят.

(перевод Т. А. Молдановой)

ИМЕНА ПОТЕРЯВШИЕ ЗЕМЛИ

В бору возле речки Хетта,
По длинному бору всему,
Зелеными травами скрытые,
Высокими кустами заросшие
Останки от многих домов.
В них жили хантыйские люди
И детство моё там прошло.
Вот это вот место было
Под именем Хар сурт корт вул.
Вот это вот место было
Под именем Тозин корт вул.
Где Хетта река протекает,
Всё с именем жило тогда.
В ушедшую бытность все знали
Здесь Амали ставил запор.
В ушедшую бытность все знали
Никиты здесь рыбный залив
Так речка вся имя имела.
Вновь прибывающим людям,
Вновь приезжающим людям,
Что земли те могут поведать
Что земли те могут сказать
Мы, знавшие все, разъехались
Мы, знавшие всё, ушли.
Так земель имена потерялись
Так вод имена утекли.

(перевод Т. А. Молдановой)

КУРЬЁХСКИЕ БОРА

Возле Среднего Курьёха бора,
Где многочисленные мужчины ходили,
Где многочисленные мужчины шагали,
Возле Среднего Курьёха семь боров,
Где белки скачут, семь боров.
Вот многими людьми исхоженных троп начало,
Зтесы, что к ним вели,
Давно не видны.
Вот многими людьми исхоженные дороги,
Пути по которым ходили,
Давно заросли.
Землёй засыпанные многие дома,
Я их видел.
На землю павшие многие лабазы,
Я их видел.
Умирающие, они всё еще
Пытаются спрятать,
Дыхание теряющие, они всё ещё
Пытаются укрыть,
Когда-то богам принесённые одеяния,
Когда-то богам вознесённые дары.
Да, такие вот дни были,
От глаз чуждых скрытые,
От людей чуждых скрытые,
Хантыйских девочек время жизни,
Хантыйских мальчиков время жизни.
Для наших сердец хороший день,
Для наших душ счастливый день
Где мы теперь возьмём.
Многочисленными предками хранимые,
Многочисленными предками оберегаемые,
Те божественные высокие слова
Те священные высокие слова
Где мы теперь найдём.

(перевод Т. А. Молдановой)

НЕНЕЦКАЯ ЖЕНЩИНА*

Разнообразные открытые пространства,
Многие тундровые пространства
Позади остались.
Так долго мчался.
И вот приехал,
В необозримую сплошную тундру,
В лед одетую необъятную тундру.
Посреди ледяной тундры,
Посреди снежной тундры,
Ненецких людей, ненецкий чум.
Во внутрь его
Я вхожу.
Вот гостям отведённое, почетное место,
Там, разморившись, сажу.
Ненецкие люди слово взяли
О том, как стадо сюда вели.
Меж разговоров таких приятных
Я задремал...
А может и правда то дело было.
Ненецкая женщина...
Она в почётном углу
Деревянного дома сидит
Слова говорит:
«Деточки, деточки,
С северного моря-океана,
С далекой Обской губы,
В старинные времена,
Что в сказках остались
Я стада приводила
На земли казымские.
Века пролетели,
Года пролетели,
С вытянутый хорей* шириной,

* Ненецкая женщина – один из эпитетов духа-охранителя р.Казым.

С хорей шириной,
Просторная дорога моя
Ягелем давно поросла.
И вижу я
Иные сыночки мои,
По рекам живущие,
Многие птенчики мои
В нарту запрещь оленей-быков,
В упряжку запрещь оленей-быков
Уже не имеют.
Девочек жалеющую, жалеющую мысль,
Мальчиков жалеющую, жалеющую мысль,
Только что из себя выплеснула.
Тысячное стадо к вам повела,
Сотенное стадо к вам повела...»
Слова тут умолкли,
Закончилась речь.
Глаза открываю.
Все в чуме, как прежде,
Ненецкие люди спокойно сидят
И я среди них, приехавший гость.
Неспешный меж всеми идёт разговор
Какие где вести и новости,
Какое бы слово они не сказали
Всё сердце ласкает.
Какое бы слово они не сказали
Всё олень да олень.
Так о быте прослышал,
Так быт их узнал.
А днём я увидел их жизнь.
Лишь утренний свет
Вновь рождается надумает
Ненец-мужчина уж в нарту садится.
Да, всё еще в нарту.
Четыре красавца

* Хорей – шест для управления ездовыми оленями.

Четыре оленя-быка
Весь день неразлучно с ним в тундре.
Зимняя ночь
Она быстро приходит,
Нас в чум загоняет.
Сидим мы.
Тут ненцы друзья говорят:
«Хантыйские люди
А что, если песню из вас мы
Одну зачерпнём...»
Мужчина из рода Харсурт
Улыбаясь ответил:
«Если песня нужна
То куда ж она денется...»
Вот с уст его льются слова
И странно, что пел он о том же
О том, что я видел вчера.
«С северного моря-океана
С далекой Обской губы
Богиня великая Пупи сязи*
Стадо своё ведёт...»
И подумалось мне:
«Вряд ли спал я тогда
И мне не почудилось вовсе
Правда то, что я видел Ее.
Правда то, что я слышал Её».
Песни мотив не смолкает.
Голос приятно звучит.
Под ритмы мелодии этой
Опять я не там и не тут.
Вновь слышу дыхание стада,
Первичного стада земли.
Ведомый великою волей
Табун тот к Казыму идёт.
И подумалось мне
О, Земля,

* Пупи сязи – один из эпитетов духа-охранителя р.Казым.

На коленях меня взрастившая,
Где же начало твоего начала
Где же края твоего край?
О, Богиня великая!
По земле зарождавшейся,
Земли духом могучим пронизывая,
Ты когда-то сюда шла,
Со стадами сюда шла.
О. Богиня казымская!
В Куновате твой сын восседает
Ты там его богом оставила
Значит это твоя земля?
О, Богиня ненецкая!
У северного моря-океана,
У далекой Обской губы
Безрукий лолы, безногий лолы,*
Твой ненец-муж восседает.
Начало имеющей земли начало,
Край имеющей земли край
Не там ли начинается?
По всем водам хантыйским звучащее,
По всем землям хантыйским звучащее,
Имя твоё
Священный камень у порога, великий най.**
С одного края земли твоей,
В другой край земли твоей
Стада ведомого, благостные звуки,
Стада идущего радостные звуки,
В верховья имеющей реки,
В верховья его направляется.
О, Богиня великая!
Для деточек своих,
Для тех у кого тела стынут,

* Безрукий лолы, безногий лолы – эпитет духа-охранителя низовий Оби, мужа Казымской богини.

** Священный камень у порога великая най – один из эпитетов духа-охранителя р. Казым.

Для тех у кого сердца просят,^{*}
Как в те времена, что в сказках остались,
Благополучие оленье ты привела,
Богатство оленье ты принесла.
По рекам живущим многим сыночкам,
В тундровый Курьёх хороший
Друг за другом нанизанных оленей,
Стадо ты привела.
Зверя раздающей хорошей рукой,^{**}
Ты здесь оленей раздала.
В березовой роще священной
Всё ещё слышатся
Идущего стада звуки,
Бегущего стада звуки.
В березовой роще священной
Всё еще слышится,
Важенка^{***} хоркает, оленёнка зовёт
Оленёнок хоркает, мать зовёт.
Да, видимо, правда те звуки я слышал
Видимо, правда Земля оживёт!

(перевод Т. А. Молдановой)

* Сердца просят – Хантыйское выражение, означающее голод.

** Зверя раздающей хорошей рукой – выражение, означающее, что души-охранители раздают охотничью и иную удачу.

*** Важенка – самка оленя.

Вопросы и задания

1. Определите основные мотивы творчества Т. А. Молданова.
2. Какой жанр доминирует в поэтическом наследии Т. А. Молданова? Аргументируйте свой ответ.
3. Охарактеризуйте женский образ, созданный Т. А. Молдановым в произведениях?
4. Сравните образ березы, созданный Т. А. Молдановым, с образом березы, созданным М.К. Вагатовой и Р. П. Ругиным. Чем отличаются эти образы и в чем их сходство? Обоснуйте свою точку зрения.
5. Составьте систему художественных средств, используемых Т. А. Молдановым в своем творчестве.
6. Можно ли утверждать, что в творчестве Т. А. Молданова наблюдается противопоставление прошлого и настоящего? Докажите свою точку зрения.
7. Согласны ли вы с мнением Т. А. Молдановой, что в творчестве Т. А. Молданова сохранилась «<...> верность традиционному пути хантыйского стихосложения <...>, в котором важны особый ритм и наличие параллелизмов»? Аргументируйте свою точку зрения.

Литература

1. Молданов, Т. А. Олан ясном – Ханты-Мансийск: ИИЦ администрации округа [Текст] / Т. А. Молданов. – 1997. – 81 с.
2. Молданова, Т. А. «Средний мир» Анны из Маланга [Текст] // Северная книга: краеведческий и литературно-публицистический сборник / Т. А. Молданова. – Томск : Красное знамя, 1993. – С. 61–91.
3. Молданова, Т. А. Касания Цивилизации [Текст] // Эринтур: Альманах писателей Югры / Т. А. Молданова. – Ханты-Мансийск : Эринтур, 1998. – Вып. 3. – С. 135–171.
4. Ругин, Р. П. Сорок Северных Ветров: Повести [Текст] / Р. П. Ругин. – Т. 1. – Екатеринбург : Средне-Уральское книжное издательство, 1996. – 480 с.
5. Ругин, Р. П. Волшебная земля: Легенды, сказки, повести, рассказы [Текст] / Р. П. Ругин. – Т. 3. – Екатеринбург : Средне-Уральское книжное издательство, 1997. – 432 с.
6. Ругин, Р. П. Избранное: Повести [Текст] / Р. П. Ругин. – Екатеринбург : Средне-Уральское книжное издательство, 2001. – 560 с.

Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок

ХАНТЫЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебная хрестоматия

Часть III

Составитель Косинцева Е.В.

Редактор, корректор Шарова П.С.
Верстка Семенов И. С.
Дизайн обложки Матвеева Н.

Подписано в печать 25.12.2010
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 22,6. Тираж 300 экз. Заказ № 154.

Отпечатано в Информационно-издательском центре
Югорского государственного университета,
628012, Ханты-Мансийский автономный округ,
г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16